

**НЕМЕЦКИЙ
МИР
РОССИИ
(Уральский путь)
7 том**

**г. ЧЕЛЯБИНСК
2015**

Немецкий культурный центр (1989 — 2014)

25 лет

Библиотека Ассоциации национально-культурных объединений
«Ассамблея народов Челябинской области»

Об авторе-составителе: Нахтигаль Александр Яковлевич в 1985 года стал членом инициативной группы, которая организовала в 1989 году Немецкий культурный центр. Член правления с основания культурного центра и более 15 лет председатель правления. С этого же времени стал активным участником общественного движения советских (российских) немцев. Был членом областного оргкомитета по выборам делегатов I Съезда немцев СССР, делегатом III Съезда, членом последнего состава Совета немцев СССР. Активно включился в процесс объединения национальных объединений Челябинской области.

Немецкий культурный центр стал одним из пяти организаций-учредителей Ассоциации национально-культурных объединений «Ассамблея народов Челябинской области». В период с 2000 по 2004 был председателем Совета Ассамблеи, когда число членов ассоциации достигло 17 областных национальных организаций. Сейчас Александр Яковлевич является заместителем председателя Совета АНКО «Ассамблея народов Челябинской области», членом Совета по межнациональным отношениям Законодательного собрания, членом Совета Форума народов Челябинской области и член Координационного совета при администрации Челябинска. (nacht57@mail.ru)

СОДЕРЖАНИЕ

Помнить, чтобы не повторилось	5
Александр Нахтигаль. «Юбилей, который никто не заметил»	8
Далхат Эдиев. «Демографические потери депортированных народов СССР»	14
Ольга Гришина (Гайбель). «70 лет депортации: ожидания и реальность»	21
Виктор Кригер. «Немцы СССР как заложники культа «Великой Отечественной войны»	22
На службе у соплеменников	24
Александр Приб. «Пепел их сердец стучит в наши сердца»	24
Александр Нахтигаль. «Срок наказания: бессрочно»	32
Александр Фитц. «Война против российских немцев продолжается»	34
Александр Нахтигаль. «Ученые: путь к свету или во тьму»	47
Александр Нахтигаль. «Что же сделали с нашим народом?»	52
Александр Нахтигаль. «В глубокой обороне»	60
Александр Нахтигаль. «Реабилитация: политический фарс, или Восстановление исторической справедливости?»	67
Артур Шагинян. «Наша общая беда»	74
Наталья Багрецова. «Как боролись с Ричардом»	79
Павел Полян. «Увековечение памяти о депортированных – дело рук самих депортированных»	81
Послесловие	85
Будущее народа в его руках	87
Мария Мнякина. «День Победы...»	89
Aufsatz zum Thema «Der Beitrag unseres Volkes im Sieg über den Faschismus».	91
Алла Лосина. «Я обязательно вернусь!»	93
«Wir sind Russlanddeutsche, wir leben in Russland»	94
Ксения Черникова. «Немецкая предприимчивость»	96
«Эдельвейс»	97
След на земле.	97
Е. Миллер. «Достойно прошли вы по жизни...»	99
Штальбаум София. «...Я никогда не видела своего деда»	100
Наталья Швабауэр. «Пятая графа»	101
Пусть останется память	104
Ich bin Russlanddeutscher, ich lebe in Russland	111
Марина Шнайдер. «Рассказ о моей семье»	113
Mantyk Vladimir. «Meine Vorfahren Mantei + Kellert».	115
Mantyk Vladimir. «Meine Vorfahren Mantei + Kellert (Übersetzung)»	115
Э.Г. Полле. «Папа»	116
Дети разных народов	119
Лариса Вайцель. «Колесо репрессий по семье Вайцель»	120
История русской немки, которая спасала свою любовь	122
Полина Эйдмиллер. «Моя главная задача»	124
Лариса Снежинская-Белова. «Приветствую односельчан»	126
Русские немцы в городе Братске	127
Владимир Караковский. «История моей семьи в годы Великой Отечественной войны»	133
Наталья Иваненко. «Тебя я в жизни не видела»	135
Память народа. По лабиринтам интернета	137
Сколько в Вас немецкой крови?	139
Наталья Гусева-Шмидт. «Как я пыталась увековечить память моего отца»	140
Ольга Соловьева. «Свои – чужие»	141
Поиск родных	148
Андрей Шахнов. «История моей семьи»	148
М. Завадская. «Что я помню о своем детстве?»	154
Тамара Маняхина. «Письмо из прошлого»	156
Анна Шаф. «Если оглянусь»	158
Крик души	161

Марта Моисеева. «Дорогами памяти»	162
Галина Ульянова. «Российские немцы: историческая память как зеркало этнического идентитета	164
Miller. Ответить	180
Даниил Пашов. «Судьбы моих предков»	180
Нелли Третьякова. 1. Память жива	188
2. Из истории семьи Альбрандт	190
Форум «Память сердца»	192
Вместо заключения	196
Благодарность	198
Приложение.	199

Памяти родителей,
Фриды Андреевны и Якова Яковлевича
Нахтигаль, посвящается.
Они любили жизнь и друг друга.

**ПОМНИТЬ,
ЧТОБЫ
НЕ ПОВТОРИЛОСЬ**

С таким акцентом необычным,
С такой печальной судьбой
Старик в толпе русскоязычной
Страшился быть самим собой.

А я боюсь его окликнуть
И соплеменником назвать,
Я тенью рядом с ним застыну
И буду стыд и страх скрывать.

Как научиться мне молиться,
Чтоб успокоиться на миг.
К каким богам мне обратиться,
Коль чужд мне мой родной язык?

Клубятся тучи в небе тусклом,
Сгоревших жизней это дым.
И в храме русском я на русском
Молитву шлю богам своим.

Владимир Штел

Как современному человеку относится к прошлому? Одних оно не беспокоит, другие хотят знать только то, что хотят знать. Третьи - знать все, что было и на этой основе сделать для себя выводы. И все эти позиции имеют право на существование. Как мы понимаем, действительность или история бывают приятными, а бывают и не очень. Как быть, если в период очень ответственный для нашей страны происходили не только очень высокие, благородные события, но и низкие, противозаконные.

Как в голове нашего человека это должно выстраиваться? Как надо сделать правильный, исторически выверенный вывод, который бы не ущемлял наши патриотические чувства. В первую очередь это относится к Великой Отечественной войне.

Как быть? Нам часто представляют то время так: все как один объединились вокруг руководства СССР, бросились на врага и уничтожили его в своем логове. Кого-то это устраивает. Особенно властные структуры, которые считают, что лакированное прошлое может принести пользу будущим поколениям. Но народ то знает, что в действительности история Великой Отечественной войны такой не была.

Трагедия народов СССР в годы Великой Отечественной войны очень глубока, но в этот период произошли события, в которых проявились лучшие качества наших народов. Так что мы будем делать: приукрашивать действия государства или показывать героизм, самоотверженность рядовых советских граждан. Ответ очевиден. Но как бы не так. До сих пор этот вопрос стоит перед государственными и общественными деятелями, учеными, он стоит и перед каждым гражданином нашей страны. А ответ зависит от совести, компетентности, знаний каждого и, главное, от желания узнать, что же пережили наши народы.

Очень важно, чтобы истинные знания копились и передавались из поколения в поколение. Вот на этом пути возникает немало препятствий. Но мы то обязаны помнить только то, что в действительности было, чтобы не повторились самые страшные страницы истории России.

ЮБИЛЕЙ, КОТОРЫЙ НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ

В 2011 году мы отметили 70 летнюю годовщину депортации в 1941 году советских граждан немецкой национальности из Республики немцев Поволжья. Дата серьезная. Хороший повод вернуться к событиям, прошедшим в годы Великой Отечественной войны, и наряду с присвоением российским городам звания «Город воинской славы», вспомнить и о людях, которые внесли немалый вклад в нашу общую Победу. Я имею в виду репрессированные народы. Государство приняло решения, которыми признало решения 70 летней давности ошибочными и незаконными. А какие изменения прошли в сознании нашего российского общества?

В первую очередь меня интересует реакция на этот печальный юбилей у населения, которое сейчас проживает на территории бывшей республики. Главным событием мероприятий, которые провели в августе 2011 года общественные организации немцев Российской Федерации, стало открытие в Саратове памятника, посвященного репрессиям против советских немцев и их депортации в глубь Советского Союза. Обстановка, которая сложилась вокруг этого события, требует более детального рассмотрения.

Бумага все стерпит

У любой памятника должна быть надпись, которая говорит о том, кому и какому событию он посвящен. Казалось бы Указу Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года была дана однозначная оценка еще в 1964 году и теперь какие могут быть вопросы. Но не тут то было. Оказывается, до сих пор живут люди, для которых немец это только фашист, свой, советский немец в том числе. И эту позицию они не скрывают. Я считаю, что с позицией и аргументацией этих людей надо познакомиться обязательно.

«Письмо членов общественного совета Энгельсского муниципального района В.И. Надеждина, А.И.Зюбиной, А.Г.Каричева, В.А.Королёвой. А.В.Кульпина, Б.Н.Тищенко, Т.А.Холоповой, направленное в апреле-мае 2011 года Председателю Государственной Думы, Премьер-министру, Министру по делам Федерации РФ (так у авторов, видимо имели ввиду Министерство регионального развития РФ), Губернатору.

Саратовское отделение ФНКА «Немцы России» вышло с инициативой установить на центральной площади г. Энгельса памятник к 70-летию депортации немцев в восточные части страны. Своё предложение они аргументируют тем, что решение о переселении немцев было преступлением, в результате

которого, из-за сложных условий в трудовых лагерях, значительно сократилось численность немецкого населения,

Годы 1936 1959 1979

Русские, млн. 99,6 114,1 137,4

Немцы, тыс.чел. 1427,2 1619,7 1936,2

С 1936 по 1959 год численность русских увеличивалась на 14,6%, немцев -на 13,4%. С 1959 по 1979 - на 20,1% и 19,5% соответственно.

Прирост украинцев на 1959-1979 г.г. составил 13,7%. Темпы роста численности русских и немцев настолько близки, что даже без учёта снижения численности из-за вынужденной эмиграции немцев (1943-1944 г.г.) нет никаких оснований заявлять о геноциде немецкого народа.

Легко обвинять сейчас. А в то время, когда половина Европейской части страны за два месяца была оккупирована, когда на 7 ноября 1941 года был назначен парад немецких войск на Красной площади Москвы, когда чаша весов колебалась, и любой незначительный факт мог стать решающим, перед правительством и командованием стоял не лёгкий вопрос.

Советское правительство решило исключить возможность контакта немецкой армии с немецким населением автономии, переселить его в восточные районы страны.

Такое же решение принималось в 1917 году царским правительством во время первой мировой войны.

Сенатор предвоенной Германии Г. Раушнинг в своей книге (М. «МИФ», 1993. стр. 114 - 121) приводит факты, как Германия планировала использовать диаспоры зарубежных немцев, как ставилась задача вовлечь всех зарубежных немцев в сеть секретных служб, нацелить их на выполнение боевых задач в тылу противника. Заявление Гитлера: «Пусть тот, кто осмелится перечить, знает, что ему нечего больше ждать от Германии и в своё время он получит по заслугам, как предатель нации», не осталось незамеченным. На захваченной врагом территории имело место сотрудничество немецкого населения с оккупационными немецкими властями.

Книга Г. Раушнинга «Говорит Гитлер зверь из бездны» веский аргумент в споре с теми, кто считает ошибочным решение Советского Правительства о переселении немцев с Европейской части СССР вглубь страны.

Лидеры российских немцев и сейчас не перестают апеллировать к Германии, обращаясь к ней как к прародине, заявляя, что они никогда не теряли её из вида и, что она является движущей силой современных их требований создать республику на Волге.

В Отечественной войне погибло 27 млн. человек, 25 млн. осталось без крова, полностью или частично разрушено и сожжено 1710 городов, более 70 тыс. сёл и деревень. Сожжено и разрушено более 6 млн. зданий.

Трудовым фронтом была вся страна. Понимая это можно ли говорить, что пострадала только одна национальная группа - немцы, что трагедия тех, кого увозили на Восток, была большей, чем трагедия тех, кого увозили на Запад, в действующую армию, в окопы, под пули. Или трагедия тех, кто с детьми и пустыми котомками пешком пробирался на Восток из оккупированной и разорённой врагом территории. Это неверно, нескромно и бессовестно.

Явилась ли трагедия белорусов, украинцев и других национальностей на захваченной врагом территории, жителей сожжённых и разрушенных городов, угнанных в рабство в Германию менее значительной, чем трагедия немцев СССР?

Решение о переселении нельзя воспринимать как безрассудный акт жестокости или более того, как политический террор против немецкого населения. Так делают сегодня лишь бессовестные политики.

Депортация немцев в восточные районы страны - это вынужденный шаг продиктованный обстановкой военного времени, это следствие нападения Германии на СССР.

Посмотрим, как решался вопрос с немецкими диаспорами в других странах.

Все немецкие поданные, проживающие в Англии и Франции были интернированы превентивно. В Голландии, Бельгии арестовывались все немцы, подозреваемые в принадлежности к пятой колонне. Аресты и высылки сопровождались оскорблениями и унижениями.

В Польше распускались сельские кооперативы, закрывались школы и клубы, активисты арестовывались, были закрыты немецкие издательства, возникали стихийные погромы. После нападения Германии на Польшу репрессии усилились. Для вывоза немцев иногда подавались поезда. Выселяемые часто шли пешком, перенося унижения и оскорбления.

После нападения на флот США в Пирл-Харборе все лица японской национальности были согнаны в концлагеря, за колючую проволоку. Лишь через 30 лет правительство США принесло им свои извинения. И проблеме закрыли.

Несмотря на то, что в США проживает 5,1 млн. немцев, никто не требует там территории для республики или особых к себе отношений. Знают, что государственная политика этой страны не терпит анархии в государственном строительстве, что за призыв к сепаратизму можно угодить на 10 лет в тюрьму.

Так отреагировало мировое сообщество и цивилизованная Европа на немецкие диаспоры в своих странах. И только в Советском Союзе, эта проблема решалась без истерии и более цивилизованно, чем в «цивилизованной» Европе.

Эти исторические фрагменты говорят о том, что депортация немцев в восточную часть страны была общепринятой в мировой практике военной необходимостью, явилась следствием нападения Германии на СССР и не является актом политических репрессий.

Инициатива саратовского отделения ФНКА установить на центральной площади г. Энгельса памятник к 70-летию депортации является безосновательной и провокационной. Провокационной потому, что является продолжением их незаконных требований на территорию Поволжья, попыткой достижения их основной уставной цели, создать республику;

вносит напряжение в межнациональные отношения многонационального Поволжья;

нарушает хрупкое равновесие и наметившееся улучшение отношений, после бурных 90-х годов, к немецкому населению;

требует установки памятника на территории, не имеющей никакого отношения к депортации и никогда не являвшейся территорией немецких поселений.

Место установки не воспринимается потому, что г. Покровск ставший Энгельсом в 1931 году никогда не был немецким поселением. Незаконно присоединенный к немецкой области в 1922 году он в течение 19 лет вынужденно был её центром. В настоящее время немецкое население составляет менее 0,5% от населения города. Даже если бы памятник был нужен, ставить его не для кого.

По изложенным причинам мы не принимаем идею создания памятника, и считаем невозможным его установку на территории г. Энгельса.

Для всего многонационального сообщества России есть одна общая дата - это 22 июня 1941 года. Вместе с 9 мая 1945 года - это трагедия и триумф нашего общенационального сознания. Не надо делить её на маленькие трагедии с целью получить для себя дивиденды. Не надо тянуть одеяло на себя.

Если ФНКА РН желает показать немецкому населению свою работу и оправдать трату бюджетных денег, она может реализовать эту идею в качестве выпуска от своего имени памятного знака, или реализовать её в качестве памятника с установкой его в месте компактного проживания немцев, например, в Азовском национальном районе.

ФНКА, по сути, поставила членов Общественного Совета района перед фактом, заявив, что во всех инстанциях вопрос уже согласован. Согласован и состав делегации, в том числе и представители Германии, численностью в 300 человек. Это встречает непонимание.

Инициативу ФНКА по установке памятника ко дню депортации немцев в г. Энгельсе считаем исторически несостоятельной, политически ошибочной. Реализация идеи может быть использована для обоснования убеждения, что немцам доверять нельзя, что к своей цели они пойдут, негласно решая вопросы, перешагивая через интересы других национальностей,

что может стать фактором стимулирующим напряжение в регионе. Требуем исключить возможность установок памятника в г. Энгельсе. Денежные средства, выделенные из бюджета на приезд в августе этого года в г.г. Энгельс, Маркс, Красноармейск и другие районы, по случаю дня депортации, делегации в количестве 300 человек, ждут лучшего применения».

Что характерно, сайт города Энгельса опубликовал это письмо по заголовком «Мы против оккупации немцами Поволжья!» без кавычек, видимо редакция разделяет точку зрения авторов.

Я уверен, что в этом письме не отражена позиция всех жителей Саратовской области. Но это мнение довольно большой прослойки нашего общества, которое, кстати, очень активно. На сайте «Взгляд-инфо» под рубрикой «Новости Саратова» опубликована информация «Власти и горожане возмущены надписью на памятнике немцам Поволжья». Я думал, что сейчас их должны возмущать действия советской власти в 1941 году против своих немцев, а их видите ли возмущает желание потомков тех репрессированных увековечить память безвинно погибших. Фактически это письмо должно заинтересовать прокуратуру, ведь в нем разжигается бацилла национальной розни и звучит призыв к продолжению дискриминации одного из российских народов.

Позиция российского правосудия просто удивительна. То, что произошло в Саратовской области, становится характерным для межнационального общения в России. Совсем недавно журналистка татарского телеканала «ТНВ» Эльмира Исрафилова публично назвала русских, проживающих в республике, оккупантами и стала для членов националистических организаций чуть ли национальной героиней. Следственные органы не нашли в ее действиях состава преступления. Интересно, в каких регионах и какие народы тоже станут оккупантами?

Отсутствие политической воли у власти, на решения которые она уже приняла, но не реализовала, приводит к сохранению в нашем обществе мнения, что репрессии в годы войны по национальному признаку были обоснованы, и этим оправдывают смерть десятков тысяч ни в чем не повинных советских граждан: женщин, стариков и детей.

В нашем обществе сложились две версии на далекие исторические события, которые были высказана на форуме саратовского интернет-журнала «Общественное мнение»:

Александр Николаевич Сукманов, 25.08.2011

«Ну и ну. Какое вопиющее невежество и нахальное вранье. Немцев не депортировали - поскольку депортируют за границу. Немцев не репрессировали - а переселили по законам войны. Как американцы японцев после Пирл-Харбора интернировали до окончания войны. Интернированные в 1941 году поволжские немцы жертвы войны 1941-1945 г.г., а не жертвы

депортации или репрессий. Еще неизвестно - а не пошел бы вермахт на Саратов - который взять можно одной пушкой, обстреливая весь город с любой горы. Так что политика дестабилизации, переходящая в политику дерусификации - медленно набирает обороты...»

Федя, 25.08.2011

«Сукманов хватит врать!

Российских немцев репрессировали и депортировали, потому что, потом была реабилитация этого народа, как и многих других начиная с 1956 года. Хватит вешать народу лапшу. Есть несколько нормативно-правовых актов СССР и РФ по данному вопросу. Читайте открытые источники, например, вот эту книгу: Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930-1960). М., 2005;

А также следующие законодательные акты: Федеральный Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» (№1761-1 от 18 октября 1991 года); Постановление Верховного Совета СССР «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26.04.1991 № 1107-1 26 апреля 1991 г., Постановление Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26.04.1991 № 1108-1 и т.д.»

«Уважаемый ФЕДЯ! Нормативные акты, на которые Вы ссылаетесь - не имеют к исторической истине никакого отношения. Их принимали на волне горбачёвской демократизации - которая закончилась развалом Отечества. Никакие акты и памятники не исправят историческую истину - в 1941 г. было принято политическое решение о временном переселении немцев. Точно также США приняли политическое решение интернировать японцев после Пирл-Харбора. И эти политические решения никакими актами и памятниками исправить нельзя. Точно также бессмысленно судить прошлое - оно состоялось. Поэтому утверждения о репрессиях и депортации немцев являют собой политическую провокацию. Была война на истребление. А на войне нет никаких законов. Поэтому на территории Энгельса задумана и осуществлена подлая политическая провокация, разжигающая межнациональную рознь. Иначе - совершено преступление. Интернированные в 1941 г. немцы являются жертвами войны 1941-1945г.г., а не жертвами политического режима. Подобных политических провокаций на всей территории России происходит великое множество при непротивлении власти. И каждая такая провокация вбивает гвоздь в гроб русской цивилизации и моего отечества. В части изгнания из собственных домов - что-то не слышу ни одного голоса в защиту русских, миллионами выгнанных из своих домов в бывших союзных республиках и сотнями тысяч убитых? Например - в той же Чечне. Вам не

кажется это странным? **Александр Николаевич Сукманов - 89063035171.**

Бей своих, а чужие не боятся

Такая «каша» в головах многих россиян. Кто им ответит? Государство молчит. Немцы вынуждены сами доказывать, что они не верблюды. Делать это непросто, но ничего другого не остается.

А теперь об аргументах нынешних стратегов, которые готовы убивать тысячи людей только из-за того, что они в чем-то сомневаются. Хочу напомнить, что перед войной в Красной Армии служило около 40 тысяч наших немцев, которые с оружием в руках встретили врага. Они и после принятия Указа 28 августа остались в армии и воевали. К примеру, моего отца из армии перевели в тыл в начале ноября 1941 года. За это время нет ни одного свидетельства о предательстве советскими немцами своей Родины. Это признают даже те, кто и сейчас оправдывает сталинские репрессии против народов СССР.

«Как свидетельствуют многие документы, гитлеровцам не удалось склонить к сотрудничеству немцев, проживавших на территории СССР, ни в тылу Красной Армии, ни на оккупированных территориях. По признанию В. Шелленберга, приверженность к идеям большевизма у этой категории была выше, чем у русских, а участие в оказании помощи германским оккупационным властям было чуть не единичным», - пишет начальник кафедры внутренних войск Военного университета, кандидат исторических наук, полковник Павел Смирнов.

Хочется спросить авторов письма, какими угрозами можно оправдать дискриминацию российских немцев до 1972 года. Несмотря на Указ от 1964 года, немцы не могли вернуться в свои родные места. Только 3 ноября 1972 году был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», в котором он постановляет снять ограничения в выборе места жительства, предусмотренного Указами Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года в отношении немцев и членов их семей.

А уж оправдывать репрессии и ссылаться на царское правительство, значит совсем не знать историческую правду и противоречивость действий власти в 1914 году. Постановление о борьбе с немецким засильем подписал премьер-министр России немец по национальности Б. В. Штюрмер, десятки тысяч российских немцев воевали на Кавказском фронте и были военными санитарями.

Излюбленным аргументом в необходимости репрессий против советских немцев становятся перечисления того, что было уничтожено агрессором на территории Советского Союза и то, что от войны страдали все народы. Нынешняя группа даже обвиняет сейчас представителей российского немецкого народа в нескромности

и бессовестности. Большого цинизма невозможно себе представить.

Домыслы, подозрения, возведенные в ранг до государственной политики, когда провалы властей списали на десятки народов своей страны, которые уже прошли через фильтры социальных репрессий и дошли до национальных. Это привело к тому, что лжепатриоты уже не утруждают себя документальными доказательствами. Сейчас то все понимают, что Победа над врагом была оплачена не только гибелью солдат на фронте, но и смертью в тылу от морального и физического террора сотен тысяч своих граждан. Натравливание одних народов на другие - одно из главных преступлений сталинского режима. Это ничем оправдать нельзя.

«Не надо делить её на маленькие трагедии с целью получить для себя дивиденды. Не надо тянуть одеяло на себя» - пишут авторы письма. Давайте посчитаем дивиденды, которые получили российские немцы, и спросим, кто ответит перед последующими поколениями российских немцев за сломанные их жизни, когда после войны они не могли вернуться в родные места, получить обратно отобранное имущество, поступить и учиться в вузах, служить в армии, занимать руководящие должности, получать заслуженные награды? У нас что и в 50, и 60, и 70 годы прошлого века продолжалась Великая Отечественная война?

Как может отнестись нормальный российский гражданин к факту установки памятника, на стеле которого написано: **«Российским немцам - жертвам репрессий (1920-1930 г.г.), депортации (1941 г.) в Сибирь и Казахстан, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, в рабочих колоннах (1941-1945 гг.) и на спецпоселениях (1945-1955 гг.)**. Тем более памятник на свои деньги установили потомки тех, кто за колючей проволокой, под прицелами винтовок возводил в годы войны в тылу промышленные предприятия. Нормальный гражданин сказал бы: «Молодцы!» Так должны действовать все народы. Вклад в Победу каждого народа, человека должен быть отмечен. Это касается и безымянных солдат на полях бывших сражений, и безымянных трудармейцев, закопанных в общих могилах без опознавательных знаков на Урале, в Сибири, в Казахстане и многих других местах нашей необъятной Родины. Предлагаю авторов этого письма провести по этим памятным местам. Разве стремление к справедливости может вызвать напряженность в межнациональных отношениях, если эта справедливость не за чей-то счет, а пример для других как надо поступать, чтобы ее добиться. Не все завалы Великой войны мы еще разобрали.

Все начинается с головы

Из напористости авторов письма можно сделать следующие выводы. К сожалению, такая позиция очень жива в нашем обществе и у ней немало сторонников. Значит информация

о том, какие трагические события в нашей стране происходили до, во время и после Великой Отечественной войны, неизвестна удел только специалистов. Истинные знания удел только специалистов. То, что события Великой Отечественной войны и сейчас будоражат общество, говорит о том, что многое надо объяснять, начиная со школьной парты, и два часа в школе на изучение истории Великой Отечественной войны катастрофически мало.

Если кто-то подумал, что это письмо единственное действие против установки памятника, то глубоко заблуждается. Бурную реакцию, даже во властных структурах, вызвала надпись на памятнике. За несколько дней до его открытия президент национально-культурной автономии немцев Поволжья Саратовской области Юрий Гаар заявил, что областные чиновники требуют переделать надписи на уже готовом монументе.

По его словам, на строительную площадку, когда памятник и надписи уже были сделаны (причем они прошли согласование с администрацией города Энгельса), приехал представитель правительства области. Министр Саратовской области и председатель комитета общественных связей и национальной политики Сергей Аvezнязов «в ультимативной форме потребовал разбить эти плитки и нанести другие надписи, непонятно откуда взявшиеся и кем согласованные».

Изменения, на которых настаивает региональное правительство, следующие:

- на главном месте памятника - стеле - должна была располагаться надпись «Российским немцам - жертвам репрессий в СССР». Требование власти: заменить слово «репрессии» на «депортация». На сайте Комитета общественных связей и национальной политики области памятник изначально наименовался «памятник «Российским немцам - жертвам депортации 1941 года».
- Внизу на основании, фронтальной части памятника должна была располагаться надпись из романа Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», касающаяся российских немцев. Выдержка из текста была ранее направлена представителями организации «Национально-культурная автономия российских немцев Поволжья» вдове писателя, от которой было получено письменное согласие. Требование власти: текст удалить и поместить другой фрагмент, не согласованный с автором. Причем текст должен быть размещен на немецком языке, а перевод, как отмечает Гаар, сделан неправильно.
- С левой стороны должны были быть стихи Гете, с правой - Шнитке, жителя Энгельса. Требование власти: Шнитке вообще убрать и разместить какой-то другой текст.

Ю. Гаар отмечает, что требования власти невозможно выполнить даже технически - открытие памятника намечено на 26 августа. Подрядчик в письменной форме уведомил, что он отказывается выполнять эти работы, поскольку физически не в состоянии их вы-

полнить. Также Ю. Гаар сообщил, что подрядчику поступают угрозы, чтобы он не завершал работу над памятником.

«Таким образом, открытие мемориала оказалось под угрозой срыва», - заключает Ю. Гаар и добавил от имени немцев Поволжья: «Мы заявляем протест действиям областного правительства и заявляем, что не уйдем от памятника, пока чиновники не откажутся от правки его проекта».

Информация об этом факте была опубликована в правительственной газете «Российская газета», но журналисты постарались сгладить ситуацию и не увидели в нем проявления большой исторической несправедливости в отношении российских немцев: «Между тем его оппоненты утверждают, что Гаар сам виноват в сложившейся ситуации: не согласовал проект ни с областными, ни с муниципальными структурами, не выполнил рекомендации, данные на общественных слушаниях.

- Мы предлагали внести туда фактическую информацию о числе высланных, к тому же слово «депортация» более **точно (!- А.Н.)** отражает смысл произошедших исторических событий, - объясняет министр общественных связей и национальной политики Саратовской области Сергей Аvezнязов.

Однако устраивать скандал накануне торжеств областные власти не стали. Вице-губернатор Александр Бабичев заявил, что никаких изменений в надпись на памятнике вноситься не будет и при этом сослался на высокий авторитет:

- В президентском указе присутствует слово «репрессии», значит, оно будет и на памятнике, - заявил чиновник.

Сами представители немцев Поволжья считают, что установка монумента поможет убрать непонимание, которое сохраняется в отношении исторического пути этого народа.

- Немцы Поволжья в трудовой армии также отдавали свои жизни на благо Победы, но это многие годы замалчивалось, установка памятника покажет нашим современникам, что в этой стране их понимают и ценят, - считает доктор исторических наук Аркадий Герман.

Памятник репрессированным немцам Поволжья станет первым монументом такого рода в нашей стране. Ранее в Краснотуринске Свердловской области (то есть за пределами бывшей автономии) был установлен памятник погибшим в тех местах в годы войны немецким трудармейцам». («Российская газета» 24 августа 2011 г.)

Тем, кто выступил против надписи, хотелось бы предложить прочитать в словаре значение этих слов. **«ДЕПОРТАЦИЯ** (лат. deportatio), насильственное изгнание, ссылка. В СССР в период Великой Отечественной войны Д. подверглись многие народы (балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, крымские татары, немцы, турки-месхетинцы и др.). В 1989 Съезд народных депутатов признал Д. этих народов незаконной».

А теперь давайте сравним, что значит в нашем случае слово «репрессии». Это «меры политического контроля, предпринятые против политических противников или возможных противников. Репрессии, так же как и угнетение, и подавление, предполагают физическое или психологическое давление, которое затрагивает эмоциональное, психическое или духовное состояние выбранных групп. Спектр репрессивных действий включает в себя:

вторжение и обыск жилища без ордера; разрушение частной собственности, включая поджог; подавление газет и других средств информации; запрещение пользоваться родным языком; запрещение политических партий; запрещение религиозных обрядов; увольнение с должности; использование специальных агентов с целью спровоцировать случаи насилия, оправдывающие применение репрессий; избиения и физические нападения на отдельных оппонентов; насильственная высылка или предотвращение выезда; неправомерные аресты и заключение; угрозы и репрессии в адрес семей противников; пытки и увечья; политическое убийство; казнь заключенных без суда или показательных процессов; тайные похищения отдельных лиц, сопровождаемые пытками и убийствами; погромы; уничтожение в трудовых лагерях каторжным трудом, плохим питанием, лишением сна; марши смерти под предлогом депортации».

Каждый, кто сравнит значение этих слов понимает, что депортация это только часть репрессий. И кто это решил, что депортация «отражает смысл произошедших исторических событий»? Удивляет, что оппоненты упрекали Ю. Гаара в том, что он «не согласовал проект ни с областными, ни с муниципальными структурами, не выполнил рекомендации, данные на общественных слушаниях». А что надо было согласовывать? Искать пути для сглаживания исторических фактов, искать аргументы, оправдывающие действия властей? Пора не согласовывать, а называть вещи своими именами, эти оценки давно даны в государственных документах. А теми, кто препятствует их реализации, должна заниматься прокуратура.

Но позиция власти и сейчас остается половинчатой. Вместо того, чтобы не было неопределенности, надо честно рассказать людям что произошло после Указа от 28 августа 1941 года и к каким последствиям эти действия привели, тем более что оценки этим действиям даны, к примеру, в Законе о реабилитации репрессированных народов и местная власть должна на него опираться.

А как поступила власть Саратовской области, когда возникло противодействие установке памятника? Как предполагает Саратов-times со ссылкой на независимых экспертов, возможно, по этой причине на открытие памятника не приехал губернатор региона Павел Ипатов. Губернатор «в Большом зале правительства области приветствовал участников международной научно-практической конференции,

представителей центров российских немцев из других регионов, ученых-историков, членов Национальной культурной автономии российских немцев Поволжья Саратовской области», - говорится на сайте правительства области:

«Уроки истории не должны забываться. Проанализировав трагические ошибки тех лет, главы наших государств, общество, региональная власть нацелены на восстановление исторической справедливости и создание условий для эффективного сотрудничества наших народов», - отметил губернатор. А вот сказать это, глядя в глаза землякам, духу не хватило.

На церемонию приехало немало официальных лиц. Но вот первых лиц замечено не было. «Непосредственно в торжественной церемонии открытия памятника приняли участие заместитель Министра регионального развития Российской Федерации, председатель российской части межправительственной Российско-Германской комиссии Максим Травников, парламентский статс-секретарь Министерства внутренних дел Федеративной Республики Германия, Уполномоченный Федерального Правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств доктор Кристоф Бергнер, вице-губернатор - первый заместитель Председателя Правительства Саратовской области Александр Бабичев, Глава Энгельсского муниципального района Дмитрий Лобанов, президент федеральной национально - культурной автономии российских немцев Генрих Мартенс, а также члены официальной делегации республики Германия, представители российских немцев с различных регионов России, жители Энгельсского муниципального района» - перечисляет сайт администрации Энгельсского муниципального района.

Обращаясь к присутствующим, глава района Дмитрий Лобанов отметил, что открытие памятника - это напоминание о том, что все люди равны в своем праве на жизнь и свободу. Чиновник также выразил надежду, что таких трагических событий, как переселение (а было не только переселение, но не хочется это видеть - **А.Н.**) российских немцев, больше не будет в календаре истории. (А его и нет в календаре исторических событий нашей страны - **А.Н.**)

«Другие выступившие отметили, что открытие монумента - это не только дань памяти российским немцам, пострадавшим в ходе депортационной (сказать «репрессивной» язык не поворачивается - **А.Н.**) политики советской власти. Памятник имеет большое значение для сохранения исторической памяти народа, поддержания преемственности поколений», - отмечается на сайте.

Памятник появился с теми надписями, которые и должны быть, со словами Виктора Шнитке:

Мне дерево знакомо это с детства
без имени. Нет множество имён,
исчезнувших по прихоти времён
среди скитаний жизненных и бегства.
А многих я не знал...

Памятник поставлен, но осталось в сердце каждого российского немца червь сомнения - а признает ли российское общество историческую несправедливость в отношении советских (российских) немцев. Опять как в 90-е годы прошлого века разошлось саратовцы, да не

только они, по разные стороны баррикады. Немцы так и остались для многих навсегда фашистами. Не прозрели за 70 лет. И живет в нашем обществе мнение: сейчас немцы хорошие, а тогда по-другому нельзя было. Так мы и остались без вины виноватые.

Далхат Эдиев

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ СССР

60-я годовщина депортаций репрессированных народов Как менялась численность депортированных народов: Прямые людские потери: Потери от спада рождаемости: Какой могла бы быть численность депортированных народов: Общая оценка демографических потерь

60-я годовщина депортаций репрессированных народов

Депортации в СССР затронули более 6 миллионов граждан различных национальностей [1]. Начавшись как акции преследования неугодных классов (кулаки, казаки), получив продолжение в зачистках «приграничных» и «прифронтовых» районов от граждан «инонациональностей» (поляки, немцы, корейцы, китайцы, курды, иранцы, греки, турки), советские депортации оказались, в конце концов, инструментом репрессий против «своих» народов (народы Кавказа и Крыма, калмыки).

Масштаб демографических потерь депортированных народов СССР был очень велик. Это было вызвано как невероятно возросшей в ходе и после депортации смертностью, так и резким спадом рождаемости и ассимиляцией. «Уплотнение» размещения депортируемых в вагонах-товарняках, отсутствие приспособленного жилья, продовольствия и одежды в местах высылки, резкая смена климата, репрессивный режим спецпоселений вели к ухудшению здоровья, распространению инфекционных заболеваний, массовой гибели от болезней, недоедания и холода.

Суммарные человеческие потери десяти totally депортированных народов (корейцы, немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и турки-месхетинцы) составили около полумиллиона человек, т.е. одну пятую от их численности на начало депортации, составившей 2580 тысяч человек. Наиболее глубокие потери понесли народы, депортированные во второй половине Второй мировой войны, выселение которых было обставлено особенно жестоко.

В той или иной мере, депортациям в СССР подверглось еще множество других этнических, этноконфессиональных и социальных категорий советских граждан (казаки, «кулаки» самых разных национальностей, поляки, азербайджанцы, курды, китайцы, русские, иранцы, евреи-ираны, украинцы, молдаване, литовцы,

латыши, эстонцы, греки, болгары, армяне, кабардинцы, хемшины, армяне-«дашнаки», турки, таджики и др.). Точно оценить потери этих групп, опираясь на доступные материалы, не представляется возможным.

Общее число всех депортированных составило свыше 6 миллионов человек [2], причем примерно половина пришлось на довоенный период. Это составляет около 3,6% численности населения СССР в 1939 году. Общая численность десяти totally депортированных народов (на начало депортации) составила 2581 тысячу человек (с учетом демобилизованных с фронта). Прямые людские потери этих народов, согласно нашим оценкам, составили около 502 тысяч человек, т.е. 19,4% от численности на начало депортации.

Если распространить уровень людских потерь десяти totally депортированных народов на остальные высланные категории, то оценка общих людских потерь от депортаций в СССР может составить 1170 тысяч человек. Вероятно, эта оценка завышена, поскольку народы, депортированные в военный период, понесли наибольшие потери. Но даже если принять уровень потерь у высланных групп, за исключением totally депортированных народов, за 10% (это вдвое меньше, чем у высланных в годы войны, и в полтора раза меньше потерь корейцев, высланных в 30-е годы), то прямые людские потери от депортаций в СССР можно оценить в 845 тысяч человек. Точная оценка едва ли возможна, по всей видимости, реальные потери находятся в интервале от 700 тысяч до 1 миллиона человек.

Попытка оценить демографические потери totally депортированных народов содержится в нашей книге «Демографические потери депортированных народов СССР», где подробно описана методика получения всех оценок. Но многие депортированные народы еще задолго до высылки подвергались усиленным репрессиям, также повлекшим

за собой большие человеческие жертвы. Народам, подпадавшим под планы депортации, придавался образ чужих, враждебных стране, и это приводило к особому «вниманию» к ним во время кампаний государственного террора [3]. Так, в ходе массовых репрессий 1937-1938 годов аресты во время «национальных операций» НКВД, направленных против поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, «харбинцев» (русских рабочих, некогда работавших на Китайско-Маньчжурской железной дороге и вернувшихся в СССР), ки-

тайцев, румын, болгар, македонцев, корейцев и афганцев, составили 21,4% всех арестов. Причем если в целом было расстреляно 19% арестованных, то в «национальных операциях» этот показатель был выше - 73,7% [4]. В упомянутой работе мы не оценивали потери в ходе репрессий, но очевидно, что людские потери населения депортированных народов следует увеличить еще примерно на 250 тысяч человек, с учетом количества расстрелянных в «национальных операциях» только в июле 1937 - ноябре 1938 годов.

Как менялась численность депортированных народов

Оценка динамики численности семи депортированных народов с момента депортации до конца 1980-х годов, основанная на сводках

НКВД и данных послевоенных переписей населения, представлена в табл. 1.

Таблица 1. Численность населения депортированных народов, тысяч человек (оценка)

Дата	Немцы	Карача-евцы	Калмыки	Чеченцы	Ингуши	Балкарцы	Крымские татары
Сентябрь 1941	1193,3						
Ноябрь 1943		69,2					
Ноябрь 1943		68,4					
Декабрь 1943			97,6				
Февраль 1944			95,9				
Февраль 1944				407,9	95,3		
Март 1944						38,3	
Март 1944						37,2	
Май 1944							190,2
Декабрь 1944				324,2	79,1	33,0	
Апрель 1945		62,3					181,1
Октябрь 1945		59,9	79,7	328,2	77,3	33,3	151,9
Октябрь 1946		59,8	76,0	323,8	76,3	32,9	150,9
Октябрь 1948	999,2	56,7	74,3	285,0	78,8	31,7	145,3
Январь 1949		57,3	76,6	285,8	79,0	32,0	145,1
Июнь 1949		57,3	76,6	285,8	79,0	32,0	145,1
Июль 1949	1078,9	58,7	77,0	291,3	80,5	32,6	150,1
Январь 1950	1084,9	59,1	77,0	291,3	80,5	32,8	150,5
Июль 1950	1091,5	59,5	77,3	291,3	80,5	31,8	150,8
Январь 1953	1208,6	63,1	80,8	316,4	83,4	33,3	159,5
Январь 1954	1223,9	64,6	80,6	324,0	83,5	34,0	159,9
Январь 1959	1619,7	81,4	106,1	418,8	106,0	42,4	184,8
Январь 1970	1846,3	112,7	137,2	612,7	157,6	59,5	220,5
Январь 1979	1936,2	131,1	146,6	755,8	186,2	72,4	234,5
Январь 1989	2038,6	155,9	173,8	956,9	237,4	85,1	271,7

За четыре с половиной десятилетия, минувших со времени высылки, численность всех переживших депортацию народов выросла, иногда довольно значительно (рис. 1).

Однако этот рост мог быть намного большим, если бы не огромные потери, вызванные депортацией. Попытаемся оценить эти потери

и понять, насколько большей могла бы быть численность подвергшихся депортации народов к концу XX века при отсутствии потерь.

Прямые людские потери

Один из главных источников демографических потерь депортированных народов - их чрезвычайно высокая смертность, особенно в первое время после депортации. Для того, чтобы оценить вызванные повышенной смертностью прямые людские потери, фактическое

число смертей, соответствующее реальной динамике численности депортированных народов с момента высылки и до 1952 года (именно на эти годы приходятся основные потери депортированных народов), было сопоставлено с прогнозным числом смертей по

сценарию «без потерь» (табл. 2). При таком подходе большое значение имеет гипотеза о том, каким мог быть «нормальный» уровень рождаемости и смертности высланных народов в послевоенные годы при отсутствии войны и депортации. Поскольку к концу 1960-х годов компенсаторный подъем рождаемости и показателей дожития у всех депортированных народов был исчерпан, мы приняли, что динамика смертности и рождаемости после 1970-х годов в целом была «нормальной», т.е. не искаженной войной и переселением. Соот-

ветственно, в период 1950-1960-х мы положили, что показатели рождаемости и смертности должны были быть на уровне 1970-х.

Как видно из приведенных в табл. 2 оценок, индекс сверхсмертности (т.е. отношение числа фактических смертей к тому, каким оно могло бы быть в отсутствие депортаций) в целом для семи народов превысил 200%, а общие людские потери составили не менее 442 тысяч человек, т.е. более 21% от числа депортированных.

Таблица 2. Оценка прямых людских потерь 7 депортированных народов в 1944-1952 годах (для немцев - с 1942 года)

	Оценка фактического числа смертей	Прогноз по сценарию «без потерь»	Прямые людские потери	Индекс сверхсмертности	% потерь к числу высланных
Немцы	432,8	204,0	228,8	2,12	19,17
Карачаевцы	23,7	10,6	13,1	2,24	19,00
Калмыки	45,6	33,1	12,6	1,38	12,87
Чеченцы	190,2	64,8	125,5	2,94	30,76
Ингуши	36,7	16,4	20,3	2,24	21,27
Балкарцы	13,5	5,9	7,6	2,28	19,82
Крымские татары	75,5	41,2	34,2	1,83	18,01
Итого	818,1	376,0	442,1	2,18	21,13
Итого – по «наказанным» народам (без немцев)	385,3	172,0	213,3	2,24	23,74

Некоторые вопросы вызывает низкая оценка потерь калмыков. Это связано, прежде всего, с высоким уровнем довоенной смертности калмыков, который, будучи заложен в сценарий «без потерь», привел к высокому прогнозному значению числа смертей в исследуемый период. Однако это также может быть связано с вероятным занижением истинного числа высланных в разные годы калмыков, что может привести к заниженной оценке числа смертей, которые реально имели место.

К оценке прямых людских потерь семи депортированных народов, представленной в табл. 2, надо добавить еще оценки соответствующих потерь корейцев (28,2 тысячи человек), финнов-ингерманландцев (около 20 тысяч), турков-месхетинцев (12,9 тысячи) [5]. Таким образом, общая оценка прямых людских потерь тотально депортированных народов переваливает через полмиллиона человек.

Потери от спада рождаемости

Второй источник демографических потерь депортированных народов - резкий спад рождаемости. Оценка потерь, связанных со снижением рождаемости, была выполнена тем

же методом, что и оценка числа избыточных смертей: фактическое число рождений сравнивалось с полученным в соответствии с прогнозом по сценарию «без потерь» (табл. 3).

Таблица 3. Оценки и прогноз в рамках сценария «без потерь» количества рождений в населении депортированных народов в 1944-1952 годах (для немцев - с 1942 года)

	Оценка фактического числа рождений	Прогноз по сценарию «без потерь»	Дефицит рождений	% потерь к прогнозу	% к числу высланных
Немцы	364,5	633,7	269,3	42,5	22,6
Карачаевцы	15,0	33,8	18,8	55,7	27,2
Калмыки	22,3	49,4	27,1	54,9	27,8
Чеченцы	94,1	192,6	98,5	51,1	24,2

	Оценка фактического числа рождений	Прогноз по сценарию «без потерь»	Дефицит рождений	% потерь к прогнозу	% к числу высланных
Ингуши	23,8	45,6	21,8	47,9	22,9
Балкарцы	7,5	18,7	11,3	60,2	29,4
Крымские татары	35,0	90,2	55,2	61,2	29,0
Итого	562,1	1064,1	502,0	47,2	24,0
Итого – по «наказанным» народам (без немцев)	197,6	430,4	232,8	54,1	25,9

Таким образом, число рождений за время депортации (до 1953 года) у семи депортированных народов сократилось почти вдвое, а общие потери от дефицита рождений составили около четверти численности депортированных. Кроме того, следует учесть дефицит в 17,3 тысячи рождений, или 33,3% от прогнозируемого числа рождений (10% от числа высланных) у корейцев и 23,6 тысячи рождений (50,5% от прогнозируемого число рождений и 24,1% к числу депортированных) у турок-месхетинцев. Для оценки дефицита рождений у финнов-ингерманландцев у нас не было достаточной информации.

Впоследствии, в 1950-1960-е годы, потери от спада рождаемости, в отличие от людских потерь, были частично восполнены за счет компенсаторного роста числа рождений. Меньше всего это удалось сделать крымским татарам - народу, который все послевоенное время подвергался преследованию со стороны властей. Значительными остались также потери у тех народов, уровень рождаемости которых был традиционно высок и остался высоким к 1970-м (практически все мусульманские народы). Это связано с тем, что в условиях высокой рождаемости ее

компенсаторный рост не может так же заметно влиять на воспроизводство населения, как в условиях низкой рождаемости, поскольку уровни рождаемости ограничены сверху биологическими и социальными факторами. Именно это обстоятельство сказалось на том, что у калмыков - народа, понесшего наибольшие потери в 50-е годы, - к 1989 г. уровень потерь оказался относительно невысоким (в 1970-е годы рождаемость калмыков была уже низкой, а компенсаторный рост рождений в 50-60-е - высоким). Напомним, впрочем, что в сценарии «без потерь» рождаемость 1960-х годов мы приняли на уровне 1970-х, что в случае калмыков может занижить «истинный» уровень 60-х. Для того чтобы учесть возможное занижение «естественной» рождаемости 60-х, мы провели для калмыков альтернативный расчет, положив в сценарии «без потерь» более высокую рождаемость в 60-е. При таком подходе потери калмыков можно оценить как 67,6 тысячи человек (40,6%) к 1959 и 80,2 тысячи человек (31,6%) к 1989 году.

Дефицит рождений у остальных категорий депортированных, судя по анализу потерь тотально депортированных народов, был того же порядка, что и прямые людские потери.

Какой могла бы быть численность депортированных народов

Основой расчетов по сценарию «без потерь», отражающему гипотетическую демографическую динамику в отсутствие войн и депортаций 1940-х годов, послужили скорректированные данные переписи 1939 года. Однако потери населения депортированных народов после 1939 года включают в себя не только те, что связаны с депортацией, но и те, что связаны с войной (включая сюда советско-финляндскую войну, польскую кампанию, потери в партизанском движении, другие потери во время оккупации, ушедших с немцами, аресты и высылку сразу после освобождения от оккупации и прочее). Для того чтобы вычлнить из общих демографических потерь ту их часть, которая не связана с депортацией, мы отнесли все потери, имевшие место к началу депортации, на счет военных потерь.

На рис. 2-11 представлена динамика численности депортированных народов - как фактическая, так и гипотетическая, - в рамках сценария «без потерь» (данные переписи

1939 года отражены с поправками на переучет). На графиках отчетливо видно, сколь глубок был демографический кризис, испытанный населением депортированных народов, и сколь велики демографические потери, не преодоленные к концу XX века. Отклонение численности на момент депортации (первая точка после 1939 года на всех рисунках) от графика сценария «без потерь» отражает величину потерь, вызванных войной (с учетом фронтовиков, не демобилизованных к началу депортации), а также возможные ошибки модели и оценок численности на 1939 год. Отчетливо видно, что военные потери были особенно велики у тех народов, которые подверглись оккупации. Это связано не только с лишениями периода самой оккупации, но и, видимо, с тем, что перед оккупацией значительная часть населения пополняла ряды армии и партизан (на это указывают повышенные доли части населения, оказавшегося, по нашим оценкам, на фронте к началу депортации).

Обращает на себя внимание необычно большое отклонение от сценария «без потерь» к началу депортации у калмыков и немцев (около 30% и 17% от прогнозной численности на момент депортации). Это может быть связано не только и даже не столько с большими потерями, вызванными войной, сколько с неточностью учета НКВД.

Огромные потери финнов-ингерман-ландцев (рис. 10), очевидно, не связаны со столь большими человеческими жертвами, как у других народов, высланных в годы войны. Судя

по всему, большое отклонение от сценария «без потерь» может быть отнесено на счет избежавших репатриации из Финляндии (согласно нашим оценкам, таких могло быть до десяти тысяч человек), а также значительной ассимиляции финнов. Ассимиляция финнов, которая и без депортации могла быть высокой, как и у других народов финно-угорской языковой группы [6], была, очевидно, ускорена их депортацией и различными ограничениями на место жительства.

Общая оценка демографических потерь

Потери депортированных народов резко возросли в первые годы высылки и увеличивались вплоть до середины 1950-х годов. Только после освобождения депортированных народов от режима спецпоселения прирост демографических потерь замедлился. К середине 50-х годов потери депортированных народов составили от трети (немцы) до половины

(калмыки) их прогнозной численности. Потери «наказанных» народов особенно велики, что отражает нечеловеческие условия их депортации и расселения.

В табл. 4 приводятся оценки потерь численности семи депортированных народов в динамике.

Таблица 4. Оценка потерь численности 7 депортированных народов, вызванных войной и депортацией, тысяч человек

Дата	Немцы	Карача-евцы	Калмыки	Чеченцы	Ингуши	Балкарцы	Крымские татары
Сентябрь 1941	236,4						
Ноябрь 1943		16,6					
Ноябрь 1943		17,5					
Декабрь 1943			41,1				
Февраль 1944			43,0				
Февраль 1944				40,1	4,5		
Март 1944						9,9	
Март 1944						11,1	
Май 1944							49,7
Декабрь 1944				132,5	22,8	16,1	
Апрель 1945		26,7					62,8
Октябрь 1945		30,3	61,7	137,7	26,4	17,0	95,0
Октябрь 1946		32,8	67,2	154,9	30,3	18,7	101,3
Октябрь 1948	679,6	41,0	72,5	220,7	33,9	22,7	117,9
Январь 1949		41,1	70,6	223,4	34,5	22,8	119,6
Июнь 1949		41,7	71,1	229,6	35,4	23,4	121,0
Июль 1949	624,4	41,0	71,2	225,3	34,7	22,9	117,4
Январь 1950	634,7	41,9	72,1	232,9	36,5	23,5	119,9
Июль 1950	643,3	42,9	72,8	240,7	38,3	25,1	122,3
Январь 1953	599,0	46,2	74,2	257,7	45,2	27,4	127,6
Январь 1954	610,1	47,6	76,4	268,3	49,4	28,3	132,7
Январь 1959	328,9	45,5	60,5	277,2	51,1	27,5	133,3
Январь 1970	346,5	51,0	52,6	364,1	65,5	28,9	154,9
Январь 1979	469,1	64,6	62,2	478,4	96,8	31,8	188,8
Январь 1989	496,4	74,2	58,0	562,4	108,9	34,7	198,2

Не все указанные в табл. 4 потери обусловлены депортациями, часть из них, как и у других народов СССР, была связана с войной. Для того чтобы оценить ту часть потерь, которая вызвана непосредственно депортациями и условиями ссылки, из общих потерь депортированных народов были вычтены потери,

связанные с войной. Результат приведен в табл. 5. Поскольку потери от депортации были гораздо выше военных, картина потерь от депортации сходна с картиной общих потерь от войны и депортаций. Относительно низкие потери калмыков в 1959-1989 годах могут объясняться упомянутым выше возможным

занижением рождаемости в сценарии «без потерь». Альтернативный расчет с более высокой рождаемостью дает результат 39,1 тысячи

человек в 1959 (27%) и 52,6 тысячи человек в 1989 году (23,2%).

Таблица 5. Оценка потерь численности 7 депортированных народов, вызванных только депортацией, тысяч человек

	Кемцы	Карачаевцы	Калмыки	Чеченцы	Ингуши	Балкарцы	Крымские татары
Ноябрь 1943		0,9					
Февраль 1944			1,9				
Март 1944						1,5	
Декабрь 1944				88,2		7,6	
Апрель 1945		12,5					13,1
Октябрь 1945		15,8	20,6	93,3	21,9	8,4	55,8
Октябрь 1946		18,2	34,0	112,1	26,1	10,1	64,2
Октябрь 1948	572,5	26,3	39,9	179,2	29,9	14,2	82,4
Январь 1949		26,2	38,6	183,2	30,7	14,4	85,6
Июнь 1949	518,0	26,8	39,2	189,9	31,6	15,0	87,3
Июль 1949		26,1	39,5	185,7	31,0	14,5	84,1
Январь 1950	528,5	26,8	40,7	193,9	32,8	15,1	87,3
Июль 1950	537,4	27,7	41,7	202,3	34,7	16,9	90,5
Январь 1953	494,0	30,8	44,5	222,5	42,1	19,3	99,4
Январь 1954	505,4	32,0	47,3	234,5	46,5	20,2	106,1
Январь 1959	225,8	29,0	32,7	244,9	48,6	19,3	109,7
Январь 1970	248,8	31,0	23,6	313,5	61,6	19,1	125,8
Январь 1979	379,3	42,4	35,0	422,7	93,1	21,5	160,8
Январь 1989	419,8	49,9	33,0	501,8	105,5	24,3	173,6

К 1989 году депортированные народы частично восстановили свои потери - прежде всего, за счет компенсаторного роста числа рождений в 50-60-е годы. Меньше всего удалось компенсировать потери крымским татарам - народу, который все послевоенное время подвергался преследованию со стороны властей. Высокими остались также потери у тех народов, уровень рождаемости которых был традиционно высок и остался высоким к 1970-м годам (практически все мусульманские народы). Это связано с тем, что в условиях высокой рождаемости ее компенсаторный рост не может также заметно влиять на воспроизводство населения, как в условиях низкой рождаемости, поскольку

уровень рождаемости ограничен сверху биологическими и социальными факторами. Именно это обстоятельство сказалось на том, что у калмыков - народа, понесшего наибольшие потери в 50-е годы, - к 1989 году уровень потерь оказался относительно невысоким (в 1970-е годы рождаемость калмыков была уже низкой, а компенсаторный рост рождений в 50-60-е - высоким).

Оценки потерь для всех десяти totally депортированных народов СССР по отношению к их исходной численности сведены в табл. 6, а частичная компенсация потерь по мере удаления от момента депортации отражена в табл. 7

Таблица 6. Потери десяти народов СССР, вызванные депортацией

Народы	Депортировано, тыс.	Прямые людские потери, тыс.	Дефицит рождений тыс.	Всего демографических потерь, тыс.	Демографические потери в % к числу депортированных
Корейцы	172,5	28,2	17,3	45,5	26,4
Финны	105	18,8	22,1	40,9	39,0
Немцы	1276,9	228,8	269,3	498,1	39,0
Карачаевцы	71,9	13,1	18,8	31,9	44,4
Калмыки**	104,1	12,6	27,1	39,7	38,1
Чеченцы	412,5	125,5	98,5	224	54,3

Народы	Депортировано, тыс.	Прямые людские потери, тыс.	Дефицит рождений тыс.	Всего демографических потерь, тыс.	Демографические потери в % к числу депортированных
Ингуши	96,3	20,3	21,8	42,1	43,7
Балкарцы	39,4	7,6	11,3	18,9	48,0
Крымские татары	200	34,2	55,2	89,4	44,7
Турки-месхетинцы	102,1	12,9	23,6	36,5	35,7
Итого	2580,8	501,9	565	1066,9	41,3

** вероятно, оценки числа высланных и величины потерь занижены

Таблица 7. Демографические потери десяти народов СССР, вызванные депортацией, по сравнению с их возможной численностью при отсутствии потерь, в процентах

Народы	Демографические потери в % к численности депортированных в момент высылки	Демографические потери с учетом частичной компенсации в результате повышения рождаемости в % к прогнозу по гипотезе «без потерь»	
		к 1959 году	к 1989 году
Корейцы	26,4	17,7	15,1
Финны	39,0	38,2*	33,2*
Немцы	39,0	12,2	11,3
Карачаевцы	44,4	26,3	21,2
Калмыки**	38,1	23,6	10,7
Чеченцы	54,3	36,9	31,5
Ингуши	43,7	31,4	27,2
Балкарцы	48,0	31,3	18,4
Крымские татары	44,7	37,3	36
Турки-месхетинцы	35,7	38,4	38,5
Итого	41,3	22,3	20,1

* с учетом военных потерь, потерь от эмиграции и ассимиляции

** вероятно, оценки числа высланных и величины потерь занижены

Потери демографического потенциала к 1989 году указывают, что депортированные народы так и не сумели полностью оправиться от последствий депортаций - долгосрочные потери их населения составили от 10-20% (немцы и калмыки; при альтернативном расчете долгосрочные потери калмыков составляют 28%) до 30-40% (чеченцы, крымские татары, турки-месхетинцы) от возможной численности в отсутствие катаклизмов 1940-х годов.

Примечания

[1] Полян, П.М. 2000. Не по своей воле... - М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2000. - 330 с.; Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing / The Journal of Modern History 70 (December 1998): 813-861

[2] Полян П.М. Не по своей воле... - М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2000: 239

[3] Martin T. Op. cit.: 822

[4] Ibid.: 854-855.

[5] Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003: 272, 298, 300.

[6] Anderson, B.A. and Silver, B.D. Estimating Russification of Ethnic Identity Among Non-Russians in the USSR. Demography 20/4: 461-489

Ольга Гришина (Гайбель)

456318 г. Миасс, Челябинская область пр. Октября, 21-27; 8-9043055631

Мнение участника мероприятий в Саратовской области

70 ЛЕТ ДЕПОРТАЦИИ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Я вернулась из Саратова и не один день хочу для себя ответить на один вопрос: где я была? Приглашали с 25 по 29 августа на мероприятия, посвящённый 70-летию начала Великой Отечественной войны и 70-летию депортации советских немцев. А что было, не поняла.

Конференция обсуждала горячие проблемы и выносила руководству страны свои решения и просит их рассмотреть и принять или отвергнуть. Она проходила где-то в университете и была объявлена как научно-практическая, на которой присутствовали историки и социологи всех званий и рангов. А что обсуждали? А мы не знаем, так как свободная трибуна, запланированная на 10 часов утра 29 августа, где мы хотели задать вопросы руководителям из Москвы и Саратова, была отменена и мы сутки слонялись без дела, в ожидании отъезда.

А для нас, гостей из многих уголков России устроили роскошную тусовку. Руководство регионом принимало по высшему разряду! Во всех поселениях, районных центрах и захолустных посёлках: стенды, фотоматериалы, воспоминания ветеранов поселенцев. Меня принимали коллеги, работники культуры, нам было о чём поговорить и чем поделиться. Я, депортированная в восьмилетнем возрасте приехала в родные места, чтобы ещё раз вдохнуть запах детства, горьковатой степи, пьянящий от аромата хлеба и несравненный от яблок! Понять меня сможет лишь тот, кто это пережил.

К торжествам мы тоже прикоснулись. Возложили венки на Соколиной горе погибшим воинам Великой Отечественной войны. Здесь с приветственным словом к нам обратилось руководство Саратовской области, а заместитель министра Министерства регионального развития России господин Травников даже поздравил нас с праздником. Только не поняли с каким, ведь мы приехали на тризну по соотечественникам, которые легли на полях боевых сражений, защищая Родину и умерли от истощения в трудармии, выковывая в тылу меч Победы.

Порадовало, что в Энгельсе открыли памятник жертвам политических репрессий. Но как в 90-е годы прошлого века, нас встретила группа скинхедов с плакатами и коммунисты. Они против открытия памятника. Посмотрела я на них... Вас бы в 1941-й год, когда 13-17 летние растили хлеб, стояли у станка, рубили уголь, на чьих плечах держался тыл. Делать вам нечего, и маётся вы от безделья, а взрослые «дяди» за вас купоны стригут. А коммунисты?

Они выросли на репрессиях и до сих пор не могут уняться.

Двадцать лет прошло, как российские немцы в полный голос заговорили о реабилитации. Руководством страны были приняты документы, которые все расставили по своим местам. Так что и сейчас российские немцы должны оправдываться и доказывать что они чисты перед Россией? Бог им судья!

Город Маркс произвёл на нас хорошее впечатление. В кирхе прошла поминальная служба, возложили венки на аллее героев и к памятнику Екатерине II. В музыкальном колледже подготовили для нас потрясающий концерт. И мы имели возможность познакомиться с историей колледжа, который был основан российскими немцами.

В заключении всех мероприятий для нас организовали банкет. Мы ждали, что как в детстве соберемся на пикник на берегу Волги с арбузами, дынями и фруктами и концертными выступлениями творческих коллективов. А у нас очередная жрачка! Страна рыдает, как мы плохо живём, а накроют столы, лорд позавидует!

29 августа планировался, как день свободной трибуны. Хотелось получить ответы на важнейшие для нас вопросы и сказать, зачем лично ты приехал на Родину. Не получилось. Я хочу это вопросы озвучить:

Кто-то из руководителей страны принесёт извинения своему народу за пережитые унижения и страдания?

Почему депортированные верховной властью, оказались льготниками регионов и льгота составляет - 200 рублей проезд, 50% у ЖКХ, и то можно поспорить - 30% это точно! По 16 статье льгот на лекарства почти нет. Один раз в год бесплатный проезд в любой конец страны, но почти никто никуда не ездит, а в бюджет закладывают расходы - почему не выплатить среднестатистическую сумму, а поеду я или куплю лекарство, продукты - решу сама.

Выселенные из городов имели на руках (не все) акт на оставленное имущество, они смогли получить компенсацию. А поселение выгоняли, как скот. Ручная кладь, детей в охапку и шагом марш! Кто компенсирует потери?

Мы оставили добротные дома, вороха зерна во дворах, полные погреба овощей, солений, скотины полные дворы и три дня сидели на узлах в 150 метрах от дома и, сердце разрывалось от боли, как кричал голодный скот, надоенные коровы, куры и, похоронный вой

собак.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич Медведев и Владимир Владимирович Путин! Мы с такой надеждой ждали, что в день 70 летней годовщины депортации найдутся у руководства страны несколько теплых слов в адрес одного из униженного и оскорбленного российского народа! Не нашлось.

Желаю родной стране лишь одного, пусть ни одному народу нашей страны никогда не придётся пережить не только наяву, но даже в страшном сне, то через что прошли российские немцы.

Ещё раз спасибо землякам за тёплый приём и радушие. Живите долго и счастливо!

Настя Викторовна Козлова

8 мая 2009

... Мой Дедушка, с 1936 по 1946, а потом с 1950 по 1956 сидел в тюрьме, так как политический - немец. Бабушка была привезена из Германии после войны... сначала тюрьма потом трудармия, а потом страх и Челябинск. Вся жизнь в г-о.

А с другой стороны Дедушка воевал, два раза был в плену, войну закончил в Берлине, вернулся в 47 и влюбился в Бабушку, которая «воевала» в госпитале в Сталинграде, так и приехали за заводом на ЧМЗ.

Весёлая свадьба была у моих родителей... с одной стороны «враги», с другой «победители»...

Виктор Кригер

НЕМЦЫ СССР КАК ЗАЛОЖНИКИ КУЛЬТА «ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

В начале 1930-х годов наметился отход сталинского руководства от идеологии пролетарского интернационализма и классовой борьбы, еще более усиленный идеологической конфронтацией с фашистской Германией. Все большую роль стали играть пропаганда героических страниц истории российской империи, консервативно-патриотические ценности. Явный поворот к великодержавному шовинизму и ксенофобские тенденции в советской культурной политике вызвали негативную реакцию даже в самой большевистской среде. Такие заказные произведения как фильм «Александр Невский» характеризовались известным литературным критиком Владимиром Блюмом в письме Сталину как проникнутые духом «расового национализма».¹

Резко изменилось отношение к национальностям, которые имели государственность за пределами СССР; они превратились в объект шпиономании и подозрительности. Еще задолго до начала Второй мировой войны советские граждане польской, немецкой, финской, корейской, латышской и др. национальностей подвергались по инициативе высших органов власти депортациям и другим репрессивным акциям.² В отношении немецкого населения эти тенденции многократно усилились после начала военных действий с гитлеровской Германией. Ликвидация АССР НП и последующее массивное ограничение в правах советских граждан немецкой национальности не в последнюю очередь диктовалось потребностями тотальной пропаганды. Образ противника в течении нескольких месяцев войны претерпел

серьезную трансформацию. Вместо обращений к «германскому народу, поработанному гитлеровскими заправилками», в средствах массовой информации (СМИ) замелькали такие эпитеты как «немецкие псы», «гитлеровское зверье», «фашистские людоеды», «низколобые немецкие выродки»... Апофеозом обесчеловечения противника стал брошенный поздним летом 1942 г. в массы призыв: «Убей немца».³

В такой атмосфере уже не оставалось места для полутонов, для дифференцированного подхода с одной стороны, к населению Германии и солдатам вермахта, а с другой к своим согражданам немецкой национальности. Напротив, Управление государственными архивами НКВД СССР срочно подготовило в 1942 г. сборник документов о немецком шпионаже в годы Первой мировой войны, который должен был документально подтвердить предательскую деятельность различных групп немецкого населения России в пользу кайзеровской Германии. В сотнях тысяч экземпляров расходились популярные брошюры с характерными названиями «Немецкий шпионаж в царской России» или «Гитлеровский шпионаж». Литературный критик А. Дементьев издал в 1943 г. массовым тиражом книгу под характерным заголовком: «Реакционная роль немцев в истории России», а писатель П. Бажов уже с августа 1941 г. начал публиковать в «Правде» и других органах печати «Сказы о немцах», в которых отображались неизмеримое человеческое и моральное превосходство простых русских рабочих Урала перед приглашенными для развития горного и оружейного дела немецкими мастерами и

администраторами. Эти написанные на потребу дня германофобские сказы до сих пор пользуются успехом у читателей и издаются массовым тиражом. Только в последнее время российские ученые стали критически подходить к этой стороне творчества писателя.⁴

Совместная борьба русского и других народов против общего врага и триумф победы послужили идеальной предпосылкой для создания модели советского патриотизма и общей идентичности. Можно согласиться с оценкой социолога Льва Гудкова, что «Победа 1945 года - не просто центральный смысловой узел советской истории, начавшейся Октябрьской революцией и завершённой распадом СССР; фактически это единственная позитивная опорная точка национального самосознания постсоветского общества ... Победа в войне легитимизирует советский тоталитарный режим в целом, бесконтрольную власть как таковую, задним числом, ретроспективно оправдывая издержки советской истории, форсированной военно-промышленной модернизации - репрессии, голод, нищету, массовую гибель людей после коллективизации, создавая безальтернативную версию прошлого, единственно возможные и значимые рамки интерпретации истории.»⁵

Центральную роль в создании и укреплении культа Великой Отечественной войны играл образ врага. Со школьной скамьи у советских людей с помощью литературы и прессы, телевидения и кино, театрального и изобразительного искусства, а также в ходе личных встреч с ветеранами войны формировался негативный образ немцев и немецкой истории. Многие годы понятие «немецкое» практически уравнивалось с «фашистским». Кремлевское руководство мастерски использовало примитивную германофобию как средство стабилизации послевоенного советского общества, формирования психологии «осажденной крепости», оправдания милитаризации экономики и низкого уровня жизни.

Инструментальная роль культа Великой Отечественной войны и связанного с ней образа врага оказались настолько важны, что апелляции поволжских активистов в 1960-х гг. и последующих лет по поводу общественно-политической и территориальной реабилитации даже к авторитету В.И. Ленина, стоявшего у истоков национальной автономии, не принесли успеха. СМИ и исторической наукой замалчивалась тема поддержки, оказанной

поволжскими немцами большевикам в годы гражданской войны.⁶ После смерти Сталина и осуждения его преступлений официально декларировалось возвращение к ленинским нормам, но фактически довели представления, сформированные в годы ВОВ. В коллективных воспоминаниях советского общества о войне не нашлось места ни депортациям своих граждан и условиям их выживания в местах ссылки, ни работе мобилизованных в лагерях принудительного труда на Урале или в Сибири, повлекшей за собой многочисленные жертвы. Исключение российских немцев не только из дискурса гражданской войны, но и из важнейшего «общего дела» всех социальных слоев и национальностей страны - участия в войне и в триумфе победы - посеяла неприязненное и подозрительное отношение к ним, блокировала формирование советской (российской) немецкой идентичности и подрывала лояльность этой этнической группы к государственным институтам. Глубоко сидящие в памяти стереотипные ассоциации служили одной из основных причин неприятия большинством местного населения и государственного аппарата идеи восстановления Немецкой автономной республики в саратовском Поволжье.

После распада СССР и дискредитации социалистических мифов и символов продолжает постоянно расти значение победы над Германией, отложившаяся в коллективной памяти русского и других народов как победа над немцами. Если в 1996 году на вопрос: «Что у вас лично вызывает наибольшую гордость в нашей истории?» 44% опрошенных россиян отвечала «Победа в Великой Отечественной войне» (самая большая группа ответов), то в 2003 году таких было уже 87%.⁷ С победой связаны в первую очередь такие черты как жертвенность и героизм советской стороны, моральное и человеческое превосходство над «немцами-фашистами». Малейший диссонанс в отношении этого ключевого символа национальной самоидентичности воспринимается массовым сознанием крайне негативно. Особенно это касается вопроса об ответственности как государства, так и общества перед своими немецкими согражданами. Страдания, преследования и унижения российских немцев, как и ряд других неприятных фактов советской истории, оказались в итоге вытесненными на периферию общественного сознания современной России.

1 «Все черты расового национализма...». *Интернационалист жалуется Сталину (январь 1939 г.) // Вопросы истории*, 1/2000, с. 128-133.

2 Terry Martin: *Terror gegen Nationen in der Sowjetunion // Osteuropa* 6/2000, S.606-616; он же: *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union: 1923-1939. Ithaca* 2001.

3 См. подробнее о влиянии германофобской пропаганды на положение российских немцев в годы войны: Viktor Krieger: *Patriots or Traitors? - The Soviet Government and the German Russians' After the Attack on the USSR by National Socialist Germany // Russian-German Special Relations in the Twentieth Century: A Closed Chapter? / edited by Karl Schloßgel. (= German Historical Perspectives/ XIX), Oxford - New York 2006, p. 133-163.*

4 Лапин В. *Немецкие оружейники на Урале // Немцы на Урале и в Сибири. Екатеринбург 2001, с. 138-142.*

5 Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Москва 2005, с. 94.

6 См. нашу публикацию: Невольные спасители революции?, в: <http://www.viktor-krieger.de/html/nevolno.html>

7 Гудков Л., указ. соч., с. 90.

НА СЛУЖБЕ У СОПЛЕМЕННИКОВ

Не будет преувеличением назвать нашего земляка, профессионального историка Александра Приба, персональным летописцем немецкой диаспоры, на протяжении более 200 лет отдававшей России свои земледельческие, ремесленные, торговые знания, талант и опыт. Уже с первых дней пребывания в Германии (1994 год) он обратился к нашему народу за правдой, такой, какая она есть. В результате сотен встреч и интервью с нашими стариками на свет на русском и немецком языках появились сотни исторических и публицистических статей, которые были опубликованы им в немецко-русских газетах и журналах Германии. Вершиной его творческой деятельности на поприще служения своему народу явилась диалогия «Немецкие колонисты России»*. Чтение его книг вызывает у читателей гордость за великие деяния наших предков и великое уважение к ним. Невозможно без внутреннего содрогания, без душевного надрыва читать строки, в которых автор описывает реальные картины мук и страданий, выпавших на их долю во время двух мировых войн, революции и геноцида в период войны между Германией и СССР.

Благодаря многолетнему труду, ему удалось собрать среди наших немцев сотни документов и семейных фотографий конца 19-го начала 20-го веков, множество рассказов, воспоминаний, дневниковых записей, имеющих огромное значение для написания правдивой истории, над которой он продолжает работать в настоящее время. В 2000 году А. Приб через газету «Heimat-Родина» обратился к нашим немцам с предложением заполнить и выслать в его распоряжение «Анкету-трудоустройство». В результате он совершил то, чего никому не удавалось сделать ни в России, ни в Германии прежде - собрал 1500 анкет выживших узников концентрационных лагерей-трудоустройств. Эти живые свидетельства наших стариков легли в основу ниже публикуемой работы, в которой он документально доказывает, что геноцид по отношению немецкой диаспоры в СССР является неопровержимым фактом!

В настоящее время Александр Приб работает над сбором видеоматериалов для создания документального кино о немцах России. Пожелаем ему успехов на этом трудном, но таком необходимом для нашей истории пути!

(* Диалогию «Немецкие колонисты России» на русском и немецком языках вы можете заказать в издательстве Waldemar Weber-Verlag по телефонам: 0821-4190431; 0821-4190433).

Опубликовано в 9 номере 2011 года в газете «Heimat-Родина»

Александр Приб

ПЕПЕЛ ИХ СЕРДЕЦ СТУЧИТ В НАШИ СЕРДЦА

КТО ответит за преступление против немцев?

Данная аналитическая статья написана на основе анализа анкет немцев СССР, собранных автором в течение нескольких лет среди тех, кто выжил в адских условиях неволи и издевательств.

Понятие геноцид в международной правовой практике означает истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам.

* * *

Многие современные исследователи истории российских немцев пытаются убедить нас

в том, что понятие геноцид неприемлемо при определении ситуации, в которой оказались они в годы минувшей войны. На практике ученые, занимающиеся этой проблемой, вынуждены следовать наставлениям политиков в том, чтобы рассматривать трагедию российских немцев периода войны в плане политических репрессий и не более того.

Именно в этом ключе работают ученые Ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Москва). Обходят стороной тему геноцида и ученые из числа российских немцев, например, Саратовского универси-

тета под руководством доктора исторических наук, профессора А. Германа (Россия), а также ученые Гёттингенского исследовательского центра, возглавляемого бывшим российским немцем доктором А. Айсфельдом. Мало того, профессор А. Герман не признает того факта, что у «большевистского режима к советским немцам была особая ненависть... проводилась особая политика геноцида». На его взгляд, те, кто говорит об имеющем место геноциде в отношении немцев, должны «подняться над ненаучными, эмоционально-субъективными представлениями о советском периоде истории российских немцев». Профессор А. Герман считает, что депортацию и последовавшую за ней трудовую «нельзя назвать геноцидом». Он, например, утверждает, что «немецкие граждане Советского Союза стали жертвами перестраховки, принявшей присущую сталинскому режиму грубую форму». То есть, профессор, выступая чуть ли не в качестве адвоката преступного режима, хочет убедить наших стариков, чудом выживших в истребительных лагерях смерти, что они являются «жертвами перестраховки», проявившейся «в грубой форме». Только и всего-то?! Но согласны ли с таким определением свершившегося преступления сами жертвы, те, кто стоял у края могилы и чудом спасся? Правда, есть ученые, которые при исследовании этой темы употребляют слово «геноцид», но называют его «непреднамеренный», совершенный сталинским режимом против немцев. (А. Курочкин. «Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности...»). Выходит, что убийство сотен тысяч немцев произошло вроде как случайно. Ошиблась власть, с кем не бывает!?. И листовка Ильи Эренбурга «Убей немца!», что, тоже дело случая, не подумав, запустили миллионными тиражами? А ведь на совести этого сталинского идеолога-нелюдя тысячи и тысячи немцев, убитых в лагерях после его кровавого призыва. А может быть в том, что советский режим в годы войны озверел, во многом виновата «сложная международная обстановка», как пытается нас убедить И. Алфёрова в своей научной работе «Государственная политика в отношении депортированных народов» (Москва. 1997)? Какое удобное оправдание найдено действиям преступного режима - убили миллионы людей - обстановка была такая... Таким образом можно любое преступление оправдать.

Как видим, ученые тщательно обходят щекотливую для них тему геноцида стороной, подменяя его выражениями типа «использование принудительного труда мобилизованных немцев». Они, практически, не проводят границы между репрессиями 30-х годов против всего немецкого народа и геноцидом, объявленным немцам советским режимом в годы войны. Вместо геноцида учеными используются такие туманные термины, как, например, «репрессии 30-х годов и трагедия 1941 года» или «депортация целого ряда народов бывшего Союза, среди них немцев»,

«Репрессивная политика в отношении немцев нашла свое продолжение в 1942 году ... при мобилизации в рабочие колонны» (Н. Смольникова. Последствия депортации. М., 1999). Для исследователей стало незыблемым правилом рассматривать трагедию российских немцев в числе миллионов жертв сталинизма, «безвинно переживших репрессии», даже не пытаюсь выделить их уничтожение, проводимое методично изо дня в день и особенно в 1942-1943 годах в «трудармиях» сугубо по национальному признаку, в отдельную тему.

А теперь обратимся к статистике. Итак, согласно переписи населения Российской империи 1914 года, в ней проживало 2416290 немцев. После Второй мировой войны, когда немцы были поставлены на специальный учет, их число составило 1224931. С учетом того, что около 300000 человек (включая немцев Прибалтики и Польши) избежали послевоенной депортации из Европы и Германии, убыль немецкого населения в СССР составила около 900000 человек. Таким образом, вместо необходимого естественного прироста, мы наблюдаем неестественное сокращение численности немецкого населения, которое без сомнения следует отнести на счет красного террора времен гражданской войны, коллективизации, политических репрессий и особенно на счет геноцида, объявленного немцам Августовским указом 1941 года о депортации и Январским 1942 года постановлением ГКО о «мобилизации» немцев в «трудовые армии», где почти половина «мобилизованных» нашла себе смерть.

Возвращаясь к правовому понятию геноцид, отметим, что к нему относится уничтожение народа, проводимое государством по трем мотивам: расовым, национальным или религиозным. Для установления факта геноцида достаточно одного из трех названных мотивов. Исторически неоспоримым фактом для нас является то, что немецкая диаспора, начиная с 1914 и по 1948 годы, не досчиталась почти одного миллиона человек. И это только прямые потери, не считая косвенных, таких, как катастрофические потери из-за не появившихся на свет детей. Нам остается установить - была ли гибель одной третьей части немецкой диаспоры результатом национального преследования или нет. Таким образом, если будет установлено, что национальный признак в процессе уничтожения немецкого населения в СССР присутствовал, то постфактум геноцида будем считать установленным.

С завершением коллективизации в СССР на смену экономическому террору пришел террор политический, который ознаменовался кровавыми чистками. Во второй половине тридцатых годов СССР начинает массированную подготовку к войне. Милитаризация промышленности и рост боевой мощи Красной Армии принимают невиданный до этого размах. Германия определялась большевиками на ближайшие годы как главный потенциальный противник СССР. Сталин, готовясь к «осво-

бодительному походу» в Европу, хочет иметь гарантии безопасности в тылу. Он боится, что в условиях войны в стране может объявиться «пятая колонна». Именно эта причина положила начало генеральной кадровой чистке в СССР и массовым репрессиям против всех вероятных противников режима.

Начавшееся противостояние СССР и Германии неизбежно вело к тому, что в поле зрения власти тут же попали и все немцы, живущие на территории советского государства, в том числе и российские. Немецкий вопрос, как и перед Первой мировой войной, вновь прочно вошел в круг правительственных интересов, а немцы одними из первых попали под топор большевистских палачей. В 1935 году немцы СССР были взяты на специальный учет. Первым массовым преследованием немецкой диаспоры в СССР, повлекшим за собой многочисленные человеческие жертвы, очевидно, следует считать насильственную депортацию немцев из западной приграничной зоны в Сибирь и безжизненные степи Казахстана в 1935-1936 годах. На новых местах в задачу немцев входило освоение целинных земель, а так же работа на рудниках Караганды.

О том, как это происходило, свидетельствует Алвин Локштайн, до переселения живший в Житомирской области. «Загрузили нас, как скот, в эшелоны и повезли на восток, не спрашивая, хотим мы того или нет. Высадили в степи Кокчетавской области, где нас ждали палатки. На сотни километров кругом ни одной живой души, только суслики и тушканчики, да мы, немцы. Не было ни жилья, ни продовольствия, ни медицинского обслуживания. Людям пришлось выживать в экстремальных условиях, что вело к гибели людей. В первую очередь в этих условиях гибли дети и старики».

В 1937-1938 годах немцы, как и весь советский народ, попали под топор сталинских репрессий. Но и в этом случае немцы страдали более других, и опять из-за своей национальной принадлежности. Так, в это время в стране органами НКВД была проведена «немецкая операция». Инспирировал ее Сталин подачей в Политбюро ВКП (б) собственноручной записки, в которой предлагалось: «Всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительных во всех областях арестовать». После принятия Политбюро соответствующего постановления в НКВД был составлен оперативный приказ, в котором немцы, германские подданные, объявлялись «шпионами и диверсантами». Согласно этому приказу, по стране были арестованы и репрессированы около 700 немцев германских подданных. С началом этой акции началось беспощадное преследование и российских немцев по, так называемой, «немецкой национальной линии». Уже к декабрю 1937 года по линии НКВД были арестованы и осуждены около 6000 человек немецкой национальности, к февралю 1938 года под арестом находилось уже 40 тысяч российских немцев, а концу года около 70 тысяч.

Вот лишь один из примеров, среди десятков тысяч других, расправы над немцами в те годы.

Мартын Мартынович Шварц, 1905 года рождения, уроженец и бывший житель немецкой колонии Солнцево Донецкой области, по национальности немец, до ареста работавший бригадиром полеводов в колхозе имени Тельмана. Был арестован за участие в деятельности «контрреволюционной фашистско-повстанческой организации» и по постановлению НКВД СССР и Прокурора СССР 12 декабря 1937 года расстрелян. 31 октября 1961 года военным трибуналом Киевского военного округа М.М. Шварц «реабилитирован посмертно».

В результате было осуждено приблизительно 69-73 тысячи российских немцев, из них почти 74% - к расстрелу (Н. Охотин, А. Рогинский. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. Москва, 1999.). В других национальных группах к расстрелам приговаривали около 73% от общего числа арестованных, то есть в меньшем количестве. Таким образом, во время репрессий принадлежность к немецкой национальности значительно усугубляла ситуацию, и немцев приговаривали к расстрелам чаще, чем в других национальных группах.

Показательна в этом отношении и судьба немцев, служивших в 1941 году в Красной Армии. Когда началась война между Германией и СССР, на военной службе числилось более семидесяти тысяч российских немцев. Это были не только солдаты, но и офицеры вплоть до старшего состава. Именно с них Сталин начал беспощадную расправу над немцами в отместку за нападение Гитлера. С этой целью в войска из Кремля был спущен секретный приказ за № 35105 от 8 сентября 1941 года, который предписывал немедленно освободить Красную армию от личного состава немецкой национальности.

Разумеется, что особого доверия к немцам со стороны власти не было и раньше, а когда началась война, все они автоматически были зачислены в разряд потенциальных врагов государства. Уже в сентябре-октябре 1941 года все военнослужащие немцы были уволены из армии, и многие из них приговорены или к расстрелу, или к различным срокам заключения в лагеря за шпионаж в пользу Германии. После отбытия наказания они автоматически переводились в рабочие колонны, а попросту в концентрационные лагеря, где использовался рабский труд заключенных в них немцев. Те, кто не был осужден, стали первыми жертвами трудовых колонн, куда они были заключены. Это был прообраз созданной постановлением ГКО от 10 января 1942 года целой системы лагерей, где впоследствии было сконцентрировано все немецкое население страны от 15 до 55 лет, включая и женщин.

Свидетельствует Теодор Польш, призванный на службу в армию из немецкой республики Поволжья весной 1941 года. «Вскоре после начала войны меня прямо в казарме арестовали

люди из особого отдела части и отправили в камеру. Я был обвинен в шпионаже, и «тройка» вынесла мне приговор: «Пять лет лишения свободы». Наказание я отбывал в Соликамске, добывал соль в соляных пещерах. Отбыл в лагере положенное, а после освобождения в трудовую армию забрали».

Война большинству российских немцев, бывших военнослужащих, стоила жизни или десяти, а то и пятнадцати лет лагерного заточения, включая трудармию.

Следующей трагической страницей в истории российских немцев стала их депортация из европейской части СССР в восточные районы страны. Немцы в СССР оказались под рукой у Сталина, чтобы осуществить через них месть Гитлеру за срыв его дьявольских планов по завоеванию Красной Армией Европы. Кроме того, появилась возможность не только морально и физически расправиться с немцами, но еще выкачать перед смертью из них все жизненные соки на рабских работах в концентрационных лагерях, лицемерно названных «трудовой армией».

С началом войны пришла очередь расправиться и с немецкой республикой Поволжья. Если прежде она нужна была Сталину при освободительном походе в Европу и ее советизации как эталон национальной политики СССР и советского образа, то отныне диктатор в ней более не нуждался. Не имея фактов для обвинения немцев в нелояльности к власти, комиссары НКВД в ход пустили провокационную информацию о том, что в немецкой республике готовится массовое предательство и диверсии с целью помочь фашистской Германии оккупировать СССР. Тиражируемая миллионами экземпляров советской прессы ложь позволила появиться на свет чудовищному Указу от 28 августа 1941 года, согласно которому началась депортация за Урал вначале Поволжских немцев, а затем и всех остальных, живущих в других республиках страны. Все немцы, которые не попали под оккупацию стремительно наступающей по всем фронтам немецкой армии, были депортированы за Урал. Для выполнения поставленной правительством задачи по депортации немцев и других неугодных наций при правительстве СССР был создан Отдел переселений НКВД, под руководством которого началась депортация. Члены правительства Немецкой республики были расстреляны.

О том, что эти «превентивные» меры наказания немцев были совершенно беспочвенны, свидетельствуют исторические исследования российских ученых. Так, например, известный российский историк А. Уткин в своей книге «Россия над бездной» подчеркивает, что когда Германия перед началом войны с СССР попыталась для сбора информации стратегического характера использовать население Поволжской республики, ничего из этого не вышло. «... прямое и косвенное (через Немецкий институт внешних связей) обращение к ним (к немцам республики Поволжья, автор) германской

военной разведки не помогло установить надежные связи. Советские немцы не изменяли своей новой родине», - утверждает ученый.

Война для российских немцев явилась настоящим бедствием. Они вновь стали объектом жестоких преследований и именно по национальному признаку. Депортация для немцев имела катастрофические последствия. Во-первых, они были лишены полностью имущества. Во-вторых, депортация проводилась в чудовищных, нечеловеческих условиях. Людей, как скот, загнали в грузовые железнодорожные вагоны, на баржи, в трюмы речных судов и многие недели везли на восток. В этих адских условиях погибли тысячи людей. Установить хотя бы приблизительное количество погибших не представляется возможным, потому как учета смертей среди депортированных никто не вел. В местах депортации, а это, как правило, были самые захудалые колхозы и совхозы страны, расположенные в гиблых, мало пригодных для жизни людей местах Сибири и Казахстана, их встречали как врагов, повинных в войне. Власть и не подумала провести с населением разъяснительную работу. Депортированных считали за фашистов, повинных в войне и связанных с ней бедствиях советского народа.

Немцев доставили в места депортации к началу зимы, и зимовать им в большинстве своем пришлось в совершенно непригодных для жизни помещениях: в амбарах, сараях, конюшнях, кошарах, скотных дворах. Отсутствие нормального питания, медицинского обслуживания, антисанитарные условия, холод и голод вели к заболеваниям людей, к распространению среди них инфекций, простудных заболеваний, педикулезу и т.п. Неестественная смерть среди немцев стала обыденным явлением. Государством немецкому народу был брошен смертельный вызов, которого он никак не ожидал и к которому совершенно не был готов.

Но это было лишь началом того ужаса, который готовил Кремль депортированным. Очередным драконовским постановлением от 10 января 1942 года № 1123сс (совершенно секретно) всех трудоспособных немцев по повесткам из военкомата призвали для заключения в лагерь. В этих адских лагерях, названных немцами «истребительно-трудовыми», их принудили на протяжении долгих лет под дулами винтовок в античеловеческих, рабских условиях работать. Здесь нашла себе смерть почти половина всех мобилизованных. Цифра погибших в лагерях людей по различным оценкам определяется 500-600 тысячами. Согласно данным анкет, которые в течение прошедшего лета приходили в мой адрес от читателей, бывших узников этих лагерей смерти, чудом вырвавшихся оттуда после войны, вырисовывается страшная, апокалипсическая картина.

Немецкая трудовая армия, по сути, являлась сетью концентрационных лагерей, находящихся в прямом подчинении НКВД, отличающихся друг от друга лишь принадлежностью к той или

иной отрасли хозяйства страны. Характерно при этом, что лагеря для немцев создавались в самых трудоемких отраслях добывающей или строительной промышленности, а также в лесном хозяйстве по заготовке древесины, иначе в тайге на лесоповалах. В каждом таком лагере была одинаковая организационная структура: все заключенные делились на отряды, состоящие из колонн, колонны, в свою очередь, состояли из бригад.

Изучение содержания анкет позволяет сделать вывод, что немцы были задействованы на работах в тайге на лесоповалах, на урановых, никелевых, железорудных, угольных и соляных шахтах, на строительстве железных дорог, а также на строительстве объектов военного назначения на базе эвакуированного из западных областей СССР промышленного оборудования.

Таких лагерей насчитывались десятки. Среди них Печорлаг, Волжлаг, Вятлаг, Минераллаг, Антарклаг, Челябинлаг, Ныроблаг, Усольлаг, Северураллаг, Соликамлаг, Востокураллаг, Ухталлаг, Широлаг, Кизельлаг, Ивдельлаг, Воркутлаг, Уктуземлаг, Устовымлаг, Севкузбаслаг, Южкузбаслаг, Башкирнефестрой и другие.

Только в Уральском регионе в январе 1944 года за колючей проволокой находилось около 120 000 человек. Самый крупный из них Бакаллаг, он же Челябинлаг, состоял из 16 стройотрядов и пяти отдельных колонн. Численность загнанных только сюда немцев в течение войны, начиная с весны 1942 года, колебалась от 20 до 30 тысяч человек. В Соликамском лагере, где заключенные немцы добывали в соляных пещерах глауберову соль, средняя численность составляла около 10000 человек. В лагерях Молотовской (Пермской) области заключенных было около 20 тысяч. В Ивдельлаге число немцев в 1942 году достигало почти 12000, а в последующие годы из-за высокой смертности всего около 5000 человек. В Северураллаге немцев в начале 1942 года было около 10000, в последующие годы из-за высокой смертности их число снизилось до 4000. О том, что ждало «мобилизованных» в местах их заключения, можно судить по воспоминаниям бывших узников.

Свидетельствует Абрам Унру, который прибыл с одной из партий немцев на Урал к весне 1942 года. «Наш поезд прибыл на станцию Богославская города Краснотурьинска. Как таковой никакой станции не было, а было лишь название. Сюда к реке Турья были наспех уложены шпалы и рельсы. По обе стороны от железной дороги в хаотичном порядке на снегу находилось промышленное оборудование эвакуированного из Ленинграда алюминиевого авиационного завода. Нас тоже выгрузили прямо на снег. Место нашего лагеря было огорожено колючей проволокой. Ничего, кроме вышек охранников, здесь не было, и мы должны были сами себе строить бараки. Пока же нам выдали палатки, в которых мы

должны были жить. В промышленной зоне, куда нас водили под конвоем, мы вручную рыли в мерзлой земле котлованы под фундаменты ТЭЦ и завода. В нашем 14 отряде насчитывалось около 7000 человек. Здесь мы встретились с немцами, вывезенными из Крыма и Украины еще осенью 1941 года. Они были изможденными и еле держались на ногах. Они просили у нас хлеба. Но у нас его тоже не было. Кормили нас баландой из зерен пшеницы и ячменя и еще выдавали 700 граммов хлеба на сутки (при условии выполнения нормы). Такого питания было совершенно недостаточно, чтобы восстанавливать силы после тяжелого труда по 12 часов в день. Мы начали пухнуть от голода и умирать. Я выжил лишь потому, что из-за слабости получил работу учетчика на стройплощадке. Мертвых было очень много, и их по ночам свозили к приготовленным еще летом траншеям и закапывали землей вперемешку со снегом».

А это уже другой Волжский лагерь. Свидетельствует Пауль Крюгер. «Заключенные «Волголага», в который я был «мобилизован» весной 1942 года, строили железную дорогу Ульяновск-Свияжск. Все работы выполнялись вручную. Основными нашими инструментами были лопата, кайло, лом, тачка или носилки. Официально рабочий день длился 12 часов, фактически, с учетом движения до объекта и назад, уходило 13-14 часов. Суточное питание, которое состояло из 600 граммов больше похожего на глину хлеба (при условии выполнения нормы) и дважды в день полулитрового черпака пустой баланды с рыбьими головами, совершенно не восстанавливало расходуемых за день физических сил. В лагере свирепствовали болезни, в том числе и эпидемии. Но больше всего удручающе влияло на наши души изуверское к нам отношение охранников и произвол, который вершило над нами начальство. Уже через два месяца пребывания в лагере я был похож на скелет, обтянутый кожей, покрытой струпьями. В таком состоянии у меня произошла встреча с моим отцом, который прибыл в этот же лагерь с новой партией заключенных. Я вошел в комнату свиданий, где меня уже поджидал отец. Он сидел на стуле, смотрел на меня, а на лице никаких эмоций. Он просто не узнал меня. И только когда я назвалса, он пригляделся ко мне и заплакал. Говорить он уже был не в силах, настолько велико было его потрясение от увиденного. Ведь всего три месяца назад он проводил меня в трудармию здоровым и сильным восемнадцатилетним парнем...»

При таком режиме физического ресурса людей хватало на три - четыре месяца, потом наступало истощение, влекущее за собой необратимые разрушительные процессы в организме и неминуемую смерть. Лагеря, в которых содержали немцев, по царящим в них порядкам мало отличались друг от друга, поэтому проанализировать ситуацию в них в годы войны можно на примере одного из самых

крупных не только на Урале, но вообще в СССР - это Бакалстрой, в состав которого входил Челябинский металлургострой (ЧМС). Возглавлял его Комаровский, которого в конце 1943 года заменил генерал-майор инженерно-технической службы Раппопорт. Он считался одним из лучших специалистов по использованию и безжалостной эксплуатации рабского труда заключенных в СССР. Именно поэтому ему было доверено возглавить самое ответственное строительство объекта военного назначения первостепенной важности. Уже первого марта 1942 года на Челябинский металлургострой насчитывалось 11708 немцев. Они содержались в 16 строительных отрядах и пяти отдельных колоннах. Строительство металлургического завода в Челябинской области на базе бакальской руды (месторождение у города Бакал) было намечено еще до войны.

Вот как описывает эту стройку один из трудармейцев Адольф Элис. «Завод строился между селом Першино, расположенном на берегу реки Миасс, в 20 километрах от Челябинска, и селом Кругленьким. Расстояние между этими селами составляло 25 км. Эти 25 км и стали диаметром той территории, на которой началось строительство металлургического завода. Вся эта территория по окружности была ограждена колючей проволокой. Здесь нужно было построить два сталеплавильных и два мартеновских цеха, прокатный цех, кузнечно-прессовый цех, блюминг, литейный, термический, пять доменных печей, механические цеха, разливные цеха, коксохимический комбинат, кислородные цеха, конверторный цех, цеха холодной прокатки, ТЭЦ, паровозное и вагонное депо, сотни километров железной дороги, жилье для будущих рабочих завода.

Когда к весне стали прибывать первые мобилизованные немцы, строительство там уже велось. Его вели наши же немцы, снятые с фронта в 1941 году. Они успели построить ограждение территории завода, установили палатки тем, кто прибыл весной».

А вот свидетельство Артура Ейзеля, который прибыл в лагерь с партией немцев из Казахстана 17 февраля 1942 года. «В трудармию меня забрали 30 января 1942 года. Нас 18 суток везли до Челябинска. За все это время нас накормили всего один раз, когда поезд сделал остановку в городе Оренбурге. 17 февраля нас выгрузили на восточной окраине Челябинска и повели пешком по снегу к будущему 7 отряду, где стояло три недоделанных барака без окон и дверей. В них нам пришлось обжиться. А уже утром мы должны были приступить к строительству новых бараков для новых партий немцев, которые, как оказалось, формировались непрерывно в Сибири и Казахстане из российских немцев. Кроме того, нам пришлось строить и ограждение зоны, натягивать колючую проволоку, ставить вышки для охранников. То есть, мы сами себе строили зону и превратились в заключенных. Нас стали под конвоем водить на

работу и с работы. Обращались с нами, как с врагами народа и называли «фашистами» или «фрицами». Начался наш прискорбный труд с рытья котлованов под цеха. Орудиями нашего труда были лом, лопата, кирка, кувалда и тачка. Зимой руки в тонких хлопчатобумажных рукавицах примерзали к лому, и у людей лились слезы из глаз от боли. Согреться в течение дня было негде. У многих были обморожены пальцы на руках и ногах, но освобождения мы не получали. Мне из-за обморожения ампутировали большой палец на левой ноге.

За все четыре года моей работы на Челябинский металлургострой у нас не было ни единого отпуска, мы не получали ни одной копейки зарплаты и работали почти без выходных. Тех, кто не мог выполнить производственную норму, могли обвинить в саботаже или вредительстве, и за это можно было поплатиться жизнью. Часто из-за этого людей переводили в штрафную бригаду, так называемую «100-ю». Живыми из нее не возвращались».

Эрих Полински «Лагерь, в котором я оказался в 16 лет, был расположен в безводной пустыне Бейнеуской области (Средняя Азия) и назывался Бек-Беке. Мы жили, окруженные колючей проволокой и вооруженной охраной, в землянках, крытых матами из камыша. Спали на трехъярусных деревянных нарах, построенных из неотесанных досок и горбыля. Ни электроосвещения, ни отопления в наших жилищах предусмотрено не было, хотя мороз зимой достигал -30 градусов по Цельсию. Вокруг лагеря, насколько видели глаза, были небо и песок. Без медицинского обслуживания, наглухо отрезанные от остального мира, мы были обречены на неминуемую смерть от голода, холода и болезней. Самым страшным испытанием для нас были испытание голодом и жаждой. Воду и продукты к нам доставлял старенький ЗИС-5 за 300 километров. Если он вдруг выходил на какое-то время из строя, мы оставались без воды в условиях, когда летом температура в пустыне достигала +50 градусов. Люди сходили с ума от жажды, переставали ориентироваться во времени и пространстве. Работали мы по 10 часов в сутки. Мы отсыпали из песка полотно под будущую мнимую железную дорогу. Лопата, носилки, тачка были нашими орудиями труда. А поскольку песок в пустыне постоянно перемещается, то наша работа превращалась в сизифов труд: днем мы насыпали насыпь, а за ночь ветер ее разрушал. И так без конца до полного изнеможения, когда смерть казалось высшим благом.

Таких лагерей в нашей округе было несколько, а командовал ими настоящий тиран под именем Марк Израилевич Скобец. Он появлялся в лагере 2-3 раза в месяц, но его редкие посещения, сопровождаемые моральными и физическими издевательствами, запоминались нам надолго. Он орал на нас матом, грозил, что ни один немец не выйдет живым из этой пустыни, пинал тех, кто попадал под его горячую руку, ногами. Я до сих пор ношу след в

форме шишки на бедре от его пинка кованым сапогом. По его приказу мы вырыли в центре зоны для себя карцер, который представлял из себя колодец со сторонами 2 и глубиной 3 метра. Туда бросали на 3-5 суток тех, кто не мог выполнить дневную норму. Питание, и без того скудное, для наказанных урезалось вдвое. Там они и умирали под палящими лучами солнца. Трупы не хоронили, а вытаскивали за территорию зоны в пустыню. Могильщиком у нас был ветер, который скрывал от людских глаз следы человеческих преступлений. На 30% процентов наш лагерь состоял из женщин. Поначалу они еще находили в себе силы плакать по оставленным сиротами малолетним детям, но спустя короткое время от голода, жажды и адского переутомления у них, как и у всех нас, наступало полное безразличие и к себе, и к окружающему миру.

В лагере Бек-Беке в начале 1942 года находилось 1500 заключенных, к концу войны в живых из этой партии осталось несколько десятков доходяг. Не знаю, какое место по жестокости этот лагерь занимал среди остальных лагерей, думаю, что и там было не слаще, поскольку политика уничтожения немцев носила организованный, хорошо спланированный характер и не могла быть спонтанной волей отдельного начальника, а потому была ничем иным, как государственной акцией-преступлением.

Норма питания в немецких лагерях составляла в среднем 800 калорий, когда для нормальной жизнедеятельности организма требуется более 2000 калорий. При таком рационе питания и режиме труда (10-12 часов) очень быстро наступало истощение, влекущее за собой необратимые разрушительные процессы в организме и неминуемую смерть.

Особенно тяжелыми для нас были 1942-1943 годы, когда положение на фронтах было не в пользу СССР. Мы прекрасно понимали, что в случае взятия немецкой армией Москвы и выхода к Уралу, нас непременно всех уничтожат. От смерти нас спасли победы Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге. Правда, нам тогда уже было все равно. Голодом, болезнями и непосильным трудом мы были доведены до состояния, когда жизнь для нас потеряла всякий смысл. Хотелось только одного - перед смертью еще хотя бы раз наесться досыта. Умерших никто не считал, а на их место привозили все новые партии немцев. За 1942-1943 годы в наших бригадах погибли более половины людей. Их не успевали хоронить, и тогда трупы начали штабелевать. К такому штабелю подъезжала полуторка, и двое грузчиков загружали трупы в кузов автомашины. Накладывали их выше бортов, и один из грузчиков садился сверху, чтобы придерживать их во время поездки к могильнику. Трупы закапывали в общие могилы без имен и фамилий, лишь с привязанной к пальцу ноги биркой, где стоял номер личного дела заключенного. После войны поле, где были захоронены трупы из нашего лагеря, распахали и засадили картошкой. Я

сегодня могу под присягой подтвердить, что на строительстве Челябметаллургстроя погиб каждый второй трудармеец, и это был настоящий и ничем не прикрытый геноцид. Жизнь людей совершенно не ценилась, особенно в 1942-1943 годах».

Изучая содержание анкет, присланных трудармейцами, находившимися в лагерях совершенно разных по производственному профилю и расположенных в различных регионах, можно сделать целый ряд общих выводов.

Ни в одном лагере огромного Гулага не было столь скудного питания, столь бесчеловечного отношения, столь беспощадной эксплуатации подневольного труда, столь оскорбляющего человеческое достоинство унижения, как в лагерях, в которых находились во время войны немцы.

Содержались они в зонах лагерного типа за колючей проволокой и под вооруженной до зубов, усиленной натасканными на людей собаками, охраной. В этих адских лагерях смерти, прозванных немцами «истребительными», погиб каждый второй заключенный. Августовский указ Сталина сделал немцев не просто бесправными, он поставил их вне закона. Призывы Ильи Эренбурга «Убей немца!», которые тиражировались газетами и озвучивались радиовещанием на весь мир, гибельным мором проходили по лагерям, где были заключены немцы. Чем хуже было положение Красной Армии на фронтах, тем больше было работы у похоронных лагерных команд, не успевающих зарывать трупы.

Из этого можно сделать единственный вывод: именно для людей немецкой национальности были созданы специализированные лагеря, где по инициативе государства происходило методичное уничтожение людей посредством создания для них в местах заключения условий, совершенно неприемлемых ни для жизни, ни для нормального труда, условий, ведущих только к мучительной смерти.

К таким условиям можно отнести следующие:

1. В лагерях не были созданы элементарные бытовые и санитарно-гигиенические условия жизни, что способствовало распространению в них инфекционных болезней, простудных заболеваний, педикулеза и т.д., что заведомо вело к массовой смертности людей.

2. В лагерях немцы использовались на самых трудоемких земляных работах, таких как рытье котлованов и сооружений, насыпей под железные дороги, на добыче руды, нефти и угля, на лесоповале. Там, где трудились немцы, механизированный труд исключался. Основными орудиями труда для них были лом, кайло, лопата, тачка, топор, ручная пила.

3. В первые месяцы заключения они не получали никакой одежды и независимо от сезона вынуждены были работать в том, в чем прибыли в лагерь из дома. Когда их одежда полностью изнашивалась, их стали одевать в одежду погибших на фронте солдат. В основном это были

гимнастерки, брюки галифе, шинели, реже бушлаты. Сапог они не получали. Обувались в лапти или брезентовые бахилы на деревянной или резиновой (от вышедших из строя автомобильных баллонов) подошве, прозванные заключенными ЧТЗ (марка гусеничного трактора). Для этого в зонах создавались кустарные мастерские, где эта обувь изготавливалась. Обморожения, сопровождающиеся гангреной и последующей ампутацией пальцев на руках и ногах, были обычным явлением.

4. Рацион питания не был рассчитан на восстановление потраченных за время смены физических сил, что вело к истощению организма заключенных и неминуемой вслед за этим пеллагрой, когда восстановить организм человека даже при нормальном питании было уже невозможно. В этом случае их отправляли на «выздоровление» домой, где они, разумеется, вскоре умирали. Основным питанием заключенных были хлеб и, так называемая, баланда из крапивы, мерзлых листьев капусты, брюквы, иногда рыбьих голов или мизерной доли пшена и т.п. Хлеба на сутки при условии выполнения нормы выдавали от 800 граммов тем, кто работал под землей, например, в угольных шахтах, и до 500 граммов в других отраслях производства. Если норма не выполнялась, что при подобном питании сделать было почти невозможно, «пайка» урезалась до 400-300, а то и до 200 граммов. Все зависело от воли начальника лагеря, так как он был для заключенных «и царь, и бог».

5. Бытовые условия также не были пригодны для жизни. Во многих лагерях заключенные спали на сплошных в три этажа нарах, как «сеledки в бочке». Зачастую из-за отсутствия сушильных помещений в бараке, одежду сушили своими собственными телами, подкладывая ее под себя на время сна.

6. Ни о какой охране труда в лагерях не было и речи. Производственный травматизм, зачастую со смертельным исходом, был обычным явлением. За смерть заключенных никто не нес никакой ответственности.

7. Особого пика смертность людей в немецких лагерях достигла в 1942-1943 годах, когда, по выражению трудармейцев, люди «умирали, как мухи осенью». Если с лета «заботливое» начальство не заготавливало рвы под трупы, то зимой их штабелевали внутри зоны с тем, чтобы весной, когда оттаивает земля, закопать их за воротами лагеря. У трупов на территории лагеря выставляли охрану, чтобы люди, потерявшие от голода рассудок, не занимались трупоедством. (О подобных случаях, имевших в лагерях место, люди тоже указывают в своих анкетах. Доведенные голодом до психических расстройств заключенные иногда употребляли в пищу даже человеческие экскременты.)

8. Физические страдания немцев перемежались и страданиями душевными. Начальство лагеря, охрана, конвоиры относились к ним, как к заклятым врагам, называя их «фашистами» или «фрицами». Для провинившихся в зоне

существовали самые изощренные наказания. Так, в некоторых лагерях посреди зоны стоял сколоченный из горбыля карцер, куда зимой на всю ночь могли заключить человека. Утром оттуда, разумеется, выносили труп. Если дело было летом, то человека могли голым привязать к столбу или дереву на съедение комарам. Так, например, поступал охранник Голубев, о чем свидетельствует Вальдемар Лейман, бывший узник Востокураллага, что находился в Свердловской области.

9. Среди причин смерти, бывшие трудармейцы на первом месте указывают голод и холод, затем отсутствие медицинского обслуживания и болезни, такие, как дизентерия, кровавые поносы; на четвертом - несчастные случаи на производстве; на пятом - расстрелы за «саботаж», отказ от работы, за побеги, (убийство за побег из лагеря или смерть в результате безжалостного избиения беглеца.) Одной из причин, ведших людей к преждевременной смерти, указывают и на моральное унижение со стороны начальства и охраны. Отношение их к заключенным, как указывают большинство людей в своих анкетах, было жесткое или очень жестокое. Уровень смертности в лагерях в 1942-1944 годах, согласно указанным в анкетах сведениям, был не менее 50% от общего числа заключенных. Лишь в 1945 году положение немцев в лагерях стало понемногу улучшаться. Но и после окончания войны в положении немцев мало что изменилось. Многие из них вплоть до 1956 года (до снятия комендатурного надзора) насильно удерживались в местах их заключения. Им лишь стали платить зарплату и давать отпуска.

Немцы в СССР были лишены всех гражданских прав и превращены в бессловесный рабочий скот. В 1948 году полурабское положение немцев было узаконено новым постановлением Верховного Совета СССР от 26 ноября, согласно которому они были обречены навечно оставаться в местах ссылки, и не имели права не только возвратиться в места своего прежнего обитания, но и претендовать на имущество, отнятое у них в ходе депортации 1941 года. Депортированные не имели права покидать пределы места проживания без разрешения коменданта, за нарушение этого правила предписывалось наказание в 20 лет каторжных работ. Немцы не имели паспортов и обязаны были ежемесячно отмечаться в специальных комендатурах, фиксируя там свое присутствие в специально отведенных для них поселениях-резервациях.

Для меня, как для историка, анализ анкет трудармейцев представляет собой ясную и доказательную картину совершенного властью преступления против части своих граждан по мотиву принадлежности их к немецкой национальности.

«Когда же Россия как правопреемник СССР ответит за совершенное против немцев преступление», - спрашивают наши немцы?

В ответ - гробовая тишина...

Александр Нахтигаль

СРОК НАКАЗАНИЯ: БЕССРОЧНО

Под прицелом общественное мнения

Общество только тогда развивается, когда делает выводы из прошлого, когда не только восстанавливает правду, но и устанавливает справедливость. Как же сейчас поступают с памятью о репрессированных народах России? Вроде бы приняты документы, которые отменили все официальные решения, на основе которых применялись репрессивные меры к народам. Вроде бы всем известно, что эти репрессии были оплачены жизнями сотен тысяч советских граждан, вина которых только в том, что у них не та национальность.

Не может быть сомнений, что в истории страны факт репрессий должен быть обязательно отражен. Такие понятия как ГУЛАГ, трудармия, депортация, репрессии, «тройка», особое совещание - должны быть понятны российскому гражданину любого возраста.

Это не значит, что мы преуменьшаем подвиг народов, умаляем значение Победы и мешаем патристическому воспитанию. Наоборот, это только возвеличивает героизм советского народа, который, несмотря на преступную внутреннюю политику руководства страны того периода, выполнили свою историческую миссию.

Но то, что очевидно для старшего поколения будет ли очевидным для детей и внуков? Существуют большие сомнения. Сейчас сформировался своеобразный заговор молчания вокруг темы репрессированных народов, которое фактически превратилось во второй этап репрессий: никто ничего не знает, и знать ничего не хочет. К сожалению, в этом процессе пример показывают наши российские ученые. Выходят книги, которые даже фальсифицируют нашу историю.

В 2004 году был издан полный энциклопедический иллюстрированный справочник «Россия». Его редактором-консультантом является доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А.Г. Харьков. В огромном томе всего один скромный абзац в главе «Империя по Сталину» был посвящен репрессиям:

«С 1944 г. началась новая волна массовых репрессий, проходившая уже не только по классовому, но и по национальному признаку. Прежде всего, она затронула народы Крыма и Северного Кавказа. Гитлер считал Кавказ лишь промежуточным плацдармом, и поэтому оккупационный режим там был сравнительно либеральным. Карачаевцы, кабардинцы и балкарцы, поднявшие после отхода Красной Армии антисоветские восстания, получили политическую, экономическую и религиозную автономию...

После освобождения Северного Кавказа

виновными в пособничестве захватчикам были объявлены не конкретные лица, а народы. Сталинское руководство применило к ним испытанное наказание - выселение. К депортации начали готовиться еще осенью 1943 года, определяя места выселения и необходимые ресурсы. В конце 1943 - первой половине 1944 г. г: в Сибирь были высланы карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и крымские татары. В ноябре 1944 г. такая же судьба постигла живших на юге Грузии турок-мехитинцев. Всего в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан было выселено более 700 тысяч человек. Депортации проводились самым жестоким образом: на сборы людям иногда давали считанные минуты, бесконечно долго везли в товарных вагонах к месту назначения и выбрасывали практически на голой земле».

Что поразительно? Авторы не только допустили немало фактических ошибок и проявили полное незнание исторических событий, но и оправдывают репрессивные действия властей СССР по отношению к своим народам.

Это уровень федеральных подходов, а что же ждать от региональных ученых? В 2008 году вышла книга «Военная история Урала: События и люди». Под общей редакцией д.и.н., профессора А.В. Сперанского (Екатеринбург).

Она рекомендована к изданию Ученым советом Института истории и археологии УроРАН. Ее готовили, видимо лучшие, силы Екатеринбург, Челябинска, Кургана, Москвы, Перми и Оренбурга. Рецензентами издания были кафедра отечественной истории Уральского государственного педагогического университета и д.и.н., профессор Л.Н. Мартюшев.

Книга представлена читателям, как «первый обобщающий труд, показывающий роль и место Урала в целой серии войн России...

Книга подготовлена на солидной базе архивных источников с привлечением современных исторических исследований и рассчитана на учащиеся и преподаватели общеобразовательных школ, высших учебных заведений, всех интересующихся общероссийской и региональной историей».

Уже не секрет, что в годы Великой отечественной войны Урал был главным заводом по производству вооружений. Под властью ГУЛАГа был весь уральский промышленный потенциал. Здесь, кроме эвакуированных, работали трудмобилизованные, заключенные, военнопленные, оплачивая своими жизнями производство каждого снаряда, добычу каждой тонны угля, выплавку каждой тонны металла.

Трудармейцы из них были самым многочисленным и самым бесправным контингентом.

Как же они представлены в книги. Читаем главу «3. Все для Победы»:

«...Для решения кадровой проблемы использовались и трудовые мобилизации. Наряду с общегражданскими мобилизациями имело место создание трудовой армии. В нее направлялись люди, признанные негодными к строевой службе в армии или считавшиеся неблагонадежными по социальному и национальному признаку. К январю 1942 года трудармейцев, выполнявших в основном подсобные работы, насчитывалось на Урале около 290 тысяч, 96000 из них были мобилизованные из Средней Азии и Казахстана (43 - Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. С.16)

Производственные мощности региона обеспечивались также трудом «спецконтингента»: заключенных, военнопленных, спецпереселенцев...

Несмотря на естественную убыль, связанную с мобилизацией на фронт и гибелью от невыносимых условий труда, «спецконтингент» уральского ГУЛАГа не имел серьезной тенденции к уменьшению. Он постоянно пополнялся за счет военнопленных и интернированных иностранных граждан, а также депортированных представителей национальностей СССР, обвиненных в пособничестве оккупантам».

Вот и все. Уверен, что перечисление объектов, на которых работали трудармейцы, занял бы больше места. Читать эти два абзаца сложнейших научных выводов профессора тяжелое моральное испытание. Мало того, что описание событий и выводы не соответствуют действительности, тональность рассуждений фактически оправдывает преступления власти. Да и то, что касается жизни нескольких миллионов людей, которые заплатили за Победу тысячами жизней, говорить как-то мимоходом, вскользь, просто оскорбительно.

О какой правде и справедливости узнают наши школьники и студенты из таких «учебников»?

К немцам в России всегда было особое. Лет так 300 назад как все мудрые правители в Россию, чтобы сэкономить средства и время, и быстро добиться экономического роста, стали приглашать из-за рубежа готовых специалистов. Так получилось исторически, что в своем большинстве они были из германских земель. На Руси им придумали свое название - немец. Служили они новой Родине честно и предано на всех должностях: от царских хором до сапожной мастерской.

За эту службу не всегда Родина была благодарна. И сейчас немало желающих открыть глаза на новые козни немцев против русского народа. Оказывается, эта тема востребована в обществе и даже в научном сообществе.

Не так давно появился труд, который в очередной раз хочет вернуть нас в далекую историю и раскрыть все тайные замыслы. Его авторы Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. (**Становление России. - М.: Издательство «Покорение», 2006. - 464 с).** Анонс этого труда

разместила «Литературная газета» под очень ярким заголовком «В немецком плену». Я, с вашего позволения, процитирую эту заметку Сергея Александрова полностью:

«К вопросу «Откуда есть пошла Русская Земля» обращалось и многожды возвращалось немало отечественных историков - профессионалов и разной степени талантливости любителей. Оспаривались и по-прежнему оспариваются Карамзин и Соловьев, Байер и Шлецер. Справедливо ли это? Несомненно. Уже давно не секрет, что первой «фундаментальной» разработкой истории Руси занимались петровские и постпетровские немцы, а наши придворные историки - вплоть до начала XX века - лишь вторили норманнов-тевтонов, продолжая «легитимизировать» и популяризировать пресловутую «норманнскую теорию», отводящие русским в мировой истории роль как максимум второстепенную.

Юлия и Юрий Мизуны в своей книге «Становление России» категорически аргументировано утверждают: норманисты - не те авторитеты в области нашей исторической науки, к мнению коих следует внимательно прислушиваться. Мизуны описывают Русь Ведическую с ее иконами Сварога и Прави, Русь Киевскую - до Крещения и после, Русь Монгольскую...

Главную мысль, основная задача новой книги изложена в авторском предисловии: «Нашу историю писали немцы. Им надо было доказать, что они не случайно управляют этим диким нецивилизованным народом, у которого до Кирилла и Мефодия даже азбуки не было. Отечественные историки оказались хорошими учениками немцев. Не только Карамзин и его последователи вовсю развивали идею о российской отсталости и неспособности русских нормально организовать свою жизнь. Эта работа наших западников продолжается до наших дней».

Удалось ли авторам «Становления России» доказать обратное? На этот вопрос сможет для себя ответить только тот, кто внимательно и с интересом прочтет эту книгу. А вот то, что книга весьма небезынтересна, - факт».

Ужесли и был секрет, то только не немцы были его хранителями. Я не буду говорить о книге, не читал. А на анонсе хотелось бы остановиться. Заметка небольшая, а гадкая.

Факт остается фактом: правители России не стеснялись приглашать иностранцев в те отрасли, где страна была еще слаба. Но приглашали они не немцев, а саксонцев, прусаков, баварцев и других представителей германский княжеств, которым еще предстояло сформировать мощное германское государство. Тяжелая жизнь толкала их на поиски лучшей доли за границу, в том числе и в Россию. И служили они верно.

Так вот хотелось бы спросить Сергея Александрова, могли ли исполнительные ученые, в данном случае историки, послушаться воли работодателя? Они писали ту историю, которая нужна была правящей российской элите: кто платит, тот и заказывает музыку. Так в

небольшой писульке автор пнул немцев, неправильных русских историков, вместо поиска истины вылил в сознание чашу яда и сам в роде в стороне.

Думаю, такие защитники русскому народу не нужны, он сам разберется кто с ним и кто против него.

«Совершенно очевидно, что депортация, режим «спецпоселения» на десятилетия «вычеркнули» более чем полумиллионное немецкое население Казахстана (и СССР - **А.Н.**) из общественно-политической, культурной жизни. В конечном итоге, весь комплекс нерешенных проблем, связанных с возможностью равноправного развития немецкого населения в рамках существовавшей системы, привел к массовому выезду немцев из СССР, в том числе и из Казахстана. Для республики это стало ощутимой потерей, поскольку подавляющее большинство немцев своим отношением к труду во всех сферах производства являлись примером для многих. Такой исход - одно из последствий существовавшей десятилетия дискриминации немцев».

(«Дискриминация лиц немецкой национальности в различных сферах общественной жизни Казахской ССР (1941-1955 гг.) Анаргуль Зулкашева\7-я Международная научная конференция «Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941-1955 гг.»)

От составителя: К сожалению, юридически и политически решенный вопрос подвергается постоянным нападкам, ведь решение руководства СССР в 1964 году признано противозаконным все законодательные акты против советских немцев с 1936 по 1953 годы. Обществу регулярно подбрасываются «аргументированные» мнения, что с немцами поступили правильно. А в народе тема репрессий до сих пор остается незаживающей раной.

Александр Фитц

ВОЙНА ПРОТИВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

**Автор:
Александр
Фитц
(г. Мюнхен,
Германия)**

Некоторые военные историки по-прежнему лепят из целого народа образ врага. Зачем?

С недавних пор слоган болельщиков и спортсменов «Россия, вперед!» неожиданно подхватил сонм разновеликих политиков, писателей, историков, журналистов. Но двигаются они не вперед, а всеми силами пытаются втащить свою страну обратно, во времена, когда она именовалась родиной слонов.

Некоторые поступают так потому, что им не только за себя, своё малорадостное настоящее и тревожное будущее обидно, но и за державу тоже. Им искренне верится, что при Сталине, когда «давили инородцев», «понаехавшую немчуру» и «притаившихся жидомассонов», всё было по справедливости и честно. Вот и поют они сладкие песни диктатору, попутно подтасовывая факты, повторяя давно и не раз опровергнутые фальшивки советского агитпро-

па 40-х-50-х годов прошлого века.

Другая группа фальсификаторов недавней истории делает это умышленно и, что важно, не безвозмездно. Её цель - отвлечь внимание сограждан от действительных проблем современной России: безумной коррупции, воровства, бандитизма, разрухи, захлестывающей общество наркомании, алкоголизма, растущего числа беспризорников ...

И, наконец, ещё одна, достаточно значительная часть «историков» штампует свои трактаты исключительно по причине «не могу молчать!» То есть, бурной графомании, которую психиатры относят к разряду вялотекущей шизофрении.

В январской книжке выходящего в Москве «Военно-исторического журнала» была опубликована статья Дмитрия Гаврилова «Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны» (№ 1/2012, с. 3-9). Прочёл я её и подумал: обычный ура-патриотический продукт с неременной в таких случаях ложью, навешиванием ярлыков и подтасовкой фактов. Но вот незадача: журнал-то не простой, который где-нибудь на кухне тиражом в один экземпляр варганят, а издание Министерства обороны РФ. Да и автор ни какой-нибудь отставной козы барабанщик, а главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, майор запаса, доктор исторических

наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Иными словами, человек, судя по званиям, информированный, имеющий доступ к архивам и, что немаловажно, обязанный уметь с хранящимися там документами работать.

В преамбуле своего труда г-н Гаврилов сообщил, что «некоторые российские историки, публицисты и кинематографисты очень часто дают тенденциозные оценки мерам, принятым советским правительством в годы Великой Отечественной войны по обеспечению государственной безопасности, государственного строя и внутренней политики СССР. В стремлении опорочить советскую внутреннюю политику в годы войны, принизить значимость победы советского народа над фашизмом многие из них превзошли даже самых оголтелых зарубежных коллег. А между тем в годы войны курс внутренней политики СССР, США и Великобритании был одинаковым». Ну а затем он принялся разоблачать так и не названных им «некоторых российских историков», перевирая цифры, путая события и всячески оправдывая депортацию и ограбление ряда советских народов, в том числе советских немцев. Мотив простой: «Если ни Великобритании, ни США не смогли найти доказательств нелояльного отношения проживавших на их территории немцев и японцев к правительствам и к самим этим странам, то у советского правительства таких доказательств было предостаточно (анти-советская агитация, восхваление Гитлера и немецкой армии, укрывательство немецких парашютистов, создание антисоветских воинских формирований, воевавших на стороне фашистов и т.п.)».

Каким образом выбивались и стряпались подобные «доказательства» г-н Гаврилов не уточняет. Зачем? И так, мол, понятно: враги. Он пишет: «Было много фактов, заставляющих сомневаться в лояльности проживавших в СССР немцев. Большое количество советских немцев, попавших в плен в первые недели войны, перешли на службу в фашистскую армию. Немецко-фашистские войска сразу же получили многочисленный контингент квалифицированных русскоязычных переводчиков, которыми смогли снабдить свои воинские части и подразделения вплоть до полка и батальона. На Украине, где имелось много населённых пунктов, в которых проживали немцы, как доносил И.В. Сталину 3 августа 1941 года Военный совет Южного фронта, немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим советским войскам, вступающие в немецкую деревню фашистские войска встречались хлебом-солью. Среди немцев, проживавших в районах Поволжья, оказалось немало диверсантов и шпионов, которые, по данным военных властей, по сигналу, полученному из Германии, должны были произвести взрывы военных объектов. Проживавшие в СССР немцы укрывали фашистских диверсантов-парашютистов, сброшенных на советскую территорию».

Здесь, что ни «факт», то сказка! Интересно, например, из какого оружия «немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим советским войскам»? Не иначе, как из рогаток. Ведь охотничьи ружья и даже мелкокалиберные винтовки у граждан СССР были частично изъяты перед началом финской войны и полностью в первые недели Великой Отечественной. Да и кто стрелял? Женщины? Детишки? Всех мужчин-немцев в 1941-м в Красную Армию призвали, ну а позже, на третий месяц войны, с фронтов снимали и отправили за колючку трудармий.

А утка про полчища шпионов и отряды диверсантов-парашютистов, которые в ожидании особого сигнала из Берлина прятались под кроватями, да таились в сараюшках поволжских немцев была опровергнута ещё во времена правления Никиты Хрущёва. Глупости это, господин Гаврилов, над которыми, как над старыми анекдотами, давно уже не смеются. А вы их рассказываете. Да ещё список литературы приводите, из которой вроде бы эту бредятину заимствовали. Вот он: «Депортации народов СССР (1930-е - 1950-е годы)». Ч. 2. «Депортация немцев (сентябрь 1941 - февраль 1942 г.)». М., 1995. С. 241, 242; Бугай Н.Ф. «И. Сталин - Л. Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии». М., 1992. С. 75; Герман А.А. «Немецкая автономия на Волге, 1918-1941». Ч. 2. Саратов, 1994. С. 283, 294, 295; «Наказанный народ». М., 1999. С. 100; Полян П.М. «Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР». М., 2001. С. 105.

Так вот, официально заявляю: ничего подобного тому, что г-н Гаврилов написал о советских (российских) немцах в указанных им книгах, нет. Более того, в якобы цитируемой им книге «Немецкая автономия на Волге, 1918-1941» д-ра ист. наук, профессора, зав. кафедрой Института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета. А. Германа (Arkadij German), сказано совершенно противоположное, а именно: «Сегодня уже можно с уверенностью сказать, что данных о каком-либо сотрудничестве советских немцев с фашистской Германией советская разведка не имела». (Стр. 294). Авторитетный исследователь немецкой «пятой колонны» времен Второй мировой войны Луи Де Ионг (Louis de Jong) в своей хрестоматийной работе о том периоде писал: «Среди обнародованных немецких архивных документов пока нет ни одного, который позволил бы сделать вывод о том, что между третьим рейхом и немцами, проживавшими на Днестре, у Чёрного моря, на Дону или в Поволжье, существовали какие-либо заговорщицкие связи... Нет данных, которые показывали бы, что местные немцы, будь то на Украине или на Волге, совершали нападения в тылу русских армий или же занимались тайной подготовкой подобных ударов. («Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне», М.: ИИЛ, 1958. Стр. 359.) И ещё одна цитата, из работы д-ра А. Германа, которую

«не заметил» г-н Гаврилов, если он вообще держал в руках книгу, на которую ссылается: «... у Сталина и его приспешников не было никакого объективного основания обвинять советских немцев в измене, депортировать их с берегов Волги и ликвидировать немецкую автономию. Депортация стала актом слепой ярости и мести за позорные поражения на фронте в первые месяцы войны. И насквозь лживый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. лишь подтверждает этот вывод». (Стр. 295).

И это, что важно, мнение не только историков, но и высших советских, а также, российских органов власти. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 29.08.1964 г. прямо сказано: «Жизнь показала, что эти огульные обвинения (против российских немцев - А.Ф.) были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина». А президент РФ Борис Ельцин, выступая 24 февраля 1994 г. в Федеральном Собрании, принёс от имени Российской Федерации - «Продолжателя бывшего СССР», официальные извинения и выразил соболезнование всем гражданам России и их семьям, пострадавшим от депортации. Правда, не упомянув при этом, что по окончании трудармейской эпопеи российские немцы ещё десять лет были прикованы к зонам спецпоселений, и тридцать лет не имели возможности возвращаться в родные места. Запрет на малую родину для них официально был снят лишь в конце 1972 г., а фактически продолжал действовать вплоть до крушения СССР.

Или взять другой пассаж автора «Двойных стандартов»: «Для обеспечения государственной безопасности все советские граждане немецкой национальности, проживавшие в западных районах страны и в Республике немцев Поволжья, в августе 1941 года были выселены в восточные районы страны, а все их трудоспособные мужчины мобилизованы в трудовую армию и отправлены на заводы и стройки, где они выполняли неквалифицированные работы». Ну, во-первых, в трудармию отправили не только «всех трудоспособных мужчин-немцев», но также всех трудоспособных женщин-немок, включая 16-летних девушек и матерей имевших детей в возрасте от трёх лет и старше (см. «Между молотом и наковальней большой политики», «РГ» №11, 2012 г.). И ведь что примечательно: Постановление ГК Оборона СССР о мобилизации советских немцев и немок в трудармию, под грифом «Сов. Секретно» подписал лично тов. Сталин. После этого буквально в одночасье в СССР появились тысячи сирот при живых родителях. Часть из них погибла, часть сгинула, но до сих пор этому злодейству, подпадающему под категорию «преступлений против человечности», оценки не дано. Почему?

Теперь что касается «неквалифицированной работы на заводах и стройках». Интересно, валить лес в тайге это «неквалифицированная работа»? А долбить кирками мёрзлый

грунт где-нибудь в Норильске или окрестностях Сыктывкара, следуя той же логике наверняка не более чем «подсобный труд». Но кроме карагандинских шахт и заполярных рудников советские немцы работали также в закрытых шарашках, о чём подробно рассказал в книгах «Постскриптум» и «Праздные мысли» один из основоположников российской космонавтики, академик, лауреат Ленинской премии Борис Викторович Раушенбах (Boris Raushenbah). И работали весьма эффективно.

И всё же положение российских немцев в СССР, по мнению д-ра Гаврилова, было много предпочтительнее положения, например, японцев в США. Он пишет: «Всех американцев японского происхождения, включая тех, у кого была 1/16 часть японской крови, в том числе женщин и детей, общим числом в 112 тыс. человек, среди которых 74 тыс. были гражданами США, многие из которых родились в Америке, собрали на стадионах, а затем без следствия и суда, без предъявления каких-либо обвинений сослали вглубь страны в 10 концентрационных лагерей в пустыне Алабама, в местности с суровым климатом, за колючую проволоку, где для них были наскоро построены бараки. Перед ссылкой им давалось 48 часов на то, чтобы продать свои дома, землю и дело. Осуществить это в такой короткий срок они, разумеется, не могли. Брошенная собственность была разграблена и пришла в запустение. В концентрационных лагерях каждой семье выделялась комната размером 20 на 25 футов (6,096 на 7,62 м - 46,45 кв.м), в которой многим пришлось прожить годы».

Читаешь это и диву даешься. По мнению г-на Гаврилова нары в советских бараках за колючей проволокой, автоматчиками на вышках, ледяными карцерами, 12-часовым рабочим днём и т. п. лучше комнаты на семью в пустыне Алабама? А ещё он, наивный, полагает, что в отношении российских немцев, перед тем, как объявить их «врагами народа», «пособниками фашистов» и выслать, провели следствие, устроили суд.

К сожалению, в этих своих умозаключениях г-н Гаврилов не одинок. Нередко, рассуждая о депортации российских немцев, советские, а теперь некоторые российских политики и историки проводят аналогию с предпринятым в те же годы в США выселением японцев. Но при этом обычно забывают, что американских японцев никто не лишал возможности вернуться в места прежнего проживания, что им давно и сполна возместили понесённый ущерб.

Впрочем, не это главное и не то к какой группе фальсификаторов истории, которые мы перечислили выше, относится г-н Гаврилов. Куда любопытнее знать какую цель преследуют люди, наделённые властью, допускающие публикацию провокационных фальшивок?..

<http://samaralit.ru/?p=17315>

Казалось бы, частный вопрос буквально взорвал интернет. Хочу, чтобы вы познакомились с дискуссией, которая превратилась в настоящую битву.

литобозреватель: 30.06.2012 в 05:50

...Трудовые армии были созданы на всех значимых предприятиях страны. На них трудились, в основном, русские. Таким образом, высланные немцы в трудармии были равноправны с коренным населением. А русские в Германии были рабами. Прочитайте Семина «Нагрудный знак «ОСТ».

Американцы выселили и обобрали японцев, британцы - немцев. Штришок - в зондеркомандах переводчиками были фольксдойче.

Еще штришок - в 1950 году в моем 1-м классе в Омске половина были немцы, другая - русские, и за 10 лет никто не сказал немцам плохого слова. И вот дождался из Мюнхена.

А. Ф.: 30.06.2012 в 11:53

Уважаемый «Литобозреватель» дискутировать с вами бессмысленно, ибо вопросом, о котором пытаетесь судить, вы совершенно не владеете. Об истории возникновения и составе трудармий (не только в СССР) написано достаточно много и обстоятельно. В том числе и в энциклопедиях. Почитайте, лишним для вас это не будет. А вообще ваша дремучесть и злобность меня несколько удивили. Вот вы бросаете: «русские в Германии были рабами». А какие русские жили и живут в Германии вы знаете? Как они ладили и ладят друг с другом? Как складывались и складываются у них отношения с местным населением? Как им жилось и живётся с другими иностранцами? Были, например, русские с нансеновскими паспортами, были энтээсовцы, были беженцы, т. е. представители первой волны эмиграции, были русские с немецкими паспортами, с литовскими, латвийскими, эстонскими... А ещё с французским подданством, югославским, болгарским... Были пленные, были вывезенные на работу... Всех не перечислить. Об этом тоже немало написано. И, надеюсь, ещё напишут. Ну а о том, как жилось российским немцам в СССР тоже рассказывают. Вот и мой очерк «Пытка надеждой», другие работы на эту тему, опубликовали в «Литературной Губернии»: <http://samaralit.ru/?p=13868> Будет настроения почитайте. Широченный для вас, думаю, объект для возражений и возмущений. Ну а что касается американцев и британцев, то их действия ни в коей мере не оправдывают действий и зверств правителей Советского Союза в отношении своих граждан, которых карали исключительно за национальность, а не за какие-то, пусть даже мнимые, преступления. И последнее. Согласно официальной статистике, российские немцы, живущие в ФРГ, имеют самый высокий по стране процент смешанных браков. В основном, но это уже неофициальные сведения, с русскими, украинцами, белорусами. Так что привет вам, уважаемый «Литобозреватель» и здоровья.

waldemar: 30.06.2012 в 14:56

Литобозревателю-я полагаю вы работали в Омске в школе. Омская область - один из районов массового переселения немцев в 1941г. Не обижайтесь, но вы видимо никогда не беседовали с немцами о том, как и почему их депортировали, как везли, устраивали в местах поселения, как они выживали, как из их среды забирали в трудармию взрослых и детей (молодежь в возрасте 16 лет-это еще дети), как забирали в трудармию матерей у которых дети были старше 3-лет оставляя их на родственников или определяя в детдомы. Видимо не знаете, что была комендатура, за самовольный уход за пределы поселения более чем на 4 км. людей судили. Не знаете, что до 1953г. немецкие дети после окончания школы не имели права поступать в столичные вузы, что был запрет на поступление на многочисленные факультеты. Общеизвестно, что в основном в трудармии немцы использовались на лесоповалах, в угольных шахтах, содержались в лагерях под охраной войск МВД, за колючей проволокой, в наскоро построенных бараках. Можно еще много говорить на эту тему, все уже многократно описано, даже в том перечне статей, который приведен Д. Гавриловым. Поговорите с еще оставшимися у вас в городе пожилыми немцами, они вам очень многое расскажут, молодежь многое не знает. Господин Д.Гаврилов имеет много титулов и степеней, но главное, я думаю -это майор запаса, скорее всего бывший работник КГБ - отсюда понятна его предвзятость и ложь. Вы, надеюсь знаете, что немцы появились в России еще с времен Ивана Грозного и с тех пор(уже более 400 лет) внесли громадный вклад в искусство, образование, науку, архитектуру, военное дело, кстати и в приближающуюся годовщину 1812 года. И не их вина, что по воле определенных кругов руководства СССР они массово покинули свою Родину. Старики и сейчас считают СССР своей Родиной, а Россия потеряла порядка 3000000 добросовестных, трудолюбивых работников, которых уже не вернешь. Жаль, что вы этого не знаете или подыгрываете любителям «исправить» историю.

Wlas Pihajlow: 30.06.2012 в 16:34

Замечательная и своевременная статья!

Вся история «русских» немцев - это только унижения и боль...

Пора уже поставить крест на второй Родине-России.

Эд. Армер: 30.06.2012 в 18:09

Уважаемый «ЛИТОБОЗРЕВАТЕЛЬ»

Ведь Фитц в своей статье не единым словом не обидел русских!

Этот народ пострадал за время советской власти достаточно.

До сих пор не установлено (что очень странно...) сколько же действительно русского народа положили советы в землю за просто так: гражданская война, коллективизация, организованный голодомор и т.д. и т.п.

Но не нужно опять перекашивать и перекрашивать чужие слова...

Фитц только опровергает ложь, распространяемую определённым кругом лиц.

А насчёт «равноправия» - в каком же мире Вы живёте? Когда и где оно в СССР было?

Вы ссылаетесь на книгу Сёмина, позвольте и Вам дать совет:

Почитайте книгу Герхарда Вольтера «Зона полного покоя» и книги других российских немцев авторов. Они, кто отбыл свой срок в, так называемой, трудармии и остался жив, могут Вам многое разъяснить о «равноправии» в зонах ГУЛАГА.

Все российские немцы, которые побывали и в так называемой трудармии и в тюремной заключении, в своих воспоминаниях пишут - в тюрьме немцам было больше шансов выжить, чем в трудармии.

С уважением Эд Армер

Венц: 01.07.2012 в 09:27

Д.Гаврилов ленивый, шаблонный и лживый историк, а таких ещё Сервантес советовал казнить, как фальшивомонетчиков, то есть рот (пасть, по охотничьему) заливать дорогим оловом. Почему ленивый - смотреть надо архивы с грифом «секретно» и «совершенно секретно» и вы узнаете много ещё неопisanного о геноциде российских немцев. Депортации их начались ещё в Первую мировую войну в 1915 году с выселения по Приказу Главнокомандующего Российской армией Великого князя Николая Николаевича волынских и прибалтийских немцев. Выслали по спискам свыше 250 тыс. Из этих мест убрали так же евреев. В усадьбы выселенцев селили галичан и русинов. Брали заложников из немцев и их расстреливали. Выселяли в районы За-волжья и Сибири. Дума в декабре 1915 года приняла решение о выселении поволжских немцев. Наметили на апрель 1917 года. Помешала февральская революция. Меня поразили списки умерших выселенцев стариков и старух в похоронных ведомостях иркутской лютеранской кирхи там десятки 80-ти летних людей.

До 1941 года успели убрать немцев с западных, южных с Ираном и восточных с Китаем границ. С Волги немцев убрали под предлогом «десятки и сотни тысяч шпионов», а на самом деле чтобы подготовить тёплые и «сытые» квартиры для сотен тысяч беженцев. Спецпереселение - это уголовное наказание, которому был подвергнут весь немецкий этнос СССР. Посёлки спецпереселенцев были окружены шлагбаумами. Все кому за 16 лет стояли на учёте и каждый месяц расписывались. Папка выселенца-это тюремное лагерное дело с множеством страниц. Спецпоселение существовало до 1956 года и только тогда, тем немцам, которые работали в государственных организациях (совхозы, заводы) выдали паспорта, а колхозников полностью паспортизировали лишь к 1979 году. Трудармия немцев входила в систему НКВД- под охраной водили на работу, бараки были окружены колючей проволокой, по периметру вышки, и так с 1942 по 1946 год. Трудармейцев с 1946 года стали переводить на спецпоселение и разрешили семьям воссоединяться.

На воссоединение возили под конвоем. Мобнемки (а мобевреек, мобрусских, моббурятки, мобчеченок и т.д. не было) - это те женщины у кого дети были старше 3-х летнего возраста. Их под конвоем отобрали из спецпоселенок и направили на лесозаготовки, ловлю рыбы в низовья Оби, Енисея, Лены и даже Колымы и Анадыря. Маленьких детей передавали родственникам или направляли в детдома. Многие погибли, тех кто выжил записали под русских. По статистике погибло в этот период треть немецкого населения СССР. Эти цифры известны даже Евгению Евтушенко, у которого немецкие корни. Методику переселения отработали ещё в 1915 году - списки, эшелоны, 20 кг на человека и т.д. Её успешно применил генерал Серов - он выселял немцев, чеченцев, крымских татар в СССР и он же гнал из районов Пруссии, Померании, Селезии местных немцев-цифры разнятся от 13 до 20 млн. человек. Его красноармейцы не только насиловали женщин и детей, но и успешно мародёрствовали. При попустительстве СССР были высланы из Судет немцы, там они жили более 1000 лет, при попустительстве СССР в Сербии 20000 детей из этнических немцев отравили газом. По данным немецких исследователей было изнасиловано в последний период войны более 2млн. немцев от 5-ти летнего до 80-ти летнего возраста. В законодательствах Германии и Австрии появился термин этнические аборты. Несколькими годами назад Гавриил Попов обратился к Правительству с просьбой извиниться перед Германией за сей вандализм. Так поднялся такой вой генералов, что «именитому греку» стало невозможно появляться в публичных местах. Насилие над немцами обычное явление в Сибири 40-х годов.

Немцев не брали в армию до 1956 года, до этого же года не принимали в вузы. Только с 1964 года разрешили учиться в МГУ. Ни один немец из народа, который по численности стоял на 14-м месте ни окончил МГИМО, Академию Генштаба, Дипломатическую Академию. Смех,

в СССР в вузах учились гэдээровцы в юности маршировавшие в гитлерюгенде, а русским немцам путь туда был закрыт. Только от голода в СССР с 1920 по 1947 год погибло более 150 тыс немцев. Немцы России не реабилитированный народ, как политически в целом, так и лично каждый немец. Для того чтобы тебя (твоих родственников) реабилитировали надо представлять документы в областные отделы МВД, а их у большинства нет. Ведь же все справки и свидетельства были отобраны комендантами и лагерным начальством. Такое издевательство над немцами в этнографии называют термином терзание, сейчас геноцидом. Признать геноцид немцев в СССР - это перевернуть всю советскую историю. Учёные типа Гаврилова подыгрывают властям, ведь же Путин создаёт Великую Россию!!! Она сейчас в мировом объеме производства занимает 2,0%, бюджет России меньше стоимости товарооборота Гонконга, кажется в 2 раза, по газовым миллиардерам она на первом месте, а по инвестиционной привлекательности на 153-м.

В истории СССР-России нет ни одного позитивного момента - коллективизация уничтожила деревню, а с ней и русский народ, вторая мировая война была выиграна только для Сталина и его архаровцев. Они продолжили властвовать. Не так давно появился в архиве ГАСПИ телеисторик Эдвард Разинский и попросил материалы. Ему сказали вот фонды, смотри, изучай. Звезда экрана возопила: «Это не по мне, тут надо работать» и побежала вниз по Тверской. Вот так то оно. Напоследок: архивы в России по-прежнему для большинства закрыты, информация, если и выдаётся то только по справкам и дозирована. Просмотр документов «конвертируемый», то есть страницы закрыты конвертами и прошиты, а когда их смотришь рядом сидит сотрудник зорко следит за тем, что ты делаешь, как листаешь страницы, что выписываешь. Венц

литобозреватель: 01.07.2012 в 18:20

Дружный гомон почтенных немцев говорит о том, что они очухались на своей исторической родине от русских гонений, объевропеились с головы до пят и включились в охаивание России. Но вы, став гражданами Германии, взяли на себя ответственность за все немецкие грехи перед Россией. Автору статьи надо было сначала сказать о них, а затем пускаться упреки бывшей родине.

Штришок: в поселке Кр.Яр (Омск. обл. Любинск. р-н) почти все немецкие дети имели отцов, а у русских их не было и у трети. Наши отцы погибли, в том числе и за вашу свободу, г-н Фитц, чтобы вы из мюнхенского далека могли просвещать нашего брата. Живите с миром и с не сочиняйте небылицы. Поверьте, у нас от своих умников не продохнуть.

Нина Грамлих: 01.07.2012 в 21:56

Я родилась в России в трудармейском бараке на Урале. Моя мама попала в трудармию в 13 лет, бабушка в 42 года. Историю моей семьи не знал никто из моего не немецкого окружения, даже самые близкие друзья. Почему я её никому не рассказывала? На этот вопрос мне сложно до сих пор ответить даже самой себе. В 1957 году, родители, получив паспорта, приняли решение поехать жить в Казахстан (на Волгу возвращаться было нельзя). Мы жили, трудились ни на что не претендуя, лишний раз не напоминая о себе. За наше трудолюбие и миролюбие мы были везде признаны местным населением - и на Урале и в Казахстане. Что помогло простым людям не видеть в нас врагов? Их мудрость? Интуиция? Я не знаю случая, чтобы где-нибудь на национальной почве возник конфликт между местным населением и российскими немцами. Никто не роптал, мы жили и не создавали проблемы государству, имеющему и без нас достаточно проблем. Вплоть до сегодняшнего дня, наш народ не реабилитирован, в отличие от других, также сосланных народов. И каждый из нас понимал, что мы вновь можем оказаться заложниками политики двух стран, т.к. до сих пор мы не реабилитированы.

На сегодняшний день более двух миллионов российских немцев уехали в Германию, потеряв надежду быть уравненными, когда-либо, со всеми другими национальностями, в правах. Тема российских немцев все эти годы была под замком. Вернее сказать такой темы в СМИ вообще не было. Тем временем, с момента депортации российских немцев, прошло уже 70 лет. Вот наступила благодать для тех историков, которм не по силам в архивах сидеть, до истины докапываться. Сегодня, молодое поколение россиян, поверит в любые фантазии горе-историков. Свидетелей событий все меньше становится. Один у меня вопрос..... нет не к Д.Гаврилову, а к тем кто с такой легкостью выпускает на прилавки литературу с искаженными историческими фактами. Какую цель преследуют эти люди?

И еще не могу понять как простые русские и не русские люди смогли увидеть в нас не предателей и врагов, а своих соотечественников, а вот такие ученые, доктора, как Д.Гаврилов, так и не разглядели в нас трудолюбивых, исполнительных и законопослушных граждан?

Так и хочется им нас в предатели записать. Охотничий сезон на ведьм открыт.....

Человек: 02.07.2012 в 06:10

Штрихи к комментариям. Трудовых армий из русских не было - рабочие, получившие бронь, часто по блату, жили в своих квартирах и приходили на работу. Там не было охраны и колючей проволоки и «личного дела»-карточки с надписью Волжлаг НКВД, не было просчётов по утрам и вечерам, не было пинков охранников и битья «по мордам фашистов». Насчёт рабов

в фашистской Германии - из рабства в рабство не попадают, да, принудительно отправляли на работу в Германию не всех, отбирали молодых и здоровых. Об этом откровенно писали в оккупационных газетах, кормили хуже, чем в мирное время. Но вся же Германия питалась так, как фронт, а на фронте в Германской армии не было офицерских столовых. Не было особого кормления типа «клики Жданова» в оккупированном Ленинграде. Сотни немецких генералов попали в плен, а советских единицы, типа Власова. Почему, да потому, что они были вместе с солдатами на передовых, а не один советский генерал там не был, как и Сталин, в отличие от Гитлера.

Страна, занимающая 6-ю часть суши, не смогла накормить население, обустроить армию и её кормила и одевала Америка (ленд-лиз), Британская империя, почитайте сейчас открытый на русском языке журнал «Британский союзник» (1943-1952). Партизанское движение было ещё конвенциями 1896 и 1929 года было запрещено, оно противно правилам ведения войны и партизан, созданных усилиями НКВД, уничтожали нещадно, так как сейчас боевиков Аль-Кайды. Партизаны зверствовали над попавшими к ним, как русскими, теми, кто сотрудничал с оккупационной администрацией, и над немцами, так, что мрачное Средневековье покажется сказкой. Партизаны уничтожили примерно 30000 солдат вермахта и заплатились за это жизнями, в том числе сотнями уже тысяч неповинных людей. Питание гастарбайтеров было несравненно качественнее, чем питание немцев-трудармейцев в советских лагерях. Почитайте дотошного архивиста Павла Поляна.

Насчёт переводчиков, германская армия в них из русских немцев не нуждалась, хватало своих из прибалтийских немцев, которые получили прекрасное образование в русских гимназиях, из русских, не только белоэмигрантов, но и местных из старообрядческих поселений в Пруссии. Вот в Красной Армии переводчиков не хватало, и их ускоренно кое-как готовили на курсах. Примите во внимание, что все немцы прошли в 30-е годы через такую мясорубку по германской линии. Один пример, немецкие сёла Сибири оказались вообще без мужчин: одни дети и женщины. Жуть смотреть. Русские немцы на оккупированных территориях, призванные в Германскую армию, как и принято немцу, геройски несли свой долг. Да, немецкие женщины в колониях Украины встречали солдат вермахта хлебом и молоком, как и русские, кстати, в Смоленской области перед приходом «фашистов» драили полы песочком, надеясь, что у них останутся немецкие солдаты. Миллионы, советских пленных, оказавшихся у немцев и их гибель, прежде всего, заслуга советского руководства, которое перед отступлением всё жгло и уничтожало. Немцам пришлось восстанавливать разрушенное и кормить не только пленных, но и местное население.

В начальный период войны немцев по приказам Сталина и Берия вообще не брали в плен, а тут же расстреливали, как и советские каратели из партизан уничтожали местных, своих немцев, проживавших на оккупированной территории. Насчёт японцев. Американцы после Пёрл-Харбора на несколько месяцев депортировали несколько тысяч японцев в лагерь Невады. Но поднялся такой протест общественности. И японцев вернули домой, перед ними извинились, до сих пор выплачивают пособия, сняли на эту тему десятки фильмов. Тут же молодежь призвали в армию и при высадке американцев в Сицилии японский 100-й полк понёс самые большие потери. До 1992 года ни одному советскому трудоармейцу, время проведенное в концлагерях не зачитывалось в трудовой стаж. По законодательству правильно, их приравнивали к преступникам, а тюремный стаж к трудовому не плюсуется. Немцам из Сибири разрешили проживать в Европейской части СССР - республиках Прибалтики, Молдавии, Калининградской области, на Украине по указу Президиума Верховного Совета СССР в 1972 году. В переписях населения, а первая послевоенная прошла в 1959 году, немцев относили в графу прочие. Таких, например, в Казахстане насчиталось более 1млн.300 тыс. Их просто не было, попробовали это сделать в переписи 1959 году, не прошло, поднялся такой невиданный и первый в истории СССР письменный протест - сотни немцев коммунистов, очнувшись от испуга, писали в ЦК КПСС: мы же немцы-люди, и нас надо тоже просчитать, а просчёт опубликовать, нас же много, в одной Сибири мы занимаем второе место по национальной численности после русских, нас 400 тыс. больше чем в отдельности взятых якутов, бурят, тувинцев и даже татар. Это не соответствует принципам нашей любимой партии и национальной политики. Учли, и в переписи 1979 года немцев показали. Не только в целом, но и по республикам. Какая радость, какой прогресс!!!

Немцев со скрипом начали прописывать в сельской местности в Европейской части с 1972-го года, но не везде, грузины заупрямились и немцев не пустили даже близко к своим селениям, помогли армяне. Они прописывали и немцы смогли воочию лицезреть свои отцовские дома с армянской стороны. Ну, а Крым был закрыт всегда и навечно, там же отдыхали генсеки, а они могли обниматься в засос только с Хоннекерами. Вот посмотрите, немцы тихо и спокойно по зову Екатерины П в 1764-1776 годах в количестве примерно 30000 человек прибыли в Россию, с долгами за проезд рассчитались к 1848 году, закрепили и освоили пустопорожние земли на окраинах Российской империи, земли вспахали лишь на 1мл.500 тыс. га меньше чем в Германии 1937 года. Хлебом кормили себя, российские города, отправляли пшеницу на экспорт. В советское время их насильно кормили все, кто мог, над ними издевались, как могли, но они трудились-25,0% механизаторов Целины в 60-х-70-х годах были немцы. В армию их брали

только в строительные батальоны, они никогда не служили в группе Западных войск, их не пускали даже в ГДР, в турпоездки. Они по христиански терпели. Благодарный русский народ им не поставил ни одного памятника, ни снял о 2-х млн, народе ни одного фильма, до 90-х годов ни издал ни одной книги.

Тут я немножко неправ, защищено было 6 закрытых кандидатских диссертации и опубликовано штук 10 брошюр о трактористке Натальи Геллерт на русском, немецком, французском, английском и португальском языках, которая вышла замуж за казаха. В этой многодетной семье все девушки замужем за казахами, а парни за русскими. Единственный писатель, кто о немцах положительно сказал - это Александр Солженицын. И вот итог - тихо и спокойно немецкий этнос в 1990-2000-первых года численностью примерно в 3млн. человек покинул благодарную Россию и страны СНГ. Этот поток превысил белогвардейский бег 18- 20-го года!!! Кто покинул Россию сейчас на наших глазах - европейские народы: немцы, евреи, понтийские греки. Они жили к этому времени материально лучше других. Пусть над этим задумается соборная, гостеприимная Россия, с пингпонговским правлением Медпутиных. Исправить можно всё, кроме генетической памяти народа. А она у немцев, к счастью сохранилась. Внук кулака-лишенца и гулаговца, сын трудармейца-спецпоселенца, трижды оболганный и реабилитированный. Человек.

viktor.S: 03.07.2012 в 19:06

ВИДЕО интервью полковника МВД Александра Дударева о причинах скандального архангельского «дела историков» (дело профессора Михаила Супруна и полковника Александра Дударева).

http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=VC6_5LQfFo4

viktor S: 03.07.2012 в 20:40

Боль и страдания немецкого народа

Мы родились в Советском Союзе,
Мы выросли под счастливой звездой;
Нет для нас прекраснее музы -
Родина, мы навсегда с Тобой!
Мы сердцем своим всегда были чисты,
Мы и в труде всегда впереди.
Так почему нас назвали «фашисты»?
Кровь запекается в нашей груди.
Сердцу так больно, что хочется плакать,
Даже не хочется жить на земле,
Даже не веришь, но всё-же, однако,
Правда должна быть всегда на земле.
Сердцем своим и сегодня мы чисты,
Родине преданы мы навсегда.
Просим, чтоб нас не звали «фашисты»,
Ибо в фашизме - не наша вина.

... С Волги угнали, мы даже не знаем
За что, почему, за какие грехи.
Братьев своих и сестёр потеряли -
Поныне не можем никак их найти.
Сестры умирали на военных заводах,
Братья погибали в далёкой тайге.
Нас и сейчас не считают народом,
Неужели не знают об этом в Кремле?
Так если же только мы лишними стали,
Тогда откровенно скажите Вы мне:
Что вы не нужны нам, и мы вас угнали
За то, что вы лишние на нашей земле.
Нас обзывают, и это нередко,
За что же, спрошу я у Вас?
Мы рады уйти, где родились предки,
Только б не звали фашистами нас.

Влас Казеко

Маркс, 1998 г.

P.S: Народ-обсуждатель жил и живёт в надежде на мировой союз дружбы и процветании народолюбия.

waldemar betz: 08.07.2012 в 14:47

Ставить на одну доску трудармию российских немцев и восточных рабочих рейха было бы не справедливо. Восточные рабочие хоть и не всегда добровольно попадали в рейх, но жили там не в пример лучших бытовых условиях, чем наши. Как правило, они работали на обычных промышленных предприятиях, продолжительность их рабочего дня ни чем не отличалась о продолжительности рабочего дня немецких рабочих. Как правило, они получали заработную плату и могли на неё себе кое-что позволить (гораздо больше, чем у себя в колхозах), они имели свободный выход в город, правда, в рамках предписанного им региона. В общем, это не было рабством, как это представляет лютобозреватель.

А вот положение российских немцев было таково, что они могли бы позавидовать любому рабу. Раб всё-таки это чья-то собственность, а собственник не уничтожает так просто свою собственность. Совсем другое было с нашими дедами, их приговорили к уничтожению. Так на строительство челябинского металлургического комбината, где был убит мой дед, было призвано 93 000 немцев, 41 000 из них погибла в лагерях. Но и это обычная лукавая советская статистика, погибших там было гораздо больше, чтобы улучшить статистику лагерное начальство шло на следующее ухищрение -доходяг ,которые вот-вот протянут ноги, списывали домой, и выкидывали за ограду лагеря. Сотни и тысячи из них там под оградой и умерло. Мой дед так и в апреле 1945 года до дому дополз. И умер через несколько дней. Бабушка справку о его смерти получила 9 мая 1945 года. Для нас это день величайшего траура.

viktor S: 14.07.2012 в 07:48

...Вдовы трудармейцев поселка «Труд» Алтайского края Эмилия Дотц и Екатерина Шнайдер подсчитали, что из 87 мужчин села Эндерс бывшей АССР немцев Поволжья, находившихся во время войны в лагпункте «Тимшер», живыми вернулись к своим семьям только 23 человека. Пятеро из них вскоре умерли.

Есть в Пермском крае такая река - Тимшер. Там и находился печально известный одноименный лагерный пункт (в 180 километрах севернее города Соликамска). Кроме него, в этих глухих таежных лесах появились в разное время лагеря поменьше («Чепец», «Омут», «Пильва», «Ильинка», «Москали», «Мазуня», «Челва»). Все они относились к Усольягу и были мужскими. Где-то там же находились ныне безвестные лагеря с трудмобилизованными женщинами-немками.

Лагеря эти были построены еще до войны и к 1942 году опустели, потому как заключенные на лесоповале мерли, как мухи. Ну, так что, уже готовым лагерям да пустовать? «А давайте-ка заполним их немецкими трудармейцами», - предложила, наверное, однажды высокому начальству какая-нибудь одна умная вертухайская голова. И уже как-то само собой затерлось различие между обычными зэка и немецкими трудармейцами. Уже и само слово «трудармия» звучало, как «лагеря».

И довольно быстро заполнили. «...После долгого пешего пути в лагпункт «Тимшер» мы прибыли поздно вечером, - вспоминает Фридрих Лореш, - Ночь провели в зоне - холодном бараке. Утром осмотрелись: в нашу половину барака попали жители сел Эндерс, Швед, Мариенталь и города Марксштадта. Вот тут мы, наконец, и разглядели, что находимся за сплошным четырехметровым забором и колючей проволокой... По углам зоны стояли сторожевые вышки, а в проходной дежурила вооруженная охрана...

С первого дня работе отдавали все силы, но норму все равно не выполняли. Обессилевшие рабочие замерзали прямо в лесу у костров. Одни из первых умирали интеллигенты - они были не приспособлены к тяжелой физической работе.

В январе 1943 года большую часть лагпункта, куда попал и я, отправили этапом на лесную деляну, где летом из-за болот заготовка леса была невозможна. Шли пешком, в пути замерзли несколько человек. А наутро на новом месте нас ограбили работавшие неподалеку зэки - украли валенки. И начальник лагеря нас решил за это проучить. Он выгнал всех из барака в имеющейся одежде и обуви. Некоторые на ноги натянули рукавицы. Я был в тоненьких носках и галошах, привезенных еще из дому. Выстроил он нас, человек 18-20, перед проходной по четыре человека в ряд, приказал охраннику нас не распускать и ушел. Мороз, как всегда доходил до 30 градусов и более. Сначала терпели, стояли долго. Продрогнув до костей, обреченные просто заплакали, а начальник не шел. Даже стоящий перед нами охранник с винтовкой, глядя на нас, заплакал. Наконец, пришел начальник и отпустил нас в барак, показав таким образом свой характер...».

Кровь стынет в жилах от этого обстоятельно бесхитростного рассказа. Зачем? Для какой такой надобности? Почему? Показать «кто в тайге хозяин»? Так разве жи так не видно?

Трудовая армия...Она и на самом деле, соседствуя с зэковскими зонами, порой ничем не отличалась от них.

Проштрафился как-то Иоганн Лиссель, волею судьбы назначенный поваром в лагпункте Зыково (север Свердловской области), - нечаянно уронил керосиновую лампу в горошницу. И смех, и грех. И было-то в той лампе граммов 50 керосина. Это на 2000 человек. «Ты диверсант!», - сказал ему следователь, подписывая бумажку на арест. «Какой я диверсант, я сын колхозника...», - чуть не плакал Иоганн. Вышвырнули из столовой - и на лесоповал. «Работали в лаптях, и это глубокой осенью, - вспоминает он, - Попал на сплав. А там заторы. Мы с баграми, неопытные. Оборвался - и в воду, а обсушиться к костру нас не подпускали. Люди умирали «пачками». У меня все ноги покрылись чирьями...»

Через год меня перевели в Горьковскую тюрьму. Потом в Котлас...В Котласе заставили покойников раздалбливать. Хоронить не успевали, так они их...Там же Северная Двина, течение сильное. Раздалбливали - и под лед...

Однажды отказался. Меня в изолятор. 300 граммов хлеба, стакан воды. Ну и все - готов: пеллагрический понос. Попал в больницу, в 13-й барак, где самые тяжелые были. И одна женщина-врач, Александра Ивановна, отнеслась ко мне, как к сыну: «Сыночек ты мой, сыночек! Я не дам тебе умереть...»

У нас под окнами сарай с покойниками был. Мы однажды решили узнать, сколько же людей за сутки туда убирают. Дежурили у окна и насчитали 56 человек. Привозят на санях - головами назад, ногами вперед, либо головы сбоку, ноги внутри. А на ногах бирки: фамилия, имя, отчество, год рождения, статья, срок, когда кончился - и все! Голые! Охранник с вахтерки выходит, всех пересчитывает. Заходит, выходит снова с деревянной кувалдой и по черепу - хлобысь! Чтоб череплопнул. На всякий случай, вдруг кто притворился...Каждому...Их в сарае складывали...Там были и заключенные, и трудармейцы...»

И кто после этого скажет, что трудармейцы чем-то отличались от заключенных? Ведь даже кувалдой по черепу им били, не различая, кто из них кто.

Что это, если не геноцид?

За что? За что? За что?

Сотни тысяч немецких трудармейцев терзали себя этим рвущимся из сердца вопросом. И многие из них так и не получили на него ответа. А те, кто получил? Что они думают (или думали - потому что к моменту публикации этих строк умерли из-за надорванного здоровья) по этому поводу сегодня?

Григорий Вольтер: «Я в числе тысяч вчерашних депортированных был направлен Ново-черкасским райвоенкоматом в так называемую трудовую армию. То было время, когда людей, как животных, делили на «чистых» и «нечистых».

Горькая реальность открылась нам по прибытии в «Челябметаллургстрой», вернее, в одно из подразделений этого гигантского лагеря - стройотряда № 4 на железнодорожной станции Потанино.

Это - десятки больших бараков с двухэтажными сплошными нарами, кухня, пекарня, баня и, конечно, штаб и карцер. Кругом три ряда колючей проволоки с вышками по углам, вахта, массивные ворота со шлагбаумом. В общем, классический лагерь для уголовников (собственно говоря, они и находились там до нашего прибытия) и в нем - вооруженные охранники из внутренних войск».

Виктор Кригер: «В первые же месяцы в трудармии было завершено физическое уничтожение немецкой интеллигенции, начатое в предвоенные годы сталинских чисток. Восстановить эту утрату не удалось и по сей день...»

Александр Вазенмиллер: «Осенью 1941 года меня и еще многих моих сверстников из Тюменской области, куда мы были семьями депортированы с родного Поволжья, направили в Ивдельлаг. Северный Урал запомнился на всю жизнь: холод, голод, цинга, болезни... Но именно здесь я узнал, что такое лагерное братство, когда такие же ослабленные люди делились с тобой едой, лекарством и одеждой. Невероятно, но именно здесь я встретил свою судьбу. Я работал на лесоповале в мужском лагере, а моя Анечка - в женском...»

Карл Калаузек: «Первая партия немецких трудармейцев, привезенных на строительство Богословского алюминиевого завода была с Украины. Нас привезли зимой и поселили в палатках, потому что бараки еще только строились. Лес мы заготавливали прямо тут же - на месте будущего пруда. Работали по 12 часов, а после работы каждый должен был на себе принести одно бревно в зону. Из всех моих знакомых я выжил только потому, что меня, как имеющего довоенную профессию шофера, вскоре определили на машину.

Иоган Фрезе: «В феврале 1942 года привезли 15 тысяч трудмобилизованных немцев в Ивдельлаг. Работали мы на лесоповале. Через год нас осталось 3 тысячи. Остальные погибли».

Иван Эпп: «Я был комсомольцем и подал заявление об отправке на фронт. 2 февраля 1942 года меня вызвали в Знаменский райвоенкомат Алтайского края. Военком с ухмылкой спросил: «А разве ты не знаешь, что мы воюем с немцами, а ты тоже немец?». Такой вопрос лишил меня дара речи, и я только смог вымолвить: «Но ведь я комсомолец!». «Какой ты комсомолец, ты немец!». И после этого меня направили в трудармию. Сначала мы работали на строительстве железной дороги Барнаул - Сталинск.

Странным, каким-то чудовищно двуликим был наш гражданский статус. Вокруг все атрибуты лагеря строгого режима для государственных преступников, жесткий лагерный режим, а в обращении звучит благородное слово - товарищ.

На выходе из лагеря на работу «товарищей» предупреждают, словно речь идет об отпетых уголовниках: «Шаг вправо, шаг влево - стреляю без предупреждения!».

Яков Гиберт: «Были зоны с колючей проволокой, охрана с собаками, выход на работу под конвоем, регулярные переключки. Помню снятых с фронта раненых солдат и командиров, некоторые на костылях, с орденами и медалями. Здесь были все - коммунисты и комсомольцы, беспартийные, воины, прошедшие Халкин-Гол и войну с Финляндией».

Василий Кунцман: «Я поначалу думал, что это недоразумение, что разберутся. Меня и еще одного красноармейца отозвали из действующей армии в то время, когда мы уже готовились к отражению немецких атак под Москвой. Наш батальон, где я командовал ротой уже был на марше в направлении Смоленска. Все мысли были заняты подготовкой к предстоящим боям... И вдруг вызывают в штаб. Потупив глаза, комбат протягивает мне помятый листочек с Указом... буквы прыгают у меня перед глазами: «По достоверным данным... диверсионные акты по указке из Германии... переселить все немецкое население... в другие районы...». «А при чем тут я?» - хотелось взорваться от негодования, но тут же стало понятно: «Да ведь я тоже немец». И как бы отвечая на мой немой вопрос, комбат, наконец, поднял на меня усталые глаза: «Извини, лейтенант, приказы не обсуждаются... Я тебе верю, но им сверху видней...». И меня, как прощтрафившегося заключенного отправили за колючую проволоку. Сначала в Кизил, а потом - на Северный Урал. И хотя, как фронтовику, мне доверили руководство строительной колонной на строительстве Богословского алюминиевого завода, чувство неполноценности с тех пор никогда не покидало меня...»

Генрих: 18.07.2012 в 04:32

Двадцать лет тому назад в беседе с писателем Владимиром Солоухиным я ему сказал: «Почему бы Вам не поднять тему о российских немцах?». Он мне ответил: «Это ваша история, поднимайте!». Суть тут в том, что в России никогда не считали немцев народом России. Они

были, но их не замечали. Волга, почему то русская река, а не татарская, чувашская, марийская описана по ручьям и берегам вроде сполна, но вот о 320 км. немецких берегов, а там и утёс Стеньки Разина и 104 амбара-склада, напоминающие пирсы Голландии, почти нет упоминаний в русской печати, даже дореволюционной. Если немцев в России не признают, то я думаю немцам, рожденным в России не стоит называть себя русскими немцами. Это же оскорбляет русский слух и дух.

В 60-х годах у меня учителями были референты из ЦК КПСС, они у нас вели семинары. На вопрос: «Не воссоздание АССР немцев Поволжья ведь противоречит принципам советской национальной политики». Они отвечали: «Зачем нам восстанавливать АССР, у нас же есть уже одна Германия, ГДР, к чему две». Ведь же ГДРовцы (руководители) себя считали частью СССР, не только по гербу (Герб СССР-это Земной Шар), но и по государственному языку. Все их депеши в СССР печатались по-русски. Так же говорили о Крымской АССР. «У нас есть уже татарская, к чему другая». Я тридцать лет разыскивал своих предков, уничтоженных в советский период. Нашел деда, унтер-офицера Царской армии и командира взвода пехоты в Красной (Екатериненштадский запасной полк), до Октябрьского переворота крупного землевладельца в колонии Нидер-Монжу (150 десятин земли, ветряная мельница, 20 верблюдов, 3 табачных склада и т.д.).

В советский период обкарнали до 10 га и раскулачили осенью 1929 года. Бежал в Подмосковье, там организовали в 1935 году процесс против него и ещё 11 немцев. Всех отправили в ГУЛАГ. Дед погиб 24.05.1943 года в Локчимлаге (Устьвымском лагере). Дед реабилитирован, могилу я нашел после многолетних поисков и скандалов. Восстановил деду «Свидетельство о смерти». Ведь же всякие там справки не являются документами. Только свидетельства о рождении и смерти -документы. Я даже обнаружил его лагерное дело. Так вот из 9-ти детей деда, трое расстреляны советскими карателями во время краткосрочной оккупации Захаровского, Михайловского и Чапаевского районов Рязанской области танковой армией Гудериана (период с 24 ноября по 8 декабря 1941 года. Сын Яков погиб на крыльце барака, комиссованный из Трудармии, на руках жены в Северном Казахстане. Успел поцеловать жену и сказать ей несколько слов.

Двадцатилетнюю тётку Эмму посадили в 1945 году в трудармии-завод «Нефтетара» в Рязанской области на 7 лет по ст.58.п.10. за то, что пела немецкие песни и рассказала подругам о том, как советские каратели на глазах матери расстреляли её брата и сестру, а так же за то, что не верила сообщениям Совинформбюро. Она отбыла срок в Воркутинских лагерях. Другой сын Давид расстрелян за саботаж в Рязани в феврале 1942 года. Все они реабилитированы, мною найдены все следственные и лагерные дела. В живых остались по линии деда 3 сестры и 2 брата. В их числе мой отец, другой брат убежал, выжил под русской фамилией. Он «испугался переписи 1959 года», разыскал нас в Сибири и прибежал с семьёй. Фамилию вернуть ему не разрешили. Отец прошел трудармию, его вернули с ленинградского фронта. Трудармия начиналась у него с Волжлага НКВД. Они строили рокадную дорогу Свияжеск-Ульяновск», а затем Карагандауголь и Севжерждорлаг. Во всех местах пребывания немцев НКВД организовывало немецкие процессы. В Волжлаге в 1942 году спланировали «Черный рейхсвер» и расстреляли 54 человека, а 5 приговорили к 10 годам. До конца дней ночью отец кричал «Тейхриб». Алтайский немец Тейхриб Абрам Александрович был «признан» организатором повстанческой организации. Мне материалы этого процесса не дали на просмотр. Местные сибирские немцы, оказались то же «спецпереселенцами»-у них отобрали документы и передали их в ведение комендатуры.

На спецпоселении по нашему «совхозу НКВД» в Иркутской обл. пос. Пивовариха НКВД посадило по ст. 58.п.10.п.11 за период с 1937 по 1954 год 16 человек в том числе 4-х немцев. Там численность спецпереселенцев была в пределах 700 человек. Немцы единственный народ с точным просчётом антисоветского элемента, который колебался в численности от 30.0% по Владивостоку до 11.0% по Рязанской области. Просчитали до выселения и расстреливали в первую очередь их. В селе Голдино. где я родился, советские каратели в «белых бурках» искали только моих родственников. Их тут же уничтожали по приказу Лаврентия Берия. Расстрелянные немцы, на оккупированной немцами территории, до сих пор не отмечены в книгах памяти. Почему? Да потому, что получить, что танкисты Гудериана только тем и занимались, что расстреливали немцев!!.. Ведь же ни один русский в этот период не был убит.

После оккупации НКВД расстреляло массу русских за то, что участвовали в открытие церквей, давали ключи от полуразрушенных колоколен немцам для осмотра местности, пацанов за то, что ездили с немцами на мотоциклах. Я обратился с просьбой увековечить на обелисках имена моих погибших родственников. Отказали, видите ведь же они различают, тех кто погиб в боях - это участники войны, а тех, кого расстреляли каратели, жертвы, и они не входят в число погибших в годы войны. Им памятники не положены. Я это к тому, что бесполезно искать правду в России. Немцы не народ России, а посему чего-либо добиваться там БЕСПОЛЕЗНО. Зря немцы тратят деньги налогоплательщиков и поддерживают «немецкую» бутафорию России. В том числе и районы в Сибири, которые давно не немецкие, там даже немецких школ нет. Там живут сейчас на 90.0% русские. Генрих.

Комментатор: 10.08.2012 в 02:12

В России и на Украине историки не любят рассматривать в купе историю немцев России и Германии. А «изучают» отдельно и по сему пишут галиматью. Немцев в России спасла Германия после развала СССР и России, а не к примеру Израиль, и вселила в них надежду. Конечно и позора много-тысячи из них живут на социале. Брали бы пример с предков, которые выживали на Таймыре, раскапывая под картошку крутые берега Енисея. Учились бы так, как их дедушки и бабушки, на полу выполняя школьные задания и ноги, при пасьбе скота, согревали в коровьем навозе. А героев сколько вопреки запрету и пинков: Теодор Грасмик - знаменитый хирург отказался оставаться при депортации в Саратове и вместе со своим народом прошествовал в трудармию, Курт Видмайер поступил в МГУ в 1959 году, когда туда немцев не принимали, Ирина Рейхберг ещё раньше, учёный лингвист Едиг в 1972 году написал диссертацию на немецком и на немецком её защитил в Академии Наук в Ленинграде. Немцам в Германии, выходцам из СССР, не мешало бы подобно евреям Израиля своих детей привозить на лето, лучше зимой, на места бывших лагерей трудармии и спецпоселений. Увидели бы наяву. Евреи возят своих детей в Польшу, чтобы посмотреть Освенцим. Это самый хороший способ, чтобы не быть подобными туркам и не сидеть на социале. Комментатор.

viktor S: 12.08.2012 в 14:26

«Целое поколение, выросшее без могил предков. Иное жизнеощущение. Парящая отстраненность. Всплески памяти при взгляде на облака, летящие к мертвым», - У российских немцев сегодня национальной жизни практически нет: в России потому, что до сих пор не решен вопрос об их реабилитации, их равноправии, о восстановлении их государственности; в Германии потому, что там российские немцы никогда не смогут получить возможность компактного проживания. И вынуждены в очередной раз терять свою идентичность, теперь уже бинациональную».

Потому что если не будет условий для сохранения народа, то не будет и народа, а значит, не будет и его наследие будущих поколений - национальной жизни.

lidia: 17.08.2012 в 14:27

Никто Россию не хает, а пишут факты и правду как было на самом деле. Не надо искать соринку в чужом глазу когда в своем бревно. Моей маме в 1941 году было 7 лет, младшей тете 3 (это они на связи с Германией были наверно). Выселили осенью, когда погреба были полны, урожай собран и как скотов погнали в Сибирь. Голодные и холодные вырыли в мерзлой земле землянку. В ней и жили. Мама чудом осталась жива после болезни. Маму в школе обзывали фашистской и били, но она отбивалась валенком. Тете Элле было 15 лет. Она работала в трудармии в шахте и эта девочка бегала в обвалам, чтобы ее убило. Так было невыносимо. За что? Сестру бабушки забрали в трудармию с мужем и, если бы не услышали плач ребенка, то он бы умер. А ему и года не было. За что? 1000000 раз за что? Если кто не врет, то вернувшиеся из Германии говорят, что благодаря тому, что там жили и выжили, я родилась в Норильске

Дотошный: 18.08.2012 в 04:36

История народа и отдельных лиц так же конкретна и так же просчитывается, как всё в математике. Люди, попавшие под кулацкую ссылку 1929-1933 годов, а среди них было и не мало немецких семей (например, еврейских семей не было, хотя были и еврейские национальные районы на Украине и в Крыму) оплачивали сами своё раскулачивание. В трудпосёлках из доходов каждого трудоспособного выселенца высчитывали 15.0% а в некоторых районах 25,0% из зарплаты. Так было и в царской России каторжники и ссыльные (последние не всегда) оплачивали своё содержание в тюрьмах. Тюремное ведомство оплачивало этапы, конвои, пересыльные тюрьмы, кормление в пути и т.д.

Ссылка народов, в том числе и немцев, была оплачена самими народами, в том числе и российскими немцами. Из заработной платы уже на спецпоселении высчитывали 5,0%. Трудармия, там 100,0%-й вычет. В каждый дом, из которого был вышвырнут немец, будь то на Волге или в Закавказье до выселения, уже был заселен конкретной семьёй (Ф.И.О.)

Так в Энгельсе, где немцев было не так много, поселили «беженцев» из Сталинграда, в Марксе «беженцев» из Москвы и т.д. Не забывайте, что социализм-это учёт (Сталин). Каждый комендант, который бил по морде «фашистов» известен. В нормальных, правовых странах эти лица были бы осуждены, или перед ими, конкретными людьми (Ф.И.О.) извинились, за конкретные преступления. В России - нет. Вина за депортацию немцев и других народов лежит не только на системе, но и конкретно на градообразующем народе. Его называют русским. Он допустил подобное, он терпел Сталинов, Молотовых Кагановичей и т.д. Это не разжигание вражды, а правда.

Выселенный чеченец и ингуш вернулся в свой дом. И его покинул конкретный человек. В этом заключается повседневная история, из которой многие бы русские немцы, ныне живущие в Германии, узнали, что их папами были коменданты, председатели сельских советов и прочая МГБэшная мишура. Аборты в то время были запрещены. Они бы узнали, что Свидетельства о браках не выдавали спецпереселенцам, и браки (то есть процесс совокупления) регулировали

коменданты. И если даже ты, русский, влюбился в немку, находящуюся на спецпереселении (а были и такие), то вывезти её из зоны поселений не мог, должен был с ней проживать в бараке, в зоне огороженной шлагбаумами. Мужчины немцы хватались за русских, украинских, армянских, хакасских женщин, будь они хоть трижды кривые и косые, чтобы выжить и получить защиту.

Русские женщины на спецпоселениях были в такой же цене, как москвички раньше при прописке и сейчас при регистрации. А женщин после войны хватало, ведь же поколение 10-20 годов было выбито под чистую. А женщины немки, чтобы избавиться от ненавистной немецкой фамилии ложились под любого не немца. Немцы мужчины запросто расставались с баронскими фамилиями и становились под женский русский патронат Дураковыми, Кретиными и т.д. Это сейчас они вдруг немки стали Эртелями-Смирновыми, Фишер-Степановыми и т.д. Это называлось тогда и ныне таким понятием, как «дружба народов». Она прославлялась, пример многодетной семьи Геллертов (11 детей, дочери замужем за казахами, а сыновья за русским). Дочки героини Казахстана! Знаменитые российские историки Ауманы, Германы, Плева ой, как будут «в обиде», когда кто-нибудь прочитает их диссертации, написанные в доперестройочный период. Скажу только одно, они о немцах не писали, в силу партийности и трусости. Вот что сделала советская власть с гордым, военравным народом. Как это народ назвать подумайте. Дотошный.

Владимир: 24.09.2012 в 03:19

Среди всех народов были предатели во время Великой Отечественной войны. Не было предателей только среди российских немцев, т.к. они были поголовно все в тюрьмах, так называемых трудармиях. Так советское правительство «забылось» о своем народе. Ну что тут еще можно сказать?

Шпоцлер : 15.01.2013 в 08:18

Нет более интересной деятельности, чем занятие историей будь то семейной или историей своего, а можно и других народов. Для немецкого народа в СССР самый большой урон нанесли помимо голода и репрессий образование разных псевдохозяйственных «автономий». Если раньше на каждую колонию приходился один староста с двумя писарями, а волостное правление чуть больше с добавлением ветеринаров, иногда врачей и агронома, то образование районов, а плотом кантонов привело к невиданной численности колониальной администрации. Посмотрите на аппарат сначала автономной области, а потом Республики немцев Поволжья. Тысячи сотрудников-бездельников в разных наркоматах, совнархозе плюс к ним карательные органы с отрядами ЧОНов. Появилась своя колониальная бюрократия, неграмотная, не говорящая по-русски, не знающая своей истории. Это она наполнила комбеды, а они совместно с сельскими управами «помогали» на местах ссыпать хлеб.

Это они смотрели не на умирающих стариков и детей, а на указание Москвы. Появились знаменитые Дицы. Они раскулачивали сельчан, они торчали в политотделах и изымали хлеб, подготовив голод 1932-1934 годов. Это они поставляли списки для репрессий 30-х годов. Это они загоняли в вагоны и на баржи депортированных земляков в 1941 году. Посмотрите, полк НКВД численностью в 13500 человек смог переселить за пару недель более 350000 человек с Волги. В 1944 году 200000 чеченцев и ингушей переселяла армия Ивана Серова численностью в 200000 человек. У чеченцев не было такой бюрократии. А кто помогал местным нквдешникам составлять списки мобнемок, кто гнал на работу трудармейцев. В первую очередь свои капо (коммунисты и комсомольцы). Вот они и сформировали прослойку немцев-бригадиров. По числу бригадиров, приходящихся на 1000 человек, немцы шли впереди народов всех. Кто они? завгары, завфермами, прорабы-стройдесятники, бригадиры на стройках и т.д. Люди с широкими возможностями сами вкалывали и могли позволить молочка деткам нацедить, комбикорм утащить, керосинчика налить, хороший покосик выделить и т.д и т.п.

Они обладали властью над людьми. Дополним характеристику-немцы СССР занимали первое место по дебильности (числу даунов) приходящихся на 1000 человек. Центр дебильности СССР немецкие улицы Караганды. Разве могли сынки этих бригадиров разные Гроуты восстановить автономию и ограничить движение немцев в Германию. Конечно нет. В Германии бригадиры заныли, им тут не нравится, нет сладостной утешки в управлении, их никто не почитает и не слушается. В Зауралье и Сибири после войны наблюдалась потеха. Возвращается Ваня-воин освободитель с подарками, руки обвешаны часами, снятыми с убитых фрицев и изнасилованных немков, на плечах чемодан с иголками и нижним бельём, под боком велосипед и видит: его невеста в постели с местным «фрицем». И невеста выбирает бригадира он ей мил не только дома, но и на поле. Были часто убийства на этой почве. Это зарегистрировано в архивах. А как любили они советскую власть?. В 1970 году в связи с столетием со дня рождения В.И.Ленина она их поголовно наградила медалью в честь этого столетия. Они её носили не только на работе, но и дома, спать ложились, положить её под подушку. Вот так ребята, жить надо, но и ностальгировать можно. Оно не запрещается. Шпотцлер

«Фактически, исходя из буквы инструкции («О порядке сопровождения эшелонов спецпереселенцев частями конвойных войск НКВД СССР»), все немцы признавались лицами, совершавшими уголовное преступления.

Таким образом, российские немцы были депортированы по национальному признаку, при отсутствии факта совершения преступления, в угоду политической и экономической конъюнктуре».

(«Правовой статус российских немцев в СССР (1940-1950-е гг.)» Александр Шадт, стр. 309\7-я Международная научная конференция «Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941-1955 гг.»)

Александр Нахтигаль

УЧЕНЫЕ: ПУТЬ К СВЕТУ ИЛИ ВО ТЬМУ

Руководители нашей страны всех периодов любили и любят хвастаться единством, сплоченностью, дружбой народов, которые оказались под их властью. И нынешнее не исключение. Но история нашей Родины имеет достаточно много страниц негативного отношения власти к народам России, вокруг них и сейчас бушуют нешуточные страсти. С царской Россией все понятно: она во всем виновата. Голоса этой позиции настолько сильны, что никто с этим не дискутирует. С советской историей, даже совсем недалеко, когда даже живы ее участники, позиции сторон отличаются на 180 градусов.

На многие вопросы национальной политики российского государства в 30-50 годы прошлого века мы никак не можем найти ответы, которые признали два самых важных участника исторических процессов: власть и народ. Власть всегда независимо от времени считает, что она права, а прошлые власти лучше не вспоминать. Ведь выводы можно не делать.

Но народам нужна правда, они хотят все понять и брать с собой в будущее только самое хорошее и определить, что было плохого. В национальной политике это особенно важно. Кто же должен помочь власти и народу сделать правильный вывод? В первую очередь, ответ ждут от ученых, которые расставят все акценты, проанализируют все факты.

Научных исследований по немецкому вопросу под российской «крышей» практически нет, все подобные мероприятия проходят на германские деньги и проводятся общественными организациями российских немцев, в основном Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев. Кстати, на средства Германии в рамках деятельности Межправительственной российско-германской комиссии по проблемам российских немцев и Российско-германской комиссии по культурному сотрудничеству.

Многие исторические явления, которые ученые сейчас могут спокойно, без оглядки на политическую конъюнктуру, проанализировать. Для этого есть все условия: открыты архивы, живы свидетели событий, видны последствия принятых государственных решений. Но оказывается не все так просто. Оказываются, даже очевидные факты могут не прояснить ситуацию, а еще больше ее запутать. Казалось бы, государство дало ученым путь движения мысли, признав ВСЕ репрессивные акты, принятые государством с 1941 по 1955 годы против народов СССР, признаются НЕЗАКОННЫМИ. И, казалось бы, сейчас перед учеными стоят следующие задачи: оценить последствия принятых решений, собрать документальные свидетельства, которые бы рассказали о героизме многонационального советского народа, противопоставившего преступным решениям власти свою волю и взаимопомощь, а также дать ответ на главный вопрос - как незакон-

ные решения власти отразились на судьбе репрессированных людей?

Научных исследований по проблемам российских немцев не так много. Ею интересуются не только ученые с немецкими корнями. Это приятно, но каково качество этих работ, насколько глубоко исследования и как они помогают власти ориентироваться во всех сложностях российской национальной политики.

Для того, чтобы ответить на эти многочисленные вопросы, я бы хотел рассмотреть материалы VII международной научной конференции «Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941 - 1955 гг.», которая состоялась в Москве 19-22 октября 2000 г.

Прежде чем перейти к анализу статей, хочу отметить несколько позиций, с которой ученые всегда рассматривают действия властей в отношении российских немцев. Первая, они рассматриваются как законные и обоснован-

ные, как будто государство имело право так поступить с российскими немцами. И не замечается, что в 1964 году ВСЕ репрессивные документы в отношении российских немцев признаны незаконными и народ был полностью юридически реабилитирован. Поэтому отменены не только решения высших органов власти, но подзаконные акты, принятые руководством НКВД, ГУЛАГа, МГБ, разных управлений. Это относится и к организации лагерей, выделение охраны, установление норм питания и т.д. Ведь их целью было направленно на уничтожение российских немцев: моральное, физическое, политическое, социальное, культурное, образовательное. Но ученые аккуратно обходят эти острые моменты.

Второй очень важный момент. Для ученых главным доказательством состоявшихся событий являются документы государственных репрессивных органов: их распоряжения, приказы, служебные записки, отчеты. Они становятся главными доказательствами того, что в реальности происходило. А живые свидетельства тех, против кого репрессии были направлены, почему-то превратились в эмоциональную и необъективную оценку происходящего. С этим категорически не могу согласиться. Именно анализируя всю совокупность событий прошлого, мы можем выявить истину и понять глубину трагедии, через которую прошел один из российских народов.

А теперь перейдем к материалам VII международной конференции. В первую очередь давайте прочитаем предисловие, в котором формулируются подходы к важнейшим вопросам, которые привлекли внимание ученых. В первую очередь обратим внимание на то, попали ли в поле их внимания те вопросы, которые являются важнейшими для российских немцев. Их выделили как «важнейшие историческими явлениями этого 15-летнего периода». Какие тут расставлены акценты: «... - депортация немцев европейской части СССР в восточные районы страны и жизнь там в тяжелых условиях военного времени, морального и физического террора; (в принципе к этой позиции нет претензий, но вопросы все же возникают: почему рассматривается только депортация немцев европейской части, хотя под каток попали и немцы Сибири, почему подчеркнуто, что они жили в **тяжелых** условиях, думаю оценка условий должна быть определена в процессе исследования, ведь каждый нормальный россиянин скажет, в годы войны других условий не бывает и почему надо выделять немцев.

Дальше вопросов возникает еще больше: « - **мобилизация** всех работоспособных немцев в «трудовую армию» и **тяжелый труд** в рабочих отрядах и колоннах на положении **заключенных;**» (откуда возникло слово «мобилизация»? Это вводит современников в заблуждение, мобилизация в войну законный процесс, опять возникает «тяжелый труд» - а какой он может быть в войну, значит что-то не то. И причем тут положение заключенных: этот статус можно получить только через суд,

тем более фактически немцы в годы войны были по статусу гораздо ниже заключенных. Ужученые должны это знать.

Дальнейшие рассуждения авторов предисловия также вызывают противоречивые чувства: «Каждое из этих **явлений** (так называются депортация, репрессии очень научные определения - А.Н.) было весьма **сложным, противоречивым, по-разному повлиявшим** на конкретные людские судьбы (в чем сложность, противоречивость, думаю такие характеристики готовят ученых не к поиску истины, а дают возможность обойти самые острые вопросы - А.Н.), **однако в целом все они глубоко перевернули** (процесс, который, фактически, лишил народ возможности национального развития, так аккуратно назван - А.Н.) **образ жизни немцев** Советского Союза, поставили их в экстремальные условия, **близкие к геноциду** (вот это ближе к истине - А.Н.), когда возникла угроза («геноцид» привел к «угрозе», такая логика далеко не научная, не приведет к выводам, к которым подводят реальные события - А.Н.) самому существованию немецкого **этноса** (откуда появилось понятие этнос, народ, который по численности входил в СССР первую десятку, который по вине власти, лишили возможности самовоспроизводства, а ученые уже сразу вычеркнули российских немцев - А.Н.).

Подобное стало возможным потому, что **все эти годы** (разве репрессии против немцев продолжались только 15 лет, а фактически они длились с 1936 по 1956, а ограничения в правах остались до 1972 года - 36 лет - А.Н.) в отношении немецкого населения со стороны руководства СССР проводилась откровенно **враждебная** (откуда такой вывод, на основе чего он сделан? - А.Н.) дискриминационная политика. Она имела **самые печальные (!)** последствия, положив **начало стремительным процессам** утраты немцами своей национальной идентичности, ассимиляции, **распада этноса** (т.е. уничтожения народа, но язык не поворачивается это сказать - А.Н.).

Исследовать трагедию советских немцев 1941-1955 гг. **по-человечески тяжело** (интересно в чем же эта человеческая тяжесть, любую проблему нелегко решать, особенно если ее обязательно надо пропустить через сердце и душу - А.Н.). Поэтому вполне понятен тот **поток эмоционально** (а что это плохо? - А.Н.) откровенных публицистических материалов, которые **заполняли** страницы немецкоязычных и других изданий СССР в годы **перестройки** (хорошо бы они заполнили и русскоязычные издания и в современных изданиях - А.Н.), когда завеса умолчания о судьбе советских немцев лишь начала приоткрываться. К сожалению, **далеко** не все эти публикации отличались **объективностью** (что воспоминания трудармейцев не объективны, а справки НКВД объективны? - А.Н.).

Профессиональный историк-исследователь не может позволить себе такую **слабость** (это не слабость, а комплексный подход к

проблеме - **А.Н.**), как уступка своим эмоциям. Для него главными критериями являются всесторонний подход к анализу исторического факта и объективность. В последние годы отмеченные выше явления жизни немцев в 1941-1955 гг. стали объектом внимания многих профессиональных исследователей, появились первые научные публикации, отличающиеся взвешенностью и объективностью, **лишенные эмоциональной окраски** (разве можно без эмоций рассматривать последствия репрессии против народов СССР? - **А.Н.**) и пристрастий, основанные **не только на воспоминаниях**, но и на строгих **документальных фактах** (что справки репрессивных органов - это объективные документальные факты, это полный абсурд - **А.Н.**). Можно отметить работы А. Айсфельда, Л. Белковец, Н. Бугая, Л. Бургардт, А. Германа, А. Курочкина, А. Шадта, И. Шульги и др.

...В изучении проблем, связанных с темой конференции, без преувеличения, **сделан крупный шаг вперед**. Подходы заявленные в предисловии, вызвали у меня большие сомнения, что у ученых хватит гражданской смелости честно и объективно посмотреть в события недавнего прошлого.

Я выбрал темы выступлений, которые затрагивали принципиальные проблемы выживания российских немцев в самый тяжелый период своей жизни в СССР. В первую очередь хочу обратить ваше внимание на статью преподавателя кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Саратовского военного института радиационной, химической и биологической защиты, кандидата исторических наук Александра Николаевича Курочкина «Роль НКВД в организации и функционировании «трудовой армии».

Думаю, каждый из нас прекрасно понимает, что НКВД сыграло при формировании трудармии какую-то роль, скажу определенной, мы даже уверены - главнейшую. На что же нам решил открыть глаза Александр Николаевич? Самое удивительное для меня то, что наш ученый без эмоций, спокойно анализирует роль НКВД как обычной хозяйственной структуры: «Процесс формирования «трудовой армии» с самого начала планировался и осуществлялся Отделом спецпереселений с привлечением местных органов НКВД. Сотрудники этого ведомства выполняли следующие функции:

- осуществление, совместно с наркоматами обороны и путей сообщения, призыва и отправки мобилизованных немцев в районы дислокации рабочих отрядов,

- контроль условий, режима содержания, политических настроений трудармейцев, их трудового использования на предприятиях других наркоматов». Как все складно.

Естественно, эмоциональные воспоминания тех, кого призывали и контролировали, здесь не нужны, ведь они могут несколько нарушить эту стройную информационную картину. Дальнейшие выводы исследователя просто потрясают, оказывается «за военные

годы это ведомство превратилось в гигантский промышленно-строительный комплекс». Но это знают даже любопытные школьники, но вот храбрости у него не хватило, чтобы сказать главное - весь этот гигантский промышленно-строительный комплекс создавался на костях советских репрессированных народов. Вот на такие научные выводы нашего кандидата исторических наук не хватило. До сегодняшнего дня оставшимся в живых трудармейцам даже спасибо не сказали, а память погибших до сих пор не увековечили.

Дальше без эмоций он продолжал: «Кроме того, на органы НКВД возлагалось привлечение к уголовной ответственности лиц, не явившиеся по мобилизации для отправки в рабочие колонны с применением «к наиболее злостным высшей меры наказания». Надо было только добавить, что при этом выполнялась важнейшая государственная задача. Интересно, читал ли Александр Николаевич Закон о реабилитации репрессированных народов и как под углом этого Закона освещается деятельность органов НКВД.

У ученого не хватило смелости даже пальчиком погрозить карательным органам. Вся их деятельность рассматривается в положительном ключе, даже когда приводит примеры вопиющего беззакония и абсурда в деятельности карательных органов: «Привлекались к ответственности и бывшие фронтовики, которые позволяли себе рассказывать людям правду о реальном положении на фронтах в начальный период войны. Над трудармейцем 2-го рабочего отряда Челябинметаллургстроя НКВД Кремером летом 1942 г. был устроен показательный суд за то, что он рассказал своим товарищам о кровопролитных боях и больших потерях при отступлении нашей армии летом 1941 г. о том, что враг был вооружен до зубов, а у наших солдат не было даже патронов. Кремера обвинили в распространении ложных сведений о ходе войны, в саботаже и приговорили к расстрелу». Стопроцентная эффективность работы. И она замечена, оценена и поддержана исследователем, у него даже не возникают сомнения в законности и обоснованности действий органов НКВД. Все делается для пользы государства: «Руководство НКВД СССР в феврале 1944 г. дало указание своим органам на местах организовать систематическое наблюдение за состоянием рабочих колонн из **мобилизованных** немцев, все выявленные недочеты фиксировать актами, а работников, наиболее злостно уклоняющихся от работы с мобилизованными, привлекать к ответственности». Прямо бальзам на сердце.

Очень глубокое исследование, а вывод просто новое слово в исторической науке. «Итак, органы НКВД СССР **приняли самое активное участие** в судьбе российских немцев в годы Великой Отечественной войны. Вся жизнь этого народа оказалось под пристальным вниманием «карающего меча революции». Однако НКВД стали тем инструментом, с помощью которого советское руководство реализовало **свои**

планы в отношении немецкого населения СССР». «Самое активное участие» - вот он научный вывод, так это всем известно. Умению исследователя обходить главные вопросы заявленной темы потрясают. Даже заявляя о том, что через НКВД советское руководство реализовало свои планы, оценить эти планы в отношении немцев СССР, опять духу не хватило.

Следующая статья, которая привлекла мое внимание - это «Трудовое использование немцев в годы Великой Отечественной войны (по материалам центральных госархивов Кыргызской республики)» главного специалиста Департамента по архивному делу при Министерстве образования, науки и культуры Республики Кыргызстан Динары Шурумбековны Кызаевой. Хотя, на первый взгляд, кажется, что рассматриваются региональные проблемы, но интересен подход специалиста, который не имеет немецких корней и который лишен личной эмоциональной оценке произошедших событий.

Удивляет заявление работника архива о том, что не раскрыты архивы, «поэтому о том, как складывалась жизнь трудармейцев немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны мы можем судить лишь по хранящимся в госархивах **отрывочным** сведениям - переписке органов госбезопасности и внутренних дел республики с партийными и советскими органами, а также администрацией промышленных объектов, на которых использовался их труд. Тем не менее и эти имеющиеся сведения **позволяют нам судить** о жизни и трудовой деятельности трудармейцев-немцев». Удивительно, что о жизни трудармейцев ученый решил получить только по переписке карательных органов. Да и непонятно почему эти сведения отрывочные.

Такой односторонний поход позволил сделать серьезные научные открытия: «Из документов видно, что немецкое население Киргизии мобилизовалось в трудовую армию не только на самой ее территории, но и направлялись за пределы республики»; «Из документов явствует, что в штат крупных промышленных объектов, где работало много немцев, включался представитель органов внутренних дел»; «Если говорить о положении трудармейцев, то в документах в основном показывается жилищно-бытовая и материальная сторона их жизни».

Удивительно, что вновь ученого не интересуют свидетельства участников тех событий, которые жили в тех условиях. И ура-патриотизм побеждает: «Тем не менее, несмотря на чинимый по отношению к ним **произвол и в тяжелейших условиях военного времени**, трудмобилизованные немцы, будучи и считая себя советскими людьми, проявили образцы подлинного трудового героизма». Вот как, в отношении российских немцев был допущен всего лишь произвол и они жили, видимо, как и все, в тяжелейших военных условиях.

Легкость в подходах к темам просто поражает. Постоянно хочется спросить ученых,

для чего вы беретесь за темы, которые не вызывают у вас ни научного, ни гражданского интереса? «Такой **вкратце** представляется трудмобилизация немецкого населения Киргизии по материалам центральных госархивов республики. Безусловно, эта тема требует дальнейшего и пристального изучения с привлечением более широкого круга источников: документов из других государственных и ведомственных архивов, а также и воспоминаний самих трудармейцев...» Если «вкратце», так лучше не браться, если архивы закрыты, то, как автор работал с документами, что касается сбора воспоминаний трудармейцев, то эту работу надо было начинать лет 20 назад. А лучше, конечно, не браться за тему, которая не «греет».

Следующая тема вызывает особый интерес. Мы говорим о реабилитации, о ее законных основаниях. Возможно, российские немцы не имеют на это никакого основания. Ответ на этот вопрос поищем в исследовании старшего научного сотрудника Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН Александра Александровича Шадта «Правовой статус российских немцев в СССР (1940-1950-е гг.)»

Рассуждения научного сотрудника достойны особого внимания, ведь его позиция фактически размывает по стенке все юридические основания по реабилитации российских немцев. В начале цитата из работы:

«Изучение истории депортации и спепоселения российских немцев неминуемо приводит исследователя к необходимости рассмотрения статуса российских немцев и его регулирования со стороны государства. Правовой статус **этноса** на данный момент является темой **совершенно новой** для истории и исторической науки. Историки **не занимались** изучением данного вопроса, а советская юриспруденция не признавала существования этой проблемы, поскольку с **позиций позитивизма этнос** не является **субъектом права** (данная точка зрения сохраняет свои позиции и по ныне - **А.Ш.**) В рамках международного права в качестве субъекта правоотношений рассматривался и рассматривается исключительно народ в целом».

Появляется утверждение, что российские немцы этнос. Видимо, отсюда оно перекочевало в предисловие, но в работе А.А. Шадта становится понятно для чего это сделано. Оказывается, этнос не является субъектом международного права, только непонятно причем тут оно. А вот советского права является: приняли Указ и загнали в лагеря без сантиментов. Но эти безобидные заявления лишают российский народ всех юридических прав: он не народ. Вот так разобрались в проблеме.

«Отсутствие теоретической и законодательной базы, определяющей положение этноса в государстве, позволяет предметно говорить на данный момент только о правовом статусе российских немцев как граждан СССР. **Интеграционный подход** к поднятой про-

блеме даст возможность изучить этот вопрос **с позиций статуса личности** и получить достаточно полное и реальное представление о правах и свободах российских немцев в рассматриваемый период.

Под **правовым статусом личности** понимается установленная законом совокупность прав, свобод и обязанностей лица, определяющих вид и меру его возможных и должных действий, а также налагаемые на него ограничения. Таким образом, правовое положение человека отражает его фактическое состояние во взаимоотношениях с обществом и государством».

Вот самый важный вывод, который ученый хочет навязать не только обществу, но и подсказать государственным органам власти. Теперь из процесса о реабилитации народ выводится и все сведется к льготам по ЖКХ и проезду в общественном транспорте, к квартплате. Такому чутью ученого на научное обеспечение желаний власти не выполнять свои обязательства, вытекающие из Закона по реабилитации репрессированных народов, можно только позавидовать. Главное - даже не ставится под сомнение законность введение руководством СССР для российских немцев особого статуса. Вот так, а говорят, что народы преступниками не бывают. Бывают, если в начале это народ, а потом, используя словесную казуистику, назовем его этносом и взятки гладки.

Ничто не может сбить ученого с избранного пути. Александр Александрович продолжает рассматривать деятельность власти, как будто она происходит в правовом поле. «Условно мы можем выделить три периода в правовой регламентации статуса российских немцев:

2. В 1945 -1948 гг. происходит оформление и конкретизация нормативно-правовой базы в отношении депортированных, юридически закрепляется и регламентируется статус российских немцев на уровне силовых ведомств».

Подведя теоретическую базу под возможностью государства поступать с подвластным ему народом как ему заблагорассудится, А. А. Шадт нашел положительные моменты и в Указе о выселении немцев из Республики немцев Поволжья: «Таким образом, часть граждан СССР по национальному признаку «предупредительно» обвинялась в измене Родине, тем самым нарушалось декларированное Конституцией СССР равенство всех граждан, независимо от национального признака.

В конечном счете речь идет о назначении своего рода превентивного наказания за действия, которые **еще не были совершены** и которые могли быть гипотетически совершены исключительно лицами конкретной национальности». Вот видите как все просто, провели предупредительную акцию и делов-то. А если дальше порассуждать, то в наши светлые головы могут прийти совсем удивительные выводы: **«Если мы** (что это за коллектив единомышленников? - **А.Н.**) рассматриваем депортацию российских немцев как **превен-**

тивное наказание, то следует остановиться на форме и сроках данного явления... Таким образом, исходя из самой буквы Указа, депортация **изначально** (разбивка моя - **А.Ш.**) подразумевалась как бессрочное наказание, что не оговаривалось, очевидно, в целях предупреждения социальных эксцессов.

С другой стороны, с позиций современной юриспруденции депортация немцев **подпадает** под понятие предупредительной меры административного принуждения. Чрезвычайное положение, в котором находился СССР, **давало возможность** правительству обосновать выселение немцев в особый режим их проживания **с позиций государственной безопасности**. Вот за обычным словоблудием: превентивное наказание, в целях предупреждения социальных эксцессов, предупредительной меры, с позиций государственной безопасности. И тогда можно сотни тысяч граждан без суда и следствия, даже целые народы как одно лица, бросить за колючую проволоку, обрести на непосильный труд, а погибших бросить, как животных, в ямы-могилы.

Но ученого все это не беспокоит, он лишь утверждает, что «отсутствие четко определенного правового статуса переселяемых немцев (не преступники по закону, но и не эвакуированные) привело к разнообразным **нарушениям их гражданских прав**». Просто поразительно: зная, что произошло с российскими немцами в годы Великой Отечественной войны, привести все к нарушениям гражданских прав, это кощунственно. Но остановиться уже невозможно: «... своим Указом 1941 г. главный законодательный орган СССР - Президиум Верховного Совета СССР - формально признал **российских немцев уголовными преступниками**». Вот так: формально не преступники, но народ за это заплатил сотнями тысяч жизней и они даже не удостоились теплого слова.

Заканчивая свою работу А.А. Шадт без эмоций, хладнокровно вбивает свой гвоздь в гроб трудармейцев: «Подводя итог, следует отметить: хотя условия военного времени и подходят под определение чрезвычайного положения, что в определенной степени позволяет ограничивать право граждан всего государства, но только на срок чрезвычайного положения, с соблюдением строгой процедуры и предоставлением гарантий их будущего восстановления. Российские же немцы оказались в рамках чрезвычайного положения «навечно». И это весь вывод? Ученый поддержал цинизм власти.

Я в одном убежден абсолютно: ни у кого нет права ни у государства, ни у людей ограничивать права людей без одобрения этого самими гражданами государства. Но на это способно зрелое гражданское общество, до которого нам шагать и шагать.

Для меня удивительно, что исследователи, анализируя репрессивные меры государства, очень сдержанно говорят о последствиях этих для российского немецкого народа. Ведь с

окончанием войны дискриминация российских немцев не прекратилась. Вот какой вывод сделала ведущий специалист Архива Президента Республики Казахстан Анаргуль Сагиевна Зулкашева в статье «Дискриминация лиц немецкой национальности в различных сферах общественной жизни Казахской ССР (1941-1955гг.)»: «Самым страшным последствием депортаций и обвинений в измене целых народов стало укоренение идеологических догм на уровне бытового сознания. Речь идет о случаях, когда в умах обывателей понятие «немец» и «фашист» становились синонимами».

Стремление ученых обелить государственную власть просто потрясает, они не снимают с глаз розовые очки. Даже возникло желание перевести процесс снятия режима спецпоселения в положительный актив государства. Рассмотрение этого процесса при анализе всех аспектов спецпоселения еще может иметь научную ценность, а научная ценность детали, как государство приходило к пониманию необходимости ликвидации спецпоселений, сомнительна.

И все же, что нам предложат преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Энгельского кооперативного института Людмила Николаевна Шумилова и профессор кафедры отечественной истории новейшего периода Саратовского государственного университета Аркадий Адольфович Герман в статье «Подготовка и осуществление государственным руководством СССР снятия режима спецпоселения с советских немцев». Оказывается после смерти Сталина «в числе прочих мер было выработано предложение высшему руководству страны **о значительном сокращении контингента спецпоселения и о снятии некоторых ограничений** в правовом положении спецпоселенцев».

Так называемая забота государства о своем народе имело свое количественное выражение, многочисленных не осужденных преступников можно отпускать, но не всех сразу, оказывается для этого созрели причины: «Документ исходил из нецелесообразности сохранения в дальнейшем столь огромного (около 3 млн. человек) контингента спецпоселения. Это объяснялось тем, что «в результате **упрочения**

советского общественного и государственного строя **укрепились** законность и социалистический правопорядок, а основная масса спецпоселенцев положительно относится к мероприятиям Советской власти, честно трудится, прочно осела на жительство в местах поселений и принимает активное участие в общественной и хозяйственной жизни страны...» (См. ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д. 896. Л.7)

Любопытно, что о войне уже не вспоминает, а освободить можно из-за упрочения советской власти и укрепления законности. Власть, конечно, не может просто взять и всех освободить, поэтому «оставить на спецпоселении предлагалось около 800 тыс. человек».

Вот такое у нас заботливое государство: «Таким образом, к весне 1955 г. от режима спецпоселения были освобождены свыше 500 тыс. советских немцев. В то время еще свыше 700 тыс. немцев продолжали свою жизнь в условиях спецпоселения». Десять лет прошло после Великой Отечественной войны, но война со своим народом продолжается.

А какой же вывод нам предлагают сделать? «Таким образом, ликвидация немецкого спецпоселения была не единовременным актом, а проводилась постепенно, в течение полутора лет: с лета 1954 г. до декабря 1955г. (Это хорошо или плохо? Быстро или медленно - **А.Н.**) Она проводилась как в русле общего курса Советского правительства на устранение самых одиозных последствий репрессивной политики сталинского режима (особенно на первом этапе - до января 1955 г.), так и под определенным воздействием внешнеполитического фактора - отношений с двумя германскими государствами: ФРГ и ГДР». Вот оказывается, государство решило стать благодетелем и само решило отпустить хотя бы часть народа. Почему? Чтобы устранить самые одиозные последствия репрессивной политики. А что делать с просто одиозными решениями? До сих пор решаем, а скоро будем отмечать 70-летие Победы.

Что же можно сказать в итоге. Надо с сожалением отметить, что мощный современный научный потенциал нацелен на то, чтобы фактически оставить российских немцев виновными в истории России.

Александр Нахтигаль

ЧТО ЖЕ СДЕЛАЛИ С НАШИМ НАРОДОМ?

Заголовок отражает главный вопрос, который стоит перед российскими немцами последние 70 лет. И я вновь хочу вернуть вас к деятельности Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Интересующая нас проблема была рассмотрена на X-й Международной научной конференции «Ключевые проблемы истории российских немцев», которая прошла в Москве 18-21 ноября 2003 года.

1.

Были ли дискуссии на конференции, по материалам судить невозможно, поэтому рассмотрим те позиции, которые были на ней озвучены. Рассмотрим принципиальные проблемы и то, какие ответы нам предлагаются. Они, на мой взгляд, были во втором разделе, который назывался «Общие проблемы истории российских немцев: политика, право, этнографии». В первую очередь хочу обратить внимание на статью «В отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид: об обоснованности и корректности данного утверждения» профессора Саратовского университета А.А. Германа, кстати, руководителя Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев.

Название статьи отражает поиска ответа на главный вопрос, который задают российские немцы, ответ нужен и всему российскому обществу. Нам очень важно дать оценку действиям властей Советского Союза в отношении своих репрессированных граждан немецкой национальности. Что это было? Понятия «репрессии», «депортация», «выселение» не дают нам понимания всей глубины потрясений для одного из народов нашей страны. В устах некоторых исследователей прозвучало слово «геноцид». Оценка не очень приятная для государства, особенно для действующей власти.

Это понимают и ученые, и у некоторых из них, наверняка, возникнет желание вывести власть из опасной зоны и смягчить оценки. Тональность названия статьи А.Германа подсказывает мне, что профессор захочет взять на себя роль своеобразного адвоката. Давайте посмотрим, какие же будут приведены аргументы.

Мне кажется, что все же ученый должен в первую очередь проанализировать факты, а затем делать вывод. Нас же сразу знакомят с выводом: «Уже свыше десятка лет в целом ряде публикаций, и даже научных работ по истории российских немцев, присутствует мысль об особой ненависти, имевшейся у Сталина и его окружения к советским немцам, политике геноцида, которая, якобы, приводилась по отношению к немецкому населению СССР перед войной (в 1930-е гг.), в военные 1941 - 1945 годы, и в первые послевоенные годы, вплоть до смерти Сталина».

Выводы А.Германа: ничего особенного в отношении немцев не применялось, в этот период всем было плохо и это подкреплялось таким объяснением:

1. общая репрессивная политика большевистского режима, вытекающая из его внутренней природы;

2. сложность адаптации немецкого этноса к большевистской власти, его негативной реакцией на важнейшие «социалистические» преобразования;

3. отношения между СССР и Германией.

Объяснения эти ситуацию не проясняют. Что касается первого варианта: до Великой Отече-

ственной войны, проводя индустриализацию и коллективизацию, власти СССР не ставили целью уничтожить народы, но проводили эти операции, не считаясь с людскими потерями. Была ли эта внутренняя природа большевизма, сомневаюсь, но такой вывод очень понравится нынешней властной элите. Второе объяснение тоже не идеальное: немцы всегда отличались законопослушанием: царское правительство не имело к немцам претензии, да и установление Советской власти не сильно отличалось от других регионах: классовая борьба не обошла немецкие колонии, но силе подчинились. Если было совсем не в состоянии, пока была возможность, бежали в Канаду и Германию. Третий вывод тоже неубедительный, каждая власть может сделать из своего народа или его части козлов отпущения, но отношения между СССР и Германией, даже война, не объясняют то, что сделала власть с немцами.

Самое важное, что, анализируя причины, мягко говоря, негативного отношения властей СССР к немцам, профессор А. Герман почему-то рассматривает причины этого, а не последствия. Только анализируя последствия, можно ответить на главный вопрос: был ли геноцид или нет.

Ничего удивительного, что многие не разделяют мнения профессора А. Германа и он вновь бросается в бой: «Однако работа В. Бруля, как и некоторые другие научные публикации последнего времени, заставили меня вновь обратиться к проблеме «геноцида против советских немцев» и, взяв на вооружение новые аргументы, порассуждать об обоснованности и корректности ее постановки.

Как представляется, основная «беда» сторонников «геноцида» заключается в том, что они до сих пор абсолютизируют историю российских немцев, исследуют ее в отрыве от общего исторического контекста (всем было плохо - А.Н.), не пытаясь проводить сравнительный анализ положения немцев с положением других народов СССР, в том числе и русских. Между тем именно такое сравнение позволяет нарисовать действительно объективную ситуацию и ясно понять: было ли к немцам особое негативное отношение или нет, проводился ли в отношении них геноцид или это была общая человеконенавистническая политика жестокого тоталитарного режима».

Какие же новые аргументы предлагает нам профессор? Нам предлагается рассмотреть проблему немцев в «общем историческом контексте» и для этого рассмотреть три периода нашей истории, которые повлияли на судьбу российских немцев. Вот они:

1. период «большого террора» 1937-38 г.г.;

2. период Великой Отечественной войны и до 1946 г. (ликвидация трудармии);

3. послевоенный период 1946-53 г.г. (период юридического оформления «немецкого» спецпоселения).

Чем же они характерны. В первом периоде нам предлагается сделать такой вывод: в период «большого террора» погибли представители всех народов и ничего не говорит о геноциде: «Еще один замечательный показатель: процент расстрелянных от числа осужденных по национальным операциям НКВД... По этому показателю немцы вообще едва ли не на последнем месте среди «национальностей, родственным населению враждебных государств». В общем, по немцам НКВД не доработало. Ученый не сделал главного вывода: после «большого террора» немцы не были уничтожены как народ и сохранили условия для своего национального развития. Ведь остались места компактного проживания, издавались газеты, журналы и книги на немецком языке, существовали учебные заведения, где преподавали учебные предметы на немецком языке. Даже немцы, служившие в Красной армии и расквартированные в Республике немцев Поволжья, распевали строевые песни на немецком языке.

Перейдем ко второму пункту, к периоду Великой Отечественной войны, самому тяжелому по последствиям для российских немцев. Какой же вывод не нравится профессору А. Герману? «Следующий довод лиц, поддерживающих утверждение о политике геноцида по отношению к советским немцам со стороны советского руководства сводится к утверждению о массовом уничтожении немцев в «трудовой армии» и местах депортации. Попробуем разобраться и здесь».

Задача будет не простая, потому что документы этого периода до сих пор скрыты в архивах. Основными фактами о гибели трудармейцев мы черпаем из воспоминаний самих трудармейцев и их рассказы потрясают. При этом они утверждают, что их не пытались просто уничтожить. На первом месте стояли вопросы выполнения производственных заданий и выполнение любой ценой. Трудармейцы гибли и на их место привозили новых. Сейчас никто не стремится посчитать документально подтвержденные потери. Для победы над фашизмом все средства хороши.

Тем более, как утверждает А. Герман: «Очень трудно точно определить число немцев, умерших в трудармии. Статистика велась из рук вон плохо». Трудно с этим согласиться, учитывая строгую отчетность, которая существовала в системе НКВД. По словам трудармейцев, которые участвовали в захоронении своих товарищей, акт о смерти трудармейца составлялся в 6 экземплярах. Где-то же они хранятся?

Но все же профессор приводит цифры, которые должны нас убедить в одном: немцев погибло не так много: «... безвозвратные потери немцев в трудармии - 3,2%, возможно поднять до 5,5%. Военные безвозвратные потери - 7,1% от всего населения страны.

«Как видим, в первом случае процент потерь немцев в «трудовой армии» практически в 2 раза ниже, чем процент военных потерь, во втором случае - заметно ниже».

Это стало главным аргументом профессора - немцев погибло немного, тем более в войне неизбежны потери. Приводятся беспроблемные аргументы: рассматриваются даже огромные потери во время Берлинской операции. Вывод: «Чем объяснить парадоксальные на взгляд нормального человека факты? Как расценить это намеренное убийство советских солдат? Может быть это тоже - геноцид? Несомненно, природа всех рассматриваемых явлений одна и та же. Она - в сущности сталинского тоталитарного режима». Вот так - война все спишет, но трудармейцы умирали не на фронте. Думаю, это не самый надежный научный аргумент: оценивать много или мало погибло людей. Тем более, что они ничего не доказывают.

А аргументы по третьему периоду просто потрясают, оказывается, послевоенный демографический бум доказывает, что в отношении немцев не было геноцида: «За 1948-52 г.г. численность немцев увеличилась на 105 тыс. человек», «так что говорить о каком-то геноциде в отношении немцев после войны также не приходится». И поэтому делается окончательный вывод: «Опираясь на собственную аргументацию, а так же на мнения специалистов, позволю себе сделать заключение, что основанное на эмоциях и одностороннем подходе, политически заостренное употребление термина «геноцид», в конечном итоге ничего не дает для научного понимания характера и механизма дискриминации и репрессий в отношении российских немцев в предвоенный период, в годы войны и в послевоенное время».

Я тоже не буду опираться на эмоции, и подходить односторонне к поставленной проблеме. Понятие «геноцид» имеет для народа вполне конкретное значение. Чтобы уничтожить народ не обязательно его надо физически уничтожить, достаточно просто лишить народ его национального развития. Для этого нужно рассмотреть все аспекты действия государства, в данном случае, против немцев. Мне интересно, почему профессор А. Герман закончил рассматривать проблему «геноцида» на 1953 году - года смерти И.В. Сталина. Разве репрессии против немцев прекратились в этом году?

Уж кому, как не А. Герману это известно. До 1956 года существовала комендатура, до 1964 года немцев официально не принимали учиться в вузы и они не могли занимать руководящие должности. Чтобы чего-то добиться, российским немцам приходилось прикладывать невероятные усилия. До 1972 года немцы не имели права вернуться в места своего проживания до начала Великой Отечественной войны, этим фактически узаконили рассеянное проживание немцев по стране и прервали связь поколений.

Удивительно, почему профессор обошел процесс массового выезда немцев в Германию. Разве не является этот процесс отражением реальной политики руководства СССР и России к проблеме российских немцев? Более 2 млн.

бывших наших граждан проживает в Германии. Этот процесс практически ликвидировал возможность для немцев самостоятельного национального возрождения. Мы лишились того немного, что было: национальной литературы, хотя бы на русском языке, театра, национальной школы. Как назвать этот процесс?

Ключевой вопрос - останутся ли в России российские немцы - это не просто вопрос научных исследований, но и, а может быть в большей степени, вопрос практической политики. Здесь необходим только один подход, комплексный, учитывающий все нюансы и специфику внутренней политики государства в отношении немцев. Пока на политическом

уровне такого разговора нет.

Среди ученых в оценке репрессий против народов СССР в годы Великой Отечественной войны наблюдается две четкие тенденции: одни хотят разобраться, а другие найти аргументы, которые бы оправдали действия властей и сглаживали последствия репрессий для народов. Документы надежно закрыты в архивах, места захоронений не преданы гласности и зарастают бурьяном. Одно из таких находится в Челябинске, где погребены без памятников и почести 27 000 строителей Челябинского металлургического комбината. Но не ищите его в списке официальных мест захоронений и поклонения погибшим.

2.

Какова же может быть наша позиция, позиция российского общества, объективная, без желания обелить власть. Давайте оценим действия властей в отношении российских немцев, ведь репрессии против народов не прекратились с окончанием Великой Отечественной войны. Эта практика получила название спецпоселений. Что это такое? Как спецпоселения сказались на судьбе немцев? Ответить на эти вопросы попробовала Л. Белковец из Новосибирска в монографии «Административно-правовой режим спецпоселения (новые подходы к оценке спецпоселения российских немцев в 1941 -1955 годах)».

Современники ждут, что разные категории специалистов: юристы, историки, обществоведы разберутся, что же в действительности происходило совсем недалеком прошлом и будут оценивать не то, как власть пыталась на бумаге придать этому процессу приличный законный вид, а реальные действия и фактические результаты.

Какой же подход выбрала для себя Л. Белковец. С первых же строк она озвучила свой угол зрения, отметив, что «система спецпоселений, сформировалась в России в 1930 - 1950 годы, еще не получила правовой оценки в юридической науке», «историки видят в спецпоселении «ограничение прав граждан по месту жительства (в том числе депортированных - по новому месту жительства), прежде всего, право на свободное передвижение». Оказывается и правоведа отмалчиваются. Вот все это «создает предпосылки для разного рода преувеличений и искажения исторической реальности».

Вот оказывается, что беспокоит ученого, все молчат а он все знает, поэтому и весь научный потенциал направляется на одно - борьбу с преувеличениями и искажениями. И вот теперь нам откроют настоящую реальность. Какое же преувеличение самое ужасное: это «утверждение о том, что депортации и спецпоселения были следствием политики «геноцида», нацеленной на «уничтожение» целых народов.

Самое удивительное, ученый не исследует проблему, а затем делает вывод, а наоборот делает вывод, а затем под вывод выстраивает

рассуждения. При этом считает возможным для себя ставить под сомнения принятые президентом Законы. В Законе о реабилитации репрессированных народов отмечено, что власть приносит официальные извинения «за политику, именовавшуюся «политикой геноцида и беззакония». И опять непонятно на каком основании, ученый делает вывод, что «извинения, однако, носили сугубо, политический и даже популистский характер, ибо материальных условий для подлинной реабилитации, восстановления нарушенных прав, утраченной государственности и имущества создано не было».

Вот оказывается как, принят Закон 22 года назад, его никто не отменял, за это время кто должен был создать условия для его реализации и почему не создал? А эти вопросы Л. Белковец не интересуют, одним росчерком пера, был перечеркнут Закон и оправдано его невыполнение. Далее пошли совсем не научные рассуждения: «публицистическая шумиха, поднятая в стране, во многом поспособствовала эмиграции немцев... и появлению части тех проблем национального характера, которые до сего времени отягощают жизнь народов России». Степень осведомленности и понимания проблемы Л. Белковец просто поражает: проблемы есть, но гонят из страны народ газетные публикации, а не равнодушие властей к национальным проблемам.

Еще ничего ни проанализировав, автор сделал столько выводов, которые фактически сводят на нет научную ценность монографии, потому что целью не ставится задача разобраться в проблеме, а оправдать действия властей и делается это не очень умело.

Но чего же хочет автор? Л. Белковец предлагает, позицию процитирую полностью: «квалифицировать спецпоселения, как специальный административно-правовой режим, введенный государством в целях обеспечения должного правового порядка, установления необходимого правового состояния социального объекта - «группприска», к которым относились отдельные категории населения и этносы, лишённые государством доверия в силу разного причин политического характера».

Вот как аккуратно ученый назвал одну из

самых трагических страниц нашей истории, в результате действия властей погибли десятки тысяч граждан Советского Союза всех возрастов. В СССР на 1 января 1949 года на спецпоселении находились 2300223 человека, почти половину этого числа составили советские немцы - 1035701. Самое удивительное, что живы еще люди, которые жили в этих спецпоселениях, которые могут привести факты о влиянии этого режима на свою жизнь и судьбу. Без это, уверен, невозможно ответить на вопрос - был и не был тот период геноцидом в отношении немцев. Но автора это не интересует. А разобраться с тем временем только по бумагам невозможно. Но это дало возможность автору подогнать обстоятельства под предложенный вывод.

Мне очень интересно было бы посмотреть, если бы Л. Белковец выступила перед трудармейцами и рассказала им, что «Конечно, переселенные (это научное открытие, которое своей некомпетентностью даже неудобно комментировать - А.Н.) за Урал немцы преступниками не считались, их правовой статус определялся поначалу как «эвакуированные по линии НКВД» или «граждан, проживающих на территории Советского Союза и подлежащих перемещению на жительство из одних районов в другие в административном порядке». Воистину история, написанная по документам НКВД, предстает в совершенно другом, подправленном виде.

Как вам такое умозаключение, «на с\праспространялось законодательство о труде, социальном страховании, обеспечении пособием по временной нетрудоспособности, на рождение ребенка, погребении, пенсиях по инвалидности... Дети с\п, окончившие среднюю школу, могли поступать в специальные средние технические и высшие учебные заведения, находящиеся в районе спецпоселения». Вообще-то наш ученый представляет то о чем она пишет?

Надо отдать должное Л. Балковец, все таки ученый не мог пройти мимо очевидного: «Но следует сказать, что спецслужбы внесли огромный вклад в разрушение национальной идентичности этносов, находившихся на спецпоселении. Они уверенно реализовывали идеологические установки тоталитарного режима по созданию культа внутреннего врага, на которого можно было списать вину за провалы своей политики, за невыносимые условия жизни основной массы населения, своим героическим трудом на фронте и в тылу приближавшего победу над могущественным внешним врагом... Как нельзя лучше на эту роль подходили российские немцы. Тысячами невинно расстрелянных, загнанных в лагеря и тюрьмы, умерших от голода и болезней, исковерканных человеческих судеб, разрушенных семей заплатили они за свою этническую принадлежность».

Но это было минутное послабление, ученый абсолютно убежден, что все выше сказанное сделать было необходимо и оправданно, что

и следовало сделать после победного окончания Великой Отечественной войны, в 1948 году «немцы и с\пдругих национальностей и категорий были объявлены переселенцами «навечно, без права возврата к прежним местам жительства». И наказание за самовольное покидание с\пдостойное - 20 лет каторжных работ. Я видел этот документ, подписанный моей мамой. В общем, спецпоселение курорт да и только.

Л. Белковец, как настоящий адвокат тоталитарного режима, как она называет сталинский период руководства страной, делает свой вывод: «Спецпоселение, таким образом, при всех правовых ограничениях, многочисленных нарушениях «законных прав» с\п, допускаясь контролирующимися органами, само по себе не являлось репрессивным механизмом. Оно не стало частью системы исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа НКВД. Введенное как специальный административно-правовой режим, оно выполнило свою главную задачу - надзор и налаживание трудового использования отдельных национальных «групписка»... специальный административный режим помог государству сохранить себя и свои ценности».

Воистину бумага все выдержит. Мне интересно, что думала профессор, когда подбирала слова, собирала их в предложения, неужели она не представляет, что стоит за этими кощунственными словами. Но совесть молчит:

«Закрепление немцев - главного трудоспособного контингента среди переселенных народов - в местах спецпоселения помогло решить важнейшие задачи экономического характера, обеспечить практически бесплатной рабочей силой самые трудоемкие отрасли промышленности и колхозные поля. И этот труд помог СССР выстоять в войне».

Ради чего огород городиться - а чтобы власть обелить. Власть, оказывается, все можно списать. Если бы все было так просто, думаю, не появлялись бы такие адвокаты в научной среде. Раз власть всегда права, что же надо доказывать. Нужна моральная поддержка и поддержка общества, положительное мнение научной среды особенно важно. И появляются те, кто готов спросить «чего изволите». По-другому я не могу оценить научную состоятельность этой монографии.

Оценить честно репрессии не просто. Современная власть на прошлое не обращает внимание, вот некоторым и хочется дать не научный вывод, а «правильный». Вот и утверждает автором, что «полученные данные не подтверждают мнений некоторых исследователей об особой национальной политике Советского государства, направленной на ликвидацию немецкого этноса в СССР. И самое главное: «Действия Советского государства в отношении этих народов не могут быть признаны наказуемыми деяниями согласно ст. 2 «Конвенции о предупреждении преступлений геноцида», принятой в 1948 году». И далее: «Политика СССР в отношении депортирован-

ных народов в 1940-1950-е годы не может быть квалифицирована как преступление по причине отсутствия всех элементов состава такого преступления как геноцид». Ученый окончательно потерял совесть.

Разбирать далеко не научные умозаключения профессора можно долго. Но все же какой будет ответ на главный вопрос - была ли депортация и спецпоселения следствием политики «геноцида», нацеленной на «уничтожение» целых народов. В кавычки два этих важных узловых слова. Если исследовать проблему по документам и справкам НКВД, то все получается очень аккуратно и, оказывается, это делалось в интересах государства.

Так был ли фактически геноцид немецкого и других, в первую очередь репрессированных, народов? У каждого может быть свой взгляд. Но давайте расставим все по приоритетам: что значит быть народов? Народ, который способен сохраниться должен иметь способность к самовоспроизводству: развивать и сохранять язык, культуру, науку, передавать из поколения в поколение традиции, имеют национальные театр, телевидение, радио, издавать газеты, журналы. Многие из этого у российских немцев было до начала 30 годов прошлого века и не только у немцев.

Что имеем сейчас? Российские немцы практически ничего: народ рассеян по стране, возможности сохранения языка нет, связь поколений прервана, театр, телевидение, газеты, издание книг, журналов отсутствует. Вывод: российские немцы, как немало и других народов России, не имеют возможностей для своего национального самосохранения, без помощи того, кто допустил такой результат - государства. А оно, почему-то, мобилизует весь свой потенциал, чтобы доказать, что не

имеет к этому никакого отношения.

Так что же было с 1930 по 1955 год в отношении советских, а теперь российских, немцев? Был ли это геноцид, как уничтожение народа. Надо сказать, что да, это была политика, но не на физическое уничтожение народа. Это была особенная, особенно циничная политика - на гуманитарное уничтожение уж немецкого народа это точно. В годы Великой Отечественной войны государство повесило на немцев всех собак и использовало на самых тяжелых работах совершенно не беспокоясь выживут ли немцы физически, и они гибли тысячами, создавая оборонный потенциал Родины. А неблагодарная власть до сих пор не может это признать.

После войны репрессии в форме спецпоселений, который продолжился до 1956 года, закрепили процесс на национальное уничтожение народа. Само удивительное, что процесс реабилитации затронул персонально каждого, кто родился до марта 1956 года (так решило государство). Теперь, если регион имеет возможность, он может предоставить какие-либо льготы, к примеру, по оплате услуг ЖКХ. А что же с народом? Закрепления в спецпоселениях, когда народ лишили права вернуться в родные места, создать места компактного поселения, восстановить национальную инфраструктуру. В результате, национальная память осталась, но только на ее основе НЕВОЗМОЖНО строить работу по национальному восстановлению народа.

Власть может оценивать свои действия, но она молчит. А почему не спрашивают сам народ? Почему делается все, чтобы голос российского немецкого народа не звучал нигде?. Кто скажет, положив руку на сердце, как называется этот процесс?

3.

Ученые рассматривая историю немцев почему-то опираясь на одни и те же события приходят совершенно разным выводам. На этой же конференции прозвучала тема, которая продолжила тему профессора Л. Белковец, и для рассматриваемого вопроса - о национальном будущем российских немцев - очень важно познакомиться со статьей кандидата исторических наук Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) А.А. Шадт, которая рассмотрела «Этническое самосознание российских немцев в условиях спецпоселения (1940 - 1950-е годы)». Для нас это важно тем, что в статье дается честный взгляд о влиянии спецпоселений на сохранения самобытного российского немецкого народа.

Очень важно для нас понять главное - сохранение народом своей самобытности является важнейшим для сохранения народа. Не надо путать это с тем, что в государстве могут жить представители какого-то народа, но в стране не будет народа. Вот и с немцами получается так, немцы есть, а вот есть ли народ - это большой вопрос. Как пишет А.А. Шадт: «Могут меняться культурные, экономические, со-

циальные и прочие условия существования этноса, но если сохраняется этническое самосознание, этнос продолжает существовать». Так вот способствовали ли спецпоселения сохранению немецкого этноса?

Ученый сделал фундаментальный вывод: «Как мы предполагаем, дисперсное расселение этнических депортантов среди инокультурного окружения должно было, по мнению организаторов, привести к постепенной ликвидации этнического самосознания переселенных народов, оказавшихся на положении этнического меньшинства в окружении национального большинства. Именно дисперсное расселение сыграло основную и определяющую роль в трансформации этнического самосознания российских немцев в Сибири, спровоцировав их ассимиляцию».

Оценки А.А. Шадт, на мой взгляд, отражают реальные процессы и их влияние на судьбу российских немцев. Приведу их:

«Дисперсное проживание в условиях спецпоселения, в рамках довлеющего воздействия других этногрупп негативно повлияли на численность, этническое самосознание, линг-

вистический и культурно-бытовой комплексы спецпоселенцев-немцев».

«Утрата этнотерриториальной принадлежности, которая вылилась в ликвидацию Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья, с последующим разделом территории республики между областями также оказалась фатальной для российских немцев».

«В результате жизни на спецпоселении стала разрушаться и базисная этническая установка (Я - НЕМЕЦ) - уровень субъективной этнической самоидентификации... условия спецпоселения привели к дальнейшему размыванию этнических установок у российских немцев».

Наши ученые удивительные люди, они всегда останавливаются на полпути. Вроде все сказали, выводы сделали и остановились. Я понимаю, если бы рассматривали события в веке X или XI, которые никого, в принципе, не трогают. Но история российских немцев живая, преодоление последствий репрессий это вопросы сегодняшней практической внутренней политики России. Тем более, что современная национальная политика вызывает немало вопросов. Ученые не хотят помочь политикам пройти по опасному национальному «минному» полю.

Базовые подходы к требованиям по сохранению национальной самобытности у народов России не сильно отличаются. Но усилия предстоит приложить разные, ведь каждый народ подошел к сегодняшнему дню со своими результатами и у многих они не очень радостные. Российские немцы в их числе. Так что же нас ждет? «Об этническом будущем российских немцев: сохранение, трансформация, ассимиляция?» на конференции выступила кандидат философских наук Новосибирского университета Э.Р. Барбашина.

Мне показалось, автору очень захотелось напустить тумана на проблему и запутать дорогу к истине: «Тема этнического будущего немцев в России относится сегодня к разряду наиболее противоречивых тем по содержанию. (В чем противоречивость? Будущее должен иметь каждый народ России - **А.Н.**) Более того, даже степень актуальности этой темы нельзя оценивать однозначно. (А что, будущее какого-то народа может быть не актуальным? Что значит «нельзя оценить однозначно»? Эта тема всегда актуальна и именно так должны это оценивать и власть, и общество) С одной стороны, ... актуальность этой темы ... артикулируется как в повседневной, так и в публичной жизни. С другой стороны, по проблеме этнического будущего немцев в России практически отсутствуют специальные и комплексные исследования, а соответственно, и публикации». К сожалению, в нашем обществе к проблемам национальной будущего народов России довольно прохладное, как будто развитие происходит само по себе. Нам предлагается вывод, что такие исследования «не являются

востребованными. Они не нужны ни научному сообществу, ни структурам государственного управления или самоуправления, ни идеологам и активным деятелям немецкого движения. Из такого предположения неизбежно следует вопрос «почему»? Может быть, потому что гипотетические результаты прогноза могут быть мало «приемлемы» для сегодняшнего дня, они звучат в современной ситуации?»

Представим себе, что результаты исследований приводят к выводу о том, что этническое будущее немцев в России может быть обеспечено только при определенных условиях. Выделим среди этих условий два - компактность проживания и знание родного языка... Из такого прогноза следовало бы, что необходимо обеспечить эти условия, или же в обратном случае, признать, что в России у немцев, как специфического этнического образования, будущего нет. Трудно представить, что к столь однозначным, «жестким» выводам готовы даже очень заинтересованные группы и структуры, в том числе и те, кто идентифицирует себя с «немецким этносом» в России».

Какие же группы и структуры к этому не готовы? Уверен, что общественность, которая всегда жаждет правды, в эти категории не пропадают. Скорей всего, это государственные органы, которые болезненно воспринимают любые обвинения в свой адрес, пусть и исторические, а также организации российских немцев, которых власть сделала «официальными» выразителями мнений нашего народа. Слишком влиятельные структуры, чтобы ученый сделал опрометчивый вывод, об отсутствии у народа будущего.

Для меня удивительно, что вместо анализа сегодняшнего состояния российского народа, ученый стал теоретизировать об «устойчивых тенденциях» конца 1990-х годов:

«Первая (пессимистическая), в России немцы сегодня уже не являются специфическим этническим образованием: ни общностью, ни этнической группой, ни национальным меньшинством, ни этносом, ни народом».

Второй (оптимистический) - «российские немцы есть и останутся народом со специфической историей, культурой, менталитетом и т.д. Даже в условиях дисперсного проживания в настоящее время они в состоянии сохранить и сохраняют свою особенность».

Вопрос о воссоздании территориального центра возрождения российских немцев не стоит: вопрос о Республике немцев Поволжья. В Новосибирске Зорин (бывший министр по делам национальностей РФ) на встрече с немецкой общественностью в 2003 году заявил: «Я считал, что этот вопрос снят с повестки дня и закрыт уже 2-3 года».

А кто снял? На этот вопрос бывший министр не ответил: на сегодняшний день нет ни одного официального документа, который отменял территориальную реабилитацию народа. А пока констатируется факт кризиса этнической

идентичности немцев: «Для подтверждения кризиса выстраивается перечислительный ряд утраченных признаков этничности: резкое сокращение знаний и коммуникативных функций родного языка, утеря традиций, размывания этнического самосознания, слабое знание этнической истории и др.» Все эти явления характерны не только для российских немцев. Быть может ученый предложит меры, которые бы позволили укрепить национальную идентичность. Но не тут-то было, нам пытаются доказать, что сохранение идентичности является не таким уж важным для немцев:

«Наши этносоциологические исследования показали, что в 1990-е годы в структуре актуальных проблем для немцев в Сибири первостепенное значение имели следующие факторы: материальный уровень жизни и безопасность; обеспечение будущего детей и их воспитание; экономическая нестабильность, коррупция, взяточничество и т.д.

Респонденты, принявшие решение о выезде в Германию, среди причин назвали по степени важности следующие: воссоединение с родственниками (64%), обеспечение лучшего будущего детям (63%), экономическая нестабильность в России (54%). И далее: желание, чтобы дети оставались немцами - 19%, утеря родного языка - 7%, отсутствие условий для сохранения этнокультуры - 6,4% из числа опрошенных в 2000-2001гг. Из приведенных данных совершенно очевидно, что **этническая идентичность не занимает приоритетное положение среди других видов идентификации немцев.** (выд. мной - **А.Н.**) Этот же вывод относится к структуре их ценностных ориентаций. Косвенным подтверждением этого вывода можно рассматривать следующие результаты опроса: для успеха в жизни большинство респондентов признавало роль семьи и поддержку родственников (64%); наличие денег - 37%, верных друзей - 32%, упорный труд - 30%, образование - 25%. Обратим внимание - «быть немцем» осталось фактически за порогом статистического значения. Отсюда следует, что **этническая идентичность не рассматривается среди опрошенных немцев и как социально-экономический ресурс** (выд. мной - **А.Н.**) (эти данные прямо противоположны утверждениям коллег из Санкт-Петербурга)».

Хочу разочаровать ученого, предоставленные аргументы совершенно не позволяют делать предложенные выводы. Маленькое уточнение: выезд именно в Германию говорит о том, что решение своих бытовых, экономических и других проблем респонденты ищут в немецкой среде, а формулировка вопроса только уводит нас от рассматриваемой проблемы. Цифры ничего не доказывают, кроме некомпетентности исследователей и их стремление подвести ответы под заранее сделанные выводы. Почему?

Смелости ученому не хватило, чтобы честно ответить на вопросы, которые она поставила в названии статьи. Так что же ждет российских немцев: сохранение, трансформация или ассимиляция? Ответа мы не услышали:

«Повторюсь, однозначного ответа на вопрос о том, по какому сценарию будет определяться будущее немцев России, сегодня не может дать никто. Любая такая претензия имеет идеологическую мотивацию. Исследователи могут только обосновывать степень предпочтительности каких-либо вариантов прогноза и необходимость создания условий для реализации «наиболее предпочтительных». Но так как в этнической идентификации первостепенное значение имеет личностное начало, то окончательный ответ за каждым из тех, кто идентифицирует себя немцами в России. А среди этой группы самое последнее слово за молодыми поколениями».

Печально. Старая истина, спасение утопающих дело рук самих утопающих. Государство, которое применило всю мощь, чтобы подорвать силы российских немцев, а теперь наши ученые предлагают фактически морально уничтоженному народу возрождаться собственными силами. Кошунство, тем кто знает историю российских немцев, переключившись не молодежь ответственность за народ, когда она на протяжении более 40 лет была отлучена от всего немецкого.

P.S.: Хотел поставить точку, но не ставится. Возникает вопрос: проходит конференция, причем на германские деньги, по программе поддержке российских немцев, а на ней даются оценки, которые не способствуют решению немецкой проблемы в России. Не замечаются очевидные факты. Кому нужны такие конференции?

«Дети и подростки военных лет стали той возрастной группой, чья активная деятельность проходила в конце 1950-х - 1980-е гг. Сиротство военных лет при живых родителях, малограмотность и безграмотность тысяч детей, страх быть «фашистом» и отсюда стремление забыть, что ты немец, - все это наложило отпечаток на формирование менталитета послевоенных поколений немцев».

(«Судьбы детей советских немцев в годы Великой Отечественной войны». Ирина Черказьянова \ 7-я Международная научная конференция «Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941-1955 гг.»)

Александр Нахтигаль

В ГЛУБОКОЙ ОБОРОНЕ

Невежество ученых не такая безобидная штука. Это, как не вылеченная болезнь, которая дает метастазы, осложнения и продолжает поражать жизненно важные органы организма. В нашем случае под ударом оказалась историческая память. Люди, у которых она поражена, уже не способны объективно воспринимать прошлую реальность. Реальность репрессий в том числе. Такие подходы главенствуют не только в обществе, но и в верхних эшелонах власти.

Хочу предложить вам переписку между Государственной Думой и общественными организациями российских немцев, которая показывает, насколько готовы «народные избранники» решать острые государственные проблемы.

Обращаю ваше внимание, что это не первая попытка достучаться до сердца и разума чиновников федерального уровня.

«Председателю комитета
Государственной Думы Российской Федерации
по делам национальностей
г-ну Сафаралиеву Г.К.

Уважаемый Гаджимент Керимович!

26 апреля 1991 года в Российской Федерации (РСФСР) был принят Закон «О реабилитации репрессированных народов». Этот Закон распространяется и на российских немцев, который в 1941 г. подвергся необоснованному обвинению в пособничестве врагу и противоправному, насильственному переселению в Сибирь и Казахстан.

Вместе с тем, в отношении российских немцев вышеупомянутый Закон не выполнен, а остался лишь декларативным актом, хотя ст. 13 данного Закона гласит: «Особенности применения настоящего Закона по отношению к репрессированным народам, проживающим и проживавшим на территории Российской Федерации, регулируются отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу».

Исходя из вышеизложенного, просим Вас включить в план работы Комитета по делам национальностей разработку проекта Закона «О реабилитации российских немцев» и внести его на рассмотрение Депутатов Государственной Думы для принятия.

Приложение: Пояснительная записка: 7 л.

С уважением.

Международная общественная
организация «Международный
Союз общественных объединений
немцев
В.Ф. Баумгертнер

Общероссийская Ассоциация
общественных объединений
российских немцев «Содружество»
И.И. Келлер

Приложение 1

Пояснительная записка

2 августа 2011 года в г. Москве состоялся Международный памятный форум общественности, посвященный 70-летию со дня депортации российских немцев.

В работе форума приняли участие представители общественности российских немцев из России, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Украины и Крыма, а также представители органов власти, интеллигенции и предприниматели.

Участники форума заслушали доклады о положении народа российских немцев и политико-правовых аспектах его реабилитации и приняли открытое обращение в адрес Президента Российской Федерации, Председателя Правительства российской Федерации.

Участники форума единодушно отметили, что:

В ходе первого послевоенного визита Канцлера ФРГ К. Аденауэра в СССР в 1955 году ему фактически удалось подвигнуть руководство СССР на изменение участи российских немцев, которых оно намеревалось навечно оставить в местах ссылки - спецпоселениях.

Постепенные и осторожные шаги СССР в этом направлении в эпоху кратковременной «оттепели» сделали свое дело. Были предприняты соответствующие меры и правовые акты по изменению условий жизни репрессированных во время войны народов, в том числе и в отношении российских немцев.

Намерение реабилитировать российских

немцев отчетливо проявилось у руководства СССР, а в последующем и у Российской Федерации в конце 80-х - начале 90-х годов. Это был исторический период, когда объединилась Германия, и развалился СССР.

С 1992 года проблему реабилитации российских немцев решают Российская Федерация - их родное Отечество и Германия, - их историческая родина в рамках Межправительственного Российско - Германского Соглашения о поэтапном восстановлении государственности российских немцев (Протокол от 10 июля 1992г.).

Реализация этого Соглашения была возложена на соответствующую Межправительственную Российско-Германскую комиссию по совместной подготовке программы мероприятий, направленных на поэтапное восстановление государственности российских немцев.

Все эти предпринятые меры в России, активная позиция и финансовая поддержка российских немцев германской стороной, вселили в них уверенность и надежду на восстановление исторической справедливости - на их реабилитацию в соответствии с Законом Российской Федерации 1991 года «О реабилитации репрессированных народов». Но, какие-то неизвестные общественности политические обстоятельства межгосударственных Российско - Германских отношений в очередной раз лишили российских немцев их надежды и обратили народ к массовому переселению в Германию. Германия приняла 2,5 млн. российских немцев из России и из государств - бывших республик СССР.

Это произошло практически сразу, с началом работы Межправительственной Российско - Германской комиссии. Чиновники российской и германской стороны в рамках этой комиссии по умолчанию, или по обоюдному предварительному согласию увеличили деятельность Комиссии далеко от ее первоначального предназначения.

Межправкомиссия на протяжении всей своей деятельности занималась только согласованием условий реализации совместных Российско-Германских проектов в пользу российских немцев, солидная часть из которых не имеет отношения к решению проблемы нашего народа.

В результате такой совместной работы российские немцы за последние 20 лет утратили даже то, что ранее имели.

Тональность последних заседаний Межправкомиссии, проводимых не в Москве, а в далекой Сибири, и не в Берлине (что тоже важно) свидетельствует о том, что чиновники обеих сторон за спиной российских немцев собираются «актуализировать» Протокол от 10 июля 1992 года и «переформатировать» деятельность Межправительственной российско - германской комиссии.

Это, на взгляд участников форума, предполагает снять с повестки дня главную цель Российско- Германского Соглашения - восстановление государственности российских

немцев, а деятельность Комиссии направить на обеспечение и поддержку территориальных межгосударственных побратимских отношений (города - побратимы) российской и германской сторон.

Отказ России и Германии от дальнейшей реализации Межправительственного Соглашения 1992 года не будет, видимо, оформлен прямым, открытым международным актом с последующей его публикацией. Такого не может произойти, т.к. это будет означать, что Российская Федерация, де - факто - отказывается реализовывать Закон Российской Федерации 1991 года «О реабилитации репрессированных народов» в отношении российских немцев.

К тому же это будет противоречить как общим законодательным принципам, так и нормам Международного права.

С достаточной вероятностью можно предположить, что «нейтрализация» и последующее «замораживание» Межправительственного Соглашения может произойти осенью т.г. путем подписания «Нового Соглашения», в котором российским немцам будет отведена роль только «моста дружбы», далеко уведящего их от реабилитации.

История свидетельствует, что под обломками таких «мостов» дружбы покоятся останки нескольких невинных поколений российских немцев.

В порядке обозначения позиции участников форума по этому вопросу следует констатировать:

1. Вся подготовительная работа по нейтрализации ныне действующего Межправительственного Российско- Германского Соглашения и разработка нового проекта проходит келейно, в режиме секретности, без привлечения основной части общественного движения российских немцев, требующего реабилитации народа;

2. В период 2007-2009 гг. из состава российской части Межправительственной Российско - Германской комиссии под тем или иным предлогом выведены представители общественности из числа российских немцев, которые настаивают и требуют реабилитации нашего народа в соответствии с Законом «О реабилитации репрессированных народов» и организации работы этой комиссии в соответствии с ее первоначальным предназначением. Участники форума считают, что в разрешении этой сложной международной правовой ситуации необходимо руководствоваться общепринятыми демократическими принципами. Российские немцы - как народ, - имеют конституционное право - самим определять свою будущую судьбу.

Реализовать это право в условиях российской действительности российские немцы могут только через свой общенациональный съезд. Такие съезды нашего народа при поддержке органов государственной власти проводились в начале 90-х годов.

На этом съезде российские немцы могли бы принять решение о дальнейшей судьбе народа, принять соответствующую программу

и решить судьбу ныне действующего Межправительственного Соглашения.

На этом съезде можно избрать представительные органы народа, полномочия и решения которого до принятия решения о полной реабилитации народа признавались бы государственными органами власти.

Возможно, что в процессе подготовки общенационального съезда Президент Российской Федерации может принять решение о реабилитации народа, а Государственная Дума Российской Федерации примет соответствующий Закон.

Только после этого могут быть определены роль и место германской стороны в оказании поддержки в пользу российских немцев.

Более раннее участие германской стороны

не желательно, т.к. в противном случае это может быть расценено как вмешательство во внутренние дела России.

Исходя из вышеизложенного участники форума просят Канцлера ФРГ при принятии решения по дальнейшей судьбе Межправительственной Российско - Германского Соглашения по совместной подготовке программы мероприятий, направленных на восстановление государственности российских немцев (Протокол от 10 июля 1992 г.) учесть их принципиальную позицию и предложения относительно народного съезда, а также тот факт, что от решения судьбы российских немцев в России зависит их судьба и в других государствах - в республиках бывшего СССР.

Участники Международного памятного форума общественности российских немцев, посвященного 70-летию со дня депортации».

Говорят, время лечит. Но это не так, пока не восторжествует справедливость, не может вылечиться душа народа. Тем более, что прилагается немало усилий, чтобы свести на нет усилия по реабилитации российских немцев и убедить общество - все что было сделано в прошлом было необходимо и допустимо, и на этом закрыть тему.

Неужели государственные мужи в этом заинтересованы и так добиться справедливости. Но власти не уйти от решений, которые ждет зрелое гражданское общество, и чем раньше это произойдет, тем лучше для власти.

Так каков же ответ?

Госдума комитет по делам национальностей

30 марта 2012 г.

№ 3.18-22\61

Президенту Международного Союза общественных объединений немцев
В.Ф. Баумгертнеру

Уважаемый Виктор Фридрихович!

Комитет Государственной Думы по делам национальностей направляет Вам ответ на Ваше обращение, полученное из Министерства регионального развития Российской Федерации.

Председатель Комитета
Г.К. Сафаралиев

Министерство регионального развития Российской Федерации Комитету
22.03.2012 №6451-РП\04

Председателю Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
по делам национальностей
Г.К. Сафаралиеву

Уважаемый Гаджимет Керимович!

Министерство регионального развития Российской Федерации рассмотрело ваше письмо от 24 февраля 2012 года № 3.18-19\28 и сообщает.

Действие Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» в редакции Закона Российской Федерации от 01 июля 1993 г. № 5303-1 «О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» распространяются, в том числе, и на российских немцев.

Во исполнение поручения Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2007 г. № СН-П11-1696 Министерство регионального развития Российской Федерации совместно с Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, а также совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти уже проводило работу по рассмотрению вопроса реабилитации российских немцев, затронутого в одном из обращений Федерального Координационного

Совета общественного движения российских немцев на имя полномочного представителя Российской Федерации в Центральном федеральном округе.

По общему мнению федеральных органов исполнительной власти, принимавших участие в работе по данному вопросу, в Российской Федерации созданы все необходимые условия для самоорганизации граждан, в том числе для сохранения своей идентичности и культуры. Основные права и свободы закреплены в Конституции Российской Федерации и получили свое развитие в действующем законодательстве.

Решать вопросы российских немцев целесообразно в рамках имеющего правового поля, структур и механизмов, в том числе в рамках Межправительственной Российско-Германской комиссии по проблемам российских немцев и Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Минрегионе России, а также через реализацию мероприятий Федеральной целевой программы «Социально - экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008-2012 годы», утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2008 г. №142.

На основании изложенного считаем, что объективных предпосылок для разработки проекта отдельного федерального закона «О реабилитации российских немцев» на данный момент нет.

Р.Ю. Панов

Исп.: Н.В. Панченко
Тел. 980 25 47 доб. 24199
Исх № 01-4\04-МС 12 апреля 2012

Информация к размышлению

«10 ноября 2012 г. Тверской суд Москвы удовлетворил ходатайство следствия о мере пресечения в виде содержания под стражей для премьер-министра Пермского края, бывшего замглавы Минрегионразвития РФ, а также бывшего претендента на пост губернатора Челябинской области Романа Панова, который подозревается в хищении 93 млн. рублей в ходе подготовки саммита АТЭС, передает корреспондент Агентства новостей «Доступ».

Мы в России строим политическую систему, в которой, как заявляют, законодательная и исполнительные власти разделены и первая, как избранная народом России, должна контролировать первую. И критерием оценки законодательной властью качества управленческих решений власти исполнительной должен быть один принцип - насколько они соответствуют интересам народов России.

Что же удивляет в этих двух ответах? В отношении ответа Госдумы: комитет по делам национальности выступил в роли обычного курьера, просто переслал ответ из Минрегиона. Комитет не стал утруждать себя оценкой содержательной части ответа: насколько ответы зам. Министра соответствуют действительности, стоит ли проблема, поднятая в письме немецких общественных организаций, перед федеральными органами и решают ли ее, если проблема есть, какие меры предпринимаются исполнительной властью. Комитет полностью солидарен с позицией Минрегиона, это странно, но факт. А теперь давайте проанализируем ответ, а точнее, классическую отписку, теперь уже бывшего, зам. Министра.

Оказывается Минрегион уже проводил «работу по рассмотрению вопроса реабилитации российских немцев» и пришел к выводу, что федеральная исполнительная власть создала «все необходимые условия для самоорганизации граждан, в т.ч. для сохранения своей

идентичности и культуры». Очень интересно, только немцам об этом ничего не известно. Видимо в Министерстве не видят проблем преподавания немецкого языка как родного в школах, получения высшего образования на немецком языке, видимо наши книжные магазины завалены книгами на русском и немецком языках, в которых рассказывается о истории и культуре российских немцев. Быть может, в учебниках истории вспоминают о немцах России. Самое ужасное, нынешняя молодежь не способна продолжить российские немецкие традиции, потому что их родители были лишены возможность передать им свою немецкость. Все это необходимо делать буквально с нуля и без государственной поддержки это сделать невозможно. Что наши чиновники это не знают? Такое ощущение, что они живут даже не в другой стране, а на другой планете.

Нам буквально открыли глаза, оказывается «Основные права и свободы закреплены в Конституции Российской Федерации и получили свое развитие в действующем законодательстве». Закрепить в законодательстве - это забота законодательной власти, а реализовывать - задача исполнительной. Но, видимо, в Министерстве не знают как эти права и свободы реализуются в жизни. А это позиция ведомства, на котором лежит вся ответственность за проведение государственной национальной политики.

Что касается Межправительственной Российско-Германской комиссии по проблемам российских немцев, то ее цель не решать проблемы российских немцев, а помогать решать. Да и как-то несолидно внутренние проблемы России перекладывать на плечи иностранного государства. А по поводу Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Минрегионе России, кто кроме Министерства знает о ее существовании и о

том, чем она занимается?

Упомянутая целевая программа «Социально - экономического и этнокультурного развития российских немцев на 2008-2012 годы» вообще уникальный проект: ее существование очень важно, это мощный инструмент для того, чтобы как-то держать проблемы российских немцев перед федеральными органами. Но вот сможет ли она повлиять на сохранение немецкой идентичности у тех, кто это хочет, если львиная доля средств уходит на капитальное строительство, а те несколько процентов, что расходы на гуманитарные проекты не смогут возродить немецкую идентичность у граждан.

Аргументов для вывода, который сделал зам. Министра более чем недостаточно. Но их хватило, чтобы отфутболить заявителей на очередной бюрократический круг. Ведь немцы надеются когда-то встретить у чиновников понимания проблемы, люди же меняются. Пока Минрегион стоит насмерть, а Госдума в этом его активно поддерживает.

Поэтому Комитету по делам национальностей аккуратно указали, что он не ответил на поставленный вопрос и предложили все же обсудить проблему с заинтересованными немецкими общественными организациями.

Международная общественная организация
Международный Союз общественных объединений немцев
123 610, Москва, ул. Краснопресненская наб., 12, Международная - II, оф. 1106
Тел./факс: (495) 258-23-07;
e-mail msoon@yandex.ru

Исх. № 01-4/04- МС

«12» апреля 2012г.

Председателю комитета Государственной Думы
Российской Федерации по делам национальностей
г-ну Сафаралиеву Г.К.

Уважаемый Гаджимет Керимович!

Благодарим Вас за письмо с приложенной к нему копией ответа из Минрегиона России на наше обращение к Вам по вопросу о включении в план работы Комитета разработки проекта закона «О реабилитации российских немцев».

К сожалению, Вы на нашу просьбу не ответили, ограничившись копией ответа из Минрегиона России, подписанной Р.Ю. Пановым (без указания его должности) без каких-либо комментариев. Позиция чиновников Минрегиона России по реабилитации нашего народа известна с 2004 года.

Исходя из принципа - «закон обратной силы не имеет», - мы считаем, что они не обладают правом отменять ст. 13 действующего Закона РСФСР 1991 года «О реабилитации репрессированных народов»

Кроме того, г-н Панов Р.Ю. ввел Вас в заблуждение относительно содержания и итогов проведенной в 2007 году Минрегионом работы по рассмотрению... одного из обращений Федерального Координационного Совета ...» на имя полномочного представителя Президента Российской Федерации в ЦФО.

В том обращении на имя Полтавченко Г.С. мы предлагали принять отдельный федеральный закон о системе самоорганизации российских немцев в качестве первого этапа на пути к полной реабилитации российских немцев.

Действительно, в 2007 году на это наше обращение и предложения через г-на Полтавченко Г.С. в адрес Президента Российской Федерации Минрегион России обобщил мнения заинтересованных федеральных ведомств относительно нецелесообразности принятия отдельного Закона «О самоорганизации российских немцев» и направил их на имя Полтавченко Г.С. Мотивировано это было тем, что существующая правовая база в Российской Федерации достаточна для реабилитации российских немцев.

Но это никак нельзя принять за отрицательный ответ на наше обращение в Ваш адрес с просьбой о включении в план работы Комитета вопрос о подготовке законопроекта «О реабилитации российских немцев» в соответствии со ст. 13 Закона РСФСР 1991 года «О реабилитации репрессированных народов».

Для обсуждения вопроса о проблеме реабилитации народа российских немцев, исключения разночтений и принятия ошибочных решений просим в удобное для Вас время принять руководство Международного Союза общественных объединений немцев.

Приложения:

- Копия письма Государственно - правового управления Президента РФ в адрес Приходько С.Э.
- Копия письма «Института законодательства ...» в адрес Минрегиона.
- Копия письма Заместителя Министерства регионального развития в Правительство РФ

С уважением,

Президент Союза, проф., д. экон.н. Баумгертнер В.Ф.

Но не тут-то было:

2 мая 2012 г.

Госдума комитет по делам национальностей

№ 3.18-22\94

Президенту Международной общественной организации «Международный Союз общественных объединений немцев»
В.Ф. Баумгертнеру

Уважаемый Виктор Фридрихович!

Комитет Государственной Думы по делам национальностей рассмотрел Ваше обращение по вопросу включения в план работы Комитета разработки проекта закона «О реабилитации российских немцев» и сообщает следующее.

Аналогичные обращения уже неоднократно рассматривались Комитетом, на которые направлялись квалифицированные ответы.

Однако, необходимо отметить, что в соответствии с частью 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации и статьи 103 регламента Государственной Думы одним из субъектов, обладающим правом законодательной инициативы являются депутаты Государственной Думы.

15 февраля 2012 года на заседании Комитета (протокол № 3\7-2) обсуждался вопрос «Об обращении в Комитет Международной общественной организации «Международный Союз общественных объединений немцев» и Общественной Ассоциации общественных объединений российских немцев «Содружество».

По данному вопросу было заслушено мнение Заместителя Министра регионального развития РФ М.А. Травникова, который доложил депутатам о том, что данное предложение уже обсуждалось в министерстве совместно с другими заинтересованными органами исполнительной власти (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Минкультуры России, МИД России, Минобрнауки России, ФСБ России, Минюста России).

Органы исполнительной власти признали, что нецелесообразно разрабатывать отдельный законопроект. Так как по их мнению данный вопрос уже урегулирован федеральным законодательством, либо подзаконными актами, либо другими инструментами. В процессе обсуждения ни один из депутатов Государственной Думы-членов комитета не поддержал инициативу о разработке проекта федерального закона «О реабилитации российских немцев».

Председатель Комитета Г.К. Сафаралиев

Но Комитет стоит на своем: вам же направляются квалифицированные ответы. В переводе с бюрократического на наш обычный язык это означает: чего пристали, не мешайте нам работать.

Видимо, мнение другого зам. Министра М. Травникова должно было поставить окончательную точку. Исполнительная власть считает нецелесообразно, депутаты

Госдумы - не поддержали, чего не понятно? Вот только как быть с немцами, да и с другими народами, их проблемами, что государство решило все проблемы на бумаге решать? Для чего существуют органы власти, если они не защищают интересы тех, кто их выдвинул и кому они обязаны служить?

Несмотря ни на что, рука партнерства протянута вновь.

Международная общественная организация
Международный Союз общественных объединений немцев 123 610, Москва, ул.
Краснопресненская наб., 12, Международная - II, оф. 1106 Тел./факс: (495) 258-23-07;
e-mail: msoon@yandex.ru

Исх. № 05-10/05- МС

«28» мая 2012г.

Председателю комитета Государственной Думы
Российской Федерации по делам национальностей
г-ну Сафаралиеву Г.К.

Уважаемый Гаджимет Керимович!

Благодарим Вас за более подробный ответ на наше обращение по вопросу о включении в план работы Комитета разработки проекта закона о реабилитации российских немцев.

В Ваших ответах прослеживается нежелание в проявлении законодательной инициативы и

в приятии каких-либо шагов, направленных на реабилитацию народа российских немцев.

В условиях, когда в многонациональной Российской Федерации с 2002 отсутствует федеральный орган исполнительной власти, ведающий делами национальностей, роль и значение профильного Комитета в Государственной Думе для всех национальностей общественных объединений имеет наиважнейшее значение еще и потому, что при комитете действует общественный Совет.

К Вашей позиции можно было бы отнестись с пониманием, если бы общественность российских немцев требовала что-то незаконное и противоправное.

Но мы требуем соблюдения законного права - восстановления исторической справедливости - реабилитации нашего народа в соответствии с Законом РСФСР 1991 года «О реабилитации репрессированных народов» Ст.13 этого Закона гласит, что особенности применения этого закона к каждому репрессированному народу регулируется отдельными законодательными актами. Исходя из этой нормы закона, мы и просим, чтобы Комитет выступил с инициативой о разработке проекта закона о реабилитации российских немцев и представил его Государственной Думе для принятия.

При этом мы исходим из основных положений Конституции Российской Федерации. Российская Федерация является многонациональным государством. Все народы России являются равноправными. Носителем суверенитета Российской Федерации является ее многонациональный народ.

Государство гарантирует право каждому из ее народов. Оно обеспечивает условия для полноценного социального и национально-культурного развития всех народов России, обеспечивает правовые, организационные и материальные условия, способствующие учету и удовлетворению национально-культурных интересов народов.

Вместе с тем, в отношении народа российских немцев ни одна из этих конституционных норм не соблюдается.

Более 70 лет наш народ остается не реабилитированным, в то время, как еще в конце 1957 года всем репрессированным народам, имевшим свою государственность вернули все, что у них было незаконно отнято. Всем, но только не российским немцам. Считаем, что это несправедливо и противоправно еще и потому, что несмотря на принятый в 1991 году Закон «О реабилитации репрессированных народов», он для российских немцев по каким-то необъяснимым причинам остается лишь декларативным актом. Незаслуженное обвинение с нашего народа сняли, а наказание продолжает оставаться. Так быть не должно.

Ссылки на то, что народы были репрессированы еще в СССР в период культа личности Сталина и что Россия - уже другое государство и не может нести ответственность за ранее содеянное несостоятельны.

Российская Федерация является правопреемником СССР. Она унаследовала от СССР не только землю, недра и все остальное недвижимое имущество, но и все проблемы бывшего Союза, в том числе и проблемы реабилитации народов, которые должны быть решены.

Ваши ссылки на то, что Минрегион России в лице г-на Травникова выступает против принятия отдельного закона о реабилитации российских немцев не должно являться основанием для принятия Вами отрицательного решения по нашему обращению. Это, на наш взгляд, принципиально важно потому, что Государственная Дума является высшим органом законодательной власти в Российской Федерации. Она принимает законы, которые должны исполняться исполнительной властью. В этом и проявляется воля народа, избирающего законодательную власть.

В нашей с Вами переписке невольно возникает один, но очень важный вопрос. Почему в Минрегион России и на заседание Вашего Комитета при рассмотрении нашего обращения не пригласили представителей от заявителя?

Мы не можем удовлетвориться такой постановкой вопроса. На наш взгляд, такой подход никак не соответствует требованиям Президента Российской Федерации В.В. Путина относительно реализации политики в сфере межнациональных отношений. А это, в свою очередь, подрывает доверие к органам власти и не способствует формированию положительного имиджа России, в том числе на международном уровне.

Просим Вас о проведении рабочей встречи в удобное для Вас время.

С уважением,

Президент Союза, проф., д. экон.н. Баумгертнер В.Ф.

Но повернется ли власть к народу лицом!

РЕАБИЛИТАЦИЯ: политический фарс или восстановление исторической справедливости?

Первый этап: Указ принят

Я хотел предыдущей статьёй поставить точку т.к. посчитал, что государство в лице высших ее руководителей сделано все, чтобы процесс реабилитации репрессированных народов списать в архив государственной внутренней политики. Но я ошибался. События в Украине и присоединение Республики Крым к России и вот обвалившиеся знамя реабилитации вновь наполнилось попутным ветром.

Что же этому способствовало? Судьба крымских татар. Как отмечалось, после развала Советского Союза именно крымские татары, единственные из репрессированных в годы Великой Отечественной войны народов выпали из России, и выпали из-под российского Закона о реабилитации репрессивных народов, в итоге ответственность за судьбу народа легла на независимую Украину.

В новых политических реалиях руководство России не могло отмахнуться от проблемы крымских татар и из уст высших руководителей страны и лидеров парламентских партий прозвучали заявления, что процесс реабилитации затронет и крымских татар, и они получают все, как и остальные репрессированные народы, которые проживают в России. Уже 14 марта лидер «Справедливой России» Сергей Миронов предложил реабилитировать крымских татар. Соответствующий законопроект он пообещал внести в Госдуму, если крымчане заявят на референдуме 16 марта о желании войти в состав России.

Естественно, не остались в стороне и руководители Татарстана: 1 апреля 2014 года в газете «Известия» публикуется информация о встрече президента республики с Президентом России:

«Сам Минниханов знает о ситуации в новом российском регионе не понаслышке. Он трижды за последнее время побывал в Крыму, где встречался с местным населением - об этих поездках он и рассказал президенту.

- Есть несколько злободневных вещей, которые я хотел бы довести и получить ваше одобрение, - сказал руководитель Татарстана. Он поднял тему о возможности включить в действующее законодательство о реабилитации репрессированных народов крымских татар.

- Конечно же, 70 лет (назад) они (были) репрессированы, пока принято постановление по гарантиям... Но было бы неплохо, если бы действующим законом от 1991 года (Закон «О реабилитации репрессированных народов» принят 26 апреля 1991 года Верховным Советом РСФСР - «Известия») приравнять и крымских

татар. Это была бы серьезная моральная поддержка крымским татарам, - заявил Минниханов. - Место проживания, эти поселения, во-первых, надо узаконить. Во-вторых, необходимо инфраструктурно поддерживать, наверное, (создать) какую-то программу. Мы это обсуждали и с нашими коллегами из правительства Крыма. Здесь тоже нужна ваша поддержка.

Он также попросил Путина лично встретиться с активистами от крымских татар.

- Обязательно поручу всё это проработать, все вопросы, все три. А что касается социальной инфраструктуры - школы, детские сады и так далее, обязательно тоже будем делать, без сомнения, надеюсь, с участием Татарстана, - заявил глава государства.

Президент поручил Минниханову «подключиться к совместной работе с нашими юридическими службами, с администрацией президента и с Государственной думой Российской Федерации» для проработки проектов законодательных актов».

В итоге Президент России В. Путин подписал Указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» Вот, казалось бы, и восстановлена историческая справедливость. Но не будем торопиться с выводами. Давайте рассмотрим проблему со всех сторон.

Руководители нашей страны, оценивая международные процессы, постоянно говорят о существовании двойных стандартов у наших политических оппонентов. А ужу нас стандарт один. Но самое печальное, когда двойные стандарты существуют во внутренней политике, когда вопросы восстановления справедливости превращаются в предмет политических игр. И это не замечает ни власть, ни оппозиция, ни гражданское общество, ни СМИ.

Уверен, что Президент, подписывая Указ, исходил из благих пожеланий. Но вот представлял ли он то, что происходит вокруг Закона о реабилитации репрессированных народов с 1991 года. За 23 года он так и не стал рабочим документом органов власти всех уровней: давно забыты дух закона, пути его выполнения. Поэтому кое-что придется напомнить.

Сразу надо сказать, что после Великой Отечественной войны власть тогда в лице руководителей СССР не торопилась реабилитировать репрессированные народы. После войны из тех народов, кто имел национальные

территориальные автономии, они были восстановлены у 5 из 7: у чеченцев, калмыков, ингушей, карачаевцев и балкарцев. Два народа остались без территориальной реабилитации: советские немцы и крымские татары. Почему? Власть не опустилась до объяснений.

Через 19 лет после Победы вспомнили о советских немцах: в 1964 году приняли Указ Верховного Союза СССР, который признал Указ от 28 августа 1941 года антизаконным и отменил все репрессивные законы против народа, но он не предусматривал восстановление Республики немцев Поволжья и компенсации за материальные потери, не разрешал он и нашим немцам возвращаться в родные места. И вновь никаких объяснений.

Только в 1972 году было принято решение, которое разрешало советским немцам вернуться в родные места - через 27 лет после Победы. Почему и за что такое отношение к народу? А на этот вопрос - полное молчание. Надо отметить, что советские немцы терпеливо просили у власти разрешение на восстановление своего центра на национальное возрождение. Власть не разрешала и сделала все, чтобы не допустить массового переселения немцев в места своей довоенной жизни. А вот крымские татары не стали ждать милости и, как только затрещал по швам СССР, они рванули на родину. По официальным данным, если на июль 1991 в Крыму расселилось 135 000, на июль 1993 - 270 000 человек.

Надо отметить одну особенность принятия властью решений по реабилитации: они не становились широким достоянием общественности. Они публично не комментировались, значение этих документов не представляли ни региональные, ни местные органы власти. Их однозначные оценки ставятся под сомнение не только небольшой частью российского общества, но и, что самое удивительное, учеными-обществоведами, которые и сейчас продолжают искать аргументы для оправдания репрессивных мер руководства СССР против своих народов в годы Великой Отечественной войны, продолжавшие действовать не одно десятилетие после Победы.

Только 14 ноября 1989 года Верховным Советом СССР была принята Декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», согласно которой были реабилитированы все репрессированные народы, признаны незаконными и преступными репрессивные акты против них на государственном уровне в виде политики клеветы, геноцида, насильственного переселения, упразднения национально-государственных образований, установления режима террора и насилия в местах спецпоселений.

Кроме этого, 26 апреля 1991 года Верховный Совет РСФСР принял закон «О реабилитации репрессированных народов». Данный документ признал депортацию народов «политикой клеветы и геноцида» (статья 2). Закон признавал

право репрессированных народов на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством.

В развитие закона «О реабилитации репрессированных народов» был принят ряд законодательных актов, среди которых постановление ВС РФ от 16 июля 1992 года «О реабилитации казачества»; постановление ВС РФ от 1 апреля 1993 года «О реабилитации российских корейцев»; постановление правительства РФ от 24 января 1992 года «О первоочередных мерах по практическому восстановлению законных прав репрессированных народов Дагестанской АССР»; Постановление ВС РФ от 29 июня 1993 года «О реабилитации российских финнов» и др.

Как говорят в народе, обещание жениться - не значит жениться. Наличие принятых документов не значит, что народ получил то, что провозглашено. Рассмотрим документы по финнам и корейцам.

Принятие документы не являются документами прямого действия, чтобы их реализовать должна быть проделана большая работа, как Правительства, так и региональных и местных органов власти. Так что же надо сделать? Начнем с цитат из документа о реабилитации российских финнов:

«2. Признать в соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», что политическая реабилитация российских финнов означает **их право на свободное национальное развитие**, обеспечение им равных с другими народами возможности в осуществлении своих политических прав и свобод, гарантированных действующим законодательством, и добровольное их возвращение **на индивидуальной основе** в места традиционного проживания на территории Российской Федерации.

3. Реабилитация отдельных граждан из числа российских финнов, незаконно подвергшихся уголовному преследованию и репрессиям в административном порядке по политическим мотивам, а также в связи с их национальной принадлежностью, осуществляется в индивидуальном порядке в соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». Настоящее положение распространяется **на лиц, непосредственно подвергшихся незаконным репрессиям**, а также родившихся в семьях, находившихся на режиме спецпоселения...

5. Поручить органам местного самоуправления оказывать практическую помощь в расселении и обустройстве российских финнов, подвергшихся насильственному выселению, и членов их семей, возвратившихся **в индивидуальном** порядке в места традиционного проживания на территории Российской Федерации. На основании их заявлений в соответствии с

земельным законодательством выделять им земельные участки по установленным нормам для индивидуального жилищного строительства, оказывать содействие в организации крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств, различных видов кооперативов, акционерных обществ. Предусмотреть образование с этой целью земельного фонда...

6. Предложить Совету Министров - Правительству Российской Федерации:

разработать и представить в установленном порядке до 1 января 1994 года **комплексную программу национально-культурного возрождения российских финнов; содействовать российским финнам в восстановлении их духовного наследия и удовлетворения культурных потребностей: возвращении объектов национальной культуры, изъятых в ходе незаконных репрессий, прежних исторических наименований населенных пунктов с учетом волеизъявления проживающего в них населения, создания центров национальной культуры в местах компактного проживания российских финнов, издания газет и журналов, организации теле- и радиопередач на финском языке». (Выделение - А.Н.)**

Я выделил ключевые моменты документа, которые вызывают вопросы. Первый из них: как так репрессируют весь народ от мала до велика, а реабилитируют в индивидуальном порядке. Как это, «настоящее положение распространяется на лиц, непосредственно подвергшихся незаконным репрессиям», а дети и внуки, которые родились после снятия режим спецпоселения, как быть с ними? Им сломали жизнь, лишили возможности с детских лет почувствовать себя полноценными гражданами родного государства, которое поступило с ними, как злая мачеха. Репрессировало государство, а реабилитацию переложили на местные органы власти, это почему? Самое важное, это поручение Правительству, которое обязано было до 1 января 1994 года восстановить условия по национальному развитию финнов в России. Но эти благие пожелания так и не были воплощены в жизнь. Думаю, немало финнов за эти 20 лет переехали жить в Финляндию. Вот такая получается реабилитация.

В постановлении Верховного Совета РФ по советским корейцам такие же подходы, как в документе по финнам, только срок для Правительства предоставить правительственную программу установлен до 1 сентября 1993 года. И опять ничего не сделано.

Самое печальное это то, что процесс реабилитации репрессированных народов ни при СССР, ни при правопреемнице - новой России, после завершения Великой Отечественной войны не был непрерывным процессом восстановления справедливости.

А что же с российскими немцами? После Закона о реабилитации репрессированных народов уже через 10 месяцев был принят Указ президента от 21 февраля 1992 года №

231 «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев». Этот Указ имеет принципиальное значение, выделим главное из этого документа: 1. «...считать целесообразным образовать: немецкий национальный округ на территории Волгоградской области, немецкий национальный район на территории Саратовской области». 2. «...провести разъяснительную работу в связи с выполнением настоящего Указа». Эти положения взаимосвязанные, выполнение первого зависит только от выполнения второго и наоборот.

Вот и все документы, которые были приняты в отношении репрессированных народов перед более чем 20 летним перерывом. Почему? Высшие руководители страны этого не объясняли, как обычно. Не официально позицию объяснили мелкие чиновники Министерства регионального развития РФ, которая звучит так: Закон о реабилитации репрессированных народов популистский и его принятие большая ошибка Б. Ельцина.

Естественно, я прихожу к такому выводу: со временем Закон лег на государственную пыльную полку и был извлечен на белый свет только тогда, когда в нем появилась политическая необходимость, о восстановлении законных прав всех репрессированных народов пока речь не идет. К сожалению, это так. И так, мы подошли и к современному документу, подписанному В.В. Путиным.

Печально, что вновь мы видим не комплексный подход к многолетней проблеме. В первую очередь бросается в глаза, что в названии Указа не указывается его распространение на ограниченную территорию, также в нем отсутствует ссылка на выполнение положений Закона о реабилитации репрессированных народов. В то же время надо однозначно поддерживать позитивные цели, которые ставит Указ перед правительством: «Принять комплекс мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальным и иным признакам». Президент указывает, что должно быть учтено при разработке федеральной целевой программы. Это хорошо. Впереди большая и напряженная работа. Мало принять справедливое решение и его выполнить, надо еще, чтобы эту справедливость приняло российское общество. Справедливых решений принято немало, но их не выполнило ни одно правительство России. Поэтому посмотрим.

Какие же выводы хочется сделать? В годы Великой Отечественной войны были репрессированы десятки народов. Уверен, не каждый рядовой россиянин сможет их перечислить, и в государственных документах они не названы. Несмотря на то, что с начала Великой Отечественной войны прошло 73 года, а с начала репрессий против советских граждан по национальному признаку - 78 лет, про-

цесс реабилитации народов до сего дня не закончился. Не видно и то, что современное руководство России это понимает. Примечательно и то, что Совет по межнациональным отношениям при Президенте России до сих пор не рассматривал на своих заседаниях процесс реабилитации.

Этот процесс имеет несколько особенностей. В первую очередь, он должен быть публичным, во-вторых, он должен сразу охватывать все народы. Если власть этого не может обеспечить - надо народам объяснить почему. Только такой подход может быть государственным. Все остальные действия, которые выдергивают часть народов и создают условия отдельным народам на ограниченных территориях, можно назвать как незрелые решения органов власти, которые в итоге дискредитируют государственные органы власти России.

Что можно сейчас предложить? Самое разумное было бы организовать депутатские слушания в Государственной Думе с приглашением представителей репрессивных народов, на которых обсудить все нюансы процесса реабилитации. Трансляцию можно организовать на канале «Россия-24», ведь смотрим же мы прямые трансляции из парламента Великобритании, если это затрагивает интересы России.

А российские немцы после Указа Президента встревожились: возникла надежда, что их

выслушают. На сайте www.rusdeutsch.ru появилась информация о встрече 24 апреля 2014 года президента Федеральной национально-культурной автономии российских немцев (ФНКА РФ) Г. Мартенса с заместителем руководителя Администрации Президента РФ Магомедсаламом Магомедовым. Информация скупа, на что хочу обратить внимания: «От имени ФНКА РФ было высказано убеждение в необходимости дальнейшего развития реабилитационных процессов, с тем, чтобы они были направлены также на восстановление законных прав не только крымских, но и всех российских немцев». (Хотя точнее надо было написать: «российских немцев, проживающих не только в Крыму, но и в других регионах России»). Реакция на это предложение со стороны Магомедсалама Магомедова не была отмечена, хотя это было, на мой взгляд, главной целью встречи.

Характерен комментарий к этой встрече в интернете: Yuri Dubowiez. Ганновер. 26 апреля в 0.11 - Rossijsrije nemzy zhivut v Deutschland. Vse kto obrusel - im rehabilitacija ne nuzhna. (Российские немцы живут в Германии. Все кто обрусел - им реабилитация не нужна). К сожалению, это мнение не только тех, кто живет в Германии, но и большинства российского общества. Объяснять нашим гражданам все надо с нуля или на пальцах. Пока об этом никто не думает.

Второй этап: Встретились

Наша российская жизнь продолжает преподносить факты, которые говорят об одном - руководству страны не хватает политической воли, чтобы однозначно и безусловно исправить исторические ошибки предыдущих руководителей страны. Просто взять и восстановить справедливость - это не про нас.

В предыдущей части я остановился на проблемных частях Указа президента по реабилитации народов, проживающих в Крыму. К сожалению, новые действия руководителей страны не проясняют ситуацию, а ставят новые вопросы.

Долгое время высшие руководители страны не высказывались по проблеме реабилитации репрессированных народов. После первого президента России Б. Ельцина все молчали. Даже Совет при президенте по межнациональным отношениям не стал их рассматривать в числе первоочередных. Только экстраординарное, чрезвычайное заставило вытащить Закон о реабилитации репрессированных народов на белый свет. Тут как всегда все определяла политическая целесообразность - после присоединения Крыма надо объясниться с крымско-татарским народом. И такая встреча состоялась. Это второй, после Указа, важнейший шаг власти. Для общества он остался незамеченным. СМИ отреагировали на это событие хладнокровно, что не удивительно -

современные российские массмедиа удивительно равнодушны к тем событиям, которые являются важнейшими для жизни российского народа. Поэтому я хочу подробно проанализировать встречу В. Путина с представителями крымско-татарской общины, которая состоялась 16 мая 2014 года.

В первую очередь остановимся на представителе. От крымских татар было 16 представителей. Власть представляли 5 руководителей: вместе с президентом были первый заместитель Руководителя Администрации Президента В. Володин, полномочный представитель Президента в Крымском федеральном округе О. Белавенцев,

председатель Государственного Совета Республики Крым В. Константинов, временно исполняющий обязанности Главы Республики Крым С. Аксенов. Сразу могу сказать однозначно: ни один из помощников президента понятия не имеет о проблеме реабилитации репрессированных народов. Не удивительно, что за время встречи они не сказали ни слова. Почему на встрече не присутствовали представители Госдумы, Минрегионразвития, органы которые, хотя бы по должности, курируют национальные вопросы в т.ч. и реабилитацию?

Думаю, это тоже не случайно. А хвастаться особенно не чем. Последнее десятилетие особых достижений нет. Удивительно, что на

встречу не пригласили ни представителей греков, болгар, немцев, армян, которые тоже упомянуты в Указе. И этому есть объяснение: их в Крыму немного, не они влияют на политическую ситуацию в регионе. Политическая целесообразность побеждает простое человеческое чувство справедливости.

Все недочеты своих помощников пришлось расхлебывать президенту, а те документы, которые подготовили ему советники и те оценки, которые озвучил на встрече президент, говорят только об одном - проблемами реабилитации репрессированных народов сейчас никто не занимается ни в аппарате президента, ни в правительстве.

В самом начале встречи президент заявил: **«Вы знаете, что не только крымско-татарский народ пострадал в ходе репрессий. Самым большим пострадавшим народом безусловно был русский народ. Ещё в 20-30-е годы начались репрессии, начались они с казаков, со священнослужителей. Потом так называемые кулаки попались под руку, а потом и все политические противники тогдашнего политического режима».**

Это заявление выражает глубокое заблуждение, которое господствует в нашем обществе, но не проясняет сути репрессий, которые пришлось пережить народам СССР. В первую очередь в стране проходили разные репрессии: в первые годы советской власти были социальные, политические, религиозные репрессии. Естественно, в этих категориях из-за своей численности преобладали русские, но русских никогда не репрессировали из-за того, что они русские. Это принципиальное отличие. Крымские татары, а до этого немцы, калмыки, карачаевцы, поляки, болгары, корейцы и многие другие народы, о которых никто не вспоминает, поголовно от малых детей до глубоких стариков голодные и холодные были увезены за тысячи километров в глубь страны и помещены за колючую проволоку, как злостные преступники. В обществе до сих пор немало тех, кто считает, что это было сделано правильно.

Следующее заявление: **«Что касается крымско-татарского народа, то он пострадал, может быть, даже больше всех, имея в виду, что вернулся в свои родные места позже, чем другие народы, репрессированные в ходе этих сталинских мероприятий».** Вопрос о том, кто пострадал больше или меньше довольно спорный. Законопослушным советским немцам до 1972 года

по закону было запрещено возвращаться в родные места, а крымские татары, которым, как и немцам не восстановили автономные республики, проявили характер и наперекор власти пошли на конфликт и сами дали себе право вернуться на Родину. Надо было заранее президенту об этом рассказать.

Еще больше ввели в заблуждение президента относительно действия Закона о реабилитации репрессированных народов: **«Хотел бы в этой связи вот что сказать: вы знаете, что ещё в конце 80-х годов в Советском Союзе принимали соответствующие документы, а в Российской Федерации в 1991 году был принят закон о реабилитации репрессированных народов. Естественно, что крымско-татарский народ в этот документ тогда не попал по известной причине, имею в виду, что сам Крым находился в составе Украины».**

Это не совсем так. В Законе были реабилитированы все народы, без их перечисления: «Статья 1. Реабилитировать все репрессированные народы РСФСР, признав незаконными и преступными репрессивные акты против этих народов», и далее: «Статья 12. Все акты союзных, республиканских и местных органов и должностных лиц, принятые в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права, признаются неконституционными и утрачивают силу».

В Законе существует еще одна статья, которую надо обязательно процитировать: «Статья 13. Особенности применения настоящего Закона по отношению к репрессированным народам, проживающим и проживавшим на территории Российской Федерации, регулируются отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу».

Как же в итоге Закон должен действовать по отношению к крымским татарам. В годы войны Крым был территорией РСФСР, значить он распространялся на народ автоматически, они никуда не выпадали. Но, когда Крым находился в составе Украины, Россия не могла принять законодательный акт в отношении крымских татар, а теперь это можно сделать без проблем.

Это были замечания общего характера. А что по сути встречи. Крымским татарам были даны заверения, что все их пожелания встретят внимательное отношение со стороны органов власти, деньги найдутся и государство выполнит свои обязательства.

Третий этап: все сделаем

Третий шаг будет сделан в мае 2015 года, когда разработают программы развития Крыма и его народов. Я рад за крымские народы, надеюсь, что через 70 лет они получат воз-

можность для национального развития. Власть двигается в правильном направлении, но как-то витиевато, да и государственной мудрости все же не хватает.

Послесловие: вот и приехали

Один вопрос меня постоянно мучил: почему президент регулярно говорит о важности национальной политики, но фактически в стране ничего не меняется: органы региональной и местных властей не ставят перед собой цель выполнить решения федеральной власти. Я чувствовал, что это происходит потому, что у властей всех уровней нет глубинного понимания важности проблемы, преобладает поверхностный взгляд, который допускает возможность решать национальные проблемы в разговорном жанре. И я получил документальное подтверждение моего вывода.

14 октября 2014 года в Кремле под председательством Владимира Путина прошло заседание Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека. Впервые за время деятельности Советов по развитию гражданского общества и правам человека и даже по межнациональным отношениям разговор зашел о правах репрессированного народа российских немцев. И его подняла, для меня это было очень удивительно, и я даже не знал, что мы с одной крови. Этот диалог с Президентом я хочу привести полностью.

«М.ФЕДОТОВ: Владимир Владимирович, Вы только что, перечисляя те народы, которые были депортированы из Крыма, назвали крымских немцев. Как раз об этом и хотела сказать Елена Васильевна Масюк.

В.ПУТИН: Елена Васильевна, пожалуйста.

Е.МАСЮК: Спасибо большое.

Очень хорошо, что Николай Карлович выступал передо мной, а не после. Действительно, это очень важный Указ, Владимир Владимирович, который Вы подписали в апреле, о мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития. Этот Указ депортированные народы в основном восприняли на «ура» в надежде, что их попраные права будут восстановлены, при этом особо отмечая, что депортированные народы Крыма в Вашем Указе перечислены в алфавитном порядке. Со стороны это кажется мелочью, но на самом деле этот момент один из основополагающих, это ключ к равноправию всех депортированных народов Крыма.

В мае Госсовет Крыма в первом чтении одобрил законопроект о некоторых гарантиях прав народов, депортированных во внесудебном порядке по национальному признаку в 1941-1944 годах из Крымской Автономной Советской Социалистической Республики. И в этом законопроекте депортированные народы, подлежащие реабилитации, уже не перечисляются в алфавитном порядке, как в Указе Президента. Там написано так: о реабилитации крымских татар, армян, болгар, греков, немцев, то есть в начале крымские татары, а затем все остальные народы в алфавитном порядке. Здесь прямо хочется сказать

большое спасибо Госсовету Крыма, что хоть перечислили все народы. Те 23 года, что Крым был в составе независимой Украины, вообще говорили «депортированные крымские татары и інші», то есть другие. Все эти годы армяне, болгары, греки и немцы пытались объяснить властям, что они не «інші» - они болгары, они греки, они армяне, они немцы, но их голоса не слышали.

Очень мало, кто из этих народов смог вернуться в Крым, я приведу пример немцев. Крымские немцы были депортированы самыми первыми в августе 1941 года, все остальные народы, в том числе и крымские татары, были выселены в 1944 году. Из Крыма тогда за несколько дней выслали 63 тысячи человек (немцев) в основном в Казахстан. Среди депортированных в северный Казахстан была и семья моей бабушки, немки по национальности, и я родилась в Казахстане, поэтому история депортированных крымских немцев - это и история моей семьи. В сентябре в Крыму я встречалась со многими проживающими там немцами и руководителями немецких общественных организаций, и все они очень опасаются, что реализация Вашего указа по факту затронет только крымских татар. Я с большим уважением отношусь к крымским татарам, как и к другим народам, и никого не противопоставляю, но есть момент справедливости. В июле на заседании Совета по межнациональным отношениям и на встрече с представителем крымско-татарских общин Вы, Владимир Владимирович, говорили, что деньги федеральной целевой программы социально-экономического развития Крыма будут выделены под то количество людей, которое уже сейчас проживает в Крыму, то есть под тех, кто уже вернулся на историческую Родину. Понятно, что это связано с финансовыми возможностями страны, но если говорить о справедливости по отношению к депортированным народам, то здесь точно нет справедливости.

Что я имею в виду? По последней переписи населения, которая была в Крыму в 2001 году, на полуострове проживает более 243 тысяч татар, а немцев всего 2,5 тысячи человек. Здесь я напомним цифры депортированных: татар было выслано 180 тысяч, а немцев 63 тысячи. 63 тысячи депортированных и 2,5 тысячи тех, кто смог вернуться, - это, безусловно, несопоставимые цифры.

Немцы все эти годы хотели вернуться на родину, но крымские власти им говорили: «Подождите, сейчас мы для вас построим поселки, когда мы все обустроим для вас, тогда и вернетесь. Не создавайте проблемы Украине и населению Крыма». И немцы как дисциплинированный и законопослушный народ все эти годы ждали. Другие народы приезжали и захватывали земли. Самозахваты земель под Симферополем и Севастополем хорошо известны, а немцы тем временем

продолжали ждать. По данным немецких общественных организаций, в Крым сейчас хотят вернуться более 4 тысяч немцев из Сибири, Казахстана и Германии, но им некуда и не на что возвращаться. За два десятилетия для крымских немцев было построено всего 30 домов, и то в основном эти дома немцам так и не достались.

Если программа государственной поддержки по возвращению депортированных народов будет направлена прежде всего на тех, кто уже проживает в Крыму, то эту поддержку получают в основном крымские татары, а всем остальным народам достанутся лишь крошки со стола, это точно не будет справедливым. И поэтому я бы попросила Вас, Владимир Владимирович, чтобы для каждого из реабилитированных народов были разработаны отдельные программы государственной поддержки по их возрождению и развитию и чтобы эти программы были составлены исходя из того, в каком реальном положении находится каждый из депортированных народов. (Выделил я - А.Н.)

Спасибо.

В.ПУТИН: Елена Васильевна, ну, что я могу сказать? Вы правы. Но Вы сами сказали, что вся проблема в бюджетных ограничениях, ничего здесь другого нет. Мы с удовольствием помогли бы в равной степени не только крымским татарам, но и немцам, и армянам, и всем другим народам, которые там жили и были высланы в свое время, пострадали. Я думаю, что мы так и должны будем сделать, надо просто это в таком, что называется, рабочем порядке, извините за бюрократию, проработать.

Я в свое время занимался переселением немцев, кстати говоря, в Петербург. Мы строили целые поселки там, это была отчасти совместная программа с Федеративной Республикой Германия. Речь идет о возвращении немцев из Казахстана, из Узбекистана, из некоторых других республик Средней Азии, из других регионов. Мы создали эти поселки. Я надеюсь, они сейчас функционируют. Все эти аспекты мне хорошо известны, я практически этим занимался. (Выделил я - А.Н.) Связано, конечно, прежде всего, с расходами. И очень бы хотелось, чтобы мы, в конце концов, этот вопрос решили, и исходили из того, что есть некоторые моральные обязательства, которые исполнить нужно, несмотря на вечные трудности с бюджетом. Вы правы, наверное, нужно посмотреть по категориям людей, по их национальной принадлежности, и по всем категориям отработать. Займемся этим. Спасибо».

Что самое важное в этом диалоге? Он отразил сегодняшнее окончательное отношение высших руководителей страны к процессу реабилитации репрессированных народов и

к Закону о реабилитации репрессированных народов в частности. Выделю узловые положения.

Елена Масюк высказала не просто свое личное положение, а фактически процитировала краеугольное положение Закона: для каждого из реабилитированных народов должны быть разработаны отдельные программы государственной поддержки по их возрождению и развитию и чтобы эти программы были составлены исходя из того, в каком реальном положении находится каждый из депортированных народов.

Я понимаю, что Президент не может знать всех нюансов, но рядом с ним должны быть такие специалисты, которые вовремя подсказали и дали компетентный ответ. Таких рядом нет. В. Путин сказал: «Вы правы». Естественно, Елена Масюк права, но еще правее был первый Президент России Б. Ельцин, который подписал Закон о реабилитации репрессированных народов. Самое грустное, что В. Путин предлагает его проработать. Только вот ничего с 1991 года не проработалось. Повторюсь, все знать невозможно. Но ведь Владимир Владимирович занимался российскими немцами, но так и не понял, с какой стати Германия строила для них поселок под Питером.

Стоит ли удивлять, что с ликвидацией Министерства регионального развития опять национальная политика пострадала больше всего. Основную часть ответственности передали Министерству культуры, а значит никому.

Не могу никак я понять логику действия наших федеральных чиновников. Вспоминаю печальную историю Концепции государственной национальной политики Российской Федерации от 15 июля 1996 года. Чтобы воплотить ее в жизнь, 22 февраля 1997 года было принято постановление Правительства «О мерах по реализации концепции государственной национальной политики РФ». Ответственным за реализацию назначили Министерство национальностей РФ, которой потом ликвидировали. Практически все осталось на бумаге. После принятия Стратегии государственной политики РФ на период до 2025 года, утвержденной Президентом от 19 декабря 2012 года, было принято постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 года № 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурного развития народов России (2014 - 2020 годы)». Ответственным за реализацию программы назначили Министерство регионального развития РФ, которое тоже ликвидировали. Прямо проклятие какое-то. А ответственность также никому не передали.

...Президент нас и Елену Масюк обнадежил: «Займемся этим». Что-то не верится.

Специально для ученых и государственных деятелей

Я поместил воспоминания Артура Шагиняна специально, хотя они не связаны с нашим краем, но это наша общая беда, как правильно их назвал Артур. И прежде чем нашим ученым и государственным деятелям братья за исследование немецкой проблемы в России, надо ее понять и почувствовать.

«НАША ОБЩАЯ БЕДА»

Моя семья очень интересна тем, что она многонациональная. Мама - Ирма Давидовна - немка, папа - Гамлет Енокович - армянин, брат Сергей женат на азербайджанке.

Но меня всегда притягивала история немцев Поволжья. С героями моего повествования меня связывают самые яркие чувства. Это мои прадедушка, дедушка и мама.

Три совершенно разных человека, три судьбы, но одна эпоха, одна страна.

«Богато, весело живем

Под сталинской звездой»

Приведенные слова - строка из стихотворения поволжского немца колхозника Якова Гайля, которые он посвятил 25-летию своей республики. Увы, это оптимистическое заявление, отдавшее дань времени, оказалась весьма далеким от подлинной жизни Республики немцев Поволжья. По иронии судьбы период, когда поволжские немцы имели свою государственность, стал заключительным и наиболее драматичным в 177-летней истории их проживания на берегах великой российской реки. Депортация 1941 года положила конец существованию поволжских немцев как самобытной этнической группы.

Летом 41-го крупные неудачи на фронте, приближение германских войск к Волге, а также поступающие в Москву сообщения об «антисоветских», «фашистских» высказываниях отдельных граждан немецкой национальности АССР предрешили судьбу немцев Поволжья. Советское руководство приняло решение о ликвидации республики и переселении немцев в восточные районы страны.

Печально известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года появился задним числом и был призван придать хоть сколько-нибудь «законный» характер незаконной акции выселения целого народа. Депортация было осуществлена с 3 по 20 сентября по заранее разработанному плану.

Корни моих предков

Победоносные войны с Турцией в конце XVIII века значительно расширили территорию России на юге Украины, где население было очень малочисленным. Чтобы освоить эти земли, Екатерина II издала Манифест от 22 июля 1763 года, в котором иностранные граждане приглашались для поселения в России¹.

Что интересно, важнейшие положения этого манифеста гласили о том, что всем иностранцам дозволялось въезжать в империю и селиться где кто пожелает. Они освобождались от различных податей. Кто селился в необжитых землях, освобождались от налогов на срок до 30 лет, в других областях на срок от пяти до десяти лет и другие привилегии.

В так называемой Всемилоливейшей При-

вилегии Павла I от 6 сентября 1800 года менонитам определялись дополнительные права: освобождение от военной и гражданской службы на все времена, освобождение от присяги перед судом, свобода ремесла и др.² Манифест Александра I от 20 февраля 1804 года особо выделял «переселенцев», которые могли «служить образцом в крестьянском деле и в ремесле...» Что же явилось причиной эмиграции немцев?

Прежде всего, политическое угнетение иностранными и собственными правителями; солдатчина и подати своим князьям и чужим властям (например, продажа солдат в Америку); хозяйственная нужда и другие причины.

Чем больше я изучал источников, тем сильнее мучил меня вопрос: Где же историческая родина предков-эмигрантов моей мамы?

Именно из Гессена в 1763-1767 годах шла основная волна переселения на Волгу. Из Данцига и Западной Пруссии шло переселение менонитов (1789- 1804), вместе с которыми селились также католики и лютеране.

Из рассказа моего дедушки - Шрайбера Давида Давидовича, я понял, что его семья католическая, а семья моей бабушки Виктории Ивановны, - лютеранская.

Прапрадедушка моего дедушки выходец из баварской Швабии.

Просмотрев и изучив семейный архив, я обнаружил, что мой прадедушка Давид 2 родился в 1895 году в селе Гуссенбахе Краснокутского кантона в АССР немце Поволжья. Родители прадедушки Давида 2 попали в переселение в 1812 году. А уже мой дедушка - Давид 3 родился в 1930 году в селе Константиновка Краснокутского района Саратовской области. Бабушка Виктория Ивановна родилась в 1929 году - я обнаружил в семейном архиве свидетельство о рождении. Само свидетельство о рождении выполнено на немецком и русском языках, что подтверждает, что она действительно родилась в Республике немцев Поволжья.

Голодные годы, коллективизации и преследования

В 1921-1922 годах и в 1932-1933 годах впервые за всю историю среди немцев России разразился голод. В результате первой мировой войны, гражданской войны и голода число немцев сократилось с 1 621 000 (1914) до 1 238 500 (1924)

В период гражданской войны в нашей семье тоже сложилось не все благополучно. Дедушку Давида 1 расстрелял белый офицер за то, что он передал Красной Армии лошадь с уздечкой.

Дедушка Давид 3 рассказывал мне, что в Давида 1 стреляли пять раз, но он все вставал и шел на белого офицера, затем его разрубили шашкой на куски. Прапрабабушка собрала его останки ночью и похоронила в Гуссенбахе. К сожалению, документы, подтверждающие данный факт, не сохранились до наших дней. Все было потеряно во время депортации.

В ходе коллективизации и так называемого раскулачивания в 1929-1930 годах мужчины-колонисты в первую очередь были депортированы на Крайний Север и в Сибирь, откуда они ничего не могли сообщить о себе своим семьям.

Нашу семью раскулачивание не затронуло, вероятно, не подошли под соответствующую категорию. Дедушка Давид 2 работал директором маслосырзавода в Гуссенбахе, семья состояла из восьми человек, из них шестеро - дети. Из воспоминаний дедушки я узнал, что Давид 2 был очень честным, строгим, справедливым, жене своей говорил, что лучше умрет с голоду, но не позволит себе взять кусок сыра с завода. Но его все равно обманывала его заместитель, очень добрая женщина. Встретит Давида 3 (моего дедушку) и скажет, чтобы приходил вечером к заводу. Она похищала сыр и отдавала моему дедушке. А матери говорила, бери, а то все вымрут, как мухи. И действительно, голод никого не щадил.

По данным переписи населения 1926 года в Поволжье проживало лишь 379 630 немцев против 650 000 в 1914 году

Вторая мировая война, депортация

Страшный 1941 год перевернул всю историю, не стало Автономной республики немцев Поволжья. Началась депортация. Моему дедушке Давиду 3 в это время было одиннадцать лет.

Из Гуссенбаха, где жила семья дедушки за одни сутки депортировали все село, кроме семьи дедушки. Так как Давид 2 работал директором завода, его семью пока не трогали, просто некому было передать завод. Депортация затронула их 25 октября 1941 года.

Мой дедушка рассказывал, что, хотя ему было одиннадцать лет, он хорошо помнит, как его соседей сажали в повозки с маленькими детьми и увозили на железнодорожную станцию Урбах, оттуда их увозили в неизвестность.

Но вот настал день, когда рано утром всю семью разбудил стук в дверь. Представитель властей что-то тихо произнес отцу моего дедушки и ушел. Всем было ясно - надо собираться. С пожитками в 36 кг на человека они погрузились в повозку и отправились на станцию.

Дедушка вспоминает, что когда проезжали по улицам Гуссенбаха, то все дома были пусты, скот бродил по улицам, коровы надрывались от рева, некому их было подоить, кругом пустота, ни одного человека.

По переписи 1939 года в Гуссенбахе проживало 7137 человек.

Из воспоминаний дедушки я узнал следующее. Когда его семья приехала на железнодорожную станцию Урбах, то их вместе с другими немецкими семьями разместили в вагоны для перевозки скота и в нечеловеческих условиях отправили в Сибирь.

Мужчин почему-то отделяли от семей. Но отца моего дедушки никто не трогал, проверили документы, и он остался с семьей. Дорога казалась такой длинной, страшный холод и голод мучил всех. Старики, дети и больные погибали, их даже не хоронили, выбрасывали из вагона, а в лучшем случае на каком-либо полустанке конвой проходил вдоль вагонов и выяснял, есть ли трупы, распорядился, чтобы их выносили из вагонов. После такой процедуры поезд трогался, близкие не имели права хоронить своих детей, родных и близких. Поезд все дальше и дальше мчался в далекую неизвестную Сибирь.

Холод ощущался все заметнее, дети прижимались к взрослым, мама дедушки снимала с себя все теплые вещи и кутала дедушку и его брата-инвалида, но все равно было очень холодно.

Наконец настал день, когда поезд остановился на железнодорожной станции Славгород Алтайского края. Поступила команда всем выйти из вагонов. В Алтайский край было переселено немцев из Республики немцев Поволжья 91 000 человек.

Дедушка рассказал, что к каждой семье подходил представитель местных властей и выяснял, кто какую работу может выполнять. Очередь дошла и до семьи дедушки. Проверив документы, представитель указал на сани и дал какие-то распоряжения председателю колхоза с. Ново-Романовка Алтайского края отвезти к себе. От Славгорода до Ново-Романовки дорога была длинная, кругом заснеженная степь, кое-где красовались березовые околки, но эту красоту никто не замечал. Дедушка мечтал скорее добраться до места и погреться у печи.

До места добрались уже ночью, и председатель, фамилию его, к сожалению, не помнит, предложил переночевать в его землянке, а утром решить, что делать дальше. Извинился, что не сможет накормить, но горячий кипяток с корнем солодки дал.

Дедушка отметил, что такой ароматный, как тогда ему показалось, кипяток, он никогда не пил.

Рано утром отец дедушки всех разбудил, и они отправились с председателем вдоль землянок, только виднелись трубы на заснеженных крышах.

В этом спецпоселении должна была находиться семья моего дедушки.

Годы войны. Трудармия

Я хотел бы поразмышлять о человечности. Ведь в Постановлении Совета Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП (б) от 26 августа

1941 года было отмечено в п. 12 «О возложении на Председателя СНК КССР и секретаря ЦК КП (б) Казахстана, на председателей крайисполкомов и крайкомов ВКП(б) Красноярского и Алтайского краев <...> - организацию приема на станциях разгрузки, перевозку до места расселения и устройство переселяемых в сельских местностях и городах». Однако все были брошены на произвол судьбы. Только председатель, простой русский человек, отнесся к семье дедушки по-человечески, приютил на ночь и дал кипяток. Но, к сожалению, как отметил дедушка, он не задержался среди переселенцев, уехал.

Вспоминая, дедушка говорит, что они - дети, как-то сразу повзрослели. Построив землянку, все сели вокруг наспех сложенной печурки и долго-долго отогревались, все смотрели на огоньки, молчали. Никто не просил кушать, все понимали, что кушать нечего.

Дедушка помнит до сих пор, как в их землянку под вечер зашла женщина, тоже переселенка, она принесла кусок черного мерзлого хлеба и угостила детей. Но он был такой твердый, что его рубили топором, поделив на каждого. Женщина поведала, что она с детьми в спецпоселении уже два месяца, в основном живут женщины и малые дети. Всех мужчин в возрасте от 15 до 60 лет и женщин, если у них не было детей до трех лет, призывали в трудовую армию. После она сказала маме дедушки, чтобы готовилась - ее четверых детей призовут в трудовую армию. Так и случилось. Братьев Ивана, Петра и сестру Ирму, старшего брата Яшу призывали, остался только дедушка и брат-инвалид. Что такое трудовая армия, дедушка посоветовал мне спросить у сына Петра (это брат моего дедушки, он, к сожалению, уже умер), т.е. его племянника - Петра Петровича. Я решил обязательно с ним поговорить на эту тему. Мне он доводится дядей.

И вот, что он мне рассказал:

В его семье старались не говорить о прошлом, отец его не любил вспоминать об этом. Но однажды он все-таки рассказал, что в шестнадцать лет он был призван в трудовую армию в Нижний Тагил, на лесоповал.

Условия, в которых он жил и работал по жестокости не уступали образу жизни в лагере. По пути на работу их сопровождал конвой.

В самом лагере царил произвол начальства. Слово «фриц» в значении «враг» или «фашист» было в обиходе не только у подчиненных, но и у начальников. В нищете, унижении, тесноте лагеря огромное число трудовых армейцев умирало от голода, а порой просто от отчаяния, холода и непосильной работы, особенно плохо было тем, кому было всего шестнадцать лет.

Отец Петра Петровича недолго находился в трудовой армии, он вернулся домой через три года. Это была счастливая случайность. А произошло следующее: работая прицепщиком вагонов с лесом, он случайно попал между вагонами, и его нога была прижата, он не смог освободить ногу, поезд тронулся, и ему

оторвало пятку правой ноги. Так он попал в так называемую лагерную больничку, там абы как зашили огромную рану. Работать он уже не мог, и его вернули из трудовой домой. Но всю оставшуюся жизнь он страдал от раны, которая постоянно гноилась, не заживала, врачи ничего не могли сделать, был выход один - ампутировать ногу, но он не соглашался, и конечный результат - рак.

Первая массовая мобилизация немцев мужчин была в 1942 году, 11 января - 10 февраля.

В рабочие колонны мобилизуется 120 тыс. человек, в том числе: на лесозаготовки - 45 тыс., на строительство железных дорог - 40 тыс. Под мобилизацию попадает почти все взрослое мужское население из числа поволжских немцев.

Меня интересовала жизнь в спецпоселении, и я попросил дедушку рассказать, как же он выжил?

- Выживали как могли, - говорит дедушка. - Покидать спецпоселение было запрещено, каждый отмечался в спецкомендатуре.

Ему пришлось работать в двенадцать лет помощником кузнеца, а кузнецом, настоящим мастером, был старый немец дядя Генрих. Дедушка ему очень благодарен за то, что он обучил его даже «ювелирной» работе с железом. Он ковал букеты цветов, плел кружева, и в шестнадцать лет дедушка самостоятельно выковал кружева из железа для председательской пролетки. А отец дедушки так и не дождался какой-либо помощи от властей. Он тяжело заболел, простыл в дороге и умер 8 января 1941 года. Буквально через три дня после его смерти приехал представитель из района Знаменка и сообщил матери, что семья дедушки должна переехать в район, так как ему предлагают работу. Но, к сожалению, его уже не было в живых.

Так они и остались в землянке с братом-инвалидом.

Шла война, никому они не были нужны.

Дедушка говорил, что замечал, что его мать также была не здорова, но она старалась не показывать свое недомогание детям, ночами стонала и плакала от боли. Через несколько месяцев, как призывали в трудовую армию старших детей, она слегла...

Дедушка ходил на работу, затопив утром печь, укутав мать, а также брата-инвалида, в тряпье и солому, в обед прибегал, чтобы накормить их и снова уходил.

Дядя Генрих пожалел дедушку. Он видел, как тяжело 12-летнему мальчишке и помог дедушке через уполномоченного устроить брата-инвалида в детский дом. Дедушка этому был очень рад и просил бога, чтобы хоть этот инвалид был сыт.

Теперь они остались с больной матерью вдвоем.

Когда дедушке исполнилось 13 лет, на его долю выпало хоронить своих односельчан. Умер дядя Генрих от голода, как и вся его семья.

Дедушка работал в кузнице один.

Оперуполномоченный вменил в обязанность дедушки каждое утро перед работой делать обход села и выявлять, кто за ночь умер. Могилы копать было некому, и дедушка нашел заброшенную силосную яму и туда на санях свозил умерших, сверху закрывал ветками, не закапывал, так как не успевал - бывало, что за сутки умирало от голода около двадцати человек.

Одну очень печальную историю дедушка рассказал, и я просто не имею права об этом не сказать.

Однажды дедушка зашел в землянку при очередном обходе, где жили мать с сыном. Сына звали Федя, он был чуть моложе дедушки. Страшную картину увидел дедушка. На столе лежали куски сырого мяса - падали, скорее всего это была либо кошка, либо собака, другой живности на спецпоселении не было.

Увидев дедушку Федя бросился с рычанием на оставшийся кусок мяса, как зверь, схватил его и забился в угол возле печи. Сам он был весь опухшим. Дедушка говорил, что это от голода.

В другом углу землянки лежала Фебина мама, подойдя к ней, дедушка обнаружил, что она мертва. Он выволок ее из землянки, положил на сани и повез к силосной яме. Затем вернулся за Федей, он также сидел в углу рыча, рвал зубами падаль и голодными глазами смотрел на дедушку.

Дождавшись, когда Федя успокоится и поймет, что никто не собирается отнять у него мясо, дедушка предложил ему пойти с ним.

Так в землянку дедушки вошел получеловек-полуживотное, мальчишка. Конечно, мама дедушки не обрадовалась, но он ей объяснил, что этот мальчик будет за ней присматривать, пока он будет зарабатывать кусок хлеба и делить его будут теперь на троих.

Федя оказался хорошей «сиделкой», он ни на минуту не отходил от постели больной, и всегда был очень рад кусочку хлеба. Он добросовестно выполнял всю работу по дому, и был хорошей «хозяйкой».

Так они пережили войну в спецпоселении.

Судьба моей мамы

После войны жизнь на спецпоселении не стала лучше: по-прежнему холод и голод, всеобщее презрение к немцам.

Когда дедушке исполнилось шестнадцать лет, мама попросила, чтобы он женился. Она посоветовала поехать в соседнее спецпоселение Либенталь, там проживала семья Кляйн, они были депортированы из Урбаха, сказав, что семью эту она хорошо знает.

Дедушка так и сделал. С разрешения оперуполномоченного он на санях поехал за невестой. Так Виктория Кляйн стала его женой, пусть неофициально, но он спас и ее от голодной смерти. Оказалось, положение в ее семье было еще хуже - 13 детей. Зарегистрировали

брак лишь в 1949 году, на этом настояла мама дедушки. А 9 ноября 1949 года родилась моя мама.

Мама дедушки не дождалась своей внучки и умерла 6 мая 1949 года.

Федя, после того как дедушка женился, ушел и стал жить самостоятельно, но теперь он уже помогал дедушке, работая помощником кузнеца, как когда-то начинал дедушка. В 60-х годах Федя со своей женой уехал в Германию, и там проживает до настоящего времени.

Весной 1949 года дедушка с бабушкой из пластов земли, нарезав их кирпичиками, выложили себе уже добротную землянку с одним оконцем, в которой и родилась осенью моя мама.

О том, какое детство было у моей мамы, я расскажу чуть позже.

В спецпоселении дедушка со своей семьей прожили до 1956 года. Хотя указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» был подписан 13 декабря 1955 года, объявлен он был лишь весной 1956 года. Дедушка, взяв узелок с пожитками, заколотил землянку и вместе с моей мамой, которой было семь лет, они ушли. Ушли, чтобы найти жизнь лучше, уйти от голода. Но куда бы они не приезжали, никто не хотел их принять. Они чувствовали себя настоящими изгоями.

Вот такую жизнь прожили мои дедушка и бабушка. Дорогую цену заплатили народы многих республик СССР, выселенные в эти годы, за несправедливость, произвол, беззаконие. Моя мама родилась в 1949 году. Четыре года прошло после войны, но немцам живущим в России, было очень плохо. Общее презрение, слово «немец» было бранным. То, что мне рассказала, мама меня поразило. Но все по-порядку.

Родители моей мамы не были рады рождению ребенка, и то, что она родилась очень слабой, никого не удивило. Считали так: «выживет, значит будет жить». Бабушка родила в страшных муках, никакой медицинской помощи, бабка-повитуха приняла ребенка, завернув в грубое тряпье и положила на самодельную сколоченную из досок кровать, на солому, обтянутую мешковиной.

Мама вспоминает, что детство у нее было суровое, она ни разу не слышала от своих родителей ласкового слова, ее как ребенка не целовали, не гладили по головке. Она всегда была почему-то у чужих людей.

После рождения за ней неделю ухаживала бабка-повитуха, сделала мякиш из черного хлеба и, вложив его в тряпку, засунула в рот ребенку. Вот все, что она могла сделать. При этом приговаривала: «Не жилец ты девонька, кормить тебя нечем».

Мама росла болезненным ребенком, никогда не улыбалась, а тихо так, чтобы никто ее не замечал, плакала. Даже сама бабушка рассказывала, что девочка могла сутки не давать о себе знать. Ходить долго не могла, слабые

кривые ноги и большой живот не позволяли встать на ноги. За мамой ухаживала бабушкина сестра Паулина, и хотя ей было одиннадцать лет, она была хорошей няней.

Семья у Паулины была большая, много детей, голод мучил семью, и Паулина с радостью согласилась нянчить ребенка. Весной она выносила маму на солнышко, старушки ей советовали зарывать ребенка, особенно ножки, в песок, так она сможет избавиться от недуга. И действительно к двум годам мама встала на ножки, но была очень маленькой.

Бабушка рассказывала, что жили они очень плохо, кушать нечего было. Три дня мама плакала и просила «брот», т.е. хлеб.

Эпизод, который я сейчас опишу, рассказывал мне дедушка.

Чтобы как-то спасти ребенка, он решил совершить кражу. И что удивительно, колхозный амбар был полон зерна, а люди голодали.

Дедушка дождался глубокой ночи, на улице разыгрывалась метель, пурга заметала следы. Подошел к амбару, залез под него, он стоял высоко на тумбах из кирпича, просверлил маленькую дырочку в полу, подставил мешочек и набрал немного зерна, аккуратно заткнув дырочку пробкой. Бабушка сварила кашу из зерна и накормила маму. С этого дня семья дедушки не испытывала голода, всегда было немного зерна. Но так долго это не могло продолжаться. Дедушка говорил бабушке, что надо продержаться только до весны, а там легче будет. Это был 1952 год. Но однажды дедушку застала соседка на месте преступления, как раз в то время, когда он вылезал из-под амбара. С этого времени она требовала с ней делиться, чтобы накормить своих троих детей, шантажировала его. Дедушка говорил, что он эту женщину вспоминает, как страшный сон. У дедушки не было другого выхода: делился и с ней, но она, глупая женщина, поделилась с другой женщиной и по селу пошли слухи, что у Шрайберов есть зерно. Закончилось все тем, что приехал оперуполномоченный с обыском. Бабушка успела мешочек с оставшимся зерном сунуть маме за пазуху и подняла ее на крышу землянки, приказав лечь за трубой и не подниматься до тех пор, пока не уйдут люди.

Мама говорит, что тоже помнит этот эпизод, она была страшно напугана, лежала за трубой и боялась шелохнуться.

Обыск закончился, люди ушли, не найдя ни одного зернышка, но с этого времени дедушка уже не делился с женщиной, которая его предала.

Чтобы выжить, дедушка придумал следующее: весной в землянке, в сенях, он выложил из пласта земли двойную стену, внизу оставил отверстие, закрывал ее кирпичиком, вырезанным из пласта земли. Зимой он дважды ходил к амбару, но брал уже не маленький мешочек на 1 кг, а целый мешок. Придя домой, с крыши засыпал мешок зерна в эту двойную стену и через день бабушка всю долгую сибирскую зиму варила кашу. Так они выжили.

Когда в 1956 году объявили о снятии ограничения, дедушка с семьей уехал, сам не зная куда. Поскитавшись, дедушка в 1957 году завербовался на целину. Стало немного легче жить, дедушка работал кузнецом, жили среди молодежи разных национальностей. Плохо было только со знанием русского языка.

Русский язык мама не знала вообще, поэтому в школу ее не взяли, а предложили бабушке сначала научить маму русскому языку, а потом приводить ребенка в школу.

Осенью маму снова привели в школу, но к этому времени она уже могла общаться на русском языке. Но школа для мамы была не в радость, ее обижали как дети, так и учителя. Дети вешали ей на спину записки с надписями «фашистка», а учительница издевалась над ее произношением или ошибками в диктанте. Однажды произошло событие, надолго заставившее маму замолчать, замкнуться в себе.

Это произошло после объявления оценок за контрольную работу.

Мама рассказывала, как долго ее унижала учительница за полученную двойку, говорила, обращаясь к детям: «Смотрите, дети, что может эта фашистка, она ведь ни на что не способна, из-за таких, как она, погибли наши отцы, братья и сыновья».

На перемене учительница лишила мою маму горячего чая с картофельным пирожком, которые давали детям во время большой перемены. Чай был в алюминиевой кружке, он был очень горячим, сладким. Мама говорила, что это была самая вкусная еда на всем свете.

Я могу себе представить эту картину, все дразнит ее, а мама от обиды глотает слезы.

Затем мама после долгой паузы вспоминает, что когда учительница вышла из класса, то русский мальчик, который сидел с мамой за одной партой, вместе с мамой залез под парту и поделился пирожком и чаем. Один раз откусывала мама от пирожка, другой - он, и старался так, чтобы маме досталось больше.

Мама никогда не забудет этот эпизод, она будет помнить его до конца своей жизни. Она благодарна этому мальчику за то, что он оказался единственным человеком среди всего класса, который пожалел ее.

Наверное, можно понять и учеников, и учительницу. Время было такое, у всех в душе еще кровоточила рана от прошедшей страшной войны. Погибли родные, люди ожесточались, но все же я думаю, что на российских немцев нельзя было так ополчаться, они так же страдали, как и все люди в России. Я думаю, что мама простила эту учительницу, ведь она потеряла мужа и единственного сына на войне.

Конечно, немцев не любили, и они в свою очередь старались не афишировать то, что они немцы. Мама рассказывала, что она старалась даже не говорить на немецком языке и в подтверждение к сказанному она прочитала мне стихотворение Эрны Гуммель. Маме оно очень нравится.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Из-за тебя потерял дом родной.
Из-за тебя унижена судьбой...
Он был всегда, твой ласковый мотив,
в моей душе на струнах грусти жив.
Из-за тебя смеялись надо мной,
из-за тебя бывала я немой...
Но если выбивалась я из сил,
ты был со мной, и ты меня хранил.
Из-за тебя трудяги шли в рабы,
могилы рылись, грудились гробы,
но ты был мой, и ты был мной любим,
как очага родного сладкий дым.
Когда же трижды проклинали тебя,
я шла с тобой, твои слова любя.
Когда друзья мою забыли дверь,
ты был моей отрадой, уж поверь!
Я виновата стала без вины,
но ты входил в мои больные сны,
и я всегда впадала в нервный плач,
когда твои слова кромсал палач.
Ты говорил: «Давай-ка без обид!
Все правда высветит и победит.
Кто был ко мне порой несправедлив,
разучит мой доверчивый мотив».
Я верила тебе, язык родной,
и снова обретая свой покой,
я из тебя пила, и твой поток
опять мне сердце оживить помог.
Ведь если выбивалась я из сил,
ты был со мной, и ты меня хранил,
а что из-за тебя теряла вдруг,
в общении с тобой найду, мой друг!

Перевод Роберта Вебера

Нелегкая выпала судьба на долю моей мамы, но она шла к своей цели, не останавливаясь на полпути. Я горжусь своей мамой. Она закончила Горьковское педагогическое училище, затем Академию МВД СССР. Прослужила двадцать лет и ушла в отставку в звании подполковника милиции. Имеет награды, является «Отличником милиции». В настоящее время преподает в Астраханском филиале Саратовской государственной академии права, имеет ученое звание - доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Всего она достигла сама, честным трудом и твердым железным характером. Пусть ей намекали о «пятой графе», но она всегда умела доказать, что она прежде всего Человек!

В 1994 году мои дедушка, бабушка и мама были реабилитированы и признаны пострадавшими от политических репрессий. Но имущество не вернули, мама делала запрос в Саратов в Информационный центр УВД Саратовской области. Но ответ был, что сведениями об имуществе, оставленном при выселении, не располагают.

В СССР проблема высылки и репрессий против российских немцев замалчивалась. Об этом не писали в газетах, не говорили в выступлениях и радиопередачах. Немецкая автономия так и не была восстановлена.

Может быть поэтому многие сегодня желают выехать в Германию.

Политическая нестабильность и ужасающий национальный эгоизм вызывают дополнительные опасения за будущее. Боюсь, что немцев скоро совсем не будет в России как нации.

<http://urokiistorii.ru>

Наталья Багрецова

КАК БОРОЛИСЬ С РИЧАРДОМ

На днях прочитала в «Уральской нови» альманах «Снежное вино» после 46 лет под арестом... И вспомнилось.

1946 год. Слякотно и голодно. Гоню сама себя на другой конец Спартака - в пединститут. На мне плохо отстиранная фуфайка с несмываемыми круглыми отпечатками красящихся роликов - следы моего трудового энтузиазма на телеграфе. На ногах флантовые брезентовые туфельки на полувысоких каблуках и соответствующие им мелкие калоши - теперь таких и в музее не найдешь. В руках отличная полевая сумка - ее надо нести строго вертикально, чтобы не перевернулась набок чернильница - невыливайка. Вчерашняя ремесленница, теперь я студентка-заочница и иду заниматься в институтскую читальню.

В читальне пусто и холодно. Беру нужные книги. И вдруг вижу на выставке самодельную книжку из ватмана с надписью от руки «Литературный альманах «Студент» № 3».

Меня как током ударило. В одиночестве

кропала я тогда свои первые рассказы, не встречая нигде родственных душ, а тут вот они, существуют и даже альманах выпускают. Разумеется, я тут же прочитала его. Он весь состоял из стихов, в большинстве очень слабых. Немного выделялись в лучшую сторону стихи Ричарда Б., но и у него выражения вроде «слеза дрожит хрусталью», «жаркие ласки», «блондинка синеокая», «виденьями любви терзаем»... Возвращая альманах, я спросила зябко кутающуюся в пальто девушку-библиотекаря, нельзя ли прочесть первые два номера. Она сурово ответила:

- Нет. Нету их.

И так как мы были одни, тем же тоном ответила:

- А тех, кто писал, всех посадили.

Через несколько месяцев я уже училась очно на втором курсе литфака. Самой примечательной фигурой у нас был, конечно, Ричард Б. Высокий, ярко-желтая шевелюра, крупный скандинавский нос. Этаким викинг.

Притом немец, отличник и пишет стихи.

Мы тогда толком ничего не знали о судьбе Республики немцев Поволжья. И откуда взялся Ричард - тоже не знали. А взялся он из-за колючей проволоки, из барака, где содержались немцы-трудармейцы, строившие Челябинский металлургический завод. Они жили как зеки, и после вечерней поверки им иногда зачитывались приказы: за антисоветскую агитацию...за побег...расстрелять. И список фамилий.

Это я недавно узнала от него, когда он приезжал, чтобы поработать в архиве с секретными материалами.

В сорок пятом вышло послабление: тех, кто учился в институтах, стали отпускать из трудармии для продолжения учебы. С трудом удалось Ричарду выпроситься на день из-за проверки, и в этот день он сумел уговорить ректора пединститута Жданова принять его в институт и дать нужную справку. А ведь он до войны даже 10 классов не окончил...

Но продолжал быть комсомольцем, а в мое время был уже членом бюро факультета, редактором стенной газеты...

Ему очень хотелось сблизиться с поэтами-старшекурсниками, но это было непросто. Главный кумир, Освальд (Валька) Плебейский, весь в хвостах, но всегда окруженный поклонниками и поклонницами, едва кивнул, когда их знакомили, и интереса к начинающему поэту не проявил. Дружбы не получилось, но стихи понравились, и Ричард многие из них переписал.

А вскоре - арест целой группы студентов-поэтов, альманахи изъяли, и Ричард спрятал свои записи подальше, под матрац. А когда вышло постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», сжег их и девушке, с которой дружил, посоветовал сделать то же самое.

И вдруг... Ричард поссорился с товарищем по комнате в общежитии. Это был Димка Н., фронтовик, контуженный, ненавидевший немцев. Ссора произошла из-за очереди покупать спираль для плитки. Димка объявил, что он вышвырнет этого немца из общежития, пошел в партком и донес, что Ричард хранил стихи врага народа Плебейского, давал читать ему, Димке и другим. Новое дело завязалось. Стало вдруг ясно, как многим мешает Ричард в институте. Немец! Ишь осмелели, повылазили! Не пускать их дальше физфака (физкультурного)! Но до сих пор его не за что ухватить: отличник, комсомольский активист. Теперь случай представился!

Моментально собрали комсомольское собрание. Секретарь комитета ВЛКСМ в военном кителе из кожи лезет вон, чтобы выполнить указание свыше. Не жалея черной краски и времени, он характеризует Ричарда как отталкивающую личность. Он не только хранил, переписывал и читал вслух стихи «этого Плебейского», он вел себя антиобщественно, доводил до припадка инвалида Отечественной войны Н., занимался спекуляцией - продавал хлеб! Когда слово дают Ричарду, секретарь презрительно бросает ему:

- Покороче!

- Я об этом не могу коротко говорить, - отвечает Ричард.

Он все признает. Да, переписал. В основном любовную лирику. Да, хранил. Давал читать - Димка Н. и своей подруге. Потом уничтожил. Димке нравились стихи и он молчал - пока не поссорились. Спекуляцией он не занимался. Иногда продавал хлеб, когда не было денег на столовую. Вот и все. Конечно, он совершил ошибку. Но больше этого никогда не повторит.

Собрание волнуется. Первые трое выступающих, защищают Ричарда. Парторг нервничает:

- Мы собрались не обсуждать, а утвердить решение комитета! - бросил он в зал.

- Мы можем и не утвердить решение комитета! - возражают ему. - Комсомол должен воспитывать, а не расправляться!

Ричард утверждает теперь, что даже сам Димка Н. хотел уже выступить в его защиту, но ему пригрозили: выступишь - положишь партбилет.

В бой вводится тяжелая артиллерия. Берут слово члены парткома. Они говорят о «позорном пятне прошлого года», призывают к бдительности, клеймят «гнилой либерализм». Затем слово берет сам ректор института. Он подробно анализирует стихи из «Снежного вина» («хорошенькое название - что-то метельно-нетрезвое!»). Приводит строки, свидетельствующие об упадничестве, унылых настроениях, воспевании смерти («где он набрал этих цитат? Наверное у него хранились эти крамольные стихи!») Спасибо ему, из его выступления Ия, и другие студенты получили представление о содержании «Снежного вина». Ректор говорил долго и ему удается потрясти души студентов, уверить их, что стихи опасные и плохие, что Ричард поступил очень скверно...

Теперь, когда я знаю, как Ричард поступил в институт, мне ясно, что ректор иначе поступить не мог. Иначе - своя голова с плеч. Ричард же до сих пор вспоминает его как очень доброго и хорошего человека.

Ричарду и его подругу исключают из комсомола.

Отчислить из института не удалось. Пока. Но осенью следующего года предпринимается новая атака. Почему-то 1 сентября литфаку недодают довольно много хлебных карточек. Какая-то оплошность карточного бюро. Но наш тогдашний декан решает использовать ее в воспитательных целях: лишить карточек прогульчиков, неуспевающих и ... Ричарда.

На курсе взрыв. Почему Ричарда? Он успева-ет. Он не опоздал, все лето трудился на ремонте общежития. Вызываем декана в аудиторию (неслыханно), Яков Иванович заявляет, что в институте, как на производстве, борются за производительность труда и он вправе лишить карточек тех, кого считает нужным. Я говорю ему, что наказание лишением карточек незаконно.

- А сколько лет вы проработали на ответ-

ственной работе, что беретесь судить о законности? - иронически вопрошает декан.

О, святая простота тогдашних лет! Судить о законности может только ответственный работник, а отвечать за нарушение закона - увы! - каждый.

Через пару дней карточки были довыданы и все улеглось. Если бы не новация декана, «народного» возмущения могло и не быть.

Но Ричарда вскоре все же доконали. Он встретил у одного председателя колхоза. Тот агитировал студентов покопать картошки за

6-е ведро. Предложение было соблазнительное. Студенты отпрашиваться у деканов на 2-3 дня. Ричард декана не нашел и поехал не отпрашившись.

Прощения быть не могло. Его отчислили. Славная победа была одержана.

* * *

Ричард не пропал. Через несколько лет закончил институт заочно. Потом закончил журфак. Стал журналистом. Недавно был в Челябинске

Павел Полян

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ О ДЕПОРТИРОВАННЫХ - ДЕЛО РУК САМИХ ДЕПОРТИРОВАННЫХ Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций

«Мы выжили карачаевцев из горных ущелий. Теперь надо выжить отсюда их дух».
Секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) Михаил Суслов, ноябрь 1944 года[3]

- Что вы суете мне эту бумажку? Справка не считается, потому что вы были наказаны.
- За что же мы были наказаны? - спросила она.
- Это вам лучше знать...

Из разговора Марии Бретгауэр с инспектором собеса о назначении пенсии[4]

Депортации, или насильственные миграции, - это одна из специфических форм политических репрессий, предпринимаемых государством по отношению к своим или чужим гражданам. Во многих случаях депортации являлись лишь прелюдией к физическому уничтожению (это, в частности, специфично для немецкой «технологии» геноцида европейских евреев и цыган, предусматривавшей - перед отправкой в лагеря уничтожения - их промежуточную изоляцию в «накопительных» концентрационных лагерях) или элементом комплексных репрессий, когда депортации подвергаются, например, члены семей, главы которых репрессированы иным и более суровым способом (именно этот вариант весьма характерен для советской карательной системы). Нередко депортации комбинировались с другими видами репрессий, в том числе и с более «легкими», как, например, срочное или бессрочное поражение в избирательных правах.

Можно указать на следующие специфические особенности депортаций. Это, во-первых, административный, то есть внесудебный характер[5]. Во-вторых, списочность, или, точнее, контингентность: они направлены не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям.

Решения о депортациях принимались, как правило, руководителями партии и правительства по инициативе органов ОГПУ-НКВД-КГБ, а иногда и ряда других ведомств. Это ставит депортации вне компетенции правового поля советского судопроизводства и резко отличает систему соответствующих спецпоселений от «архипелагов» ГУЛАГ и ГУПВИ, то есть системы исправительно-трудовых лагерей и колоний и системы лагерей для военнопленных и интернированных.

И, наконец, третьей специфической особенностью депортаций является их достаточно очевидная установка на вырывание масс людей из устоявшейся и привычной для них среды обитания, помещение их в новую, непривычную и, как правило, малопригодную для выживания среду. При этом места поселения подчас отстоят от мест выселения на многие тысячи километров. Поэтому массовое перемещение депортированных в пространстве - на необъятных советских просторах - по сути объединяет проблематику принудительных миграций с исследованиями «классических» миграций и придает ей априори географический характер.

Если основанием для депортации послужил этнический фактор, то такую депортацию резонно понимать как этническую. Изучение советских репрессий, и в частности депортаций,

обнаруживает поразительную и со временем все усиливавшуюся приверженность советского строя не к классовому, а преимущественно к этническому критерию репрессий. Государство рабочих и крестьян, неустанно декларировавшее верность интернационализму и классовому подходу, на практике эволюционировало к сугубо националистическим целям и методам.

Наиболее яркий пример - так называемые «наказанные народы». Представителей таких народностей выселяли целиком и не только с их исторической родины, но и изо всех других районов и городов, демобилизовывали из армии - фактически такими этнодепортациями была охвачена вся страна. Вместе с родиной у «наказанного народа» отбиралась, если она прежде была, и национальная автономия, то есть отдельные формы государственности.

В СССР тотальной депортации были подвергнуты десять народов. Из них семь - немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары - лишились при этом и своих национальных автономий (их общая численность составляла около 2 миллионов человек, площадь заселенной ими до депортации территории - более 150 тысяч квадратных километров). Под определение тотальной депортации подпадают также еще три народа - финны, корейцы и турки-месхетинцы.

Самой ранней тотальной депортацией в СССР стала высылка корейцев (1937), все остальные проводились в суровые военные годы и носили, с точки зрения субъекта депортации, или «превентивный» характер, как в случаях с немцами или финнами (1941), или характер «возмездия», как в случаях карачаевцев, калмыков, ингушей, чеченцев, балкарцев, крымских татар и турок-месхетинцев. Иными словами, мы имеем дело с крупным историческим феноменом, отстоящим от современности на внушительный срок в 70-75 лет.

Материальное увековечение памяти жертв этнических депортаций и освоение знаками мемориальной культуры территории бывшего СССР, на которой эти депортации осуществлялись, - относительно новый исторический феномен, насчитывающий самое большее два десятилетия. Насколько можно судить, самые первые памятники - крест в поселке Тит-Ары Булунского района Республики Саха (Якутия) и памятник немцам-трудармейцам в Нижнем Тагиле - появились в 1989-1990 годах, то есть уже в эпоху перестройки, но еще до распада Советского Союза.

Не забудем, что для трех народов - немцев, крымских татар и турок-месхетинцев - и годы перестройки, и постсоветский период продолжали быть временем борьбы за свою территориальную реабилитацию, то есть за возвращение в районы, откуда их депортировали: так что им было не до памятных знаков. Не до памятников долгое время было и чеченцам, поскольку Чечня и в 1990-х, и в 2000-х годах жила в состоянии войны.

Приходится говорить и о скудости, и об

очевидной неполноте имеющейся в нашем распоряжении информационной базы. Наиболее систематическим источником для нас послужили база данных «Памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР»[6] (БДМС), разработанная в рамках программы «Память о бесправии» музея и общественного центра имени Андрея Сахарова[7], а также проект «Виртуальный музей ГУЛАГа», выпущенный на DVD-носителе[8]. Еще один источник информации, на который мы поначалу возлагали надежды, - база данных «Места массовых захоронений и памятники жертвам политических репрессий» московского общества «Мемориал»[9] - сфокусирован исключительно на памятниках жертвам собственно ГУЛАГа.

Источниками дополнительной, а нередко и основной информации по различным депортированным народам для нас также служили Интернет-ресурсы. Весьма перспективным, но не привлеченным в настоящем обзоре инструментом мог бы оказаться и интеграл-анализ, сфера эффективной действенности которого (от 1990 года и до наших дней) весьма точно совпадает с интересующим нас периодом[10].

Работа носила кабинетный характер: за исключением мемориала в Карачаевске, автор не имел возможности увидеть вживую описываемые и анализируемые им памятники. Далее представлена краткая характеристика располагаемой эмпирической информации, которая систематизирована в разрезе отдельных депортированных народов, взятых в очередности их депортации.

Немцы

Говоря об увековечении памяти жертв депортации советских немцев, следует указать на три особенности. Первая - это относительно раннее возникновение этого явления (1990), вторая - обособление так называемых «трудармейцев»[12] в отдельную категорию (именно им посвящено большинство имеющихся на сегодня относительно крупных мемориалов). Наконец, третья особенность - непосредственным полем мемориализации служат места самих репрессий, а не места расселения перед депортацией. Это, несомненно, связано с тем, что массового возвращения из мест депортации в места довоенного проживания в случае немцев не было.

Первый из немецких памятников был открыт в сентябре 1990 года на Рогожинском кладбище в Нижнем Тагиле Свердловской области: его конкретный адресат - немцы-трудармейцы отряда 18-74 Тагиллага. Надпись на стеле (на русском и немецком языках) гласит: «Советским немцам - трудармейцам отряда 18-74 Тагиллага» (авторы В. Дан и Ю. Арльт)[13].

Вторым (4 мая 1995 года) был открыт «Мемориал трудармейцам, строителям БАЗа и БТЭЦ» - памятник трудармейцам отряда 18-74 в городе Краснотурьинске. Люди гибли здесь на строительстве Богословского алюминиевого завода и создаваемой при нем Богословской

ТЭЦ - объектов, совершенно чудовищных по условиям жизни и труда, а соответственно, и по уровню смертности. Сам памятник оформлен как некрополь: общий крест, могильные таблички с 1309 именами погибших (авторы В. Никушин, И. Вайс, Н. Плюснина) и надписи на плитах на немецком и русском языках.

В 2000-е годы по инициативе настоятеля костела, отца Вильгельма Палеша, был создан проект строительства мемориального комплекса в память немцев-трудармейцев (скульпторы Винценс Шнайнер, Александр Волков) в ограде храма Непорочно зачатия пресвятой Девы Марии. Под символическим алтарем памятника замурована капсула с останками, взятыми из братского захоронения трудармейцев.

Наконец, третьим, и, наверное, самым крупным мемориалом в память о трудармейцах, стал памятник в Челябинске - гранитная стела с крестом и надписью «Здесь покоятся с Богом трудармейцы - жертвы сталинизма». Первоначально этот монумент находился на мемориальном кладбище, созданном еще в 1989-1990 годах по инициативе немецкой общины Челябинска (По инициативе активистов Немецкого культурного центра - составитель) на месте реального кладбища немцев-трудармейцев, строителей Челябинского металлургического завода. Позднее кладбище было заброшено (оно находилось в труднодоступном и удаленном пригороде), а памятный знак неоднократно разрушали местные вандалы. Со временем мемориал «утратил» железный крест и пришел в запустение. Именно поэтому его перенесли в ограду католической церкви в Челябинске и 18 сентября 2004 года торжественно открыли еще раз.

В сущности, памятник был не отреставрирован, а сделан заново: теперь он представляет собой терновый венец - чугунную колючую проволоку диаметром 5 метров, в центре круга фигура Спасителя, у основания - как бы под алтарем - заложена капсула с останками безымянного трудармейца (алтари издревле ставили на костях мучеников). За спиной Иисуса, на шестиугольной конструкции из стен, облицованных красным гранитом и конструктивно напоминающих трудармейские бараки, надпись: «Я живу, и вы будете жить». В то же время фигура Христа выражает не скорбь, а надежду, оттеняя тем самым идею мемориала: мучения невинных людей не были напрасны, покуда жива память о них [14].

Отметим, что текст на одной из плоскостей

памятника подчеркивает «интернационализм» судьбы трудармейцев:

«Памяти десятков тысяч немцев и граждан других национальностей, умерших от голода и непосильного труда на строительстве Челябинского металлургического комбината, посвящается. 1942-1945 гг.»

Кроме того, по данным музея имени Андрея Сахарова, памятники или памятные знаки российским немцам - жертвам политических репрессий имеются на Левашовском мемориальном кладбище в Санкт-Петербурге[15], в городе Прокопьевске Кемеровской области и в городе Юрге Кемеровской области, где на территории бывшего немецкого кладбища открыт мемориальный комплекс ссыльным немцам с надписью на двух языках: «Вечный покой на земле, для вас чужой»[16]. Шаги к увековечению памяти депортированных немцев предпринимаются также в Ставрополе, Соликамске и Магнитогорске[17].

По информации Виктора Кригера, память о депортации запечатлена и в сельской местности. Так, в некоторых крупных немецких селах на севере Казахстана (в частности, в селе Ивановка Семипалатинской области[18]), в Омской области и на Алтае в те же 1990-е годы были впервые сооружены памятники односельчанам, погибшим во время депортаций.

Вместе с тем симптоматично, что в Поволжье - ареале преддепортационного расселения советских немцев, как и в областных центрах, Саратове или Волгограде, - нет, по данным Кригера, ни одного памятника или хотя бы памятного знака, посвященного депортации почти полумиллиона человек![19]

Этого не скажешь о Германии, где в последнее время - усилиями землячества бывших советских немцев и при государственной поддержке - такие памятники стали возникать. В частности, это памятные знаки в городе Нинбурге под Ганновером или в берлинском районе Марцан, где 12 октября 2002 года был открыт памятник «Немцам, пострадавшим в СССР при сталинском режиме. 1942-1955» (скульптор Якоб Ведель, родом из Киргизии, с 1988-го живет в Германии)[20].

Кроме того, немцев не забывают и в Крыму, откуда их также депортировали. Надо сказать, что появление памятников, посвященных сразу нескольким этническим группам, подвергшимся депортации (пусть даже и в разное время), становится все более и более типичным для Крыма.

1) Автор благодарит Софи Турнон (Париж) за инициацию этой работы, а также Владимира Бобровникова, Виктора Кригера, Александра Осипова и Ирину Флиге за предоставленные эмпирические сведения. Некоторые подступы к теме см. в статье: Polian P., Tournon S. Conclusion. Des deportations et de leur mise en memoire. Quelques elements pour conclure // Campana A., Dufand G., Tournon S. (Eds.). Les Deportations en heritage. Les peuples reprimés du Caucase et de Crimee hier et aujourd'hui. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2009. P. 205-224.

2) Из поэмы Семена Липкина «Техник-интендант».

3) Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы / Сост. С. Алиева. М.: Инсан, 1993. Ч. 1. С. 310.

4) Вольтер Г. Немец - значит, виноват // Так это было... С. 160.

- 5) Термин «административный» здесь употреблен в соответствии с советской, а не мировой практикой.
- 6) См.: www.sakharov-center.ru/projects/bases.
- 7) К сожалению, сайт программы долгое время находится на реконструкции, и, возможно, мы смогли воспользоваться не всеми ее ресурсами.
- 8) Речь идет о втором выпуске (СПб.: НИЦ «Мемориал», 2009), прежде всего разделе «Некрополь террора». См. также: www.gulagmuseum.org.
- 9) См.: www.memo.ru/memory/martirof/index.htm.
- 10) См.: Integrum: точные методы и гуманитарные науки / Ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава. М.: Летний сад, 2006.
- 11) БДМС. Источник сведений - П. Размазин. Сведений об авторах памятника нет.
- 12) См.: Полян П. Не по своей воле. М., 2001.
- 13) См.: Кириллов В. Советские немцы в Тагиллаге. Репрессии против советских немцев. М., 1997.
- 14) См. репортажи об открытии памятника: Гартман В. «Я живу, и вы будете жить...» В Челябинске открыли памятник-мемориал трудармейцам // Московская немецкая газета. 2004. № 20. 14 октября (www.ru.mdz-moskau.eu/index.php?date=1097748827); Садчикова Л. «...И вы будете жить!» // Челябинский рабочий. 2004. 21 сентября (www.chrab.chel.su/archive/21-09-04/2/A120981.DOC.html).
- 15) Расположено по адресу: станция «Левашово», Горское шоссе, 135.
- 16) В данном случае упоминание о «чужой земле» - исключение из общего правила! - объясняется тем, что памятник установлен по инициативе землячества бывших юргинцев, выехавших в 1990-х на «историческую родину» в Германию (сообщено Ириной Флиге).
- 17) См.: Гринимаер В. Памятник нужен, но прежде нужна память // Московская немецкая газета. 2007. № 13. 23 сентября (www.ru.mdz-moskau.eu/index.php?date=1190576892).
- 18) См.: Krieger V. Deutsche aus Ru?land gestern und heute. Volk auf dem Weg. Stuttgart, 2006. S. 25 (www.wolgadeutschen.narod.ru/krieger/VadW_Zwischen_den_Kulturena.pdf).
- 19) Сам Виктор Кригер объясняет это недостаточной инициативностью современных немцев (<http://wolgadeutschen.borda.ru/?1-5-0-00000006-000-0-0>), но дело скорее всего в их крайне невысоком лоббистском потенциале в нынешнем Поволжье: здесь по-прежнему «боятся» их возвращения и связанных с этим проблем.
- 20) Автор памятника - скульптор Якоб Ведель (www.ornis-press.de/symbol-der-sehnsucht.80.0.html).

Журнальный клуб «Интелрос». «Неприкосновенный запас» №3, 2010

http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6960-uvekovechenie-pamyati-o-deportirovannyx-delo-ruk-samix-deportirovannyx-zametki-o-memorializacii-totalnyx-nasilstvennyx-migracij.html

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы по традиции считаем, что государственные органы всегда действуют в интересах государства. Но государственные служащие люди со своими взглядами, своим пониманием государственных интересов. В нашем случае, у них может быть своя позиция на такую животрепещущую, чувствительную сферу как национальные отношения. И в итоге что мы получаем: если в государственных интересах восстановить справедливость, законные права репрессированных народов, то чиновник может не торопиться с реализацией этого государственного интереса. И что самое печальное, эта позиция может быть корпоративной позицией действующих властных элит. Вот и получается, что сегодняшней властной элите не хватает компетентности, понимания, смелости, чтобы решить застарелую национальную проблему российских немцев. К сожалению, эта позиция находит понимания у некоторых слоев нашего общества.

Мы все привыкли считать, что репрессии по национальному признаку проходили только в период Великой Отечественной войны. И думаем, что с окончанием войны, все вошло в норму. Это глубочайшее заблуждение укоренилось в сознании миллионов россиян. Да и как может быть по-другому: в учебниках о национальных репрессиях молчок, политики тоже молчат, государственные чиновники проходят мимо печальных дат народов бывшего Советского Союза.

Разве можно удивляться, что интернет переполнен статьями с рассуждениями о том, что были народы - предатели, хотя государство официально признало все репрессивные акты против народов СССР преступными и противозаконными. В обществе продолжает господствовать мнение, что нет дыма без огня.

Надо признать, что фактически ущемление прав людей по национальному признаку в какой-то мере оно продолжается и сейчас. Но никто этого не хочет замечать.

**БУДУЩЕЕ
У НАРОДА ЕСТЬ
И ОНО В ЕГО РУКАХ**

Так все же каков будет ответ на главный исторический вопрос - останутся ли немцы в числе народов России?

Подготовка этой части серии позволила мне ощутить силу духа нашего российского немецкого народа. Так получилось, что в нашем государстве было сделано все, чтобы нынешнее поколение россиян, с немецкими корнями, об этих корнях ничего не знало. Из официальной истории государства народ вычеркнули и, если у кого-то когда-нибудь возникнет мысль узнать что-то о немцах России, то этого узнать негде.

Память. Это единственное, что сейчас позволяет немцам России не раствориться в многонациональной Родине. Бережно сохраняемые в семьях материальные свидетельства своих немецких корней: фотографии, вышивки, какие-то тряпочки, безделушки, которые напоминают о прабабушках и прадедушках, устные рассказы и воспоминания, которые передаются внукам и правнукам. Вроде все это не серьезно, как-то мелковато, но именно эта связь оказалась самой крепкой, именно эти «мелочи» скрепили народ, сохранили его силу, его гордость и его дух.

Семья сохранила, а наши дети продолжают гордо нести честь народа, память о котором они берегут в своем сердце и, можете быть уверенными, они передадут ее, как эстафету, следующим поколениям.

Немцы останутся в семье народов России.

Мария Мнякина

ДЕНЬ ПОБЕДЫ...

День Победы... Нынешнее поколение людей видит этот праздник иначе, чем те, кто в своё время пережил ужасы Великой отечественной войны. Для многих это уже просто красный день календаря, для кого-то - «радость со слезами на глазах»... У каждого ветерана своя история. И не только у тех, кто сам был на фронте, есть что нам поведать. Так, например, Зальман Юрий Карлович, мой дедушка, не брал в руки оружия. Он родился 3 декабря 1925 года и был очень молод, когда началась война. Но причина даже не в этом. Ему и, прежде всего, его большой семье пришлось немало пережить, ведь у них была немецкая фамилия. Не имело значения то, что по до-

кументам все члены семьи были русскими, никто из них не выступал против советской власти и не поддерживал нацистских лозунгов. Совсем наоборот. Но если фамилия немецкая, значит - враг...

Семья Зальман жила в Подмосковье, в г. Клин. Зальман Карл Францевич, мой прадед, был талантливым стеклодувом, изобретателем, отцом шестерых детей. С началом войны размеренная семейная жизнь сменилась постоянными переездами с места на место из-за преследования со стороны властей. Но репрессии избежать не удалось. Карл Францевич был сослан вместе с женой в Казахстан и умер, не выдержав трудовармейского режима.

Семья Зальман.
Внизу слева - Зальман Юрий Карлович (здесь ему 3 года).

Фактически семья оказалась разбросанной по Советскому Союзу.

В Челябинск попал только мой дедушка. На тот момент у него не было даже паспорта, и при решении вопроса о национальности смотрели только на фамилию. Так Юрий Карлович стал трудармейцем и оказался на производстве ЧМЗ. Жил в бараке, ел мало, работал много. Исправность в работе и спасала, поскольку отношения с начальством и с коллективом во многом зависели от этого. Хотя были и аресты, и отстранения, за малейшее непослушание отправляли за колючую проволоку. Но постепенно гнёт снижался, трудовой авторитет тоже приходился кстати. Однажды навестить дедушку приезжала его мать, но, чтобы её встретить, нужно было получить раз-

решение. Дедушка хотел поменяться сменой с товарищем, но начальство не соглашалось. «Почему не отпускаете? Всё равно ведь не приду!» - заявил тогда Юрий Карлович. И не пришёл. Поехал на вокзал встречать мать. Потом, конечно, были разбирательства, выговор, но этим и обошлось. Всё-таки молодой, ценный работник.

В трудармии было немало таких, как дедушка, сосланных без видимых причин, только из-за фамилии или имени... Все были товарищами по несчастью. Они работали бок о бок с пленными немцами, финнами, которым приходилось ещё тяжелее. Со временем многие из них сумели вернуться домой. Дедушка остался на заводе, продолжая делать карьеру. Дослужился до начальника цеха и теперь часто ездил в командировки в Москву. Как-то раз, приехав в столицу, направился по служебным делам. Вдруг слышит голос: «Йоган!». Сначала не обратил внимания. И снова: «Йоган! Йоган!». Оглянувшись, увидел товарища по трудармии, немца, приехавшего в Россию уже туристом. Тот называл дедушку не Юрой, а Йоганом - на немецкий лад. Подбегает, говорит: «Йоган, помнишь Шеляпинск?» Хотя прошло уже много лет, узнали друг друга, разговорились. До сих пор, вспоминая те годы, Юрий Карлович называет всех трудармейских друзей по именам и фамилиям, помнит их должности, что они говорили, что делали. Тяжёлые воспоминания. Но дедушка часто о них рассказывает, не может не рассказать. Особенно в День Победы...

AUFSATZ ZUM THEMA «DER BEITRAG UNSERES VOLKES IM SIEG UBER DEN FASCHISMUS» («Вклад нашего народа в Великую Победу над фашизмом»)

Zum Andenken an meine Uroma Emma Lutzow, die die Tragedie der deutschen Volksgruppe durchgemacht hatte

«Eure Mission ist zu Ende...»

Ich habe meine Uroma nicht gesehen, sie hatte mir Wiegenlieder nicht gesungen. Ich habe aber über die Uroma Emma Justussowna Lützow von meiner Oma Nina Wladimirowna Lochtatschowa (Lützow) gehört, Fotos im Familienarchiv gesehen, Gemälde in Omas Haus an der Wand betrachtet. Vieles sagte mir in diesem Haus von der Uroma. Wenn meine Oma über ihre Mutter erzählt, dann wird es mir klar: Ich kann auf meine Uroma stolz sein. Das Schicksal der deutschen Minderheit in Russland war ihr nie egal. Sie kämpfte für den Wiederaufbau der Republik für die Russlanddeutschen an der Wolga. Der unglücklichste Moment in ihrem Leben war im Jahre 1989. Sie war als eine der aktivsten Mitglieder der Vereinigung «Wiedergeburt» in der Stadt Engels. Zusammen mit dem Herrn Groth, dem Vorsitzenden der Vereinigung «Wiedergeburt» wurde sie ins Gebietspartei-Komitee in Saratow eingeladen. Ich habe ihr Tagebuch gelesen. Die Uroma schrieb in ihren Erinnerungen: «Es ging um die Probleme der Russlanddeutschen an der Wolga. Die Parteifunktionäre an der Spitze mit K. Murenin saßen im Präsidium. Die Vertreter der russlanddeutschen Vereinigung saßen abseits. Man hörte im Präsidium die Stimmen: «Wozu brauchen wir diese Deutschen?», «Sie haben unsere Väter getötet!», «Es wird hier wie in Karabach!» Sie schrien, tobten und schimpften zwei Stunden lang, ohne uns zu bemerken. Ich fühlte mich schlecht. Groth durfte kein einziges Wort sagen. Ich verstand, nie wird es die Autonome Republik für die Deutschen in Russland geben. Ich weinte bitte. Wenn man uns hier, in Russland nicht braucht, wohin sollen wir uns begeben? Ausreisen, nach Deutschland, in die Heimat meiner Vorfahren? Was tun? Im Jahre 1993 bin ich nach Deutschland ausgewandert. Mein neuer Wohnsitz blieb mehrere Jahre die Stadt Brandenburg».

Die Uroma ist im Jahre 2005 gestorben. Ihr Grab ist auf dem Friedhof in Brandenburg. Meine Oma fährt jedes Jahr dorthin und pflegt die letzte Ruhestätte der Uroma Emma. Ich möchte auch einmal dahin kommen und die Blumen auf ihr Grab hinlegen. Ich bin ihr Nachkömmling, ich bin halb Russlanddeutscher, väterlicherseits. Ich soll daran denken, nie vergessen, wie viel Schmerzen, Not, Elend, Unglück meine Uroma und mein Urgroßvater wegen ihrer deutschen Angehörigkeit gelitten hatten. Die Uroma ist und bleibt für mich als Vorbild eines standhaften und echten Menschen.

Sie wurde im Dorf Enders (heute Ust - Karaman) geboren. Ihre Eltern waren Lehrer.

Der Vater starb früh. Ihr ältester Bruder absolvierte die pädagogische Fachschule und arbeitete im Dorf Orłowskoje. Die Mutter zog mit der Tochter zu seinem Sohn um. Das Leben war damals an der Wolga gut. Es ging allen gut. Kinderjahre an der Wolga waren die glücklichsten Jahre in ihrem Leben.

Da kam der Krieg 1941. Emma Lützow wollte sich freiwillig an die Front anmelden. Man sagte aber «Nein!» Der August 1941. Der Ukas über die Aussiedlung der Deutschen. Emma Lützow war damals 16 Jahre alt. Sie absolvierte die neunte Klasse. An die späteren Ereignisse erinnerte sie sich mit den Tränen an den Augen. Ich lese in ihrem Tagebuch: «Wir waren auf dem Feld. Es war die Erntezeit. Da kam ein Mann und sagte: «Schluss mit der Arbeit! Eure Mission ist zu Ende! Fahrt nach Hause zurück! Euer Haus ist jetzt Sibirien». Wir hatten Angst gekriegt. Wir haben nichts verstanden. Erst zu Hause erfuhren wir vom Dekret vom 28. August 1941. Wir dachten, man vertreibt uns wegen der Sprache. Wir dachten nie, dass wir als Feinde auf einmal geworden sind.

Am nächsten Tag sollten wir unser Dorf verlassen. Wir hatten nur das Nötigste mit. Es gab keine Autos, keine Pferde, es gab nur Bullen. Es war die Nacht. Wir gingen zu Fuß. So kamen wir nach Saratow. Wir warteten am Wolga-Ufer auf einen Schleppkahn. An der Station Anissowka verlud man uns in die Viehwagen. 120 Menschen in einem Waggon. Es gab kein Essen, kein Wasser. Schon in dem Zug begannen die Menschen zu sterben. Das waren hauptsächlich die Kinder und die schwachen Alten. In einem Monat erreichten wir Sibirien, die Station Tschulym. Es schneite. Im August war es an der Wolga heiß, es war gute Obst- und Gemüseernte.

Unsere Familie wurde ins Dorf Morkowna Griwna gebracht. Alle Einwohner des Dorfes kamen aus ihren Häusern, um zu sehen, wie die Deutschen waren. Sie wunderten sich, als sie uns sahen. Nichts Besonderes. Menschen wie Menschen. Sogar besser gekleidet als sie. Die meisten unter uns sahen intelligent aus. Ohne Schwänze und Hörner. Wir waren hungrig. Die Kinder weinten. Mein Bruder kannte Russisch und bat für uns um das Essen. Die Einwohner brachten uns Kartoffeln.

Im Haus, wo wir Unterkunft hatten, wohnten fünf Menschen. Wir waren zu sieben. Wir wohnten im Raum mit 9 Quadratmeter. Wir legten uns auf dem Fußboden. Man brachte für uns einen Ofen. Man nannte ihn «Burshuijka». Wir heizten ihn und kochten darauf. Es gab Kartoffeln, rote Rüben, Kohlrüben. Mehr nichts.

Im Februar wurden die Männer in die Trudarmee einberufen. Keine Frauen. Im Winter gingen wir auf die Felder und gruben Kartoffeln unter dem Schnee aus. Im Frühling 1942 setzten die Kartoffelschale in den Boden ein, es gab später eine gute Kartoffelernte. Die Einwohner des Dorfes Morkowna Griwna retteten uns das Leben. Die Menschen waren gutherzig. Ich bin ihnen sehr dankbar.

Dann waren die Frauen an der Reihe. Die Trudarmee wartete auf sie. Ich war in der Stadt Sysran. Ich war beim Flößen. Es waren über 700 junge und alte Frauen. Wir wohnten in den Baracken hinter dem Stacheldraht. Der Arbeitstag dauerte 12-14 Stunden. Früh morgens aufgestanden, spät abends zurück, in die Baracken. Wir kamen schon ganz ermattet. Unsere Arbeitskraft war billig. Und das war eines der Ziele der ethnischen Deportation. Das Land brauchte diese billigen Arbeitshände, ungeachtet was man von Beruf war. Die deutschen Frauen arbeiteten fleißig. Sie waren verantwortlich und diszipliniert, obwohl die Arbeitsbedingungen unmenschlich waren. Die Industrie brauchte nicht nur Metall, sondern auch Holz. So leisteten die russlanddeutschen Frauen ihren großen Beitrag zur Volkswirtschaft und zum Wiederaufbau der UdSSR nach dem Krieg.

Es waren unter uns Frauen, deren Kinder irgendwo geblieben waren und sie nicht wussten, was und wie es ihnen ging. Man band die Mutter mit einem Strick an den Schlitten an. Die wollte zu ihren Kindern zurück, sie schrie, weinte, der Strick ließ sie aber nicht frei». Viele Frauen verloren danach ihren Verstand. Sie schrien Tag und Nacht und riefen ihre Kinder. Sie bastelten Puppen aus der Strickjacke und wogen sie.

Wir hatten nicht immer Kleidung und nahmen sie von den Gestorbenen weg. An den Füßen hatten wir Tschuni, d.h. die Sohle war entweder aus Holz oder Reifen, und oben ein Stück Zelltuch. In der Banja waren wir ein Mal in zwei Monaten. Viele hatten Läuse.

Wir standen den ganzen Tag im Fluss und fangen das Holz und luden in die Waggon. Es war harte Arbeit, denn die Norm war groß. Das Essen jedoch sehr armselig. Wenn wir mit der Norm nicht fertig waren, bekamen wir keine 200 Gramm Brot. Dort, wo wir wohnten, gab es sogar keinen Küchenraum. Es gab nur trockene Ration. Für einen Monat gab man 1 kg 200 Gramm Grütze, 400 Gramm Fleisch aus. Wir bekamen sogar diese Ration nicht. Wir starben langsam aus. Etwa 60 Menschen in einem kleinen Wohnraum mit vierstöckigen Pritschen. Die Ratten liefen in der Baracke hin und her. Sie suchten nach schwachen Körpern und fraßen sie noch am Leben auf. Man hörte, wie sie diese Menschen auffraßen. Bis heute höre ich es noch. Ich habe vor Mäusen große Angst. In der Baracke war es sehr kalt und die Decke war im Reif. Wir wollten heimlich Spänchen für den Ofen bringen. Der Wächter fand sie, nahm weg und rief: „Alles weg! Ihr sollt alle wie Hunde zu Grunde gehen! Keiner kommt lebendig heraus!“ Es gab kein Wasser. Der Hydrant fror zu. Man aß Brot halb mit Schnee. Wir wurden geschlagen, betrogen, bestohlen, man ließ uns oft hungern und frieren. Und da war noch ein Wunder, warum ich am Leben blieb. Mit uns zusammen arbeiteten die deutschen Gefangenen- Sie waren Tischler und bauten Häuser. Sie brauchten eine Dolmetscherin. Ich wurde für diese Arbeit gewählt.

Die Deutschen gaben mir Brot und anderes Essen. Sie dachten, ich sei eine Alte. Und als der Frühling kam, nähte ich mir ein Kleid aus Servietten und bastelte Zelltuchhausschuhe. Dann wunderten sie sich, ich war noch so jung! Es ist schade, dass ich mich an ihre Namen nicht erinnern kann. Wie dankbar bin ich ihnen! Und doch die ersten Jahre des Krieges spielten ihre negative Rolle. Ich wurde schwach und hatte mehr keine Kraft zu arbeiten. Ich wurde krank. Wegen der Gesundheit wurde ich im Herbst 1944 aus der Trudarmee freigelassen.

Ich fuhr nach Hause und kam mit großer Mühe durch. Ich dankte dem Offizier, der mir unterwegs geholfen hatte, sonst hätte ich heute nicht mehr gelebt.

Ich war in meiner Familie. Wir wohnten in einer Erdhütte. Als der Bruder zurückkam, baute er ein kleines Haus. Hier blieb ich nicht lange. Ich fuhr u meiner Schwester in die Altai-Region. Im Dorf Kossicha lebte ich 10 Jahre, heiratete, hier kamen zwei Kinder, Nina und Juri, zur Welt. 1953 durften wir unseren Wohnort wechseln, aber es war verboten, an die Wolga zu fahren.

Längst ist schon der Krieg zu Ende. Aber, Heimat, wo bleibst du?

Dürfen dennoch dich nicht sehen. Der Ukas lässt das nicht zu.

1956 fuhren wir nach Kasachstan. Meine Tochter beendete dort die Mittelschule und 1966 wurde Studentin an der pädagogischen Fachschule in Slatoust, an der Fakultät für Kunst. Ich träumte davon, um an der Kunstakademie zu studieren. Meine Träume verwirklichte meine Tochter. Nina ist Verdiente Künstlerin der Russischen Föderation.

Wie war es nach 1976? Ich fuhr aus Kasachstan an die liebe Wolga in die Stadt Engels, die frühere Hauptstadt der Wolgadeutschen, zurück. Dort lebte ich bis 1993.

Es gibt einen Tag, der vieles verspricht:

Schaffenserfolge der Wünsche, Erfüllung der Träume- Nur nichts versäumen, nur nichts versäumen! Es gibt diesen Tag- wir zahlen die Schulden Und helfen den Nächsten freiweg und geduldig, bewältigen mühelos Kummer und Sorgen... Es gibt diesen Tag- wir nennen ihn MORGEN!

Meine Uroma war nie pessimistisch und schaute mit großer Hoffnung für die Russlanddeutschen. Ihr Leben ist dafür ein Beweis. Nichts konnte sie ruinieren, weder Hunger in der Trudarmee noch die Jahre des bitteren Kampfes um die Wiedergeburt der Wolgadeutschen Republik. Wohin auch der Zug sie brachte, fern von ihrer Heimat, hinter Stacheldraht verstaubt, von Rotarmisten bewacht, wo die Flucht ihr das Leben kosten konnte. Mit der Wolga war ihr Leben lange Zeit verbunden. Glückliche und traurige Jahre. Schön wäre es an der breiten Wolga, wenn der Hunger nur nicht wär! Sie klagte darüber aber nie! Viele Frauen waren an der Wolga beim Flößen gestorben. Von vielen findet man heute kein Grab. Und nur ein Gedanke ging ihr in

der Kriegszeit durch ihren Kopf: Ewig kann der Krieg nicht sein! Und dann werde froh ich sagen: Heimat, du bist wieder mein!

2005 starb Emma Lützow in Brandenburg. Nicht am Wolgastrand ist ihr Grab. Nicht dort, wo ihre Kindheit blühte wie der schönste Blumenstrauß. Nicht dort, wo ihr Elternhaus war, wo sie geboren wurde, wo ihre Wiege stand. Sie fand ewige Ruhe im Heimatland ihrer Vorfahren. Auf dem Friedhof ihrer Ur-Ureltern ist sie begraben, wo stets die Lerchen trillern im Blau und Sonnenschein.

Alexander Lochtatschow,
13 Jahre alt, Klasse 6. Schule Nr.10 Slatoust

Nina Wladimirowna Lochtatschowa,
Künstlerin, 62 Jahre alt, Firma «LIK», Slatoust

Polina Lochtatschowa,
9 Jahre, Klasse 2. Schule Nr.10 Slatoust

Алла Лосина

«Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ВЕРНУСЬ!»

«Я обязательно вернусь!» - это были последние слова, которые мой дед Теодор Грюнке сказал плачущей бабушке Иде Карловне, и его увезли навсегда... Папа его почти не помнил. Так получилось, что у меня не было деда: мамин отец умер, когда она была ребенком, и папиного не знала, но до седьмого класса верила, что он вдруг найдется. Потом родители объяснили, что получили уведомление о том, что дед скончался от воспаления легких на Сахалине, куда его сослали в 1941 году.

Все годы Великой Отечественной войны бабушка провела в трудовой армии - вместе с такими же немецкими женщинами рыла окопы. Семилетнего папу оставила у русской соседки. Соседка, видимо, была хорошим человеком: папа был одет, обут, от голода не умер. Однажды соседка делила семечки, которые ей дали как премию, между своими детьми. Папа тоже подставил ладони, но его обошли. У меня всегда выступали слезы, когда он это рассказывал - я представляла ребенка с пустыми ладошками... Но папа говорил, что обиды не было: тот паек, который ему полагался, он получал, а семечек ему не полагалось...

После войны бабушка забрала папу, и им было предписано жить на Урале; там, в городе Миньяр, выделили комнату в общежитии. С 14 лет он стал работать, в вечерней школе окончил «десятилетку», поступил в институт, научился играть на баяне, приобрел много друзей - он всегда говорил, что отношение к людям тебе зависит от тебя самого.

После войны, когда почти в каждой семье были погибшие, папа старался десятикратно добросовестно работать, помогал инвалидам, вдовам, старикам. Бабушке всегда говорили, какой у нее замечательный сын. Со временем в их комнатке стали собираться друзья. Бабушка знала три языка, играла на гитаре,

пела старинные русские романсы. Папа под баян пел военные песни. Он не чувствовал себя изгоем - всегда говорил, что русские люди даже в психологически тяжелые послевоенные годы понимали, что есть немцы, и есть фашисты.

В нашей семье никогда не было обиды на страну - за деда, за трудовую армию. Было понятно, что в военное лихолетье тяжело было всем. Бабушка рассказывала: «Хлеб в трудармии давали только вечером. Разломишь его пополам - одну часть сейчас же съешь, а другую на утро оставишь. Но нет же: не уснешь, все думаешь, что под подушкой еще кусочек. Так ни разу до утра хлеб и не долежал». Похожую историю мне рассказывали ветераны авиационного завода, которые подростками, чтобы быть выше, подставляя ящики, работали у станков, спали в цехах и тоже не в силах были оставить хлеб до утра...

И саму высылку немцев подальше от линии фронта тоже можно понять. У нас в семье это понимали. И никогда у родителей не было желания уехать из России в Германию. Я выросла очень патриотично настроенной, с пониманием того, что в истории моей Родины были разные страницы.

Очень рада, что в Энгельсе открыт мемориал в память о депортации 1941 года, и, пожалуйста, не сердитесь по этому поводу те, кому война принесла слезы и горе, - не надо эти два факта смешивать. Открытие мемориала я бы не назвала, как называют многие, искуплением или признанием вины за депортацию 1941-го. Я, думаю, это не вина была, а вынужденная мера. Открытый мемориал - память о военном времени, о конкретном историческом событии, это возможность положить цветы всем тем живущим в Саратовской области немцам, кто, как я, не знает, где могилы родных...

«WIR SIND RUSSLANDDEUTSCHE, WIR LEBEN IN RUSSLAND» МЫ – РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ, МЫ ЖИВЕМ В РОССИИ!

Расскажите о том, как ваша семья попала в Россию. Что вы думаете о Родине? Что для вас Родина?

Die Geschichte meiner Familie gehört sowohl zur russischen (mütterlicherseits) als auch zur deutschen Geschichte (väterlicherseits). Woher kommen meine deutschen Wurzeln, kann ich leider nicht genau sagen. Ich habe von meiner Oma Nina Wladimirowna Lochtatschowa gehört, dass unsere Vor-Vorfahren vielleicht im 18. Jahrhundert in Russland siedelten.

Einmal kam in unsere Stadt Slatoust der Historiker Uwe Peter Böhm aus Deutschland. Er sammelte das Material über die deutschen Waffenschmiede, die im Jahre 1815 in Slatoust gesiedelt waren. Diese deutschen waren aus Solingen und Klingenthal. Meine Oma lud ihn zu Gast ein. Im Gespräch fragte der Historiker über Omas deutsche Wurzeln. Der Name von ihrem Vater Engelmann erweckte bei ihm kein Interesse, aber über den Namen von Lützwow sagte er, dass dieser Name sehr bekannt und mit der Geschichte der Staatsfahne Deutschlands eng verbunden ist. Der Kapitän von Lützwow ist im Jahre 1813 kämpfte mit seinen freiwilligen Studenten und Handwerkern bei Breslau zusammen mit russischen Soldaten gegen Napoleon. Ihre Jacken und Hosen war schwarz, die Knöpfe waren gelb und die Hosenstreifen waren rot. Sie kämpften für die Freiheit und Einheit und hatten Erfolg. Zum Andenken an diese tapferen Kämpfer wurde 1816 eine schwarz-rot-gelbe Fahne genäht. 1830 war das Fest Hambacher, die Kolonne mit 30 Tausend Menschen trug diese Fahnen. Dieses Fest war der Anfang der Revolution 1848. Seit dieser Zeit wurden drei Farben für die deutsche Fahne offiziell. Nach der Revolution 1918 wurden sie zu nationalen Farben der Deutschen in Weimarer Republik und bleiben auf der Fahne nach 1945 vielleicht für immer.

Ja, die Geschichte des Namens meiner Uroma und Oma ist wirklich interessant. Es war das Schiff „Von Lützwow“, es gibt Lützwow-Strasse und Lützwow-Platz in Berlin, es gibt die Stadt Lützwow im Norden Deutschlands. Dieser Name ist auch mit Mozart und Salzburg eng verbunden, weil Graf Lützwow Kommandant der Burg Hohensalzburg war, und die Gräfin Lützwow war die Nichte des Bischofs. Sie war mit der Kaiserin Maria Teresia und dem Kaiser Franz verwandt. Meine Oma las darüber im Buch über Mozart. Es ist nicht ausgeschlossen, dass der Name meiner Uroma und Oma mit den Vorfahren von großen Lützwow verbunden ist.

In der Geschichte habe ich gelesen, dass die Zarin Katharina II. 1762 ein Manifest erließ, in dem sie alle Ausländer einlud, sich innerhalb der Grenzen des riesigen Zarenreiches niederzulassen. Ich vermute, dass meine Vor-Vorfahren um diese Zeit nach Russland kamen, wo sie eine Reihe von Privilegien als Anreiz hatten. Sie kamen an die Wolga. Die ersten 30 bis 40 Jahre nach der Einwanderung waren für sie sehr hart. Es fehlte an allem, auch an landwirtschaftlichen Geräten, an Getreide-, Gemüse- und Obstsorten. Doch mit der Zeit kam die Erfahrung, man begann schon in den 30er Jahren des 19. Jahrhunderts in kleineren Fabrikanlagen und Werkstätten zu produzieren, die nicht nur die Bedürfnisse der Deutschen befriedigten. In den 1870er Jahren gab es starke Rückschläge, die dann wieder ausgeglichen werden konnten.

Einen Schlag erlitten die Russlanddeutschen im Ersten Weltkrieg, weil Deutschland und Russland gegeneinander Krieg führten. Der Weltkrieg und der Bürgerkrieg 1917-1919 brachten die deutsche Bevölkerung in Russland nicht nur an die Grenzen des wirtschaftlichen Ruins, sondern fügten ihr auch sehr große personelle Verluste zu. Die Uroma erzählte meiner Oma, dass meine Ur-Urgroßmutter Enders Emilia Karlowna (1886-1962) und mein Ur-Urgroßvater Justus Friedrichowitsch Lützwow (1889-1928) das Verbot der deutschen Sprache, Enteignungen und Verbannungen während des Ersten Weltkrieges und der darauf folgenden Schrecken des Bürgerkrieges erlebt haben. 1918 wurde eine «autonome Arbeiterkommune» an der Wolga gebildet. In unserem Familienarchiv gibt es ein Dokument, wo über meine Vorfahren folgendes geschrieben ist: das Dorf Ust-Karaman, April 1918, in der Familie sind 4 Arbeitskräfte, 2- untätig; es gibt ein Haus, einen Pferdestall, einen Speicher, eine Scheune, eine Sommerküche, 6 Hektar Ackerfläche, 1 Hektar Gartenfläche, 1 Hektar Gemüsegarten, 2 Pferde, 2 Kühe, Kälber -2, Ziegen-2, Schweine-1, Geflügel -18 Stück, 1 Pflug, 1 Mähdsche, 1 Klavier, 1 Sofa.

Lützwow Friedrich Dawydowitsch hatte im Jahre 1919 über 1000 Desjatin für den Tabakanbau und eine Scheune für den Tabak mit 300 Quadratmetern. Er bezahlte Steuern und diese Summe betrug 2500 Rubel.

Justus Friedrichowitsch Lützwow, 30, war im Jahre 1920 Schulinspektor im Rayon, hatte diesen Posten seit 1909. In der Familie sind 3 Personen, im Jahre 1921 - 5 Personen. Seit 1920 war Lützwow Ju. F. Instrukteur im Rayon.

1924 wurde die Autonome Republik der Wolgadeutschen ausgerufen. Es kam zu einem stürmischen, jedoch kurzen Aufschwung im Leben der deutschen Volksminderheit. Gleichzeitig mit dem Wachstum und den Wandlungen in der Volkswirtschaft begann sich auch die Kultur zu entfalten. Es gab deutsche Schulen, Hochschulen, Theater und auch einige Verlage.

1929-30 setzte Stalin die Enteignung und Verbannung sowie Zwangskollektivierung ein. Weil die Deutschen nach dem Ersten Weltkrieg 1914-1918 und dem darauf folgenden Bürgerkrieg durch die „Neue Ökonomische Politik“ wirtschaftlich mehr profitiert hatten als manche ihrer Nachbarn, traf sie diese Kampagne besonders

har. Mein Ur-Urgroßvater Justus Friedrichowitsch Lützow (1889-1928) wurde zum Opfer dieser schrecklichen Ereignisse.

Das Dorf Ust-Karaman war die Heimat meiner Uroma. Die Oma Nina Wladimirowna ist im Dorf Kossicha im Altai geboren. Ich habe mit ihr gesprochen, was für sie die Heimat ist. 8 Jahre in diesem Dorf bleiben für sie unvergesslich. Das ist ihr Dorf und dort sind ihre Einstämmigen, die in ganz Russland bekannt sind: der Dichter Robert Roshdestwenski und der Kosmonaut German Titow. Die Oma nennt dieses Dorf mit Stolz „meine erste Heimat“.

Nach 1956 wurde die Kommandantur für die Russlanddeutschen abgeschafft. Man durfte einen Wohnort wählen und umsiedeln, aber nicht an die Wolga. Ihre Eltern siedelten nach Kasachstan, wo auch die Uroma und der Uropa wohnten. Im Gebiet Tschimkent, im Dorf Wannowka verbrachte die Oma ihre Jugend. Mit diesem Dorf sind in Omas Leben viele Erinnerungen verbunden. Hier beendete sie die Mittelschule, hier war ihre erste Liebe, hier sind ihre Großeltern und ihr Vater begraben. Sie erinnert sich an die Atmosphäre in der Familie, dass man nur deutsch gesprochen wurde.

«Es ist sehr schade, dass ich damals meine Muttersprache nicht so gut gelernt hatte“, sagt sie. „Wir wollten Deutsch gut lernen, aber es gab keine Möglichkeit. Man fragte uns oft, ob wir Faschisten oder keine Faschisten sind. Ich konnte mir damals nicht vorstellen, dass ich einmal bedauern werde, dass ich die Muttersprache nicht gut kenne. Kasachstan wurde meine zweite Heimat. Und doch war ich gezwungen, dieses Land zu verlassen. Wegen dem Studium. Ich fuhr nach Tscheljabinsk und legte die Prüfungen an der Fakultät für Fremdsprachen ab, hatte aber Pech. Ich bestand die Prüfung in Deutsch nicht. Zuerst arbeitete ich in der Möbelfabrik und bereitete mich auf die Prüfungen vor.“

Das Schicksal aber brachte mir eine Überraschung. Ich erfuhr von einem bekannten Restaurator über die Eröffnung einer Kunst- und Graphikabteilung an der pädagogischen Fachschule in Slatoust. Bald wurde ich Studentin dieser Fachschule. Ich studierte und arbeitete an der Schule, unterrichtete die Kunst. Am Abend war mein Arbeitsplatz im Stadttheater, dort war ich Bühnengestalter. In der Stadt Slatoust heiratete ich, hier wurde mein erster Sohn Denis geboren. Vier nächste Jahre lebte meine Familie im Dorf Trawniki, nicht weit von Tscheljabinsk. Dort ist der zweite Sohn, Andrej, geboren. Ich arbeitete an der Dorfschule als Kunstlehrerin. Alles gefiel uns hier, die Natur und die Nachbarschaft besonders.

Ich erzählte den Schülern über die Künstler, las ihnen Märchen vor und wollte damit ihre Fantasie entwickeln. Wir malten oft im Freien, beobachteten die Natur in ihrer Schönheit zu verschiedenen Jahreszeiten und dann entstanden unwiederholbare Kinderzeichnungen, die ich nur bewundern konnte. Die Schüler mochten solchen Unterricht. Und wenn ich heute meine ehemaligen Zöglinge treffe, höre ich viele Dankesworte an meine Adresse.

Ich war aber den Gedanken an Slatoust nicht mehr los. Ich und mein Ehemann Alexander fassten den Entschluss, nach Slatoust zurückzukehren. Diese Stadt lag tief in unserer Seele. Wir sind Künstler, und so begann unser Schaffensweg im Maschinenbaubetrieb in der Werkhalle Nr. 16 für Gravürekunst. Das war mein Tätigkeitsfeld für mehrere Jahre, wo ich große Erfolge erreicht hatte. Im Jahre 1990 gründeten wir zu dritt: ich, mein Ehemann und unser Freund Grigorij Manusch die Firma «LIK» (Lochtatschow und Companie). Diese Firma ist jetzt nicht nur in Russland, sondern auch im Ausland sehr bekannt. Alle drei Gründer der Firma sind Verdiente Künstler der Russischen Föderation. Unsere Kinder, unsere Verwandten sind auch von der Gravürekunst stark begeistert. 5 Enkelkinder: Anna, Viktorija, Jekaterina, Alexander, Polina sind unser Schatz und zukünftige Künstler, denn alle sind mehr oder weniger in der Kunst begabt. Die älteste Enkelin Anna studiert die Kunst an der pädagogischen Fachschule, wo ihre Großeltern, Eltern studiert hatten.

Und du, mein Enkelchen, fragst mich, wo meine Heimat ist. Siehst du, die Heimat ist für mich, wo mein Zuhause ist, wo ich gerne arbeite, wo meine Kinder sind, wo meine Freunde und Freundinnen sind. Ich war in vielen Ländern. Ich fühlte mich dort wohl. Die Stadt Slatoust rief mich immer zurück. Diese Stadt ist meine echte und liebe HEIMAT geworden! Bist du, mein Enkelchen, mit der Antwort zufrieden?“

Ich bin auf meine Oma Nina Wladimirowna stolz. Sie ist nicht nur Verdiente Künstlerin der Russischen Föderation, sondern ein sehr guter Mensch, hilfsbereit, klug, tolerant, gutgerzig, freundlich. Und eine sehr gute Oma. Sie erzählt über ihr Leben oft und interessant. Und die Frage über die Heimat war für sie nicht so leicht zu beantworten. Sie ist in einer Stadt geboren, wuchs in einem anderen Ort auf, heiratete in der dritten. Einige Menschen bleiben ihr ganzes Leben lang in einem Ort. Omas Leben ist mit mehreren Städten verbunden und sie kann mit vollem Recht sagen, dass sie nicht eine Heimat, sondern mehrere Heimorte hat. Man sagt auch: „Die an allen Orten wohnen, sind an keinem zu Hause“. Das stimmt aber nicht immer. Meine Oma suchte nach ihrer Heimat. Und die Heimat suchte nach ihr. Sie ist jetzt in ihrer Heimat. In Slatoust. Und Slatoust ist stolz auf sie und ihre Taten.

Die Oma setzt ihre Erzählung fort: „Das Sprichwort „Wo die Mutter ist, dort ist die Heimat“ hat sie in ihrer Kindheit oftmals gehört. Meine Mutter, Emma Lützow, ist nach Deutschland ausgewandert, dort gestorben und in Brandenburg begraben. Ich halte aber Deutschland nicht für meine Heimat, obwohl ich mich zu meinen Vorfahren, die vor vielen-jahren nach Russland kamen, mit großer Achtung verhalte. Ich bin von Russland einfach begeistert. Die Kunst meiner Vorfahren, der Waffenschmiedern aus Solingen und Klingenthal ist in ihrer Heimat vergessen, und in Slatoust ist jetzt die Blütezeit für die Blankwaffe. Dazu habe ich auch meinen großen Beitrag geleistet. Der Höhepunkt in der Geschichte dieser Firma war die Herstellung reich geschmückter Blankwaffen für die Vertreter der Antihitlerkoalition zum 50. Jahrestag des Sieges über den Faschismus. Ein Schwert als Meisterwerk der russischen Gravurkunst wurde an die Präsidenten Clinton und Mitterand, an den Premier-Minister Meydsher überreicht und ein dazu passendes Schild ist heute im Moskauer Historischen Museum auf dem Poklonnaja-Berg zu bewundern. So konnte die Firma LIK mithelfen, ein Jubiläum von welthistorischer

Бedeutung feierlich zu begehen. In Russland zu leben und an die Wurzeln in Deutschland zu denken ist gar nicht schlecht. Beide Kulturen im Inneren fördern- doppelte Heimat haben! Hast du dir einmal darüber nachgedacht, welche Bedeutung der geographische Ort, an dem wir leben, für unser Schaffen hat? " fragte mich Nina Wladimirowna. «Wir leben an der Grenze Europas zu Asien und wollen nicht vergessen, dass nicht nur unsere Berge, sondern auch unsere Kunst eine Brücke zwischen diesen Kontinenten schlägt».

Mit großer Aufmerksamkeit nahm ich jedes Wort meiner Oma in mich auf, denn sie teilte mir etwas über ihr «Ich» und die künstlerische Wahrheit ihres Schaffens mit. Damit verschmelzen zwei Traditionen: die Stahlgravur ihrer deutschen Vorfahren und die Schaffenskraft unserer russischen Gravurmeister. Aus jedem Wort der Oma spricht die Liebe zu dieser Kunst. Diese bewährt sich auch in manchen schwierigen Perioden der letzten 15 Jahre, in denen die Firma LIK nicht nur in unserem Land, sondern im gesamten europäischen Raum eine sichere Position errungen hatte.

Sie könnte darauf stolz sein. Aber nein. Die Oma sagt mit Worten von Iwan Buschujew aus dem Drama von Konstantin.Skworzow: "Als du einen Hügel bestiegen hast, schau nicht nach unten hochmütig, als ob du schon selbst Gott geworden bist...Es gibt noch höhere Gipfel!" und sie setzt alle ihre Kräfte, ihren Verstand, ihr Herz und ihre Seele dem Dienst der Kunst. Sie denkt an die große Rolle der Kunst im Leben der Menschen: "Es ist nicht furchtbar, das Können jemanden in Bewunderung zu setzen, zu verlieren. Es ist furchtbar, das Können sich zu wundern, zu verlieren." Meine Oma mag Wunder. Und das Wunder ist für sie das Leben selbst und natürlich ihre große Heimat – Russland und die kleine Heimat- Slatoust.

Alexander Lochtatschow,
13 Jahre alt, Klasse 6
Schule Nr.10 Slatoust

Nina Wladimirowna Lochtatschowa
Künstlerin, 62 Jahre alt,
Firma «LIK», Slatoust

Polina Lochtatschowa,
9 Jahre, Klasse 2
Schule Nr.10 Slatoust
Gebiet Tscheljabinsk

**Ксения Черникова
из Сатки с любовью**

НЕМЕЦКАЯ ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ

Доехать из Челябинска в Сатку не просто с комфортом, а... с любовью. Такую услугу предлагают своим клиентам частные предприниматели супруги Бенгарт.

Челябинский автовокзал, 8.30 утра. Полусонные, замерзшие пассажиры мрачно подают контролеру билет, заходят в салон и не сразу понимают, куда попали. Они удивленно и пока несмело отвечают на приветствия и с любопытством оглядываются вокруг. Теплые пледы, игрушки для малышей, телевизор. И хозяйка Нарима... в форме стюардессы. «Во мне люди сами увидели стюардессу, - говорит Нарима Бенгарт. - Я вначале была без формы, сопровождала. Они меня все называли стюардессой. И я решила, раз пассажиры хотят меня видеть стюардессой, я буду».

Она даже рассаживает пассажиров не в салоне, а на борту. Обязательно спрашивает, как самочувствие, и просит не стесняться, если нужны лекарства. «Девочки едут, которые не покушают, на голодный желудок садятся,

начинает подташнивать, а у нас все есть, - рассказывает Нарима. - Я даже пассажирам говорю: «Если вы не позавтракали, не стесняйтесь, говорите мне, бутерброд всегда найдется».

Эту маршрутку Нарима с мужем Евгением купили восемь месяцев назад. Первое время ездили как все, а потом решили прислушаться к пожеланиям пассажиров: холодно, плохо встречают, не рассаживают по местам, поэтому поругаться все успевают еще до начала поездки. Пассажир Евгений Барыков отмечает: «Обычно едешь, все пассажиры сидят недовольные, кто-то выпивает... Немного раздражает. А тут и телевизор можно посмотреть».

За время пути до Сатки Нарима успевает показать своим пассажирам два фильма. Какие,

они выбирают сами, голосованием. А в благодарность за такое сердечное отношение дарят маршрутке мягкие игрушки и рассказывают о ней знакомым - сарафанное радио, как известно, работает быстрее любой рекламы. Такой

малый бизнес у супругов Бергарт, правда, пока не окупился, но зато на работу оба они ходят с удовольствием.

(2009)

«ЭДЕЛЬВЕЙС»

15 лет назад свой первый концерт дал тогда еще мало кому известный ансамбль немецкой музыки. Это было в старом здании музыкальной школы. Как сейчас вспоминают руководитель коллектива Р.А.Меньшенина, и его участники Л.И.Гончарук и Э.Г.Санейко, зал был переполнен. В октябре 1990 года ансамбль побывал на первых гастролях - на фестивале немецкой культуры в Алма-Ате. Более трех тысяч зрителей стоя приветствовали коллектив из Коркино, у которого еще не было названия. Только после года напряженного творческого труда В.Функ предложила дать ему имя нежного горного цветка «Эдельвейс». Сейчас в коллективе 12 представительниц прекрасной половины человечества и один мужчина - неугомонный ветеран-трудолюбивец, руководитель Коркинского немецкого культурного центра Александр Георгиевич Миллер.

Двенадцать лет назад Л.Я.Люст пригласили в коллектив его старожилы Л.Ф.Янцен и К.Х.Фукс. Лидия Яковлевна освоила шумовые инструменты и сейчас с удовольствием играет на металлофоне. В этом году отметили свое участие в «Эдельвейсе» И.В.Бейфус, И.Э.Кельм и И.П.Курникова. Уверенно влились в коллектив и новички - С.Б.Опарина, Л.И.Жданова и Н.Д.Гениберг.

И сейчас «Эдельвейс» продолжает активно гастролировать по городам России, о чем говорят афиши, собранные в коллективе. На них города - Челябинск, Южноуральск, Саратов, Златоуст, Маркс, Пермь. Коркинский коллектив желанный гость на многочисленных фестивалях и не только немецкой музыки.

В репертуаре ансамбля около сотни песен на немецком и русском языках. И хотя не все его участники имеют музыкальное образование, но они прекрасно исполняют все произведения. В этом большая заслуга бессменного руководителя ансамбля Розы Альвисовны Меньшениной.

Влечет в ансамбль, по единодушному мнению всех его участников, желание не только видеть (традиционно по понедельникам) ставших родными людей, но и любовь к немецкому фольклору.

Такова судьба, «Эдельвейс» постоянно обновляется: за 15 лет в Германию уехало 56 человек, когда-то певших в ансамбле. Но коллектив живет и будет жить, а значить немецкая музыка будет звучать на коркинской земле.

(2005)

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

О своем отце Иване Ивановиче Лауте рассказывает его дочь Татьяна

Мой отец Лаут Иван Иванович - согласно семейной родословной - Иван VII в роду Лаут. Предки приехали в Россию из Германии в 1766 году. По указу Ее Императорского Величества самодержицы Всероссийской Екатерины II получили в «вечное и потомственное владение» земли Саратовского наместничества с мельницей на левом берегу и пристанью на правом берегу речки Ахмат, притока Волги. Так как указанная мельница нуждалась в перестройке, а угодья пусты и обветшалы, то семье была выдана безвозмездно ссуда при условии, что в течение пяти лет все указанные работы будут выполнены. Известные всем национальные черты, такие как уважение к закону, трудолюбие, честность и преданность стране, в которой живешь, помогли семье Лаут, как и многим другим эмигрантам из Германии, пустить глубокие корни на российской земле и выполнить взятые на себя обязательства.

Все наши предки с того времени являются гражданами России.

...Августовским солнечным днем у раскрытого окна сидела молодая женщина, она была занята любимым делом - вышивкой. А мысли ее были далеко. 16-летний младший сын Ваня, только что окончивший 9 классов, в июле 1941 года по призыву ЦК ВЛКСМ вместе с тысячами советских людей ушел строить оборонительные рубежи под Смоленском и Вязьмой. Эта женщина была моя бабушка - Ольга Александровна Лаут.

Вдруг под окном раздались звуки шагов. Взглянув, бабушка обомлела - это был ее Иван, грязный, изможденный, напуганный и повзрослевший. От него она узнала о жестоких бомбежках, разрушениях, страшных картинах крушения поездов и гибели людей.

Осенью родители эвакуировали папу с московской родственницей Ирмой Иванов-

ной Марковой, дедушкиной сестрой, и ее сыновьями в Казахстан. Они уехали в Талды-Курганскую область, село Кзыл-Агач Канакпольского района. Город Михайлов Рязанской области, где остались родители папы, был оккупирован фашистами.

После победы под Москвой дедушку Лаута Ивана Ивановича выслали в Казахстан, а бабушку осудили на 10 лет как врага народа.

Выселяли немцев, как гласило Постановление ГКО от 10 января 1942 года, «в целях рационального использования немцев-переселенцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет». Немцев-переселенцев передали в распоряжение НКВД СССР для использования на лесозаготовках, строительстве заводов и железных дорог.

Гордый, независимый характер не позволил папе жить нахлебником в семье родственников. Закончил курсы трактористов, работал и активно участвовал в весенней посевной. Несмотря на это, 5 мая 1942 года Ивана и дедушку мобилизовали на строительные работы. Папа попал в трудармию при Челябинметаллургстрое, а дед трудился в г. Буинске Татарской АССР на строительстве железной дороги. И это несмотря на то, что дедушку совсем недавно, в апреле 1942 года, демобилизовали из-за многолетнего туберкулеза из стройбата г. Глазова Удмуртской АССР. Таким образом, семья была разрушена.

Что же такое трудармия? Как жили трудармейцы? Согласно упомянутому Постановлению были установлены «нормы продовольствия и промтоварного снабжения НКВД СССР для мобилизованных немцев по нормам, установленным ГУЛАГу». Помню, когда на обед дома готовили бульон, папа говорил, что воды он и в войну напился. Еще отец страдал сильными головными болями из-за серьезной травмы черепа. Он не любил вспоминать трудные времена, пережитые несправедливости и обиды. Но вот о том, как в зимнее время ночью волосы ледяной коркой примерзали к стене барака, и наутро приходилось отливать их теплой водой, он как-то раз мне рассказал. А у папы были мягкие волнистые волосы. Также из скупых его воспоминаний и рассказов других людей, переживших подобную судьбу, знаю, что трудармейцы жили в бараках, кишевших клопами и другими насекомыми.

В 1946 году принудительные работы для российских немцев отменили, но право перемещения по стране осталось под запретом. После демобилизации из трудармии в августе папа поступил в Челябинский электромеханический техникум. «Но ввиду тяжелых материальных и бытовых условий (не было общежития) был вынужден в начале октября учебу прекратить и переехать в г. Молотов на постоянное место жительства», - писал в автобиографии мой отец. Из Челябинска ему разрешили переехать в Молотов, потому что здесь жил его больной отец.

Он, как и всегда, не боялся любой самой тяжелой работы. Устроился кочегаром локо-

мобиля 1-го строительного участка Строительства № 31/38 МПС. И, не откладывая, стал готовиться к продолжению учебы. Несмотря на постоянное недоедание, усталость от тяжелой физической работы, он сумел наверстать то, что было забыто за шестилетний перерыв в учебе. Успешно сдал вступительные экзамены в Пермский железнодорожный техникум. Когда в архиве техникума я читала папино заявление с просьбой о зачислении, то с трепетом ощутила, какое волнение и тревогу испытывал 23-летний абитуриент,

который при этом оставался под надзором МВД. В его личном деле сохранились приказы, в которых Лауту И.И. не раз и не два объявлялись благодарности за отличную учебу.

Мое внимание привлекла справка, выданная взамен паспорта и разрешавшая проживание в общежитии техникума. В ней сказано, что она «действительна только в гор. Молотов» в течение одного года. Это означало, что человек находится на спецпоселении и не имеет права перемещаться без специального разрешения, а также должен регулярно отмечаться в спецкомендатуре. В личном деле отца, хранящемся в архиве МВД, я нашла заявления периода учебы в техникуме, адресованные в комендатуру, в которых он просит разрешения на прохождение летней практики, на поездку к родственникам во время каникул, в дом отдыха «Красный Яр» по путевке, которой его наградили за отличную учебу в 1950 году. Эти просьбы отца были удовлетворены, но каждый документ заканчивался словами, что «настоящее разрешение по возвращении к месту поселения подлежит немедленной сдаче в спецкомендатуру МВД». А вот на заявлении с просьбой разрешить поездку к родственникам за вещами уже после окончания техникума стоит отказ.

Каждый поселенец был обязан подписать документ, в котором его предупреждали, что он «оставлен навечно в местах обязательного поселения выселенцев без права возвращения на прежнее место жительства», а «за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения» будет «осужден на 20 лет каторжных работ». А возвращаться-то уже и некуда - все районы бывшей республики немцев Поволжья были включены в состав Саратовской и Сталинградской областей. А оставленные при выселении немцев дома, имущество давно распределены между людьми, охочими до чужого добра.

В 1951 году, окончив с отличием техникум, папа продолжил работать в строительстве № 31/38 Министерства путей сообщения. Сначала в должности строймастера, затем - начальника производственно-технического отдела, а с 1957 года - в должности главного инженера. За эти годы под его руководством построены жилые дома в поселке Комсомольском, подъездные пути к причалам грузового порта, вторые железнодорожные пути до ст. Шаля и 12-квартирные жилые дома в Краснокамске.

Работу папы ценили, отмечали благодарностями и премиями. Но, несмотря на это,

командировку в Краснокамск ему разрешили только по запросу из Управления строительства в комендатуру. В ответе комендатуры отмечалось, что «спецпоселенец Лаут Иван Иванович ... за время проживания в г. Молотов установленный режим не нарушал. В городе имеет семью. Выезд считаю возможным разрешить».

Но наступили и более свободные времена: в августе 1954 года вышло, наконец, распоряжение, освобождающее немцев от спецучета. Отец, дедушка и бабушка получили паспорта граждан СССР. В августе 1957 года управление «Пермстройпуть» направило Ивана Ивановича Лаута на учебу в Тбилисский институт железнодорожного транспорта.

Я понимаю, что чувствовал в те дни отец. Сейчас люди даже не задумываются об этом, а тогда для немцев Поволжья освобождение от спецучета ощущалось как глоток свежего воздуха. Отцу как бы дали понять, что в него поверили как в гражданина страны, хорошего специалиста. Но об освобождении, о равноправии говорить было еще рано.

В маленьком поселке Комсомольский, где мы жили, все знали друг друга. Было немало людей, враждебно относившихся к семье, где звучала немецкая речь. А после долгой разлуки бабушка и дедушка не могли наговориться на родном языке.

Факт направления Ивана Ивановича на учебу в институт стал для недоброжелателей своеобразным сигналом о том, что времена меняются, что людей начинают ценить по их делам и способностям. Да и вообще нам повезло: папа взял маму, меня и полугодовалую сестру с собой. Так что нам посчастливилось

некоторое время жить в Грузии. Институт папа закончил с отличием. Там он увлекся игрой в шахматы, они стали и нашим общим семейным увлечением.

По возвращении в Пермь отец продолжал трудиться главным инженером СМП-199 и 828 до 1966 года. В том году его назначили на должность главного инженера, а затем - начальником УКСа Пермского горисполкома. Семья Лаутов гордится делами отца. Он руководил застройкой микрорайонов «Нагорный», «Светлый», «Январский» и

«Бахаревка». С его участием построены такие крупные объекты, как дом культуры им. Калинина, цирк, клубы Пермской печатной фабрики «Гознак» и Пермского нефтеперерабатывающего завода, здания Дома Советов и НИИУМСа, спортивный корпус речного училища и много жилых зданий в центральных районах города. Мы любим посещать Выставочный зал, что на Комсомольском проспекте, и все пермяки помнят магазин «Океан», что напротив, - и это только малая часть того, что оставил мой отец нашему городу.

До выхода на пенсию он на протяжении многих лет работал заместителем управляющего трестом «Пермдорстрой». И мог бы сделать еще много, но здоровье, подорванное в юные годы, не позволило. Папа ушел из жизни в 1988 году после тяжелой болезни, когда ему было только 63 года.

Иду ли я по улице Плеханова, Добролюбова, Большевикской, Мира или Крупской - всюду ощущаю живую память об отце. Мне есть что рассказать своим детям и внукам об их дедушке, они могут им гордиться.

Е. Миллер

ДОСТОЙНО ПРОШЛИ ВЫ ПО ЖИЗНИ...

«Я ровесница Победы. Мой будущий отец работал на шахте в Донбассе, а мама жила на далеком от Украины Урале. И если бы не война, у каждого из них была бы своя судьба. В сентябре 1941 года папа, его отец и младший братишка получили повестки, но не на фронт, а в Трудармию, так как они этнические немцы, а к тому времени вышел приказ о депортации «русских» немцев с западных районов СССР. Посадили их в «теплушку» и отправили на север Урала - на Карпинские рудники.

Там папу ждал тяжелый труд по 16-18 часов в сутки, потеря брата, смерть отца. Папа заболел цингой, но его спас доктор - немец и папин однофамилец. Потом был Челябинск, строительство Челябинметаллургстроя, встреча с мамой.

Это был удивительный союз двух сердец. Папа, оставшийся в одиннадцать лет без матери, всю свою доброту и любовь отдавал семье:

маме и троим детям. Работал на строительстве с утра и до позднего вечера. До сих пор помню, как мы уже в постели, папа ласково поправляет нам одеяла, глаза усталые, но такие добрые!

Совсем маленькой девочкой я понимала, что папу уважают на работе, соседи, друзья. Мы жили в маленьком, закрытом городке, люди были на виду. Как я гордилась, что учусь в школе, которую построил папа, что живу в доме, который тоже построил папа. А еще - красавец Дворец культуры, Дом пионеров, общежития...

Вспоминаю, как я и брат, устроившись на диване, с восторгом слушаем, как мама читает «Тома Сойера». У нас была неплохая библиотека, и книги для нас были настоящим источником знаний.

В 1955 году родился младший брат, и мама доверяла мне, десятилетней девочке, ку-

пать его вместе с ней. Какое было счастье смотреть, ласково прижимать после купания родное темноглазое существо.

Вспоминаю Новый год 1953 и 1954 года. Пахучая елка стоит посреди детской. Я, мама и средний брат развешиваем морковки, огурчики, как настоящие! Ватные зайцы, волки. Ставили немного косоглазого деда мороза под елку. На верхушке - красавица звезда. И, наконец, кульминация: мама бережно достает стеклянные бусы, почему-то со спичками на концах. Ура! Елка готова. Потом раскладываем

конфеты и мандарины в бумажные пакеты. Гости, мама в красивом платье и улыбающийся папа.

Давно нет мамы. На двадцать с лишним лет пережил ее папа, оставаясь верным ее памяти. Остались память, благодарность родителям и эпитафия на памятнике: «Достоинo прошли вы по жизни...!»

г. Сосновый Бор,
Ленинградская область (2010)
<http://www.mayak.sbor.net/node/11101>

Штальбаум София, schooln1@sibmail.ru
СШ № 1 п. Маслянино

...Я НИКОГДА НЕ ВИДЕЛА СВОЕГО ДЕДА

Мой дед Иван (Иоганнес) никогда не воевал. Он был родом из Поволжской республики немцев из села Бааро, Марксовского района, Саратовской области.

Но история семьи Штальбаумов тесно связана с военных времен с историей Маслянинского района. Эту историю можно рассматривать как частный случай, но проблема в том, что подобный рассказ вам могут поведать многие жители Маслянинского района, правда, сейчас их все меньше и меньше: кто уже умер, а кто - то уехал в Германию.

Свой рассказ я составила на основе рассказов моего папы, Александра Ивановича, беседы с Эммой Богдановной Шмидт, которая родом из того же села Бааро, из немногих документов областного архива и из газет «Социалистическое льноводство» времен войны из нашего Маслянинского архива.

28 августа 1941 года Сталин издал Указ о выселении немцев из Поволжья подальше от линии фронта. В начале сентября пришли в Бааро люди в форме. На сборы дали чуть больше суток:

По рассказам бабушки Ольги Ивановны (Иоганнесовны) Райфегерст в этом году был замечательный урожай яблок и арбузов. Двор был полон живности. Но взять с собой можно было только немного вещей и продуктов. В последний раз накормили корову и овец яблоками и арбузами и покинули родной дом. Людей погрузили в товарный вагон и повезли в далекую Сибирь:

Так 19 сентября 1941 года мой дед, бабушка и их трое ребятишек оказались в Маслянинском районе в селе Загора. Старшему сыну, Виктору, было 5 лет, а младшей дочери - 2 года. Они стали спецпоселенцами.

Многие немецкие семьи расселили в селах на территории Елбанского сельского Совета. Под жилье отдавали пустующие дома, освобождали комнаты в конторах, где могли, там и поселили. Большинство мужчин немцев забрали в трудармию. Моего деда забрали в

октябре 1941 года для работы в промышленности. Как сказано в справке о реабилитации, мой дед в годы войны и в послевоенное время работал в Челябинской и Молотовской (ныне Пермской) областях. Дед рассказывал папе, что работали в закрытой зоне на стройке. Как и везде, здесь был военный режим. Работали много и тяжело. Не все выдерживали. В 1947 году деда отправили на Кавказ в район озера Рнца, где строили дачу для Сталина и благоустраивали местность. Спустя много лет мои родители были в тех местах, где когда - то работал мой дед. Работа в трудармии для моего деда закончилась через 11 лет в марте 1953 года после смерти Сталина.

Дед вернулся в Загору, но на спецпоселении семья Штальбаумов, как и другие немецкие семьи, находилась до 1956 года. Это означало, что один раз в месяц необходимо было отмечаться в сельском Совете или в милиции. Покинуть место поселения никто не имел права.

А бабушка в годы войны и в послевоенное время оставалась в Загоре с тремя детьми. Это было тяжелое время для всех, но у спецпоселенцев не было даже своего дома. Жили за счет того, что меняли какие - то вещи на продукты. Как и все женщины, оставшиеся в

тылу, бабушка летом работала в поле, зимой на телятнике, но все должны были отработать на лесозаготовках. Увозили в лес под Чудиново или под Петени, там женщины жили и работали по несколько недель. Дети оставались дома одни. Как они жили? Каково им было? Это тяжело представить. Бывало и побирались. Люди по-разному относились к спецпоселенцам. Кто-то жалел - давал кусок хлеба, картофелину или горсть зерна, изредка наливали молока, а кто-то в нищенскую сумку и горсть золы кидал. Люди были разные. «Бог им судья», - говорила моя бабушка.

Работы на лесозаготовках были одними из самых тяжелых. Нормы очень высокие. Как сообщает «Социалистическое льноводство» за 1943 год за выполнение плана работникам давали 5 м мануфактуры, 1 кг хозяйственного мыла, 300 г табака, 200 г кондитерских изделий. Но выполнить план было трудно. Да и откуда взять силы, если ты женщина и у тебя трое голодных маленьких детей. Трудодни начисляли, но расчет был по осени, когда давали 2-3 пуда зерна. А за самовольный уход с лесозаготовок Указом от 26 декабря 1941 года был определен срок наказания - 5 лет лишения свободы.

Молодых женщин, не имеющих детей, забирали в трудармию в Кемеровскую область в Прокопьевские и Новокузнецкие шахты. Данные

об этом есть в нашем районном краеведческом музее. Судьбы их не слаще.

Дед вернулся из трудармии только в 1953 году. И через год у семьи появился свой собственный угол в Загоре. Домом это назвать было трудно. Здесь на свет появился мой папа. В 1956 году семья Штальбаумов переехала в село Елбань. У деда были золотые руки. Он умел делать все. В эти годы он работал медником в МТС. Это позволило собрать средства и купить дом в Елбани.

В Маслянинском районе много жителей с немецкими фамилиями: Кениг, Роот, Вернер, Бауэр, Франц, Шмидт: Они появились здесь в качестве спецпоселенцев. Они связали свою жизнь с Маслянинской землей.

Мой рассказ - это грустные страницы истории, о которых долгое время предпочитали умалчивать. Но умалчивание не вычеркивает факты из жизни. Ведь это было. Эти люди честно и достойно трудились в тылу, в трудармиях, внося свой вклад в Великую Победу. Это факт. И без этого факта история будет неполной.

Я никогда не видела своего деда. Он умер, когда меня не было на свете. Он не воевал на войне. Но я знаю, что он достойно и честно трудился, и Победа Советского Союза в войне с фашистами складывалась не только из подвигов ратных.

Наталья Швабауэр

ПЯТАЯ ГРАФА

Немецкая диаспора - 300 лет на службе России

Фото: Наталья Швабауэр

2012 год объявлен годом Германии в России. К этому событию в регионах РФ приурочен целый ряд мероприятий. В них примет участие и уральская диаспора российских немцев, вторая по численности после сибирской. В 2011-м она отметила свое 300-летие.

С профессором Кирилловым, руководителем лаборатории исторической информатики, мы познакомились на международном фестивале культуры российских

немцев в Екатеринбурге. Его участникам вручали энциклопедию, посвященную знаменитым представителям этого народа. На фоне тяжелого четырехтомника сборник «Немцы на Урале XVII - XXI вв». выглядел намного скромнее. На самом деле это биографический справочник, содержащий почти 500 имен, а также исследовательские статьи, построенные на архивных материалах и воспоминаниях очевидцев.

История онлайн

Поначалу Виктор Кириллов был далек от темы российских немцев, в Нижний Тагил он приехал, защитив кандидатскую по истории США. Но, поскольку на Урале заниматься всеобщей историей сложно, пришлось обратить внимание на местный материал. Очень быстро ученый понял, в каком городе живет.

- Нижний Тагил - это центр репрессивной политики в регионе. В 1989 году вместе с обществом «Мемориал» мы подготовили первую книгу о подвергшихся гонениям тагильчанах. Российским немцам там был посвящен лишь один раздел, но постепенно тема стала разрастаться, - вспоминает профессор.

В 1999 году лаборатория получила доступ к архиву Тагиллага. Хранилище в то время располагалось в здании бывшего следственного изолятора. Потолки там протекали, так что состояние многих документов оставляло желать лучшего. Десять лет общественники писали во все инстанции, просили открыть доступ к архиву. Но его хранитель через тюремную «кормушку» на двери отвечала: не могу пустить, режимное хранение. А как-то проговорилась, что вынуждена каждый месяц сжигать пачки писем от немцев, эмигрировавших в ФРГ в 90-е годы. Перед тем как получить документы на выезд, люди писали целые исповеди.

Историкам повезло: удалось заручиться поддержкой администрации города, немецкого историко-просветительского общества Нижнего Тагила и «Мемориала». Эти структуры помогли найти новое помещение для архива и оцифровать документы. На их основе была издана книга памяти, посвященная немцам-трудармейцам Тагиллага (7,3 тысячи персоналий), затем последовало издание по Богословлагу (21 тысяча имен). Готовится четырехтомник по Бакаллагу, где было почти 40 тысяч трудармейцев. Общая база данных размещена в открытом доступе в Интернете. Любой желающий может запросить в ней сведения по 10 параметрам: ФИО, дата и место рождения, образование и т. д.

Контракт длиною в жизнь

- Когда мы начали обобщать материалы о диаспоре, были поражены, сколько она сделала для России. И как спокойно отнеслись к ее исходу в 90-е. Из 144 тысяч немцев к 2002 году в Уральском регионе осталось всего 87 тысяч, а в целом из СССР эмигрировало более 2 миллионов. Поэтому решили собрать всю информацию, которая доступна о немцах на Урале. Но это лишь начало, тема заслужи-

вает серьезного исследования. В ноябре 2012 года в Сыктывкаре состоится международная конференция по российским немцам. В ней примут участие ученые из Оренбуржья, Челябинской и Свердловской областей, Пермского края, Коми, - делится планами Кириллов.

Но и то, что уже доступно, поражает масштабами. Фактически германские «варяги» положили начало всему, чем так гордится Урал: металлургии, горному делу, системному образованию, медицине. Как свидетельствует статистика, к середине XIX века на Урале жило больше 1200 немцев-контрактников. Из них 12 процентов работали горными инженерами, 20 - врачами, 25 служили чиновниками, 18 процентов несли военную службу.

Особенности немецкой экспансии в регион были обусловлены его спецификой. Сюда прибывали в основном горные и технические специалисты. К примеру, большая колония мастеров стального дела из Золингена обосновалась на Златоустовских заводах, принадлежавших купцу Кнауфу. В 1811-м предприятия были переданы в казну, и правительство решило с помощью немцев организовать фабрику по производству холодного оружия. Позже златоустовская гравюра на стали вошла в сокровищницу прикладного искусства.

С начала 1730-х годов поток контрактников ослабевает: генерал де Геннин решил, что к тому времени они успели подготовить русские кадры во всех сферах. Потомки немецких иммигрантов, сменив подданство, переходили на царскую службу и занимали высокие посты. Одним из самых известных горных деятелей конца XVIII - начала XIX века был Иван Герман, уроженец Штирии. По указу Екатерины II его послали на Урал для описания рудников и заводов. В помощь члену-корреспонденту РАН определили шихтмейстера Петра Штурма, командовавшего Пышминской золотопромывальной фабрикой. Именно это предприятие стало первым в России производить сталь непосредственно из чугуна, минуя стадию выковки железа.

Иван Герман уделял внимание и развитию золотодобычи. По его инициативе в Екатеринбургском горном округе и окрестностях Миасского завода началась интенсивная разведка месторождений, были построены золотопромывальные фабрики, в результате чего общий объем добычи драгметалла в регионе увеличился на 50 процентов. В 1784 г. Герман разработал первое детальное геолого-минералогическое описание региона, а через несколько лет в соавторстве - «Проект горного

положения», по которому потом долгие годы жила промышленность России.

Заводик в придачу

Новая волна иммиграции началась после выхода указов о создании колоний вольных поселенцев. Люди разных профессий устремились в Россию в поисках лучшей жизни. В Оренбургском крае первая крупная группа немецких крестьян появилась в 1825 г. Причины, заставившие их отправиться на Урал, были достаточно прагматичными: в колониях юга России и Саратовской губернии не хватало земли.

На рубеже XIX -XX веков в регионе стали развиваться новые отрасли. Это привлекло сюда немцев-торговцев и ремесленников. Они открывали магазины, гостиницы, булочные, аптеки, красильные, механические и столярные мастерские, кирпичные, пивоваренные, винокуренные и мукомольные заводы. К примеру, пивоварня Филитца ежегодно выпускала до 800 ведер меда и 20 тысяч ведер пива разных сортов. В 1908 г. этому семейству в Екатеринбурге принадлежало 11 пивных лавок с общим годовым оборотом в 25,4 тысячи рублей, а также два оптовых склада.

Существенную роль сыграли выходцы из Германии и в развитии народного просвещения и медицины. Уровень образования среди немецкого населения во всех уральских губерниях был довольно высок: грамотой владели порядка 54 процентов мужчин и 53 процента женщин, тогда как среди русского населения этот показатель не превышал тридцати. Большим уважением в регионе пользовались начальница Екатеринбургской женской гимназии Софья Тиме, основательница Пермской мужской гимназии Эвелина Циммерман, врачебный инспектор Оренбургской губернии фон Шлихтинг и другие.

Всеобщая мобилизация

В XX веке численность немцев на Урале выросла многократно. После Первой мировой сюда отправляли беженцев, раскулаченных и военнопленных. А 28 августа 1941 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о депортации немцев Поволжья. В Сибирь и Казахстан в течение осени выселили 433 тысячи человек. Уже сосланных немцев в январе 1942-го начали призывать через военкоматы в так называемую трудармию - Тагиллаг, Ивдельлаг, Бакаллаг. Из воспоминаний очевидцев: «Морозы стояли жуткие. Сугробы лежали выше человеческого роста. Если машинам было не пробиться, мы шли впереди - расчищали дорогу. Рядом с нами работали заключенные. Они жалели нас, говорили: «Мы-то знаем, когда срок кончится, а вы, как мухи,дохнете, и срока нет».

Из 165 тысяч немцев, проживавших на Урале в годы Великой Отечественной войны, 120 тысяч являлись мобилизованными в трудармию. Их руками, в частности, строились Челябинский металлургический и коксохимический

заводы, Бакальский рудник, Богословский и Каменск-Уральский алюминиевые заводы, Соликамский бумажный комбинат.

В 1946 году трудармию распустили, но немцев оставили на спецпоселении при промышленных объектах. За побег им грозило 20 лет каторги. Только в Свердловской области действовало 112 спецкомендатур, где поселенцы должны были отмечаться каждый месяц. Многие из них продолжали жить в лагерных бараках, так как идти было некуда. Здесь же создавали семьи, рожали детей.

После снятия ограничений значительная часть бывших трудармейцев осталась на Урале. К примеру, инженер-химик Пауль Рикерт, отбывший три года в лагере по обвинению в подготовке взрывов на ВИЗе, трудился в тресте Тагилстрой, потом преподавал языки, химию и физику в пединституте. Хирург Теодор Грасмик долгое время руководил отделением больницы, стал родоначальником целой династии врачей. На Богословских рудниках Карпинска провели свою молодость художники Михаил Дистергефт и Лев Вейберт.

Гены памяти

По мнению Виктора Дизендорфа, одного из составителей энциклопедии «Немцы России», репрессии не только уменьшили численность диаспоры, они ограничили доступ к образованию. Получилась чудовищная вещь - народ без интеллигенции. Это повлияло на вымывание этнического начала. Немцы стремительно теряли языковые навыки в регионах, где была высока доля городского русскоязычного населения, в частности, в Свердловской и Пермской областях. Стали популярными межнациональные браки. И все равно этнос умудрился сохранить свои характерные черты: прагматизм, трудолюбие, дисциплину, нейтралитет по отношению к власти.

Напоследок задаю каверзный вопрос Виктору Кириллову:

- Зачем все это нужно? Современному поколению российских немцев чужд комплекс народа-жертвы, оно не испытывает притеснений при получении образования, поиске работы.

- Сначала на сайтах, посвященных жертвам репрессий, форумы пустовали. Но года четыре назад вдруг начала писать молодежь. Причем они уже плохо знают, что было в СССР, путают географические названия, исторические события. Задают, может быть, глупые вопросы, но количество таких писем исчисляется сотнями. Это сигнал, что интерес к прошлому не потерян, что люди пытаются разгадать свой культурно-генетический код, - разубеждает меня профессор.

Достойным ответом на поставленные вопросы, по его мнению, может стать создание международного банка данных репрессированных, позволяющего делать запросы независимо от места нахождения пользователя.

«Российская газета» (12.01.2012)

ПУСТЬ ОСТАНЕТСЯ ПАМЯТЬ

Три месяца назад на нашей интернет-странице была опубликована зарисовка «Просто я работаю водителем», в которой рассказывалось о водителе автобуса Сергее Домбровском. Как-то Сергей пригласил меня на чай, а заодно познакомил со своими родственниками - Ниной Корнеевной и Николаем Ивановичем Домбровскими. Оказалось, что несколько лет назад Нина Корнеевна на четырёх десятках страниц изложила историю своей семьи. Эта семейная биография отражает трагические судьбы огромного количества людей. С разрешения Нины Корнеевны её записи (в сокращённом варианте) **VOTERUS** предлагает вашему вниманию.

Андрей Мигунов

Этот рассказ-биографию я посвящаю единственному и любимому сыну Евгению. Хочется, чтобы сын и внуки знали историю семьи. Мы пережили Вторую мировую войну. И для нас важно, чтобы о нашем поколении, о том, через что нам пришлось пройти, осталась память.

Нина (Эльза) Домбровская

Сестры-близнецы Нина и Рената. Германия 2011

Предки-меннониты

Предки моих родителей жили когда-то на северо-западе Германии возле границы с Голландией. Они были ремесленниками, по вероисповеданию - меннонитами (die Mennoniten). В 18-м веке наши пра...родители переехали в Россию и поселились на Украине возле города Александровск (ныне

Запорожье) - там немецкие меннониты организовывали свои колонии. Меннониты были очень трудолюбивы и религиозны. Их девиз - «трудолюбие и честность».

Дедушки и бабушки, папа и мама

Мой дедушка (со стороны отца) Корнелиус Янцен родился в 1872 году в городе Запорожье. Во взрослые годы работал директором банка. Умер в 1920 году. Бабушка по отцовской линии - Елена Гёртцен - родилась в 1875 году в селе Шёнвизе (располагалось недалеко от Александровска), а умерла в Канаде в 1956 году.

Дедушка и бабушка поженились, кажется, в 1892 году. От этого брака родились пятеро детей - две дочери и три сына, старший из которых - мой отец - родился в 1893 году. Его называли Корнелиусом - у меннонитов было принято называть старшего сына в честь отца.

Трагически сложилась судьба этой семьи. Как я уже говорила, дедушка умер рано - в возрасте 48 лет. В 1923 году началась эмиграция немцев из Украины в Канаду. Бабушка захотела уехать всей семьей (тогда ещё была жива её мать - моя прабабушка) - после революции

Корнелиус и Хелена Янцен. 1913 год.

Иван и Маргарита Тиссен

жить с новой властью было сложно. Однако возникли трудности с моим отцом. К тому времени он уже был помолвлен с мамой. А маме нельзя было поехать из-за своего младшего брата, который только-только начал учиться в институте. Мама не могла его бросить: он находился на её иждивении, потому что их родители умерли. Поэтому родители приняли решение сначала пожениться, а эмигрировать в Канаду несколько позже. Прабабушка и бабушка с остальными четырьмя детьми уехали. В 1926 году в СССР границы закрыли, и эмигрировать стало невозможно. Папа остался один - со своими мамой, братьями и сёстрами он больше никогда не увиделся.

Моя мама корила себя всю жизнь, что из-за неё погиб муж, наш отец (об этом я расскажу дальше). Мама говорила, что если бы они тогда уехали в Канаду вместе, он был бы жив.

О родственниках со стороны мамы мне известно очень мало. Знаю, что дедушку звали Иван (Иоганн), а бабушку - Маргарита. Иван и Маргарита Тиссен. У них родились трое детей - два сына и дочь. Дедушка был преподавателем в гимназии, а бабушка вела хозяйство и воспитывала детей. Дедушка и бабушка умерли на Украине, предположительно между 1915 и 1920 годом.

Отец мой, Корнелиус Янцен, сначала учился в коммерческом училище, потом закончил пединститут в Запорожье.

Маме - Анне Тиссен - пришлось тяжелее. После смерти родителей её старшего брата взяла на содержание меннонитская община. На средства общины Исаак выучился, стал врачом-невропатологом и работал в Хортице на Днепре. Младшего брата - Ивана (Иоганн) - вытягивала мама. Иван окончил институт и стал горным инженером. А мама получила коммерческое образование и была по профессии бухгалтером.

Мама и папа поженились в 1926 году в Запорожье. Через год у них родился сын Корнюша, но через два года он умер. В 1930 году родились мы - сёстры-близнецы Эльза и Рената. Мама работу не бросала - наверное, из-за финансовых проблем.

Нами кто-то должен был заниматься, и родители пригласили из одной меннонитской

деревни молодую девушку - Екатерину Классен (Тину). Она нас вынянчила и была с нами всю жизнь, оставаясь очень привязанной к нашей семье.

Ялта

В Запорожье мы жили до 1934 года. Дома с нами говорили только по-немецки - на Hochdeutsch, а между собой родители часто общались на Plattdeutsch. Отец очень любил играть в теннис. В какой-то момент он серьёзно простудился, а потом заболел туберкулёзом. Было принято решение поехать на постоянное жительство в Крым, в Ялту - это идеальное место для лёгочников. Раньше ведь туберкулёз лечился не так легко как сейчас. В основном рассчитывали на хороший климат и правильное питание.

Корнелиус, Эльза, Рената и Анна Янцен

Тина переехала с нами. Папе в Крыму стало лучше, и родители успокоились.

Они с нами много занимались. Приобщали к вере, хотя религия тогда была уже запрещена. Папа следил, чтобы на ночь мы читали молитвы, - в этом отношении он был строгий. И не любил нечестности. Однажды я принесла из детсада пупсёнка без разрешения воспитательницы. Родители были со мной суровы - нельзя брать без спроса чужую вещь! Утром я подошла к воспитательнице, попросила прощения и сказала, что больше так делать не буду. Я и сейчас помню, как тогда стыдилась. Это стало для меня уроком на всю жизнь. Хотите - верьте, хотите - нет.

Мама и папа прививали нам доброту к людям. Они ни разу в жизни не ударили ни меня, ни Ренату. Самым сильным наказанием за провинность было стояние в углу на коленях или лишение воскресной прогулки. Мы плакали и просили прощения. Нас прощали и на этом наказание заканчивалось.

С Ренатой мы жили дружно, хотя иногда и дрались. Так как я была старше (на целых 15 минут!) и крепче, то всегда выходила победительницей.

Вот так - очень счастливо - мы прожили в Ялте три года. В 1937 году я и Рената пошли в первый класс. Учились хорошо. Папа работал в этой же школе - преподавал немецкий язык.

По-русски - благодаря общению в детском саду и школе - мы разговаривали уже совершенно свободно, а дома по-прежнему общались на немецком.

Мы не знали, какие над нами сгущаются тучи, какие тяжёлые грядут времена. В Германии уже вовсю заправлял Гитлер. А в СССР Сталин проводил репрессии. Из перешёптываний родителей и Тины мы узнавали, кого забрали энкаведешники. Тогда очень многих наших знакомых арестовали. Мы боялись каждого стука в дверь - особенно ночью. Но в нашем случае всё самое страшное произошло белым днём.

Арест папы

Был ноябрь 1937 года. Мы собирались переезжать на другую квартиру, вещи были уже сложены. Но папа заболел - осенью его лёгкие были особенно чувствительны к простуде. Рената тоже болела - лежала в больнице с дифтерией. 24 ноября во второй половине дня к нам домой пришли пять здоровенных мужиков в форме сотрудников НКВД. В доме они всё перевернули вверх дном. С папой разговаривали как с преступником. Придирались к каждой мелочи. Почему, дескать, у мамы текст под нотами на немецком написан, почему выкройки (мама хорошо шила) подписаны по-немецки, почему письмо из Канады от родственников на немецком языке... При мне (в жизни этого не забуду!) обозвали отца фашистом и шпионом, подняли его - больного! - с постели, заставили сцепить руки за спиной и забрали с собой. Его не увезли, нет. А повели по улицам города, в котором

Эльза и Рената. Ялта 1937

Корнелиус Янцен

отца знали и уважали. Мы рыдали, но ничего поделаться не могли. Уходя, папа сказал Тине: «Пожалуйста, не оставляй Аню с детьми». Тина выполнила эту просьбу - пожертвовав личной жизнью, она навсегда осталась с нами.

В тот страшный день мы видели отца в последний раз. Сколько мама потом ни пыталась узнать, где он, - нигде ей не ответили. Только после смерти Сталина - уже в 1955 году - я возобновила поиски. В конце концов нам прислали свидетельство о смерти отца, в котором было сказано, что умер он от крупозного воспаления лёгких в 1944 году, и что место его смерти неизвестно. Меня вызывали в КГБ, где сказали, что папа был арестован по анонимному доносу. Мы с Ренатой считаем, что информация о его смерти в 1944 году - ложная. Отца взяли из постели больным. Едва ли со своим здоровьем он мог прожить в тюрьме семь лет после ареста.

Папу реабилитировали посмертно. Все документы, касающиеся этого дела, хранятся у меня в семейном архиве.

Мир не без добрых людей

С арестом отца настали чёрные дни. Некоторые люди при встрече сторонились нас - боялись, что и их в чём-нибудь заподозрят. Но тогда все всего боялись. Это было время, когда властям ничего не стоило арестовать и расстрелять человека. Тем не менее большинство знакомых продолжали поддерживать с нами дружеские контакты. Особенно хорошо к нам с Ренатой (мы учились уже во втором классе) относился Жариков, директор школы, в которой учились мы и работал папа. Кое-кто в школе обзывал нас фашистами. Но всё же, благодаря стараниям Жарикова, в нашем классе сохранилась дружелюбная обстановка - мы, кстати, не были в классе единственными пострадавшими.

Когда нам с Ренатой было уже за тридцать, мы поехали в Ялту. И там встретились с нашим добрым Жариковым! Он был уже совсем старым, но отлично помнил и отца, и нас-близняшек.

Ещё у нас соседи хорошие были - Бабошины. Очень нам помогали, особенно в те трудные дни. После войны мы, приезжая в Крым, встречались с Бабошиными несколько раз.

С арестом отца маме пришлось работать ещё больше. Днём она трудилась бухгалтером, по ночам шила. Тина устроилась в кондитерский магазин. Мы с Ренатой бегали к ней постоянно - Тина всегда старалась припрятать для нас что-нибудь вкусное.

В одиночасье мы с Ренатой стали какими-то самостоятельными. Вдвоём убирали в квартире, ходили за хлебом, стирали свои платица и носочки. Раз в месяц мама водила нас в кондитерскую или просто покупала нам по пирожному или мороженому. Это был самый счастливый день в месяце. Так мы жили до 22 июня 1941 года.

Война

Ялта - прекрасный город, курорт. Чёрное море, пляжи... Всегда нарядная публика, музыка в парках... В один день это всё исчезло. Когда по радио объявили, что началась война, приезжие бросились к автобусам и пароходам - все стремились домой, к семьям. На морском и автобусном вокзалах был хаос.

Вскоре начались трудности с продуктами. У магазинов образовывались длинные очереди. Мама с Тиной работали, а мы с Ренатой выстаивали в очередях.

Помню, как мы носили солдатам чай в окопы. Надевали пионерские галстуки, брали большой чайник с чаем, конфеты «подушечки» и шли к солдатам, поили их чаем. Мы очень гордились званием пионеров, что наш вождь товарищ Сталин так о нас заботился. Гордились, несмотря даже на то, что отец был арестован как враг народа.

Мама с нами на эту тему не разговаривала.

19 августа ночью к нам пришли два работника НКВД и скомандовали: «Собирайтесь!» Ну что можно собрать и взять с собой за два часа да ещё ночью? Распределили, кто что может нести. Мама взяла свою ручную швейную машинку и чемодан. Дала нам с Ренатой по узелку. И всё. Жили мы бедно, никаких сбережений у нас не было. Соседи Бабошины зашли к нам попрощаться. Плакали - знали, что больше мы сюда не вернёмся.

Забыла написать, что Тины с нами не было - она чуть раньше уехала в Запорожье к родственникам, надеясь, что там не так голодно, и ждала, что мы туда вслед за ней обязательно переберёмся. Но...

Утром маму под охраной милиционера сопроводили на работу - в большой обувный магазин, где она была бухгалтером. Там ей произвели расчёт и выдали какую-то мизерную сумму. Потом всех нас, немцев, повезли на

грузовиках в Симферополь, где посадили в вагоны и отправили, не сказав, куда именно везут.

Депортация

Прибыли мы на Северный Кавказ в Будёновск. Оттуда на подводах, которые тащили быки (я тогда впервые в жизни ехала на подводе), нас доставили в Ачикулакский район.

Местные очень хорошо нас приняли, расселили по избам. Утром нам выдали по большой буханке хлеба и кувшину мёда. Мы там не голодали. Собирали виноград - его созрело много, а убирать было некому. Всех здоровых мужчин призвали в армию, и председатель колхоза радовался подмоге.

На Северном Кавказе мы пробыли только месяц. Фронт приближался. Нас погнали дальше. Снова подводы, снова Будёновск. Председатель (у него вместо ноги был деревянный протез) приказал выдать нам на дорогу хлеба и мёда. Выйдя провожать, местные женщины плакали - жалели нас. Мы, уезжая, видели, что даже председатель, стоя на горке, машет нам платком и вытирает слёзы.

В Будёновске уже поджидали солдаты с пулемётами и собаками. Забили нас в скотные вагоны, заперли как преступников и отправили. Двери открывали только на больших остановках. Внутри мы лежали на нарах в тесноте. Ехали два месяца.

В дороге мы впервые в жизни поняли, что такое настоящий голод. Денег у мамы было мало. На станциях нас иногда кормили - приносили котёл с бурдой. Изредка давали немного хлеба или крупы. Если крупы, то когда поезд останавливался в степи, мы разводили маленькие костры и варили суп. Туалетов, конечно, не было никаких. Нужду справляли при остановках поезда - прямо возле вагонов,

Тина Классен. Германия

не стесняясь друг друга. Боялись отстать от поезда - за это по голове не погладили бы.

Мы с Ренатой часто плакали от голода. Прижмёмся друг к другу и потихоньку плачем - так, чтобы мама не видела. Она была сердечница, мы её очень жалели и не хотели расстраивать. Как это страшно для матери - когда плачут голодные дети, а ей ничего нельзя с этим поделаться! Будь проклята война! Убереги, Господь, от подобных испытаний наших детей и внуков!

Как-то на одной станции по соседству с нашим эшелонном оказался эшелон с немцами из Запорожья. И мы совершенно случайно встретились с Тиной! Она ехала вместе с двумя сёстами и племянницами. Из Запорожья вывезли только тех немцев, которые оставались на левом берегу Днепра, а из правобережной части города депортировать не успели никого - она была уже оккупирована. Тина, не раздумывая, перебралась в наш вагон - она ведь так нас любила! Им в Запорожье на сборы дали три дня. Поэтому они везли с собой муку, крупу, сало. Тина взяла свою долю - и к нам. Накормила нас.

Во второй половине ноября мы приехали на станцию Тайнча (позднее Красноармейск) в Северном Казахстане.

Неласковое Сухотино

Расселили нас в деревне Сухотино - в трёх километрах от станции. Было уже холодно, а у нас зимних вещей - ноль. Мама всё что могла поменяла в дороге на еду.

В Казахстане нас встретили не так дружелюбно как на Кавказе. Фронт отсюда был далеко, и вся ненависть к фашистам вылилась на нас. Никто не хотел брать депортированных немцев на квартиру. К тому же мы все обовшивели в дороге. Но людей понять было можно - многие семьи уже и похоронки получили. Выручило нас то, что мама хорошо шила: нас взяли на постой.

Мы с Ренатой должны были идти в школу в пятый класс. В школе я и Рената стали козлами отпущения: имена-то и фамилия у нас немецкие. Местные дети дожидались за углом, когда мы из школы пойдём, кидались камнями и снежками, крича: «Фашисты! Фашисты!», и обзывались: «Эльза-Ната-Яйценята». Плача, мы бежали домой. Вечером после работы мама утешала нас. Сидела усталая, шила и говорила, что такое отношение - временное, что когда-нибудь наши обидчики всё поймут.

Одеты мы с Ренатой были плохо. У местных ребят - и пальто, и валенки: морозы уже стояли суровые. А мы в Ялте и снега-то в глаза не видели! Носили лёгкие пальтишки - уже обмалевшие: их мама ещё в Ялте сшила. На ногах - подобие бурок, на головах - какие-то тряпки, руки без рукавиц так сильно мёрзли...

Ну, зиму мы как-то в школу проходили. Мама и Тина трудились в артели. Мама шила, а Тина в пимокатном цехе работала до 1942 года. Потом её взяли в трудармию в Челябинск. А мы летом в деревнях делали кизяк. Это топливо

такое - смешиваешь навоз с соломой, добавляя немного воды, потом выкладываете в формы и сушишь. Зимой этим кизяком топишь печь. Мы месили кизяк целыми днями - за еду. Чаще всего - за картошку с обратом (обезжиренное молоко). Иногда нам давали чашку картошки с собой домой. Летом-то ничего - травы много! Мы варили её, бывало, как супи ели. Вообще, подрабатывали где только могли. Нам давали хлебные карточки: детям на 200 граммов хлеба в день, взрослым - на 400. Но хлеба в магазине практически не было. Раз в два месяца привозили муку, и выдавали её по хлебным карточкам. Пару дней мы потом были сыты - варили на воде затирку. Наешься её с голодухи так, что дышать нечем. А через какое-то время опять кушать хочется.

Следующей зимой (1942-1943) мы в школу уже не ходили. Голодали, да и надеть было нечего.

Маме с сердцем становилось всё хуже. Она была очень худая. Если шила что-нибудь в людях, её иногда кормили. И мама стала подвязывать под юбку небольшой мешочек: таралась не съесть всё, что ей предлагали, и потихоньку складывала в мешочек какие-нибудь кусочки для меня и Ренаты.

Страшные были годы. Сколько слёз пролило...

Рената потом пошла в няньки, а меня взяли в рыбацкую семью - я там помогала. Бывало, мы по три дня не ели. По снегу босиком ходили... Но я не помню, чтобы мы в войну болели. Ни разу даже зуб не занул. Наверное, нас Бог охранял.

Конечно, много бы ещё можно было написать о наших трудностях. Но хватит. Не только нам - всем досталось в то чёрное время.

Смерть мамы. Челябинск

Когда война закончилась, нам с Ренатой было 15 лет. За плечами - только пять классов. Правда, на протяжении всех военных лет мы много читали. По соседству с нами была в эвакуации одна ленинградская библиотека. И мы столько хороших книг для себя открыли! Читали запоем, заглушая чтением голод.

Осенью 45-го я пошла ученицей в швейную мастерскую промкомбината, а Рената - там же - в пимокатный цех. Теперь уже мы маму поддерживали, ухаживали за ней, кормили - она часто лежала совсем больная.

Через полгода меня назначили мастером. Появилась возможность получше одеваться, и я обшивала себя и Ренату. Подружки у нас появились. Ренату они стали называть Наташей, а меня - Ниной. Немецкого имени я начала стесняться. По-немецки теперь говорили только с мамой, постепенно немецкий язык начал забываться. Люди вокруг были только русские - мы уже жили не в Сухотино, а на станции Тайнча.

30 июня 1948 года наша дорогая мама умерла - в возрасте 55 лет. Перед смертью мама просила не забывать, что мы немцы, не стесняться этого. «Может, - сказала, - насту-

**Рената и Эльза Янцен.
Челябинск, 1948 год.**

пят совсем другие времена. Я оставляю вас одних, но помните, что в Канаде живёт ваша бабушка, две тётки, два дяди, двоюродные братья и сёстры».

Канадских родственников мы увидели лишь в 1999 году. Мы с Ренатой ездили к ним. Побывали на могилах бабушки и тётки...

Маму похоронили в Сухотино. На промкомбинате, где мы с Ренатой работали, был бухгалтер Иван Иванович. Немец. Он дал лошадей с подводой. Гроб тоже сколотили на комбинате. Могилу рыли сами, вместе с Иваном Ивановичем. Нам тогда было 18 лет.

Тем же летом мы уехали в Челябинск. Тина прислала нам вызов и немного денег на билеты. Приехав, устроились в швейную мастерскую. Я - мастером, Рената - ученицей. В то время уже много работы повсюду было - страна восстанавливалась после войны.

Тина после трудармии работала кассиром в бане. Ей дали маленькую комнатку, там мы и жили. Еду готовили на электроплитке.

Карточную систему тогда как раз отменили. Мы купили ситец и шили платья - уже для себя! По воскресеньям устраивали праздник: шли в город (мы жили в пяти километрах от Челябинска) и покупали мороженое - по рублю за штуку. До десяти штук съедали! По вечерам в субботу ходили в кино. Когда оно кончалось, в клубе убирали скамейки и начинались танцы под радиолу. Танцевали с удовольствием! На нас смотрели как на соплюх - платьиц-то бедненькие! Многие девушки повзрослее были одеты гораздо лучше - мужчины из их семей, воевавшие, привезли из Германии хорошие вещи.

Тина с нами ещё пыталась разговаривать по-немецки. Но мы отвечали теперь только по-русски. Всё немецкое тогда презиралось и проклиналось. И на нас ещё, бывало, косо поглядывали. Не разбирались ведь, что мы не причём, что мы пострадали даже больше, чем остальные. Немцы - и этим всё было сказано! Мы пробовали учиться в вечерней школе, но времени не хватало: приходилось постоянно что-то шить, чтобы на жизнь себе заработать. У Тины зарплата была маленькой, но всё равно она помогала нам как только могла. Как мать

для нас Тина была. Всю свою жизнь посвятила нам. Даже замужне вышла. Нас с Ренатой она любила фанатично. Забегая вперёд, скажу, что мы и в Германию вместе переехали. Тина умерла в возрасте почти 100 лет и похоронена в Furtwangen(e). Своей собственной семьи у неё не было.

Весной 1949 года мы случайно узнали, что в Соцгороде (это часть Metallургического района в Челябинске) живёт наш двоюродный брат Герман Тиссен. Он пригласил меня и Ренату в гости. Когда мы приехали, Герман рассказал, что после окончания института жил в Ташкенте. В трудармию в Челябинск попал в 1942 году. Выжил только потому, что ухаживал за свиньями - там можно было подкормиться. После войны стал заведующим химической лаборатории.

Неподалёку от дома, где жил Герман, находился клуб. Поскольку было воскресенье, мы пошли с Ренатой на танцы. В тот день я и познакомилась с Николаем Домбровским - своим будущим мужем, твоим отцом, Женя...

Домбровские

О семье Домбровских пишу по воспоминаниям мужа и его родственников.

Предки Домбровских проживали где-то в Швабии на территории сегодняшнего Baden-Württemberg(a). И также, как много ранее и мои, переехали в Россию. Поселились в Крыму в селе Кроненталь (потом Булганак, сейчас - Кольчугино). Прадеда твоего звали Винценц, а прабабушку - Моника. У них было 11 детей. Старший - Иван (твой дедушка) - родился в 1903 году. В 1926 году он женился на девушке из состоятельной семьи - Катерине Шнайдер (твоя бабушка). От этого брака родилось пятеро детей.

Домбровские крестьянствовали самостоятельно, но потом им пришлось пойти в колхоз. Иван стал членом партии. За это отец, Винценц, отхлестал сына вожжами, хотя тот уже женатый был.

Катерина старалась приобщить детей к вере. Муж уходил вечерами на собрания, а она призывала детей к молитве. «Vaterunser» твой папа, Женя, знает с детства.

Село было немецким, но преподавание в школе велось по-русски. А в семье говорили на швабском диалекте.

Дедушку Шнайдера раскулачили в 1929, кажется, году. Отняли всё, что в семье накопилось поколениями. У Шнайдеров, как и у Домбровских, тоже было одиннадцать детей. Во время войны судьба разбросала Шнайдеров по сторонам. Старики умерли в Казахстане.

В 1940 году Иван Домбровский умер во время операции. Ему было всего 37 лет. Катерина осталась одна с детьми, старшему из которых тринадцать лет, младшему - шесть месяцев.

Через год - война. Немцам, проживающим в селе, то есть почти всему населению, дали три дня на сборы. Люди резали скотину, жа-

рили и коптили мясо, сушили сухари. Представляешь, Женя, как тяжело было твоей бабушке с пятью детьми на руках? Спасибо родственникам: помогли собраться в дорогу. Когда подводы двинулись в неизвестность, плач стоял на всё село. Домбровские, как и мы, тоже сначала попали на Северный Кавказ, а потом в Северный Казахстан - в Акмолинскую область.

Бабушка твоя с детьми в Акмолинск чуть живыми прибыли. Их долго никто не брал на постой, пока одна многодетная женщина не сжалилась и не забрала их к себе.

Жили в селе Акколь (Белое озеро). О школе никакой речи - голодные все, и ходить не в чем. Ивану, старшему сыну, - четырнадцать лет. Николаю, второму ребёнку, - двенадцать. Иван был слабее здоровьем, поэтому Николай стал главным кормильцем в семье. Зимой он работал на колхозной конюшне, летом - в поле. В колхозе ему выписывали иногда немного муки или картошки. Случалось, он приносил в карманах зерно (воровал, если вправду), и тогда дома варили кашу. Зерно варится долго. Однажды пятилетний Алёша, брат Николая, поел недоваренного зерна. Оно разбухло в желудке, и Алёша умер (в 1942 году).

В этом селе было много немцев из Крыма, так что местные дети их не очень-то обижали и не обзывали немецких сверстников - те могли за себя постоять.

После войны Коля с другом сбежали из колхоза, хотя за это полагалось наказание - депортированные немцы стояли на спецучёте. Их поймала милиция и, к счастью, просто вернула в Белое озеро. Только в 1948 году удалось выправить справку из колхоза (паспортов-то не было!), и Коля с другом уехали в Челябинск. Устроились в общежитие. Коля пошёл на курсы шоферов. После окончания курсов ему дали газогенераторный автомобиль (как топливо в нём дрова использовались).

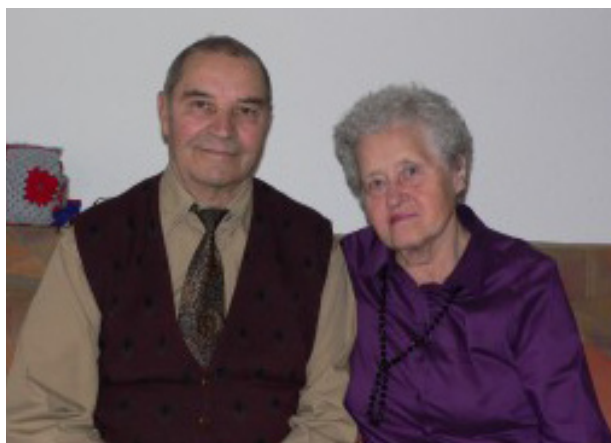
Наша семья

Мы с Колей поженились через два месяца после знакомства - 3 августа 1949 года. Осенью Коля получил комнату в бараке, и я переехала к нему. В бараке жили ещё несколько молодых семей. Нам повезло - у нас была отдельная комната, остальные размещались по две семьи в комнате, разделяя свои половинки занавесками. Через год почти в каждой семье ребятки родились. Жили мы в бараке дружно. По выходным, случалось, до утра в коридоре в лото играли.

Зимой мы забрали к себе в комнату Ренату и Тину. Рената со мной в швейной мастерской работала, а Тина - в общежитии, где ей потом комнату дали.

27 июня 1950 года у нас с Колей родился сын - ты, дорогой наш Женя!

После отпуска по уходу за новорождённым (42 дня) я уволилась. С моей профессией можно ведь и на дому было работать. Денег нам тогда сильно не хватало - у нас с Колей было по одному чемоданчику с одеждой. А ещё -

Николай и Эльза Домбровские. 2011
табуретка, набитый сеном матрац, ватная подушка и немного посуды. Это ведь сейчас на Sperrmull(e) можно найти буквально всё, а тогда после войны люди жили бедно. Потом мы накопили чуть денег и купили старую железную кровать. Диван и стол Коля сам сделал. Шкаф тоже по дешёвке приобрели. А вот детскую деревянную кроватку-качалку для тебя, Женя, купили новую. В садик ты не ходил - я ведь была дома сидела. Ну, не буквально сидела, конечно - я шила, и шила очень много.

В школе, Женя, ты учился очень хорошо, переживал за свои отметки. Когда тебе исполнилось девять лет, нам дали однокомнатную квартиру. Как мы радовались! Папа пошёл учиться в вечернюю музыкальную школу, которую закончил через шесть лет. Ему, конечно, трудно было конкурировать с учителями музыки, имеющими высшее образование. Но папа много работал с учениками, и они у него всегда были на высоте.

А я целых четырнадцать лет проработала на дому, о чём сейчас жалею. Ведь потерять столько лет трудового стажа - не шутка. В Германии я это особенно почувствовала - пенсия-то у меня здесь небольшая.

Потом, после 14 лет труда на дому, я решила найти постоянное рабочее место. Мне было уже 34 года. Нашла! Меня взяли в ателье высшего разряда и почти сразу поставили бригадиром. С коллективом я сработалась хорошо.

Наверное, я не говорила ещё, что с 1948 года по 1956 год мы, немцы, стояли на спецучёте. Без специального разрешения спецкомендатуры можно было передвигаться в радиусе лишь 25 километров. В течение двух последних дней месяца следовало отмечаться в комендатуре. Каждый раз эти два дня были сумасшедшими: люди после работы выставляли большие очереди, чтобы отметиться. И обязательно с детьми! Однажды комендант заставил меня вытащить тебя - маленького, больного! - из кровати и принести ему показать, что ты живой, что мы тебя никуда не отправили.

Мы боялись, что нас в тюрьму посадят, если не отметимся. И это был сильный страх. Не зря нам здесь в Германии «комендатурские» заплатили.

Дожили мы в СССР до пенсии. В 1990 году съездили в отпуск в Германию - к Инге, нашей с Ренатой двоюродной сестре, маминой племяннице. После поездки мы все вместе - папа, я, Рената и Тина - приняли решение уехать на постоянное жительство в Германию. Это произошло в 1991 году.

Мы с папой счастливы, что переехали.

Тебе, Женя, тут труднее, чем нам. Но твоим детям и нашим любимым внукам - Лене, Косте и Яне - здесь будет хорошо. Ведь они молоды, и у них вся жизнь впереди!

На этом я заканчиваю. Желаю всем вам счастья, здоровья и успехов!

**Твоя мама.
04.07.2001**

**Leonid Schulz, 10 Jahre
Schule Nr. 10
Slatoust**

**Valentina Schulz, 45 Jahre
Zahnklinik, Zahnärztin
Slatoust**

ICH BIN RUSSLANDDEUTSCHER, ICH LEBE IN RUSSLAND

**Niemand kann
vor dem Gedächtnis flüchten,
dessen Lichter hell im Herzen
brennen.
Sie fesseln uns an die
Vergangenheit, dass wir darin
die Zukunft sehen können.**

Man fragt mich: «Wo bist du, Leonid, geboren?» Ich antworte stolz: «In Russland!». Ja, Russland ist so groß und weit! Und sehr schön! Reiche Wälder, klare Seen, hohe Berge, breite Flüsse kann man in meiner Heimat sehen. Hier lebe ich mit meiner Mutter Valentina, meinem Vater Viktor, meiner Tante Lilli und meiner Cousine Tatjana. Mein ältester Bruder Oleg ist Student und studiert in Moskau. Moskau ist das Herz Russlands. Wenn ich groß werde, werde ich auch Student. Ich mag das Lernen. Besonders mag ich die Geschichte. Man fragt mich: «Wer bist du, Russe oder Deutscher?» Ich antworte stolz: «Ich bin Russlanddeutscher!» Und das ist wirklich so! Woher weiß ich das? Das hat mir mein Vater erzählt. Das ist eine lange Geschichte, aber sehr spannend. Ich erzähle euch diese Geschichte.

Man fragt mich: «Wo bist du, Leonid, geboren?» Ich antworte stolz: «In Russland!». Ja, Russland ist so groß und weit! Und sehr schön! Reiche Wälder, klare Seen, hohe Berge, breite Flüsse kann man in meiner Heimat sehen. Hier lebe ich mit meiner Mutter Valentina, meinem Vater Viktor, meiner Tante Lilli und meiner Cousine Tatjana. Mein ältester Bruder Oleg ist Student und studiert in Moskau. Moskau ist das Herz Russlands. Wenn ich groß werde, werde ich auch Student. Ich mag das Lernen. Besonders mag ich die Geschichte. Man fragt mich: «Wer bist du, Russe oder Deutscher?» Ich antworte stolz: «Ich bin Russlanddeutscher!» Und das ist wirklich so! Woher weiß ich das? Das hat mir mein Vater erzählt. Das ist eine lange Geschichte, aber sehr

spannend. Ich erzähle euch diese Geschichte.

Das war in Lodz in Polen. Am 25 August 1912 wurde dort Gertruda Sauder geboren. Das war meine Oma. Ihr Vater Eduard Sauder war Erdkundeführer und hospitierte Gymnasien. Ihre Mutter Wanda führte den Haushalt. Die Oma hatte zwei Brüder Gerhard und Erwin und die Schwester Helen. Bis 1917 lebte die Familie in Polen, dann in der Ukraine. 1937 wurde mein Urgroßvater Eduard Sauder von NKWD verhaftet und erschossen.

Mein Opa hieß Viktor, so wie mein Papa. Er war vier Jahre jünger als die Oma. Er wuchs in der Ukraine, im Dorf Drushkowska Gebiet Donezk auf. Sein Vater, mein Urgroßvater August Schulz, arbeitete in einer Keramikfabrik. Die Urgroßmutter Christina arbeitete

nicht. In der Familie waren sechs Kinder.

Im Jahre 1930 lernte die Oma meinen Opa kennen. Der Opa absolvierte das Technikum für Jura und war als Volksrichter in der Stadt Molotschansk tätig. Die Oma war Deutschlehrerin von Beruf. Sie liebten einander sehr und heirateten. Ihre erste Tochter kam zur Welt im Jahre 1932. Sie hieß Wanda. Mit vier Jahren starb sie. Im Jahre 1938 ist die zweite Tochter geboren. Man nannte sie Lilli. Die Familie lebte damals im Dorf Rotfront Gebiet Dnepropetrowsk. Siebzehn Jahre später kam mein Papa, Viktor, zur Welt. Seine Heimatstadt ist Slatoust.

Jetzt fragt ihr mich, warum sollte die Familie Schulz so oft umziehen? Mein Opa war Mitglied der Kommunistischen Partei. Er war Parteifunktionär. Er sollte die Aufgaben der KPdSU erfüllen.

Der Große Vaterländische Krieg begann. Die Familie Schulz sollte das Dorf Lessnoje, Rayon Tschernigowskij, Gebiet Saporoshje verlassen. Der Opa ging in die Trudarmee. Er erzählte: «Man vertrieb uns ins Hinterland. Es war zufällig, dass die deutsche Armee unsere Kolonne eingekesselt hat. Alle russischen Begleitsoldaten liefen weg. Die deutschen Trudarmisten durften auf die Seite der Deutschen übergehen. Keiner aber machte das. Wir versuchten selbst, der Einkesselung zu entfliehen».

Wo blieb meine Oma mit der Tochter? Oma Gertruda und Lilli blieben auf dem okkupierten Territorium. Sie sahen viel Leid, Tod und Hunger.

Im Jahre 1943 wurden die Oma und ihre Tochter (meine Tante Lilli) nach Deutschland verschleppt. Sie arbeiteten in einem Militärbetrieb. Da waren viele Russen, Polen, Juden, Ukrainer. Die Oma befreundete sich mit einer Jüdin. Sie arbeiteten zusammen. Die Baracke für Juden stand nicht weit von der Baracke, wo die Oma wohnte. Während der Arbeit war es verboten, miteinander zu sprechen. Sie fanden aber jede Gelegenheit, sich zu unterhalten. Eines Tages war die Jüdin nicht mehr da. Es gab auch keine Baracke für Juden. Die Oma vermisste sie sehr.

Omas Lebensweg führte nach Österreich. Dort lebte sie von 1945 bis 1947. Ihr Zuhause war ein Bauernhof. Der Bauer, seine Frau und ältere Kinder arbeiteten von früh bis spät. Oma half im Haushalt wie sie konnte. Die Familie mochte die Oma und ihre Tochter. Lilli war damals sieben Jahre alt. Sie wollte lernen, sie durfte aber nicht. Sie hatte keine österreichische Staatsangehörigkeit. Der Bauer sagte, dass Lilli seine Tochter ist. So ging Lilli zusammen mit seinen Kindern zur Schule.

Und jetzt ganz kurz über das weitere Leben des Großvaters, der alle Kriegsjahre in der Trudarmee fleißig und mutig arbeitete. Er war am Bau der Eisenbahn Kisljär-Astrachan. Das war eine schwere Arbeit. Viele Menschen erkrankten und starben vor Hunger, Kälte, unmenschlichen Arbeitsverhältnissen. Seit 1947 war der Opa kein Kommunist mehr.

In den Kriegsjahren verlor der Opa Kontakte mit seinen Verwandten. Nach dem Krieg versuchte er die

Verwandten zu finden, aber seine Versuche blieben umsonst. Es gab keine Spuren in Archiven, er fand keine Information über seine Verwandten. Nach dem Krieg arbeitete er im Maschinenbauwerk. Der Opa starb am 25 April 1997 in Slatoust.

Mich interessiert, ob Opas Verwandte und ihre Kinder am Leben sind. Das möchte wissen. Bis jetzt weiß ich nur einiges aus ihrer Biografie, z.B. der älteste Bruder Schulz Nikolaj, geboren 1906, wurde aus Ufa in die Rote Armee als Offizier einberufen, ist vermisst. Der jüngere Bruder Schulz Leonid, geboren 1912, lebte bis 1941 im Dorf Drushkowka, Rayon Konstantinowka, Gebiet Stalin, in der Ukraine. Die Schwester der Mutter (väterlicherseits) Paulina lebte auf der Station Dshankoiij auf der Krim, wo ihr Ehemann als

Stationsvorsteher arbeitete. Die zweite Schwester Tkatschenko Antonina, geboren 1900, lebte auch im Dorf Drushkowka. Ihr Mann starb kurz vor dem Krieg. Die dritte Schwester Schewtschenko Natalija, geboren 1909, lebte mit ihrem Ehemann auf der Station Sewastopol auf der Krim.

Wo sind sie jetzt? Frage ich oft meinen Vater Viktor und bekomme keine Antwort darauf. Schade, vielleicht sucht man auch nach meinem Vater und seinen Verwandten und findet nicht? Warum hat Stalin so gemacht? Warum gibt es Kriege auf der Erde? Warum konnten die Menschen nichts gegen den Krieg machen? Warum gab es so viele Kriegspopfer? Warum, warum, warum? Ich bin klein, aber die Kleinen können auch viel für den Frieden machen. Ich wünsche mir und allen Kindern der Welt Frieden.

Ich denke oft an meine Urgroßeltern und Großeltern, an ihr Leben. Nach dem Krieg suchte der Opa nach der Oma. Das Rote Kreuz half ihm dabei. Die Großeltern kamen 1948 nach Slatoust. Und die demütigenden Jahre bis 1956 sollten sie auch erleben, bis die Zeit der Kommandantur vorbei war. In diesen Jahren arbeiteten meine Großeltern im Militärmaschinenbaubetrieb namens Lenin.

Im Schuljahr 1961-62 gründete man in der Stadt Slatoust die Schule mit erweitertem Deutschunterricht. Ihr erster Schulleiter war Maxim Klein. An dieser Schule unterrichtete auch meine Oma. Sie war Deutschlehrerin und die Schüler mochten sie sehr. Sie war eine geachtete Persönlichkeit. Dem Streben, den Kindern tiefe Deutschkenntnisse beizubringen, half ihr großes Talent. Viele ihre Schüler wurden später Lehrer. Meine Oma war ein Vorbild für sie. Sie starb am 25 Oktober 1998 in Slatoust.

Sie war kein Held, kein Musikant,
Kein Maler und kein Ingenieur,
sie hatte kein Gold in ihrem Schrank,
sie schätzte das Leben, aber teuer!
Was ist das Glück? Wer kann das sagen?
Wenige antworten, viel aber fragen.
«Wenn du nicht umsonst lebst auf der Erde,
und wenn dein Herz nicht müde werde».

Ich bin sicher, so lebte meine Oma. Für ihre Heimat, für ihre Mitmenschen, für ihre Familie. Meine Tante Lilli absolvierte ein Technikum und wurde Techniker-Technologe im Maschinenbaubetrieb. Sie ist 72 Jahre alt und ist Rentnerin. Ich mag sie sehr. Sie ist hilfsbereit und großherzig. Sie liest viele deutsche Bücher. Das ist ihr Hobby. Sie hat eine Tochter. Tatjana ist Kindergärtnerin. Sie besucht ihre Mutter oft und hilft im Haushalt. Sie malt gern und veranstaltet manchmal ihre Bilderausstellungen.

Mein Vater Viktor war über 30 Jahre Chemielehrer und hatte seinen Beruf gern. Er hat Regierungsauszeichnungen für seine gute Arbeit als Lehrer. Er sagt mir, es ist wichtig, ein richtiger und nützlicher Mensch zu sein. Die Nation spielt dabei keine Rolle. Das Leben jedes Menschen ist das Erbe seiner Kinder. Seiner Meinung nach haben wir von unseren Großeltern ein sehr reiches Erbe erhalten. Jetzt kann er nicht mehr arbeiten. Er ist krank. Oft ist er traurig. Ich mag ihn sehr, kann aber nicht helfen. Er freut sich, wenn ich gute Noten bekomme. Ich besuche die Musikschule und spiele Gitarre. Der Papa ist sehr zufrieden, wenn er meine Lieder hört. Dann wird sein Gesicht ein bisschen fröhlicher. Ich möchte meinem Papa viel Freude bringen.

Mein ältester Bruder Oleg ist ein guter Student. Es ist nicht leicht, an der Russischen Universität für Chemie und Technologie namens Mendelejew in Moskau zu studieren. Er kommt in den Ferien nach Hause. Ich freue mich, wenn er mich nach dem Unterricht abholt. Wir gehen Hand in Hand und ich höre, was

mein Bruder über Moskau erzählt. Ich möchte auch in Moskau studieren, vielleicht Deutsch. Oleg spricht Deutsch gern. Er absolvierte die Schule, wo ich jetzt lerne. Das ist die Schule Nr. 10 mit dem Schwerpunkt Fremdsprachen. Ich durfte entweder Deutsch oder Englisch lernen. Mein Wunsch war Deutsch zu lernen. Ich lerne Deutsch das dritte Jahr. Ich weiß ganz genau, meine Großeltern würden sich sehr freuen, wenn sie wüssten, dass ich ihre und das bedeutet auch meine Muttersprache – Deutsch- lerne. Deutsch lernen macht mir Spaß! Und das ist meine Pflicht, so denke ich. Meine Großeltern bleiben für mich gutes Vorbild in der Liebe, Treue und Anständigkeit. Ich denke an sie, vermisse sie. Unsere Familie unterstützt mit Omas Verwandten in Russland und in Deutschland Kontakte und wir möchten über das Schicksal der Verwandten von meinem Opa etwas erfahren und sie finden. Das ist der größte Traum unserer Familie.

Ich frage meinen Vater oft: «Sag, Papa, was ist Heimat für dich? Warum bist du in Russland und nicht in Deutschland?» Er schweigt lange und sagt dann: «Heimat ist der Ort, wo du dich wohl fühlst. Ich fühle mich wohl dort, wo meine Familie ist». Und ich liebe meine Eltern. Sie lieben mich ja, auch so sehr. Ich will sie lieben mehr und mehr. Meine Eltern und ich haben die Heimat. Diese Heimat heißt Russland. In dieser Heimat gefällt es mir. Mit Papa und Mama, da hab ich ganz viel Mut! Und wenn ich groß bin, ziehe ich nur für kurze Zeit aus. Dann sage ich: «Leb wohl, meine Heimat! Ich komme bald wieder zurück!»

Марина Александровна Шнайдер,

Год рождения - 1983

Лингво-гуманитарная гимназия № 96, 9 «а» класс, Челябинск

РАССКАЗ О МОЕЙ СЕМЬЕ

Мои предки появились в России на Украине в XVIII веке. Он обосновались в Одесской губернии, возле села Северлиновка, в маленькой немецкой колонии Mannheim. Со временем предки перебрались в Sussannendorf. В этом поселении они основали фамильный хутор Шнейдеров. Он и сейчас находится там, но в нашем фамильном доме давно живут чужие люди. О своих предках и их потомках я узнала со слов моих родственников.

Род Шнайдеров берет свое начало с моего прапрадеда Бальтазара Шнайдера и его жены Агаты. Они были простыми крестьянами. В 1881 году у них родился сын Иоханн (мой прадед), а через два года - дочь Эльза. Супруги Шнайдеры были очень набожными людьми. Сами очень трудолюбивые, они и своих детей с раннего детства приучали к труду. Мой прадед Иоханн рано остался без отца. В свои неполные 18 лет он становится хозяином хутора, и все заботы о хозяйстве, семье, доме ложатся на его плечи.

Ему приходилось очень много трудиться. В 1903 году он знакомится с девушкой из

соседнего немецкого поселения Neu Baden Bezirk Каролиной Юнг. Она была единственной дочерью зажиточного крестьянина Ищзефа Юнга и Гертруды Юнг (моих прапрадедушки и прапрабабушки). По воспоминаниям моих родных, они были очень красивой, дружной и любящей парой. От их счастливого брака на свет появилось шестеро детей. Две первые дочери - Агата и Элизабет родились в Mannheim. В 1910 году мои прадеды переезжают в местечко Sussannendorf рядом с украинским селом Гудевичи. Здесь у них появилось еще две дочери - Роза (1912 г.р.) и Вильгельмина (1914 г.р.). И, наконец, в 1915 г. на свет появился долгожданный и единственный сын, наследник, мой дед Иоханнес Шнейдер.

Говорят, что это событие мои прадеды отмечали особенно радостно и торжественно. Последним ребенком в семье была дочь Гертруды, родившаяся летом 1917 года. Благодаря упорству, трудолюбию и любви к своей семье, мой прадед смог приумножить наследство, оставленное ему отцом и приобрести большой участок земли (свыше 100 десятин), построить

2-х этажный просторный дом, нанять батраком для работы в поле и на скотном дворе.

Прадеды мои были трудолюбивые и умелые люди. Бабушка Каролина, говорят, была необыкновенной рукодельницей, прекрасной хозяйкой и матерью. Она занималась воспитанием детей, ее дом сиял чистотой и порядком. Вся семья ходила в одежде, сшитой ее руками. Дочери щеголяли в платьицах и чепчиках, украшенных оборками и рюшками. А какие пироги и торты она пекла, даже из картофеля выпекала красивые розы.

Казалась бы, все в жизни моих родных складывалось хорошо - был о здоровье, лад в семье и достаток, подрастали дети, но в стране началась коллективизация и моего прадеда раскулачили. В 1929 г. у него отобрали все имущество и отправили всей семьей в ссылку в Архангельскую область. Прожив там три года, он умирает от пневмонии. Оставшись на чужбине одна, моя прабабушка Каролина, замученная лишениями, унижениями, страхом потерять детей идет на риск - подделывает подпись и печать на документах, разрешающих им выезд на родину, на Украину. Под чужой фамилией они опять поселяются в Sussanenndorf.

Здесь прабабушка Каролина выдает своих дочерей замуж. Свадьбы наши родные праздновали, соблюдая обычаи, принятые у католиков. В начале было торжественное венчание в церкви, а потом - веселая свадьба с застольем, танцами, играми... Шли годы... Семья продолжала расти: появились внуки Иван, Эдуард, Роза, Лидия (двоюродные братья и сестры моего папы).

Но вот грянул 1941 год. Всех немцев-мужчин депортировали в Казахстан, в трудовую армию. Женщины с малыши детьми остались одни и оказались на оккупированной территории. В 1944 году отступающие гитлеровцы вывезли их в Германию. С марта 1944 года по май 1945 наши родственники жили в городе Klindow bei Werdau в лагере для переселенных из России немцев. Когда в 1945 г. в эти места пришли советские войска, они предложили русским немцам добровольно вернуться в Россию.

Моя прабабушка Каролина очень хотела найти своего единственного сына - моего деда, попавшего в трудовую армию в самом начале войны. А ее дочери мечтали встретиться со своими мужьями. Поэтому они дали согласие добровольно вернуться в Россию, но с условием, что им разрешат поселиться на своей родной земле в Одесской области. Им это обещали, но свое обещание не сдержали - привезли их в январе 1946 в Новосибирск.

Поселили в барак № 18 на пл. Ефремова, а прабабушку Каролину поставили сразу на учет спецкомендатуры. Несколько лет шли безрезультатные поиски Иоханесса и лишь в 1954 г., незадолго до смерти моей прабабушки, состоялась незабываемая встреча матери с сыном. 13 долгих лет они не виделись и не знали, жив ли тот, кого они пытаются разыскать. Мой

дедушка ездил на встречу с родными со своим сыном - моим папой, которому тогда было 4 года. Папе до сих пор кажется, что он помнит ласковую и добрую бабушку Каролину. Через год она умерла - остановилось сердце, как будто она закончила все свои земные дела.

В Новосибирске наши родственники проживали до 1970 года. Жили дружно, одной семьей. В семье сохранялся уклад, завещанный прадедами. Работали не покладая рук, сутками - один ложился, другой вставал. Все обязанности были четко разделены. Работали на производстве, дома, на участке и ухаживали за скотиной. И их великий труд был вознагражден - в семье появились деньги, достаток.

В 1970 году они переезжают в Молдавию, в Бендеры, а в 1976 перебираются по постоянное место жительства в Германию в небольшой город Пфорцхайм. Правительство Германии в свое время выделило всем нашим родным большие суммы денег за потерю имущества их раскулаченного деда Иоханна в России. На эти деньги они построили дома и живут хорошо.

А вот на долю моего родного деда Иоханнеса выпала судьба еще более тяжелая и трагическая, чем у многих его родственников. В июле 1941 года его забрали в трудовую армию и направляют на работу в соляные шахты Соликамска. Тяжелый, изнурительный труд подрывал здоровье. Холод, плохое питание - постоянные спутники жизни моего деда. Но его спасает то, что он до войны был шофером и его под конвоем в 1942 году перевозят в Куйбышевскую область в Чапаевск, где он работает шофером в закрытой зоне. В 1943 году его снова перевозят, на этот раз в Челябинск, на строительный металлургического завода. Он был в 1,2,4 и 6 отрядах и работал автослесарем, шофером.

Сколько немцев погибло в первые годы строительства завода! На костях, на крови и поте людей возводились цеха и агрегаты завода. Мой дедушка и тут выстоял. В сентябре 1946 года он знакомится с немкой Нинель Клаус, работающей медсестрой в Челябинске. 7 ноября 1948 года мой дедушка и бабушка поженились, а через год у них родился сын Александр - мой папа. В 1952 году у них рождается второй сын - Анатолий. В этом же году мой дедушка начинает строительство собственного дома в поселке Першино. И как все Шнайдеры, обладая великим упорством и трудолюбием, он возводит большой, просторный дом, в котором долго и счастливо будут жить его жена, дети и внуки. В 1955 году деда сняли с учета спецкомендатуры, а за ним и бабушку. В 1957 году он устроился на работу в автотранспортную колонну №1 шофером грузовика. Мой дедушка участвовал в ликвидации аварии на ПО «Маяк» в 1957 году. Скорее всего, дедушка там получил повышенную дозу радиации, заболел раком легких и в январе 1967 года умер. Моему папе было 17 лет, а

ему брату - только 14. Бабушка Нинель стойко и мужественно перенесла все беды, которые преподнесила ей жизнь. Вырастила хороших сыновей, выучила их, нянчила, растила внуков, вела хозяйство, сохраняла для будущих поколений дом. Она намного пережила своего мужа. В сентябре 1996 года ее не стало. Мне очень жаль, что я не видела своего дедушку. Говорят, он был добрым, ласковым и очень любил детей. Конечно, я думаю, он любил бы и нас, своих внуков. Но он так трудно жил, и так рано ушел из жизни.

Мой папа закончил строительный техникум, работал на деревообрабатывающем комбинате № 1 сначала электриком, потом механиком котельного цеха, затем главным механиком. В

1978 году он уходит на ЧМЗ старшим электриком. Мой папа, как и все его предки, умеет и любит работать. У него «золотые руки», он умеет все. Мои родители поженились в 1973 году, в 1974 г. у них родился сын Евгений - мой старший брат. Я родилась в 1983 году, сейчас учусь в школе № 96 с углубленным изучением немецкого языка. Мой брат закончил сельскохозяйственную академию и сейчас работает. У папиного брата Анатолия тоже хорошая семья: растут две дочери школьницы - мои двоюродные сестры.

Когда я писала этот реферат, я узнала много нового и интересного о себе и о своих родных.

Mantyk Vladimir

MEINE VORFAHREN MANTEI + KELLERT

Мои предки:

Прадед Мантей Фридрих моя прабабушка Мантей Матильда (Келлерт) жили в Украине Житомирской области Барановский район село Наталия.

Мантек Данил Фридрихович 1904 года рождения, место рождения - Киевская обл., Барановский р-н, с.Наталя, немец, проживал - , с.Волыньск, мобилизован - Красноармейским РВК, 09.02.1942, причина убытия - освобожден 07.05.1943.

В 1936 году их репрессировали по национальному признаку в Казахстан Кокчетавская область Келлеровский район село Волыньское. У них было 11 детей, в дороге умерло или пропали без вести 9 и умер мой прадед Фридрих.

В Казахстан по месту назначения прибыли Матильда и двое её детей Данил и мой де-

душка Рихард.

В 1941-42 году Данила и Рихарда забрали в трудовую армию город Челябинск, где мой дед умер от того, что его запинали ногами солдаты. Это произошло от того, что мой дед Рихард которому было 28 лет на тот момент, не смог толкать вагонетку из шахты и упал на землю. 12 ноября 1942 года его не стало, справке о смерти стоит, что он умер от сердечной недостаточности.

У моего прадеда был брат Фердинанд, у которого была жена Эмилия, она сестра моей прабабушки Матильды. И так у Матильды была сестра Эмилия, Верта и брат Герман Келлерт. Все мои предки были Лютеране, и прадед Фридрих служил при кирхе. Я хотел бы найти тех, кто знает что-то об этих людях.

30.03.2010

Mantyk Vladimir

MEINE VORFAHREN MANTEI + KELLERT (ÜBERSETZUNG)

Meine Vorfahren:

Urgroßvater ManteyFriedrichund ManteyMatilda (geb. Kellert) lebten in der Ukraine, Zhitomir Oblast, Baranowskij Rajon, Dorf Natalia.

Mantek Daniel des Friedrich, 1904 geboren, Dorf Natalia... Deutscher, lebte im Dorf Wolynsk.

Im Jahr 1936 wurden meine Vorfahren aufgrund der Nationalität nach Kasachstan, Oblast Kokschetau, rajon Kellerowo, Dorf Wolynsk repressiert.

Sie hatten 11 Kinder, auf dem weg verstarben oder verschwanden 9 und mein Urgroßvater Friedrich verstarb.

In Kasachstan ankamen: Urgroßmutter Matilda

und ihre zwei Kinder Daniel und Richard (mein Großvater)

3.Absatz nicht übersetzt, da nicht wichtig für Wolhynien-Forschung

Mein Urgroßvater hatte einen Bruder Ferdinand, der war verheiratet mit Emilie Kellert, der Schwester meiner Urgroßmutter. Sie hatten noch die Geschwister Berta und Hermann Kellert.

Alle waren die Lutheraner und mein Urgroßvater Friedrich arbeitete für/in die/der Kirche (diente der Kirche).

Ich würde gerne jemanden finden, der etwas über diese Leute weiss.

Nur die Teile übersetzt, die wichtig sind.

ПАПА (печатается с сокращением)

22 апреля - знаковый день календаря, который совсем недавно знали даже ребяташки в детском саду, а для меня это, прежде всего, день рождения отца, сегодня ему могло исполниться 99 лет.

В советские времена к знаменательному дню приурочивали массовые мероприятия в школах: приём в октябрята, пионеры, комсомол (сам поступал так в 1955 г.), а в брежневский период широко распространилась повсеместная уборка территории под названием «ленинский субботник». Ничего плохого в весенней очистке жилых микрорайонов, конечно, нет, отвратительно, когда подкладывается идеологическая подоплёка. Компенсировалась партийная болтовня массовой пьянкой производственных групп участников (20-30 человек) по завершении субботника на квартирах, но и здесь никогда не забывал про день рождения папы и провозглашал тост за его здоровье. Ну а сегодня только с женой Тамарой пропустим по рюмочке самодельной кедровой настойки.

Всплывают в памяти отдельные штрихи поведения папы, не вошедшие в ниже приведённый текст. Скажем, он до последнего противился переезду из Казахстана в Германию («старое дерево не пересаживают!»), но уступил давлению мамы и многочисленных родственников. Помню, когда во время отпуска бывал в Талды-Кургане, и мы с папой шли куда-то по улице, полгорода здоровались: «Доктор Полле идёт!». А вот в Папенбурге о хирурге высшей категории, спасшем тысячи человеческих жизней, соседи и прохожие знали только как о старике из России. Не в курсе папиных душевных эмоций, но меня это очень задевало.

Папа ушёл из жизни в день рождения своего отца, моего деда - Христиана (1880 г.). Удивительно, я никогда раньше не слышал об этой дате и не был свидетелем её отмечания, узнал от Вельды только при сообщении о смерти папы. Последние годы, по словам Вельды, папа в этот день вспоминал своего отца, однако 03.04.2002 г. не вспомнил. Хотя с утра в этот рядовой день (среда) надел свой лучший костюм, в нём был и похоронен.

Христиан Полле, мой дед, трагически рано ушёл из жизни в возрасте 54 года. В два раза меньше прожила моя родная бабушка Доротея Полле (папа - двойной Полле). Несколько раз приходилось встречаться с родными сёстрами бабушки Доротеи, в 1955 г. в Копейске и в 70-е в Абхазии (как тепло они воспринимали племянника Гельмута). Лично слышал претензии к Христиану, они внушали папе, что Христиан виновен в смерти Доротеи. Деталей, к сожалению, не помню, но факт остаётся фактом, в 7 месяцев папа (родился 22 апреля 1914 г.) остался третьим ребёнком на руках физически крепкого нищего крестьянина.

Первое запомнившееся впечатление о папе относится к 1946 г., когда он приехал за нами в Уштобе из Челябинска. Папа выглядел необычно для послевоенного Казахстана: болотно-зелёное демисезонное пальто, яркий клетчатый пиджак, жилетка (американская помощь по «ленд-лизу»), позже мы подобную одежду видели на героях кинофильмов, «взятых в качестве трофеев». Закроешь глаза и видишь, как папа подбрасывает меня, пятилетнего, на руках.

Тяжелейшие испытания выпали на долю

1914 г. Дед Христиан Полле - вдовец. На коленях Гельмут, мой папа.

папы в трудармии («Так было!»), но приобретён богатейший профессиональный опыт, было у кого поучиться. В концлагерях среди русских немцев были не только рядовые крестьяне и молодые интеллигенты, как папа, но и выдающиеся личности из разных областей дея-

Папа

тельности. В частности, на профессиональную подготовку отца сильно повлиял профессор-хирург А.А. Буш. (возможно, ошибка, был А.А. Руш)

Через 10-15 лет после трудармии, во второй половине 50-х, я несколько раз вместе с папой посещал деревни с преимущественно немецким населением (в пределах 100-150 км от Талды-Кургана, Текели). Надо было видеть и прочувствовать отношение простых крестьян к «доктору Поле», от немногих оставшихся в живых трудармейцев легенды о его работе передавались следующим поколениям. Единички из оставшихся в живых и переехавших в Германию трудармейцев поддерживали переписку с моими родителями, несколько человек приезжали на похороны.

Неоднократно приходилось наблюдать популярность папы среди больных, выздоровевших, причём слухи о его выдающихся способностях хирурга, широко были распространены и среди людей, не попадавших в больницу. Хочу подчеркнуть, что речь идёт не столько о русских немцах, временами в окружении нашей семьи немцев почти не было, а о людях, независимо от национальности. Я уже писал, как через 30 лет после уезда из Челябинска-40 на площадке ТНХК ко мне подошёл руководитель крупной строительной организации из «сороковки» и спросил: «Хирург Полле - не Ваш родственник?»

Сколько раз приходилось видеть, как больные идут прямо домой после неудачных попыток прорваться к нему на консультации непосредственно в больнице. Кого только среди них не было: казахи, корейцы, чеченцы, весь казахстанский национальный спектр. Обычно

папа переправлял всех на приём в больницу. Никогда не брал денег с больных. В памяти сидит случай, когда чеченец толкал мне, девятикласснику, в руки пачку двадцатипятирублёвок «на конфеты» и как папа эти деньги возвращал.

Ещё случай. В 9-м классе историю преподаёт 30-летний кореец, отец пяти детей. Передвигается на костылях, после травмы в 14-летнем возрасте одна нога не разгибается в колене. Папа вместе с мамой сделал ему сложную операцию (в Алма-Ате не брались), через месяц он появился в школе без костылей с тростью для страховки (16 лет ноги имели разную нагрузку). В воскресенье пришёл к нам домой и со слезами благодарности пытался вручить родителям пакет с деньгами. Не взяли. У меня слёзы появляются, когда вспоминаю превращение инвалида в нормального человека. Противно, что я вёл себя на уроках хорошего учителя истории неподобающим образом, вплоть до игры в карты с соседями по партам, но он не делал мне замечаний.

В папе одновременно уживались страх и бесстрашие. С одной стороны, бесстрашие хирурга, энергичность при выполнении должностных обязанностей, скажем, главврача областной больницы или областного хирурга. Приходилось наблюдать его резкую и решительную манеру поведения администратора при постановке задач и спросе с подчинённых. Студентом, аспирантом мне сложно было оценить папин труд руководителя, теперь на многое смотрю глазами руководителя не малого коллектива и вижу, насколько он был прав, скажем, при мгновенном пресечении попыток шантажа со стороны подчинённых. Конкретный пример. Я в папином кабинете. Появляется хорошо знакомый и мне, отличный специалист, возглавлявший сравнительно большое автохозяйство областной больницы, и начинает канючить повышение зарплаты. Папа молчком поднимает телефонную трубку и даёт команду отделу кадров подобрать кандидатуру на пост просителя. Здоровый мужик пулей выскочил из кабинета и... много лет продолжал работать в прежней должности. В то время решительность папы показалась мне чрезмерной. Другой хорошо запомнившийся случай. Папа летит самолётом на сложный вызов, при посадке санитарный АН-2 переворачивается. Папа повис на ремнях, благо, пристегнулся, керосин хлещет через открытый вентиль, чудом не произошла трагедия. Папа вернулся на следующий день на машине (300 км) в состоянии тяжёлого стресса, заявил, что больше не полетит, а дня через 3 отремонтированным самолётом отправился на очередной вызов.

С другой стороны, папа до конца дней своих испытывал животный страх перед НКВД и всеми его последующими обличиями. Житейские перипетии 30-х, 40-х, 50-х в страшной атмосфере насилия без человеческого законов и правил, стремление сохранить семью, детей сформировали в характере папы ощущение бессилия перед властью, ведь именно НКВД,

МГБ, КГБ выступали от имени власти. Даже в 1957 г. папа категорически возражал против переписки с объявившейся в Канаде тётёй Вельдой. Должен сказать, что, одобрив первый сборник «Мозаики», папа настоятельно и неоднократно просил убрать из него фрагмент, касающийся моих сложных взаимоотношений с КГБ. Моё упрямство - признак следующего поколения, которое с конца 50-х стремится к переменам. Раньше я думал, что наши дети, внуки не будут бояться власти, однако последние изменения в Москве вызывают сомнения, что когда-нибудь Россия станет демократической, государство будет существовать для человека, а не наоборот.

Мелкий штрих-воспоминание из далёких до телевизионных времён. Компания играет в «подкидного дурака». Папа, имея на руках мелкие и крупные карты, всегда азартно ходил с крупных. Нередко добивался конечного успеха, особенно при игре с людьми, мало знающими его характер.

Любил он в свободное время постучать костяшками домино. А манера та же, заметно стремление к риску, полностью отсутствует желание спокойной позиционной игры. В молодости подобная манера была характерна и для моего поведения в игровых ситуациях, удивительно, но только сейчас я понял, что это влияние отца.

Папа любил футбол, не пропускал матчей на стадионе Талды-Кургана, один из активных организаторов и болельщиков футбольных матчей между хирургами и работниками хозяйства областной больницы. Два-три лета и я играл за команду хирургов, как бы подменяя отца. Папа - азартный болельщик, а дядя Ваня Пеннер (папин ровесник) стоял на воротах, ему приходилось трудней всех в команде хирургов. Довольно интересные игры, шофера и слесари, как правило, нас опережали. Последние годы жизни папа продолжал активно наблюдать футбол и в Германии...

Папа - человек от земли! Сколько помню, в доме всегда было небольшое сельское хозяйство. Огород, сад - само собой, но и живность постоянно (до уезда в Германию). В Челябинске-40 держали кроликов, папа каждый день, возвращаясь домой с работы, приносил мешок травы. На Колыме у нас были куры и свиньи, причём зимой жили на кухне, клетка с десятком кур располагалась над клеткой с Васькой и Борькой, на подоконниках стояли ящики с проращиваемым овсом, используемым в качестве зелёной подкормки. Даже когда мы жили в многоквартирном государственном доме в Текели, в сарае держали кур и голубей. Папа с детства любил голубей, поощрял моё увлечение, но не мешал советами. Кстати куры «рады», когда голубиный птенец случайно вываливается из гнезда, мгновенно разрывают птенца на куски и поедают (для меня кровавость кур стала откровением). В Талды-Кургане тот же набор: куры, свиньи, кролики. Домашняя живность обеспечивала некоторое подспорье в питании

семьи, но не это было главным. Основное: домашней работой по хозяйству папа (да и мама тоже) снимал нервную перегрузку от сложной профессиональной деятельности хирурга. У хирургов принято снимать стресс алкоголем, многие спиваются и рано уходят из жизни, папа выпивкой не злоупотреблял. Сад, сарай, курятник, печка требовали серьёзных физических усилий и ежедневного внимания, но домашняя работа поддерживала его здоровье, позволила дожить папе до весьма солидного возраста.

В Папенбурге папе занятий по хозяйству не хватало. Дошло до того, что папа начал подрабатывать, занимаясь рубкой-пилкой и складированием дубовых веток на месте будущего строительства дома. Начинили они вместе с дядей Отто, получили первый раз по 300 ДМ и дядя Отто отказался (мало хозяйка платит), но папа более упорный. Пока я был у родителей в августе 1994 г., выходил вместе с ним по утрам на эту тяжёлую для пожилого человека работу. Папа задыхался, но чувствовалось, что работа ему нравилась, напоминая разделку саксаула во дворе дома в Талды-Кургане.

Ностальгия, тоска по Талды-Кургану преследовали папу до последних дней, помню как в апреле 2001 г. в очередной раз убеждал папу, что ситуация в Талды-Кургане изменилась и возврат к прежней жизни невозможен. Папа во всех бедах винил Ельцина, ненавидел его. Много мы с ним на эту тему говорили, после моих активных убеждений папа замолчал, но оставался при своём мнении. В чём я с папой согласен, с беспринципностью Ельцина в проблеме «русских немцев». Ряд непродуманных (!) выступлений Ельцина и немцы Казахстана и Сибири, включая русских и наполовину русских членов семей, лавиной ринулись в Германию. А власти России в начале 3-го тысячелетия «чешут затылок», как изменить демографическую ситуацию, откуда привлечь рабочую силу. Правители России в XVIII веке организовано привлекали квалифицированную рабочую силу из Европы, а нынешние беспомощно наблюдают неконтролируемое заселение России нищими неграмотными выходцами с Юга и Востока (китайцы, вьетнамцы, афганцы, азербайджанцы, таджики, курды...), стимулирующими развитие криминального бизнеса, нелегально переправляющими в родные страны миллиарды долларов.

Отвлёкся на большую политику, прошу читателя простить, обидно за «русских немцев». Возвращаюсь в родительский дом.

Каждый член семьи имел за столом своё место, моё место рядом с папой, сбоку. У папы своя кружка, которой никто не пользовался. Если папа отсутствовал, мама предлагала занять место во главе стола мне. 7 апреля, через 2 дня после похорон папы в телефонном разговоре с тётёй Мартой до глубины души затронула фраза: «Сидим пьём чай (поминки), а папы не хватает на своём месте». В своих семьях пытался внедрить нечто схожее, по

крайней мере, имею постоянное место за столом (ежедневным и праздничным). С персональной кружкой сложнее, дети старались и стараются пользоваться ей, а в результате, постоянно разбивают.

Папа за столом непривередливый, но отдельные его привычки в семье знали. Не любил говядину (куры, свинина, баранина, кролики - да, говядина - нет). Раньше не задумывался, может быть, это шло с детства, когда корова являлась единственной кормилицей большой семьи. Не ел овощной салат со сметаной, для него мама специально готовила с растительным маслом. Можно, наверно, ещё что-нибудь вспомнить из необременительных для семьи привычек папы.

Я с детства много читал, любовь к газетам привил мне папа. Сколько помню, в нашей, моей семье выписывалась газета «Известия», теперь я член клуба «Известий» с личным номером, регулярно отправляю в редакцию реплики и получаю ответы (последние годы «Известия» навевают брезгливость и в моём доме эта газета исчезла - 18.04.13 г.]. Несколько раз в семье родителей приступали заново к созданию домашней библиотеки. Богатый набор медицинской литературы, множество подписных изданий. Хорошие собрания сочинений публиковались в качестве приложения к журналу «Огонёк», который тоже выписывали «вечно». Масса приключенческой литературы. Бросили книги в Челябинске-40, бросили на Колыме, бросили в Талды-Кургане при переезде в Германию. В последнем случае часть книг папа раздарил внукам из Тюмени, несколько собраний сочинений забрал я в Томск (Стен-

даль, Голсуорси, Бунин, Вересаев) и сейчас они стоят перед моими глазами в «кабинете». Остальное роздано знакомым и соседям. Я не помню папиных литературных предпочтений, скажем, на видном месте стоял «Краткий курс ВКП (б)» под редакцией Сталина, 1946 года издания. Помню ненависть папы к известному писателю Эренбургу. Наверно, это отрывок военных лет, когда трудармейцев, советских немцев, выстраивали и заставляли хором повторять текст националистической листовки Эренбурга «Убей немца!» Такие изощрённые издевательства забыть невозможно...

Попытался окинуть взглядом всю жизнь папы. Что бросается в глаза? Папа прожил большую и тяжёлую жизнь, вырвался из убогой нищеты, поднял детей с их сложными семейными судьбами, достиг выдающихся результатов в профессиональной деятельности врача, хирурга. Гордился достижениями сына, включая доброжелательное отношение к литературному творчеству, внимательно следил за успехами шести внуков, пяти правнуков. Конечный результат - дети после ухода родителей оказались нищими (по современным понятиям, не голодают, как папа в 20-е), сын не имеет финансовых возможностей поехать на похороны, а у дочери остались крупные долги после проводов папы к маме. И это не вина папы, а беда эпохи, страшного 20-го века, сколько миллионов, миллиардов людей на планете, включая Российскую империю, оказались несчастными не по своей воле. Родители мечтали, что их дети будут жить лучше, теперь уже я мечтаю, чтобы мои внуки жили лучше, чем их дед и родители.

ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

4 ноября мы отмечаем День народного единства. Этот праздник каждый год напоминает нам о том, как в 1612 году россияне разных вер и национальностей одолели грозного врага и привели страну к стабильному гражданскому миру. И ещё раз подтверждает, что сила любого народа - в единстве.

В трудовом коллективе «Миньярского карьера» плечом к плечу работают люди разных национальностей и вероисповеданий. И каждый из них на своем рабочем месте стремится сделать всё, чтобы стабильно работало и процветало его предприятие.

Петр Петрович Тевс, водитель БелАЗа АТЦ:

- Я считаю себя русским, хотя и ношу старинную немецкую фамилию Тевс. Она происходит от имени Тевье, как фамилия Иванов - от имени Иван. Она досталась нашему роду от родственников, которые триста лет назад переехали на Украину из...Голландии. То есть мои предки были склонны к перемене мест. Но менять место жительства им приходилось не по собственной воле. В начале прошлого века моих дедушку и бабушку раскулачили, выслав на Урал, в город Копейск. Здесь в роковом 1937 году родился мой отец. В тот же год расстреляли его отца, сочтя врагом народа, а мать с ребенком выслали в Черное Плёсо. Здесь мой отец и вырос, не зная языка своих предков. Взял в жены русскую девушку, которая приехала в поселок по распределению библиотекарем. И вскоре родился я. В нашей семье не соблюдают немецких традиций. Мы обрусели, но, удивительное дело, мои коллеги, бывает, называют меня «натуральный немец». Отмечая тем самым мою излишнюю педантичность, которой славились представители немецкой национальности.

**22 января 2014 года
«Стальная искра»,
газета Ашинского муниципального района Челябинской области**

Лариса Вайцель

КОЛЕСО РЕПРЕССИЙ ПО СЕМЬЕ ВАЙЦЕЛЬ

Мне выпала счастливая доля быть носителем фамилии Вайцель, которая мне досталась от отца - Вайцеля Генриха Давыдовича (по рождению) и Кондратьевича (по усыновлению). 22 года как нет его в живых. Но до сегодняшнего дня, где бы я ни появлялась, фамилия Вайцель для меня является визитной карточкой: любой человек, который хоть недолго был знаком с моим папой, пытается выразить свое отношение к памяти о нем. Еще будучи маленьким ребенком, на вопрос: «Кто является твоим идеалом?», я отвечала: «Папа». Этот ответ сопровождает меня по сей день.

Не встречала я на своем пути людей обладающих такой святостью, как мой папа. Его безупречная честность и чистота помыслов, высокая идейность, бескорыстное служение людям и обществом, доброта и чистосердечность, искренность и бескорыстие покоряли всех, кто находился в ореоле общения с ним. Все перечисленные качества не являются преувеличением. Более того, приумножают свою личную значимость, когда, заглядывая в прошлое моего отца, осмысляешь весь глубокий трагизм его жизни, скитаний и мытарств.

Папа никогда не рассказывал о своем прошлом, никогда не жаловался, не показывал своей боли и страданий. Жил настоящим. Излучал неопишуемый свет и одарил всех своей лучезарной энергией. О его детстве я узнала из рассказов бабушки и воспоминаний сестер. Но от этого моя безграничная любовь к нему становится еще более щемящей и ноющей. «Ну почему же, почему, именно такому человеку как мой отец, судьба приготовила такие испытания?» - думала я постоянно.

Вайцель Генрих Кондратьевич родился 3 ноября 1940 года в селе Гуссенбах, Медведницкого района Сталинградской области. Умер 18 июня 1992 года в Златоусте в возрасте 51 год. Работал на машиностроительном заводе начальником инструментального цеха № 9, председателем Новозлатоустовского райисполкома, начальником опытно-экспериментального цеха производственного объединения «Гермес». Коммунист. Репрессирован по национальному признаку. Реабилитирован посмертно.

ОБРЫВКИ ИЗ СНОВ ПАМЯТИ

Я смотрю из окна...
В никуда.
Я уже не вернусь никогда.
Ни туда не вернусь, ни сюда.

Я не вернусь.
Никогда.
Облачусь в тишину.
В вышину полечу.
Но - один.
Господин сам себе.
Себе - враг.
Задержусь у заброшенных врат.
Все воздастся мне в жизни иной.
Во сто крат. Оглянуться назад?
В безвозврат?
В рай вернуться назад?
Или в ад?
Пекло, сумерки, зной или тьму?
Не пойму. Сам себя не пойму.
Но, лечу я, свободный лечу.
Никого не зову и не жду.
Забываю любовь и вражду.
Сам с собою в ладу.
Ни в аду.
Ни в раю.
Я - нигде.
Я витаю небесный, в тебе...

Это стихотворение было написано мной после папиной смерти. Смотрела ему в незримо уходящую навечно спину. Словесное изложение просто снизошло на меня. Я никогда до сегодняшнего дня не видела на похоронах столько людей и столько плачущих, не только женщин, но и мужчин. Рядом с гробом шла процессия людей, которые хотели хотя бы несколько метров пронести его на плечах. А ночью мне приснился сон, в котором он шел, прихрамывая за похоронной процессией, приговаривая: «Зачем вы меня хороните? Я же живой». Папочка, родной, незабвенно любимый! Ты действительно живой! До сих пор меня останавливают люди и спрашивают: «А кем вам приходится Генрих Кондратьевич? У вас так похожи глаза».

Генриху Кондратьевичу Вайцелю, в простонародье Андрею Вайцелю было всего 10 месяцев, когда 28 августа 1941 года набатом прозвучал страшный сталинский указ. У отца Давида Яковлевича с матерью Елизаветой Яковлевной было четверо детей, мал мала меньше - от десяти месяцев до четырех лет: Генрих, Давыд, Ирма, Тамара, да еще дочери подростки - Мария и Лидия. С Марией и Лидией разлучили сразу - их увезли отдельно в неизвестном направлении.

В годы репрессий и неимоверно тягостных

скитаний из семьи моего папы выжили дети - все, а родители - нет. Мой папа - самый маленький, с братом Давыдом, сестрами Ирмой и Тамарой сначала попали в Тобольский район Тюменской области в село Ростощь, где жили вместе с матерью с 1941 до 1946 года. Голодали, собирали милостыню. За этим занятием детей и поймали, отвезли в детский дом села Аремзянка где они были с около года. В детдоме были дети разных национальностей. Детей российских немцев считали фашистскими отпрысками, забрасывали костями и не пускали в очередь за едой.

Мой папа был самый маленький, его заметила добрая кухарка, которая стала его прятать и подкармливать. Благодаря этому он и выжил. В 1948 году 250 детей детдома села Аремзянка расформировали без соблюдения родства. Брат Давид спрятал маленького братика Генриха в сеновал. Утром на погрузку вышли все вместе - Ирма, Давид и Генрих. Так они вместе и попали в детский дом № 22 села Абалак, где должны были пойти в школу.

Но папу в школу не брали: он был слаб и мал по возрасту. А он приходил на уроки вместе с братиком и сестрой, стоял под дверью, слушал, и какво было удивление учительницы, когда он, самый маленький из всех, стал отвечать на те вопросы, на которые никто не мог ответить. Ему разрешили сесть за парту, он начал учиться и получал одни пятерки. Так мой папа и учился всю жизнь на одни пятерки.

Мой дедушка - Вайцель Давид Давидович, отец папы, пропал без вести в трудармии в лесах северного Урала.

Моя бабушка - Вайцель Елизавета Яковлевна, мама папы, умерла в одной постели с дочерью Тамарой. У нее была длинная и толстая коса. А на ноге разрасталась гангрена, но энкеведешник пинками выгнал ее на работу на глазах у маленькой дочери:

- На работу! Фашистская шлюха!

Она ползла, сколько могла, упала, встала только к вечеру. «Подстриги мне, доченька, косу и попроси у соседки какао». Тамара сделала это. «Вот теперь мне легче. Приляг со мной», - сказала, прикрыла глаза, которые уже не открыла никогда.

Проснувшись утром, Тамара увидела, что рядом с ней лежит мертвая и холодная мама. Дочь побежала по улицам деревни: «Мама умерла, мама!» Но никого не было, один полусумасшедший нищий сидел и перебирал блох на теле. Он то и нашел какой-то ящик, старую кобылку с подводой, сходил в детдом, что за 7 километров, привел Андрюшу (так по-русски звали папу), Давида и Тамару. Кое - как положили покойную в ящик, тронулись. Поздняя осень. Морось, слякоть. Кобылка поскользнулась, упала, не встала, ящик опрокинулся, и покойная так и осталась лежать на обочине.

На товарняках Тамара бежала из-под Тобольска в Златоуст: там были в трудармии ее старшие сестры Лидия, Мария и тетя Лиза - жена

брата отца, тезка и по имени, и по отчеству родной матери. Именно тетя Лиза после войны собрала всех выживших детей родственников по детдома и привезли в Златоуст. Тамара доехала до Златоуста, нашла сестер.

Баба Лиза, тетя Лиза - так называли все родственники эту удивительную женщину, которую мы с моей сестрой всегда считали родной бабушкой: такой любовью и теплом она согревала всех нас с самого детства. Каково же было мое удивление, когда я будучи девочкой, тайно копаясь в семейных архивах, нашла автобиографию, написанную папиной рукой, что «в 1952 году он был усыновлен братом отца и вновь обрел себе родителей». В 1952 году, когда началась первая волна «оттепели» по отношению к спецпоселенцам, баба Лиза, тетя Лиза поехала по всем детдома России и собрала выживших детей родственников - своих и мужа. Своих детей у нее не было. Папа был самый маленький, страдал рахитом. Из-за рахитичного живота не может залезть на сундук. Приехал из детдома с грудой таблеток, таблетки выбросили, купили козу, отпоили козьим молоком, выходили, вырастили, воспитали удивительного человека.

Баба Лиза, помимо Вселенского материнства, взяла собой пример супружеской любви и верности: после войны спецпоселенцам начали давать разрешения на очные свидания с супругами один раз в год. Бабе Лизе приносили из комендатуры «бумажки» и говорили: «Рапишитесь». Русского языка она не знала, но подписывала. Оказалось, что это были отказы на вызовы на свидание с мужем Кондратом, который находился в трудармии под Екатеринбургом. Так продолжалось три года. Появилась хорошая знакомая среди русских комендантов: «Лиза, что же ты подписываешь? Тебя же муж разыскивает. Свидания с тобой ждет. Поезжай в мое дежурство в областную комендатуру. Скажи, что ты хочешь встречу с мужем».

Поехала, дали «вольную» на несколько дней. Села в поезд, не зная русского, повторяла лишь одно название станции на слух, чтобы не проехать станцию. 12 часов ехала, стоя в тамбуре. Приехала ночью: звезды, луна, да тоненькая тропинка в заснеженном бору. Дошла до развилки: куда идти, туда куда зовет сердце, на обочине лежит упавшее с телеги сено - значит рядом люди. Начало светать... поселение. Люди выходят на работу, но это же люди из ее поволжского села! «О, mein Gott...», - прошептала она. Узнали и ее, до слуха начали долетать отдельные возгласы: «Это же Lisbes! Kondrata жена!» «Lisbet! Kondrat на другом берегу!» «Куда же ты идешь! У них у всех там русские жены!!!» «О, mein Gott... - все шептала она, - я буду ей руки целовать, ноги обмывать и волосами вытирать за то, что моего Kondrata напоила, накормила, обогрела и от смерти спасла!

Встретились, и русская жена, и энкэведешник, глядя на встречу Lisbet и Kondrata, сказали: «Это любовь. Бегите! Бегите вместе!

В документах напишем, что без вести пропали. Не сдадим». И они сбежали, лесами, болотами, на товарниках доехали до Златоуста. Три месяца деда Кондрата прятали, как и Тамару, потом открыли. Эндешник был добрый, а дед Кондрат - умелый: он-то и делал все башенки на домах по проспекту Карла Маркса. Так и дожил до последних дней в Златоусте и память добрую о себе оставил.

2012 год. Папы нет в живых 22 года. Дядя Давид в 1961 году попал под трамвай. Дед Кондрат умер в 1987 году. Баба Лиза умерла в 1996 году. До последнего дня она отпевала всех российских немцев в Златоусте, ибо знала все церковные лютеранские обряды, т.к. родилась в семье лютеранского священника. Отпела и моего папу со своим мужем. Тете Марусе 16 октября исполнилось 85 лет, она живет в Златоусте. Тетя Лида живет в Германии с 1976 года.

Моя дочь Олеся, с самого раннего детства, глядя на зажигающие в небе звезды, произнесла: «Мамочка, смотри, дедушки Андрюши звездочка зажглась! А вот и звездочка бабы Лизы и деды Кондрата тоже. Мамочка, они смотрят на нас. Значит они живы-ы-ы!»

А чуть позже, став взрослее, Олеся написала:

Шаг за шагом. Потихоньку.
Добавляются шаги.
К нашей жизни, что в сторонке
Протирает сапоги.
В том углу, где с паутиной
Управляется паук.
Раздается еле слышно
Однообразное тук-тук.
Сон все ближе, и все тише
Подбирается к тебе.
Открывая тайну свыше
В предначертанной судьбе.
А часы все так же тихо
Отбивают свой «тук-тук»,
В том углу, где с паутиной
управляется паук.
Днем за днем и год за годом
Так проходят наши дни.
В городах. Что поглощают
Звезд утраченных огни.
Приоткрой завесу тайны,
Возроди полет души,
И тогда звезды мерцанья
Окрылит твои мечты...

Здравствуйте. Я ищу своего деда Кельбах Якова он с семьёй был депортирован из Крыма, работал в Челябинске. Наша мама Кельбах Лидия Яковлевна работала в трудармии в г. Гремячинск Пермской обл. Она давно ушла из жизни, помогите пожалуйста найти родственников.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ НЕМКИ, КОТОРАЯ СПАСАЛА СВОЮ ЛЮБОВЬ

Оригинал взят у dimabalakirev в История русской немки, которая спасала свою любовь

Мою прабабушку зовут Роза Яковлевна Эйхеле. Ей 99 лет, и я считаю её настоящей героиней. В годы войны советская власть незаслуженно объявила её супруга врагом народа и отправила в лагерь для военнопленных. Несмотря на предрассудки и страх, она боролась за свою любовь и в итоге её спасла. На мой взгляд, это невероятная история! Она закаляет и укрепляет мой дух с тех пор, как узнал о ней...

Я люблю смотреть фильмы про войну. Лучшим проектом современного российского кинематографа мне кажется картина «Мы из будущего». Она подчеркивает простой факт - новое поколение уже не понимает, какую трагедию пережили наши предки.

Несколько лет назад я решил записать историю своей прабабушки. Это часть нашей семьи и мои дети должны узнать, какой она была, и что ей пришлось преодолеть. Мне и самому хотелось прочувствовать жизнь этой великой женщины. Понять дух времени, которое выпало на её век.

Я приехал в квартиру прабабушки. Мы сели напротив друг друга. Я за её любимым письменным столом, она - на старенький диванчик. Я включил камеру, но смог выдержать минут пятнадцать. Ощущения были острыми, слезы потекли произвольно. Одно дело смотреть военные фильмы, где показывают трагические события с далёкими от тебя людьми и другое дело, когда всё это происходило с твоим родственником. Я пытался понять, что чувствует человек, который совершает падение в пропасть - от уважаемого военного до врага народа. Где он черпает силы, чтобы не сломаться? Но обо всем по порядку.

Моего прадеда звали Гергард Заудер. Как и прабабушка, он был потомственным немцем. Их родители переехали в Россию на основании манифестов Екатерины II. Роза работала учительницей немецкого языка в школе, Гергард был военным. Когда началась война, его объявили врагом народа и увезли под конвоем в неизвестном направлении. Гергарда спасли два обстоятельства: случайность и безгранич-

ная доброта его жены...

Слухи об аресте расползлись быстро. Жить с ощущением, что ты жена врага и с тобой не общаются из страха, видеть, как в тебя тыкают пальцем, было невыносимо. Роза Эйхеле понимала - надо уезжать. Вместе с маленьким ребенком на руках (моей бабушкой) она переехала в один из городков Казахстана и попробовала начать все заново.

Как-то в школе, где она преподавала, произошел любопытный случай. Молодая учительница пыталась устроиться на работу, но завуч не хотела её брать. Девушка недавно родила, ей требовалось жилье, а у школы не было лишних «квадратных метров». Моя прабабушка пожалела коллегу и предложила ей пожить в её комнатушке. Этот момент и стал поворотным в нашей истории.

Надо понимать, что время было страшное. Никто никому не доверял. Все боялись доносов и предательства. Неудивительно, что две женщины далеко не сразу доверились друг другу. Но в какой-то момент прабабушка не выдержала и раскрыла тайну о своем муже.

Что его забрали, но вроде бы не расстреляли. Она слышала, советских немцев ссылали в Челябинск на стройки, но не знает - там ли он или нет. Прабабушка пыталась добиться правды от властей, умоляла в письмах дать ей аудиенцию у Сталина, но ответа не было.

По счастливой случайности муж девушки, которую приютила прабабушка, служил в Челябинске. В его обязанности входила охрана пленных немцев. Воодушевленные женщины написали ему письмо, приложив фотографию Гергарда, и стали ждать. Невероятно, но ответ пришел. Мужчина писал, что мой прадед действительно в Челябинске и сейчас болен пневмонией. Ему срочно необходимы лекарства и теплая одежда, иначе он умрет.

Роза Эйхеле оперативно собрала посылку. Отправила все, что могла. В том числе табачок, с помощью которого супруг-зек мог добиться условий получше. Через пару месяцев, Гергард прислал весточку, что все еще жив лишь благодаря этой посылке.

Спустя какое-то время его реабилитировали. Власти восстановили прадеда в звании

и выплатили жалование офицера, которое он должен был получить в то время, как пока был плену. Освободившись, Гергард поехал на встречу в женой.

Надо сказать, что он был очень интеллигентным и культурным человеком. Гергард понимал, что выглядит кошмарно. Исхудавший, оборванный, грязный. Лишь тень того мужчины, которого уводили под дулом винтовки. Гергард не хотел позорить любимую супругу. Поэтому он сел на лавочку перед домом, где находилась Роза и стал ждать, когда стемнеет. Прабабушка призналась, что, возвращаясь из магазина, увидела его, но не узнала. Настолько сильно его потрепали плен и болезнь!

Позже Роза Эйхеле не раз спрашивала мужа, не обижен ли он на страну, за то, что с ним сделали? Не думал ли он перейти на другую сторону? Но Гергард твердо отвечал, что продолжает любить страну. Он никогда не

винил партийное руководство Союза. На его взгляд этими людьми двигала не душевная злость, а внутреннее бескультурье. Он умер через четыре года после освобождения из плена, так и не сумев восстановить здоровье. Прабабушка больше и не вышла замуж. Своего Гергарда Роза Яковлевна продолжает любить до сих пор...

Я часто злюсь на плохие дороги, грязные улицы и коррумпированную власть, которая чаще думает об откатах, чем о людях. Когда в мою голову закрадываются мысли о переезде - я вспоминаю своего прадеда. С ним поступили несправедливо. Он пережил землянки, голод, голод, пневмонию, гонения, но не потерял веру в людей. Несмотря на то, что они его предали. Может, наши старики были человечнее или сильнее. А, может, в них жили идеалы, которые мы утратили и которые нам обязательно стоит снова найти.

Моя прабабушка:

Она значительную часть своей жизни прожила в Одессе. Как же она расстраивается в последние месяцы. Очень сильно за неё волнуюсь. (Видеть из наших телевизоров ТАКОЕ - это невероятный стресс).

<http://ara-bublik.livejournal.com/407693.html>
May. 9th, 2014 at 1:44 PM

Полина Эйдмиллер (г. Коркино, Челябинская область)

МОЯ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

Из всех предложенных тем я выбрала тему о переселении предков. Мне казалось, что будет легко написать такое сочинение - расспросила родственников и всё. До сих пор я по простоте душевной считала, что люди переселяются

на новое место жительства исключительно по собственному разумению и желанию, но то, что я узнала о так называемом переселении русских немцев стала для меня шокирующей историей!

Изучая историю родного посёлка, я узнала, что местного населения в посёлке Роза как такового нет. Начинаясь строительство с зоны для военнопленных немцев и репрессированных российских немцев. С этого момента для меня открылась страшная страница не только Великой Отечественной войны, но и истории моей родни. Мне очень захотелось рассказать моим сверстникам историю российского немецкого народа.

К сожалению, современное российское общество в своем большинстве не знает: кто такие российские немцы, что они сделали для становления и развития России, а узнать это нелегко. В школе история народов не представлена, то, что немцы - это один из российских народов, для многих - открытие. А ведь немцы в России живут более 400 лет, создали и сохранили уникальную самобытную культуру.

По сей день существует проблема преодоления последствий Великой Отечественной войны, когда борьба с фашизмом рикошетом ударила по российскому немецкому народу. Те молодые немцы, которые входили в сознательную жизнь после Великой Отечественной войны (и я в том числе), были изолированы родителями от исторической памяти своего народа: родные скрыли от нас то, через какие испытания им пришлось пройти. Это привело к тому, что разорвалась связь поколений. Восстановить её - стало главной моей задачей.

А восстанавливать было очень трудно! Дедушка при жизни ни как не хотел рассказывать о прошлой жизни, а бабушка молчком переживала за него и просила меня «не беречь» душу деда воспоминаниями. Только после того, как я рассказала близким, что работаю над исследованием проблемы русских немцев и, что я многое знаю о так называемых «трудармейцах», о тех четырёх этапах так называемого «переселения» немецкого народа, только тогда моя бабушка и двоюродная сестра моего деда решились рассказать о судьбе нашего рода.

Ахмедзянова (в девичестве Эйдемиллер) Надежда Петровна, двоюродная сестра моего дедушки, рассказала, что родословная их пошла от двух больших родов: Мусс и Эйдемиллер. Проживала вся многочисленная родня в Колпинском районе Ленинградской области в деревне Каменке. Так тесно переплелись два этих рода, что я не совсем разобралась, кто на ком женился, и кто за кого замуж вышел! Только знаю, что жили все дружно, устраивали так называемую «помощь», если надо было кому - то из родни дом построить. Всё было сообща, вспоминает Надежда Петровна.

Как попали родители Надежды в Ленинград, история умалчивает, но известно, что у молодой четы там рождается дочь Фрида. В 1941 году все мужчины, как и положено, ушли на фронт. Они и не догадывались, что уже являются так называемыми «врагами народа», считали своим долгом защищать свою Родину от фашистских захватчиков. Отец Надежды Петровны, мой правнучатый дядя, Эйдемиллер

Пётр Яковлевич получил «бронь», т.к. работал на военном аэродроме под Ленинградом. Семья Петра Яковлевича пережила страшные дни блокады Ленинграда, а когда их вывезли по льду Ладожского озера в тыл, то были высланы (репрессированы) в Красноярск, а затем пароходом вывезены на поселение в Игарку, где прожили в спецпоселении под надзором комендатуры до 1956 года. Что касается родственников проживавших в деревне, то я знаю, что Лилия Мартыновна Эйдемиллер была выслана на Урал и попала в зону, находящуюся на месте будущего посёлка Роза. Спустя некоторое время сюда же приезжает её муж Фёдор Яковлевич, т.к. даже из действующей армии лица немецкой национальности были по приказу правительства «мобилизованы в трудармию», а попросту - репрессированы по национальному признаку. Мои родственники до сих пор с болью и неохотно вспоминают то время. Русские немцы добросовестно трудились в забоях шахт, строили посёлок и город, недоумевая, за что их держат за колючей проволокой, как преступников.

Думаю, что любой из них не отказался от любой работы и без принуждения, т.к. любили свою Родину не меньше, чем любой человек другой национальности. Занимаясь исследовательской деятельностью, я узнала из архивных документов и рассказа очевидцев, что на шахтах трудились немцы - подростки 14 - 15 лет. Хрупкие, плохо одетые девчонки работали на откатке. Они вручную толкали вагонетки с углём, которые сейчас возит электровоз. После тяжёлой работы они возвращались в холодные зоновские бараки, съев скудный паёк, ложились на нары зачастую без матрацев, а утром отдирали пристывшие к доскам волосы! Но война войной, а люди жили, трудились, верили в Победу.

За время войны семья Петра Яковлевича Эйдемиллера увеличилась - родились ещё две дочери. В 1956 году зоны открывают и немцам разрешено свободно передвигаться по стране.

В деревню Каменку вернулся только Мусс Мартын Романович. Его родной дом был в то время занят другими жильцами, и ему пришлось искать пристанище в близлежащей деревне.

Все остальные родственники решили переехать на вновь открывшиеся угольные шахты посёлка Роза. Только в июне 1996 года Пётр Яковлевич и его жена Екатерина Романовна получили документ о реабилитации. Радостным и горьким было это сообщение! А затем Екатерина Романовна получила приглашение из Ленинграда на получение удостоверения и знака блокадницы Ленинграда, которые бережно хранила до последних дней. Сейчас эти реликвии хранятся в семье Надежды Петровны. Начиная эту работу, я не подозревала, какая большая у меня родня! Оказывается даже директор нашей школы Кузнецова Оксана Геннадьевна - ближайшая моя родственница с золотой свадьбы её деда она стоит слева с

краю возле своей мамы, а на переднем плане за столом, справа, мой дед). Вот такая история переселения моих родных в наш посёлок. Хотелось бы, чтобы она была б только притчей, но суровая действительность и хранимые моими родными документы свидетельствуют о том, что это исторический факт.

Надежда Петровна ещё долго рассказывала о том, как строился посёлок, как они с сестрой по непролазной грязи ходили в только что открывшуюся школу № 22, как помогала выживать молодым прапрабабушка Рита. Слушая её рассказ, я твёрдо решила продолжить работу по сбору материалов для исследовательской работы о русских немцах. Благодаря моему руководителю, я выступила с работой «Как русские немцы фашистов победили» на заседании педагогов по музейным технологиям, что проходят каждый месяц у нас в районе.

Старшие товарищи поделились со мной информацией, что у нас в посёлке на территории 2 - го участка существует кладбище тех немцев, что находились на зоне. Это те, кто строил наш посёлок и город, те, кто не вынес нечеловеческих условий. Сейчас по

инициативе Президента наш посёлок переселяют, а что же будет с кладбищем? Не понаслышке знаю, что в Германии захоронения наших солдат содержат в должном состоянии. Смее надеяться, что наша страна - тоже достаточно цивилизо

ванная страна. Необходимо перезахоронить останки. Проблема для меня болезненная и трудно решаемая. С помощью моего руководителя я вышла на местную администрацию и на собственном опыте почувствовала, как трудно решить, казалось бы простой вопрос о перезахоронении (деньги, место, время - вечная занятость делами живых), но сделать это необходимо иначе моя исследовательская работа не будет считаться законченной. Может быть, Ваша организация поможет сдвинуть это дело с мёртвой точки? Мне кажется, что письмо от такой организации губернатору нашей Челябинской области будет иметь вес в положительном решении данного вопроса. С благодарностью

**Эйдемиллер Полина,
г. Коркино (Челябинская область),
14 лет, преп. Усольцева М.В.**

Лариса Снежинская-Белова

«ПРИВЕТСТВУЮ ОДНОСЕЛЬЧАН»

В прошлом году в газете «Земляки» было опубликовано моё письмо под заголовком «Приветствую односельчан», в котором я вспоминал свою первую учительницу Полину Ивановну Больгер. И вот приятная неожиданность - Полина Ивановна нашла меня. Мы встретились в Mannheim, у нее дома через 55 лет, как близкие родственники. Я увидел те же добрые, уставшие глаза, приятную улыбку. Нашим беседам и воспоминаниям, казалось, нет конца. Эта скромная, не по годам подвижная и жизнерадостная, полная оптимизма женщина обладает удивительной памятью. Ее судьба похожа на судьбы российских немцев, но по-своему интересна. Полина Ивановна родилась в Поволжье в 1915 году. Окончила немецкую среднюю школу, затем немецкий педагогический институт, работала учителем немецкого языка в старших классах. Ее муж, Больгер Фридрих Давыдович, был директором школы. В 1941 году семью Больгер постигла участь всех немцев: они были депортированы в Южный Казахстан, в город Чимкент, затем выселены в Каратасский район поселок Турбат.

И Фридриха Давыдовича отправили в трудармию в Челябинск, где он пробыл пять лет. Полина Ивановна осталась с двумя детьми, младшей девочке только исполнилось три года, но женщину ожидала та же участь, что и её мужа. Удивительно, но от трудармии ее спас начальник НКВД Каратасского района, жена которого была тоже учительницей. В

1947 году семья Больгер переехала в село Ленинское, где Полина Ивановна работала в школе в две смены. Во второй смене она преподавала немецкий язык в старших классах, а в первой, из-за отсутствия учителей, вела первый класс, в котором я и учился. В 1949 году она уехала в Омскую область, затем в город Славгород Алтайского края, где жила и работала до отъезда в Германию. Учителем немецкого языка всего она проработала без перерыва 40 лет. Фридрих Давыдович Больгер работал в Славгороде в немецкой газете «Rote Fahne», затем «Zeitung fur Dich», постоянно печатался в центральной немецкой газете «Neues Leben», является автором нескольких сборников стихов и прозы на немецком языке. Сейчас Полина Ивановна живет в Mannheim, и мы постоянно поддерживаем связь между собой. Доброго здоровья вам, моя первая учительница. Вам я дарю эти строчки:

Для справки:

95 лет со дня рождения поэта, переводчика, критика, драматурга Фридриха Давыдовича Больгера. Ф. Больгер, немец по национальности, родился 12 апреля 1915 года в селе Рейнгард Саратовской области, в крестьянской семье. Учился в зооветеринарном техникуме. Окончил педагогический институт города Энгельса. В 1936 - 1942 годах учительствовал в школах Немецкой республики в Поволжье и Казахстане. В годы Великой Отечественной войны работал на стройках

оборонной промышленности Челябинска, в послевоенные - бухгалтером потребкооперации, инспектором Госбанка. С 1962 года жил в Славгороде Алтайского края, работал журналистом. Активно публиковался в издаваемой в СССР немецкой периодике.

Печатался в журнале «Сибирские огни». Автор книг «Ибо ты человек» (1966), «Сердце поэта» (1973), «Я - человек» (1974), «Мой лучший день» (1982) и др., изданных в Барнауле и Москве. Переводился в Австрии и Германии. Поэзии Ф. Больгера

характерны исповедальная интонация, простота и проникновенность, тяготение к классическим размерам стиха. Перевел на немецкий язык «Гулливера в стране лилипутов» Д. Свифта, «Персидские мотивы» и «Анну Снегину» С. Есенина, ряд произведений русской классиков и казахских поэтов. Писал рецензии, критические статьи и обзоры, литературные портреты. Перу Ф. Больгера принадлежит несколько пьес и скетчей.

Умер 21 июля 1988 года в Славгороде, Алтайского края.

РУССКИЕ НЕМЦЫ В ГОРОДЕ БРАТСКЕ

Работа одиннадцатиклассницы Марианны Макаренко из г. Братска Иркутской области

Марианна Макаренко, во время написания работы - ученица 11 класса гимназии № 1 г. Братска Иркутской области.

Работа получила 3-ю премию на VII Всероссийском конкурсе Международного Мемориала «Человек в истории. Россия - XX век».
Научный руководитель - М.Ю. Щеглова

Парадоксы истории повлекли за собой странные перипетии судеб бывших немецких подданных и их родных, еще со времен Петра I (и раньше) активно заселявших российские земли.

Рассказ о братчанах немецкого происхождения, об их судьбах в контексте исторических событий является целью моего исследования.

Именно эта тема до сих пор довольно остро воспринимается, к примеру, русскими узниками концлагерей, находившихся на территории Германии и СССР. «О ком вы пишете! Что они видели в сравнении с нами?» - таковы примерно их отзывы. Ненависть к фашистам сохраняется в сердцах людей и по сей день. «Я немцев терпеть не могу! Сколько они издевались над нами! Невозможно так издеваться над живыми людьми!» - так, рассказывая о пребывании в германском и австрийском концлагерях, об истязаниях детей в этих лагерях, говорит Н.И. Зиновченкова, руководитель общества бывших малолетних узников, проживающих в Правобережном округе г. Братска. Чернышова (Зельцер) Э.Ф., немка по национальности, вспоминает: «Я много раз ездила за границу, в Болгарию ездила, а в Германию - ни за что. Я их презираю. Я все потеряла. У меня очень плохое отношение к немцам... А на государство (советское - М.М.), на правительство я не в обиде. Не все делается одним правительством. Я родилась здесь, я россиянка, я гражданка России». Вот так неоднозначно отношение к предмету нашего исследования. И потому в год празднования юбилея Победы над Германией говорить о судьбах ее детей в России на мой взгляд необходимо.

Часто ли мы задумываемся над звучанием фамилий, над национальной принадлежностью

их обладателей, когда слышим: Денис Фонвизин, Вильгельм Кюхельбекер, Святослав Рихтер, Отто Шмидт, Иван Крузенштерн, Антон Дельвиг, Алиса Фрейндлих, Карл Брюллов и многие другие? Согласитесь, вряд ли. Мы привыкли считать этих людей русским национальным достоянием, они прославили русскую живопись, русскую науку, русскую музыку, русские литературу и театр, и ни у кого сомнения эти факты не вызывают. Однако всегда ли мы так благодушны и терпимы? Пожалуй, что нет. Наша терпимость распространяется лишь на великих.

Если говорить конкретно о предмете нашего исследования, то нередко далеко не лестно мы отзываемся о немецком прагматизме, о немецкой аккуратности, расчетливости, пунктуальности. До сих пор запросто от нас можно услышать о представителе этой нации - «фашист проклятый».

Что гораздо серьезней и страшнее, что не только на бытовом уровне за всю историю своего существования в России терпели несправедливое отношение к себе граждане нашей страны немецкой национальности. Какова же она, эта история?

Эльвира Рейнгольдовна Маркс (в замужестве Коваль), Владислав Христианович Габерт, Виктория Эдуардовна Регнер (в замужестве Тищенко)... Столь же звучные, необычные имена, как те, что были в начале моего исследования. Что их роднит? То, что обладатели этих имен немецкого происхождения. В чем разница между ними? Пожалуй, в том, что за этими фамилиями - обычные, неизвестные широкому кругу лиц братчане. Братчане со сложными судьбами, где было все: рождение перед самой войной в Советском Союзе в не-

мецкой семье, и тут же - расплата за то, что ты, пусть и младенец, но немец (!): разлука с родными во время войны, германские лагеря, возвращение, жизнь с родителями на поселении, крики - в спину: «Фашисты! Вы русских убивали!». И главное, непонимание: где Родина? Где я свой? Чем я виноват?

Тяжелые исторические потрясения так или иначе коснулись и судеб братских немцев. Встречаясь с нашими героями, мы пытались разобраться в путаных, неполных воспоминаниях, восстановить, насколько это возможно, историю жизни их семей. Почему неполных? По разным причинам. У кого-то членов семьи разбросала жизнь, и не у кого было спросить о прошлом; кто-то, в силу абсолютного неприятия, ненависти ко всему, что связано с Германией, всячески уходил от попыток старших поделиться воспоминаниями, отказывался слушать. О чем сегодня, когда хоть по крупицам хочется восстановить историю жизни родных людей, безусловно, жалеют. Именно в этом и мы, чем возможно, постарались помочь нашим героям.

Эльвира Рейнгольдовна Коваль (Маркс)

Вместе с Эльвирой Рейнгольдовной мы попытались восстановить сведения о старшем поколении семьи нашей героини.

В роду Эльвиры Рейнгольдовны сплелись две ветви: немецкая и польская. Что привело обе семьи на Украину, точно Эльвире Рейнгольдовне не известно.

Можно лишь утверждать, что оба деда (по линиям и отца, и матери) в 70-х годах XIX века родились и жили за пределами нашей страны: Адольф Маркс - в Германии, Христиан Унгер - в Польше. Их внучке на сегодняшний день известно то, что Адольф Маркс, дед по линии отца, был крестьянского происхождения, держал мельницу, кроме того, из детских воспоминаний в памяти сохранилось то, что карманы деда всегда были набиты гостинцами для «unsenschneiser» («проказницы»), маленькой Эльвиры Рейнгольдовны.

Об отце матери героине известно то, что он был несколько раз женат, от этих браков у него было много детей (сводных сестер и братьев матери Эльвиры Рейнгольдовны). Никакие связи с ними не поддерживались, известно лишь, что тогда, в Польше, семья Унгера Христиана Христиановича жила довольно зажиточно.

О братьях и сестрах родителей сведения тоже довольно неполные. Из всех детей многодетной семьи Адольфа Маркса наша героиня знает только о старшем брате отца Эвольде, что умер (в 1992 г.) и похоронен в Берлине, и сестре Лидии, живущей в Германии, с которой Коваль Э.Р. поддерживала связь.

О братьях и сестрах матери Эльвире Рейнгольдовне известно чуть больше: «Старшая сестра Лидия очень рано, в 23 года, умерла от брюшного тифа. К этому времени у нее

уже был сын Владимир Клишпон, которого взяла на воспитание по просьбе умирающей сестры моя мама, Марта Унгер, его тетя. Мы с Владимиром росли вместе, как родные брат и сестра, вместе были вывезены и в Германию». (О чем свидетельствует и фото Владимира 1943 года, на обороте которого штампфотографа: «FotoAndrejewski», рядом - неразборчиво; а далее: «А - Hitler»).

«Также мне немного известно о брате матери, Федоре Унгере, который, закончив военное училище, участвовал в Великой Отечественной войне, имел награды, но затем (по какой причине - неизвестно) оказался в концлагере где-то под Челябинском, а после остался жить в Челябинске».

13 сентября 1939 года в браке Марты Унгер и Райнгольда Маркса родилась дочь Эльвира (наша героиня).

На одной из детских фотографий ей 11 месяцев: «Это фото очень любил отец, всегда носил его с собой в сапоге, когда пришлось расстаться с семьей». А на втором фото Эльвире - 1,5 года, она на нем - в связанных руках мамы вещах.

«В это время наша семья жила в селе Пекарщина Черняховского района Житомирской области. О начале войны воспоминания мои, конечно же, смутные, но все же на уровне впечатлений сохранилось в памяти ощущение ужаса от страшных бомбежек. Это украинское село то и дело переходило из рук в руки, то к немцам, то к русским; и мама пыталась заткнуть мне, маленькой, уши, чтобы хоть как-то оградить от ужаса происходящего. До 1943 года жили в оккупации».

И еще воспоминание... Яркое, страшное, но все же, скорее, навеянное рассказами матери, как признается Эльвира Рейнгольдовна. О вырытом в их селе рве с фашистскими автоматчиками по краям: «В этом рве заживо были засыпаны землей евреи окрестных сел. Неделию шевелилась земля во рве, а попытки спастись обрывались автоматной очередью...».

А затем, 11 ноября 1943 года семью, видимо, отступающие фашистские войска увозят в Германию, в г. Эрфурт.

Путь их в Германию пролегал через Польшу и Чехословакию. Этот факт засвидетельствован в справке, выданной Управлением по Житомирской области КГБ Украинской ССР в 1992 году. В неясных воспоминаниях нашей собеседницы о лагере в Германии - колючая проволока, следовавшие повсюду за ними конвоиры, жуткая похлебка из старой селедки.

«В июле 1944 года нашу семью разлучили с отцом. Его направили в Польшу в трудлагер, и мы потеряли с ним связь на 10 лет. Не узнал тогда отец о рождении сына (уже в Германии) 25 февраля 1945 года, которого мама назвала Юрием».

Не значит в упомянутом документе Владимир Клишпон, хотя, как рассказывала Эльвира Рейнгольдовна, все это время он находится вместе с семьей Маркс на правах родного сына.

И вот, отбыв в трудовом лагере в Германии до 1945 года, семья (мать и трое детей) возвращены в Советский Союз и, как многие семьи с подобной судьбой, отправлены на спецпоселение на станцию Мактурово, на работу (принудительного характера) в трест «Костромлес».

Будучи уже шестилетней, этот период Эльвиры Рейнгольдовны запомнила чуть лучше: «Я помню о долгом пути из Германии до Костромы, о проверке документов на каждой станции. А дальше добирались на какой-то подводе. Помню, холодно было, мама шла пешком, я держала Юру на руках, рядом Володя сидел. Находясь на спецпоселении в селе Лосево Костромской области, мама и Владимир (как 14-летний) должны были работать на лесоповале, не имея права что-либо делать самостоятельно. Ежемесячно отмечались в комендатуре (находившейся в 20 км от нашего села, в районном центре), о малейшей необходимости передвижения (в больницу и пр.) должны были докладывать коменданту и получать его разрешение.

Помню и то, как на полях собирали мерзлую необранную картошку, делали крахмал, пекли лепешки, стирали мякину». И при всем при этом Эльвира Рейнгольдовна говорит о том, что «жили-то еще не так плохо, в колхозе (где позже работала мать) хоть как-то за трудодни платили». Также в ее памяти - воспоминания о трудностях, которые не отнесешь только к спецпоселенцам, это были трудности послевоенного времени, коснувшиеся всего народа. Тяжелая работа взрослых; детские воспоминания о трофейной машине с титаном, ехавшей с черепашьей скоростью только после того, как ее «раскочегаришь» мешками березовых чурок (но все же она позволяла не таскать спецпоселенцам (женщинам, в основном) лес на себе); отсутствие электричества; отсутствие бумаги и чернил; учеба в школе (куда ходили дети за десятки километров, замерзая и освещая себе путь запасенной поджигаемой паклей) с тетрадками довоенных учеников, газетами и журналами, где между строк писали ученики послевоенные. Это были общие трудности, потому, может, и переносились легче. Больше другие воспоминания:

«Я помню, как меня в детстве на спецпоселении ребяташки дразнили: «Фашистка, ты русских убивала!» Помню и то, как четырехлетний брат Юра вбегал со слезами в дом после драки с соседским мальчишкой с криком: «Мама, я же русский, я же не фашист, я же русский!»

Понятно, что детская жестокость была основана на мнении взрослых, которые предпочитали сдерживаться и столь явно своей агрессии не проявлять, хотя и взрослые вели себя по-разному. А как объяснить ребенку, почему, пребывая в лагере в Германии, он мог слышать в наш, советских немцев, говоривших по-немецки, адрес от немцев же: «русаки», «russisch schwein», а здесь, в России, там, где родился: «фашисты»? Где же он свой, где

Родина?».

Четырехлетнее образование, начатое маленькой Элей в селе Лосево, она продолжила в селе Агутино, куда переехала семья на новое место поселения (Коровинский леспромхоз).

«В 1951 году мама тяжело заболела, став инвалидом II группы, сахарным диабетом. Беспokoясь за нас, детей, она пыталась заниматься поисками нашего отца и других родных.

Ей удалось узнать, что в Челябинске живет ее брат Федор, в Тюмени - сестра Мария, а муж, мой отец, находится в Ленинобаде (Казахстан). Как оказалось, после того, как он был из Германии отправлен в Польшу, его отправили в трудовой лагерь в Среднюю Азию (судя по событиям, это была репатриация - М.М.), на урановые рудники в город Табошар, на тяжелейшие принудительные работы».

В 1955 году после «Указа о снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей» Владимир (брат Эльвиры Рейнгольдовны), все эти годы проживший с ними, женился на немке и уехал в Германию.

Марта Христиановна с детьми переехала в Челябинск к брату, туда же приехал и отец детей, не видевшийся с семьей 10 лет.

«После двух лет жизни в Челябинске отец увез нашу семью в Среднюю Азию, и в 1957 году мы оказались в Табошаре. Там отец работал бригадиром тракторной бригады.

В Табошаре я закончила школу с одной «4», как ни парадоксально, по немецкому языку. «У вас, у немцев, грамматика «хромает», - говорила учительница, всячески пытавшаяся приуменьшить мои знания родного языка.

По окончании школы я думала о медицинском образовании, в основном потому, что всегда помогала тяжело болеющей маме. Однако ее состояние не позволяло думать об учебе, и с 1958 года я стала работать на швейной фабрике.

Работала до 1963 года, одновременно в 1961 поступив в педагогический институт. С 1966 года, после института, работала в восьмилетней школе имени Зои Космодемьянской. К этому времени я уже потеряла маму (в 1960 году), отец вступил во второй брак».

В 1967 году активная, любознательная учительница едет посмотреть на гремящий тогда молодой сибирский город Братск: «Приехала летом, во время отпуска, и ... осталась».

После визита к руководителю ГорОНО А.А. Иноземцеву Э.Р. Маркс попадает на работу в школу №1, причем в силу необходимости работает там учителем начальных классов, затем открывается новая школа, школа № 36. Там со дня открытия, с 1970 до 1994 года, работает Эльвира Рейнгольдовна. Работает успешно, с большой любовью к своему делу и, соответственно, с большими успехами.

Примерно с 1992 года Эльвира Рейнгольдовна занимается сбором документов, подтверждающих ее сегодняшний статус «бывшего несовершеннолетнего узника фашистских концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания». «В 1995 году я стала членом

общества малолетних узников, у которого есть свой офис на улице Южной. Мы, члены этого общества, собираемся вместе, ведем общественную работу, встречаемся со школьниками, рассказываем им о прошлом своем и нашей страны».

Что касается родных Эльвиры Рейнгольдовны, то ей точно известно, что в 1993 году в Германии умер ее отец Райнгольд Адольфович Маркс; в Германии живет ее брат Владимир Клишпон; как уже говорилось, в Берлине умер и похоронен ее дядя со стороны отца Эвольд Адольфович; уехал в Германию и там умер в 2004 году ее родной брат Юрий.

Некоторые члены семьи тети со стороны матери (Мари) - также в Германии; дядя по этой же линии, Эрих - предположительно в США. «Я поддерживаю с родственниками из Германии отношения, бывала у них в гостях. У меня есть фото тети по линии отца с теплыми словами в адрес семьи и лично мой 1944, 1957, 1958 годов, где сказано о том, что это фото - единственное, что может сделать тетя для своей «маленькой Элли», что сегодня (1957 год) Элли «уже дама» и прочее».

Поскольку в последние 10-15 лет российскими правительственными и общественными организациями многое делается для того, чтобы хоть как-то компенсировать (если это вообще возможно) жертвам фашизма тот страшный вред, что был им причинен, Российским фондом «Взаимопонимание и примирение» и Германским фондом «Память, ответственность и будущее» выплачиваются компенсации бывшим малолетним узникам. Дважды производились такие выплаты, и в первый раз (в 1996 году и доначисление - в 1998 году) Эльвира Рейнгольдовна получила денежную компенсацию в немецких марках. В 2003 году была организована еще одна кампания по выплате компенсаций, однако в этот раз Эльвира Рейнгольдовна не получила выплаты, и сегодня находится в переписке с этими организациями, выясняя причины этого. Будучи в Москве, мы попытались лично помочь чем-либо Коваль Э.Р., обратившись летом 2005 года в Фонд Взаимопонимания и примирения. Там мы выяснили, что с 1996 года данные о Коваль Э.Р., отсутствуют в Фонде. На основании этого в ноябре 2005 года Эльвирой Рейнгольдовой послан новый запрос, ответа на который она ожидает.

Владислав Христианович Габерт

Встречаясь со следующим героем нашей работы, Владиславом Христиановичем Габертом, мы узнали следующее: его род можно назвать примером совершенно поразительного смешения кровей.

В семье Габерта В.Х. сохранилось предание, что род его ведет свое начало в России от прапрадеда, еще во времена Екатерины II приехавшего служить в России, и, как рассказывает наш герой, прапрадед жил во дворце

и был «в Новгороде уездным».

«О прадеде по линии отца мне известно, что он был директором гимназии в Новгороде и был женат на гречанке. Дед жил тоже в Новгороде, и жену его, как я припоминаю, звали Марина (она была полька по национальности). В семье деда было 10 детей, однако в силу обстоятельств моей собственной жизни далеко не всех я знал лично, а помню только о шестерых. Знаю, что один из них (Валентин) был репрессирован в 30-е годы.

Я думаю, мои родители познакомились в Ключевицах (село в нескольких десятках километров от Новгорода), т.к. там жил мой дед по линии мамы, а отец, Христиан Валентинович, военный, старший лейтенант по званию, мог служить на военной базе недалеко от Ключевиц. Через некоторое время после свадьбы отец был командирован во Владивосток, где у моих родителей появился в 1935 году первый сын Адольф. До этого, в 1931 году, родилась дочь Алевтина. В Новгороде, когда семья вернулась из Владивостока, родились Татьяна и я».

Наш собеседник подчеркнул, что в документах его родных в графе «национальность» значится: «русский», он же гордится своим происхождением от отца - немца.

О начале войны помнит Владислав Христианович, конечно же, по рассказам мамы: «Новгород был захвачен фашистами, и наша семья оказалась в оккупации. В это время отец был на фронте, командир роты. Однажды он не успел спасти роту от бомбежки и попал в ссылку, в трудармию, на соляные шахты».

В 1941 году семья Габертов (мать и четверо детей) не успела эвакуироваться. «По рассказам родных, именно я, грудной младенец, в момент, когда от пристани отходила последняя баржа с эвакуируемыми, расплакался, закричал и задержал тем самым семью, не позволив ей сесть на баржу. Отойдя от берега, эта баржа попала под обстрел, и все, кто были на ней, погибли».

Из ряда подобных случаев в памяти Владислава Христиановича - рассказ мамы о том, как жители оккупированного города, потерявшие кров (и их семья в том числе), пытались спрятаться от бомбежек в церкви, надеясь на Бога, на крепкие стены, - кто знает. «Однажды кто-то закрыл снаружи дверь, и 3 дня люди не могли выйти из церкви. За эти дни город не раз бомбили, попала под обстрел и церковь. Многие погибли, кого-то засыпало. Мой брат, Адольф, выбрался из-под обвалов сам, т.к. был очень шустрый. Сестру Аню узнали по очень длинным волосам и вытащили живой из-под обвала. Я, маленький, лежал в углу церкви, при обвале кусок крыши, свалившись вниз, «прошел» в нескольких сантиметрах от того места, где я лежал. Осколками меня задело; мама решила, что я, потерявший сознание, «не жилец». По счастливой случайности в церкви после обстрела появился врач. И хоть даже мама была уверена, что ребенок умрет, врач настоял, осмотрел и перебинтовал ранки от осколков камня и сказал: «Будет жить!».

В начале ноября 1941 года семья вывезена фашистами в Германию. Путь их пролегал через Польшу.

Уже в эти годы (последние 10-15 лет) Владислав Христианович занимается сбором документальных свидетельств этого факта. Его двоюродный брат Юрий (сын дяди Владислава Христиановича по отцу) имеет документ, подтверждающий факт насильственного вывоза в Германию. У В.Х. Габерта есть документ, где Юрий Михайлович Габерт засвидетельствовал факт одновременного нахождения семей Габерта Михаила Валентиновича и Габерта Христиана Валентиновича «в лагере г. Шойнлянк Германия», правда, конечно, без отцов.

Так сложно пришлось восстанавливать эти факты, вероятно, потому, что, во-первых, такова процедура (необходим протокол опроса свидетелей), во-вторых, возможно, потому, что какие-то документы в семье нашего героя были утеряны (Владислав Христианович говорит, что мать могла прятать то, «что связывало семью с прошлым»). Хотя, учитывая, что мать Владислава Христиановича практически сразу после войны (в 1947 году) умерла, Владик и Таня оказались в детдоме, можно предположить, что многие связи были оборваны.

О пребывании в лагере сохранились в памяти нашего героя смутные воспоминания. Он утверждает, что его содержали отдельно от семьи, и не помнит, где и чем в это время были заняты мать, брат и сестры:

«Помню, что ходил в школу (семья была в Германии до 1945 года), учил немецкий язык; запомнилось, в какой одежде ходил в школу: брюки короткие на лямочках были, сумка через плечо тряпичная. Очень неясны воспоминания о таком факте: в лагере мы встретились с женщиной, которая как-то помогла нашей семье. В чем именно заключалась эта помощь, я не знаю. Моей сестры Алевтины, от которой я слышал не раз об этой женщине: «Если бы не она, мы могли погибнуть», - уже нет в живых, спросить не у кого. Знаю только, что она была актриса или корреспондентка, и фото из лагеря сделаны ею. Имени ее я также не знаю, однако у меня хранится ее портрет».

«Мама рассказывала, что ей было предложено принять немецкое гражданство и остаться в Германии. Однако она не согласилась и решила после освобождения вернуться в Новгород. О возвращении из Германии у меня сохранились отрывочные воспоминания: дорога в поезде, в «теплушке», где были не двери, а просто перекладина в открытом пространстве, и я, будучи маленьким, упал из вагона на железнодорожную насыпь; недолгая остановка в Латвии, в каких-то палатках, плохое к нам отношение и недовольство этим мамы, пытавшейся указать на немецкое происхождение нас, детей, и смягчить этим отношение к нам (снова отголосок перипетий историй подобных семей - М.М.)».

Помнит Владислав Христианович, что в 1947-48 годах вернулся в семью в Новгород отец, все это время бывший в Казахстане в

трудоармии на соляных шахтах.

Почему он вернулся, учитывая тот факт, что до 1955 года немцы ссылались, и место спецпоселения было своего рода «тюрьмой», почему семья не оказалась на спецпоселении, непонятно. По какой-то случайности эта участь их обошла. «В 1947 году, после смерти мамы, отец, совершенно больной из-за той тяжелейшей работы, что пришлось ему выполнять в трудоармии, оказался не в силах сам вырастить нас и отправил Таню и меня в детдом «Зорька» Крестецкого района Новгородской области. Помню один из эпизодов жизни в детдоме. Видимо, оттого, что акцентировалось внимание на моем немецком происхождении, я однажды какую-то работу или тетрадку написал девичьей фамилией матери: «Мельников Владислав». Меня вызвали к директору детдома (эстонке по национальности), и я получил выговор с ненавистью: «Ты зачем так написал? Ты же Габерт, ты немец, немец!»

«Отец, тяжело болевший и умерший довольно рано (в 1963 году), в детдоме меня и Таню не навещал, только писал письма (детдом был в нескольких десятках километров от города).

Несмотря на то, что родственников было много, никто (видимо, в силу собственных тяжелых обстоятельств) не забрал нас к себе». На уровне детского впечатления и до сих пор сохранилось во Владиславе Христиановиче какое-то ощущение оторванности от родных, одиночества.

Оттого, наверное, и дальнейшая жизнь, жизнь - беспокойная, кочевая («Я много поездил, много видел», - говорит наш герой), жизнь «бродяги», как говорят о нем родные. В ней было многое, наш герой всегда легко «снямался с места».

Ремесленное училище в Сызрани (за компанию с детдомовским другом), работа в заводском поселке, возвращение в Новгород, к старшей сестре, окончание 10-летней вечерней школы, работа в строительном тресте, направление от треста «в Ленинград, в строительный институт». А потом вдруг - поселок Большой Изюм Кокчетовской области, училище механизации (и снова из-за друга по общежитию).

Работа по направлению в совхозе, но и там «зеленый чемоданчик» - наготове. Не расплатился с ним совхоз, еще и долг за ним остался, и - снова в дорогу («опять - ни копейки»), «куда судьба приведет», как говорит сам Владислав Христианович. Судьба привела к геологам, через нового случайного друга. А потом - Северный Казахстан, город Ош (снова - к приятелю); знакомство с первой женой; возвращение в Новгород к болеющей старшей сестре; заочное обучение в институте торговли; некоторое время - жизнь в селе Зырянское в Томской области (у родителей жены), рождение любимых дочерей Алены и Валентины, работа 12 лет в селе Угловка Окуловского района руководителем сельпо, прорабом, простым плотником. Потом - раз-

вод, явившийся ударом для нашего героя. Семья сегодня - в Новгороде, Владислав Христианович знает всех внуков, созванивается, бывает, не видел только самого младшего, недавно родившегося.

В Братске наш герой с 1985 года. Приехал из Томской области, где работал в школе, преподавал физкультуру. Здесь начал работать с Чекановского ДОКа. В 1988 году заключил здесь, в Братске, второй брак.

Такова в общих чертах жизнь нашего второго героя. В силу этих обстоятельств не всех родных он знает, многих даже не видел, но и то хорошо, что он, в силу своей мобильности, старался бывать, у кого возможно, поддерживать отношения, не теряя связи с сестрой Таней. В нем той непримиримости и ненависти ко всему немецкому, что чувствовалось в разговорах с другими, мы не увидели, этого во Владиславе Христиановиче Габерте нет.

Тищенко (Регнер) Виктория Эдуардовна

Расспрашивая о происхождении Виктории Эдуардовны, мы услышали от нее, во-первых, то, что она, что называется, «чистокровная» немка; во-вторых, предположение, что предки их попали в Россию еще в петровские или екатерининские времена (какой-то достоверной информации по этому поводу нет). В силу определенных обстоятельств, о которых мы скажем ниже, Виктории Эдуардовне больше известно о матери.

Так, она знает, что и мать, и отец Гердт Эльзы Яковлевны (матери Виктории Эдуардовны) были чистокровными немцами. Звали их Яков Генрихович и Ребека Яковлевна. Известно, что Эльза Гердт, родившаяся в селе Кият Крымского края (как нам известно из истории, довольно активно заселявшегося в свое время немцами), была батрачкой в семье Регнеров, родителей Регнера Эдуарда Христофоровича. Эдуард влюбился в красивую батрачку, женился на ней, и за это его семья отвернулась от них обоих.

В счастливом, но недолгом браке Эльзы и Эдуарда Регнеров родились три дочери (три - при жизни отца, четвертая, наша героиня, после его смерти): Цилима, Гильда и Эльвира - соответственно в 1928, 1930, 1932 годах. В 1937 году Эдуард Христофорович был репрессирован. В это время Эльза Яковлевна ожидала рождения четвертой дочери, Виктории.

Все, что знает об этом и имеет в семейном архиве дочь, так и не увидевшая отца, это единственное фото 1935 года, а также документ о том, что 20 января 1938 года отец «расстрелян», и справку о реабилитации Регнера Эдуарда Христофоровича 20 ноября 1963 года «за отсутствием состава преступления». Таких судеб в России - множество, но когда сталкиваешься с этим вот так, держа в руках документ со словом в графе «причина смерти» - «расстрелян», становится не по себе.

Виктория Эдуардовна появилась на свет в п. Аккаджа Черноморского района Крымской области, уже при своем отчине.

Матери, оставшейся одной с тремя детьми, в ожидании четвертого ребенка, необходима была поддержка, и она выходит замуж за Дидриха Александра Михайловича, также, кстати, немца по отцовской линии. В сентябре 1939 года в семье появилась еще одна дочь, Дидрих Элеонора.

С началом войны в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР 1941 года началось массовое переселение крымских немцев. Их «грузили» на пароходы и отправляли в неизвестность. Поражают схожие ситуации в рассказах наших героев: «На один из пароходов наша семья не попала, видимо, из-за нехватки мест. Обезумевшая от страха за детей мама плакала и кричала, умоляя посадить нас на пароход, но тщетно. Ночуя где-то на пристани, мы узнали от какого-то работника пристани, что тот пароход, на который мы так рвались, был взорван фашистской бомбой.

После захвата немцами территории Крыма наша семья была вывезена в Германию; с немцами везли и украинцев, и татар; евреев тут же расстреливали».

Вспоминается нашей героине интересный эпизод как пример мужества и взаимовыручки. «Еще до отправки в Германию наша семья спасла знакомого еврея. Он забежал к нам в дом и умолял моего отчима спрятать его. Рискуя собственной семьей (в доме были все мы, дети, и мама), отчим позволил еврею спрятаться, а на вопросы практически тут же вошедших немцев ответил, что никто к нам не заходил. Возможно, то, что мы были немцами, знали язык, говорили на нем, заставило фашистов поверить нам. Так спасся этот человек. Спустя много лет в Харькове случайно отчим с мамой встретили этого еврея. Тот не знал, как отблагодарить своего спасителя. До сих пор в моем доме хранится ваза (подарок этого человека), переданная мне мамой с наказом беречь подарок этого благодарного человека».

Мать рассказывала нашей героине, что по пути в Германию они были в Польше, Чехословакии. Основное место их пребывания там - Австрия, г. Грац, по словам героини. Очень смутны ее воспоминания об этом времени. Она предполагает, что родители работали там на хозяина какого-то завода. Еще помнит жизнь на каком-то сельском хуторе, сторожевую собаку у дома, которая укусила ее, маленькую.

«После освобождения наши мучения только начались, все страшное было впереди». После освобождения и репатриации они подверглись другому наказанию - ссылке на спецпоселение на Алтай, в захолустное селение, где жили татары, казахи, русские.

Чуть высокомерно звучат из уст Виктории Эдуардовны слова о том, что сами жители, по внешнему облику, образу жизни, окружающей запущенности были похожи на зверей, но долгом своим считали презирать их, «фашистов», как они их называли: «Помнится мне,

что мать моей подруги, с которой и сейчас мы тепло дружим, жившая по соседству с нами на Алтае, могла кричать через забор по поводу петуха, залетевшего к ней на огород: «Вы, фашисты, заберите своего Гитлера!». И от Викторией Эдуардовны мы не в первый раз услышали, что ни в Германии, ни в России они своими не были: там - «русаки», здесь - «фашисты». Народ без Родины... Кого обвинять в таком положении?

Из ряда подобных случаев вспоминается нашей героине еще одна болезненная история: «Тетя по линии мамы, Матрена Яковлевна Гердт, вышла замуж за русского мужчину, была членом Коммунистической партии. Когда наша семья вернулась из Германии, Матрена Яковлевна испугалась этого родства, и ее сын Валентин настоятельно потребовал в письме прекратить с ними всяческие отношения.

Сейчас уже ни тети, ни двоюродного брата нет в живых, а поступок, так больно задевший, помнится». Не говорят они, сестры, и на родном немецком языке: и родителей, когда они говорили дома по-немецки, обрывали; и на уроки демонстративно не ходили.

«Родители мои прожили долгую жизнь (мама - 86 лет, отчим - 92 года), всегда были вместе, так и остались на Алтае, в селе Малиновое Озеро, и нас, дочерей, научили быть дружными.

Мне радостно говорить о том, что не проходит года, чтобы мы все не собрались на Алтае, независимо от того, где и как кому живется. Старшая сестра Цилица (ей уже 78 лет) - инициатор всех наших встреч». С умилением говорит о доброте сестры Викторией Эдуардовна. Цилица Эдуардовна в 80-х годах вслед за сыном уехала в Германию, у нее большая семья, много правнуков, родившихся уже там, на исторической родине. В Германии - Элеонора Дидрих, хотя, что интересно, ее дети вернулись сюда, в Россию. Вот так

по-разному складываются судьбы.

В.Э. Тищенко с 1974 г в Братске, все это время работает в детской городской больнице. У нее две дочери: родная и приемная, любит которых замечательная мать и бабушка одинаково.

* * *

Одной из специфических особенностей нашего государства на протяжении всей истории существования является его многонациональность. В разные годы это по-разному проявлялось в нашей истории и политике. От идей братства, теснейшей дружбы разных народов до межнациональной розни и на межличностном (бытовом), и на политическом (государственном) уровнях.

В состоянии межнационального конфликта, будучи вообще способными быть националистами, люди не в силах задуматься о том, что каждый народ, как и каждый человек той или иной национальности, имеет свою, богатую событиями, достойную уважения, а, может быть, и сочувствия, судьбу.

А потому знакомство с историей одного народа и его выходцев, живущих рядом с нами, думается, способно заинтересовать многих и предупредить, возможно, в будущем огульное обвинение какого-либо народа в грехах отдельных его представителей; предотвратить националистские выпады в адрес тех, чья вина лишь в том, что они другой национальности.

В том, чтобы посмотреть на историю Великой Отечественной войны именно под этим, не самым привычным, углом зрения, мы увидели актуальность нашего исследования.

Подобной деятельностью заняты и герои нашей работы, бывая на встречах со школьниками, рассказывая им о прошлом, продолжая оставаться гражданами нашей страны и фактически, и по духу.

<http://stengazeta.net/?p=10001805>

Владимир Караковский

ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (Реферат по истории студента второго курса Московского эколого-политологического университета)

Чем дальше от нас уходит Великая Отечественная война, тем больше раскрывается правды для нас, и, оказывается, не все так просто: здесь свои, а там враги. Врагами по воле власти стали те, кто вовсе не желал зла этой власти. Иногда исторические тайны раскрываются не только в рамках истории страны, но и в некоторых семьях есть свои горькие тайны.

Почему в моей семье нет ветеранов войны?

Один дед по отцу, Караковский Владимир Абрамович, родился в 1932 году. Но даже

если бы к началу войны он был старше, ему не позволили бы идти на фронт - он ЧСВР (член семьи врага народа), репрессированного и расстрелянного в 1937 году приемного отца, Караковского Абрама Залмановича.

Второй дед по матери, Балько Христофор Христофорович, родился в 1924 году и вполне мог бы еще повоевать. А вот почему он не воевал, моей маме стало известно только в конце 760-х годов: по большому секрету ее мама сообщила ей, что папа по национальности немец, и его семью перед войной переселили в Казахстан. Дед же был направлен в

трудармию на уральские шахты. Дед очень не любит вспоминать те годы. Раньше он вообще ничего об этом не рассказывал, и только сейчас, когда его возраст перевалил за восемьдесят, очень скупо рассказывает свою историю жизни, свою историю войны.

После 22 июня 1941 года началась мобилизация на фронт в Крыму, где мой дед жил вместе с родителями и с двумя сестрами и братом. У них было прочное хозяйство: земля, коровы, кони, овцы.

В один из дней, где-то с 15 по 20 июля 1941 года, всем крымским немцам было приказано собраться для переселения. Время на сборы - 24 часа. Груз, который можно было взять с собой - 40 кг на семью. Причем, матери, так как она была русская, предложили остаться с детьми на месте, но она отказалась покинуть отца. Итак, всю деревню погрузили в вагоны. Старшая сестра деда была беременна и здесь в вагоне она родила своего первенца. Дед вспоминал потом, что его мама очень радовалась, что решила взять с собой маленькое корыто, оно очень пригодилось в пути.

Везли эшелоны через Перекоп к Мелитополю и Запорожью. Не доехав до Запорожья, остановились на станции Канкриновка. Здесь узнали, что взорван ДнепрогЭС, сильно поднялась вода, пошла сильная волна на наши дивизии.

Когда поезд двинулся в сторону Запорожья, сзади его уже обстреливали немцы. Часто видели такую картину: заполненные до отказа зерном элеваторы сжигали. После Ростова-на-Дону двигались по Ставропольскому краю, а в августе 1941 года в районе Новоалександровки дед со своим отцом работали на уборке хлеба. Перед этим все, кто работал, дали подписку, и особого контроля над ними не было.

В сентябре после уборки хлеба снова двинулись дальше в сторону Сталинграда. Не доезжая города, остановились. Стояли неделю. Хлеб выдавали, но этого не хватало, начался голод. Дед ходил на мелководье Волги и руками ловил рыбу, а однажды украл две булочки хлеба...

Через неделю всех погрузили на баржу. Оказалось на этой барже три тысячи человек, очень тесно, много детей, а туалет всего один. Какой же это был стыд, когда люди стояли в очереди в этот туалет, не могли уже терпеть.

Сталинград уже бомбили. Буксир потащили баржу по Волге в Каспийское море. В море начался шторм. Буксир оставил баржу в море на якоре и ушел. Людей укачивало, многие умирали от недоедания и жажды, мертвых сбрасывали прямо в море.

Шторм кончился, пришел буксир и потащил баржу на Гурьевск и на Урал. Здесь оставшихся в живых посадили в вагоны, и повезли через аральские степи. Приехали в Ташкент, но после недели ожидания повезли дальше, столько же стояли под Алма-Атой. Наконец дотащились до Джангистобе.

Началась зима, морозы здесь довольно

сильные, но у переселенцев вся одежда летняя. Нашу семью поселили к казаку, который работал на железной дороге. Прожили у них две недели, и до сих пор дедушка говорит, как же он им благодарен за помощь.

Здесь всех переселенцев расселили, то есть повезли по разным селениям. Наши повезли в Кокпекты. Ехали на повозках. Мороз был больше 40 градусов, снега в степи нет, и землю «рвало» от мороза, то есть взрывы были от мороза как от снарядов. Если воздух заглатывали ртом, потом начинался страшный кашель до крови. Кто мог, бежали, чтобы не замерзнуть. В день проезжали 30 километров, на ночь останавливались на постоянных дворах, где можно было получить только кипятка. Так сделали четыре остановки.

После Байбурского перевала стало заметно теплее, градусов 8-10. В Кокпектах уже распределяли по более мелким поселениям. Так мой дед и оказался в совхозе Чигилек на 4-ой ферме.

В апреле 1942 года, через месяц после того, как деду исполнилось 18 лет, его вместе с остальными сверстниками призвали в т.н. армию. Более 100 человек были отправлены в Челябинск. Во время движения их сопровождали несколько военных.

Уже в Челябинске прибывших колонных отправили по Свердловскому проспекту пешком в сторону лагеря. Молодые ребята увидели колючую проволоку, вышки, собак. Прикладами их стали загонять внутрь территории зоны. Поместили в брезентовых палатках на 200 человек. В каждой палатке две печки-буржуйки. Когда наступила зима, морозы были такими сильными, что волосы примерзали к брезенту палатки. В шесть утра подъем, суп-баланда, затем 12 часов работы без перерыва. Работа тяжелая: разбивали камни, которые шли на фундамент. Затем построение, поверка, суп-баланда, сон. Началось истощение, многие умирали. Дед был жутко худым - кожа и кости. Спасло то, что повар оказался крымчанин и хорошо знал отца моего дедушки. Он-то и помогал, подбрасывал какой-нибудь кусок. И еще невероятно повезло деду, как он считает, его как ослабленного отправили на ЛФК. Там был легкий труд и еда получше. Однажды деда поставили дежурным по столовой, и он съел в один присест ведро супа (6 литров), есть он уже не мог, суп стоял в горле, а чувствовал себя страшно голодным.

Затем дед работал в 14 лагере Челябинска, они строили железную дорогу к коксохиму. Это было в 1944 году. Работа была тяжелая. Затем строил аглофабрику для очищения руды. Так как дед был зачислен в первую группу по здоровью (здоровый), то опять оказался на камнедробилке.

После окончания строительства деда перевели на рудник ОГПУ строить компрессорную станцию, где он был бригадиром у заключенных. Строили железную дорогу и брусчатку. После этого их перебросили на разработку нового месторождения руды здесь же на ба-

калее. Новый рудник оказался выше фабрики, поэтому заключенные строили спиральную железную дорогу от рудника к ней. Много было ночных смен.

После этого дедушка работал десятником у заключенных на строительстве жилых домов.

После 1946 года режим стал свободнее, деда с семьей даже отпустили в отпуск к родителям. Дороги были плохие, и дедушка с бабушкой опоздали с возвращением на один день. Бабушке ничего не было, а вот деда наказали. Его отправили зоотехником в подсобное хозяйство. Ему было тогда 22 года. Кормов не было, ответственность большая. Перезимовали кое-как. Он говорил, что здесь, на подсобном, он даже сам принимал роды у одной доярки. Всю свою дальнейшую жизнь дедушка так и проработал зоотехником. Но в каких только вопросах он не разбирался, и сейчас может ответить на любой вопрос. Всегда интересовался всем новым, не имея официального образования, был образованнее многих дипломированных специалистов.

В 1947 году семье деда разрешили уехать в Казахстан. Но это уже другая, не военная жизнь...

Читая в литературе об этих событиях, я узнал, что накануне выселения немцев из Крыма и Поволжья, в печати нагнетали анти-немецкие настроения. Писатель Илья Эренбург, например, заявлял в «Правде», что, поселив на лучших землях России немцев, русский народ пустил и согрел змею. В указе о ликвидации Республики немцев Поволжья говорится о большом количестве диверсантов и шпионов, которых русские немцы скрывали.

Интересно, что дедушка начал свой рассказ о своем переселении с того, что в Крыму появились подозрительные люди, были случаи отравления колодцев. Что это? Правда? Или то, что выдавали за правду, как удобный предлог для дальнейших репрессий. Из Крыма было депортировано 50 000 человек...

В этом же указе говорится, что немцам при переселении будет оказана помощь, предоставлены «изобилующие пахотной землей районы». Теперь-то я знаю, какая реальная помощь была оказана, какие районы предоставлены.

Меня удивляет одно, как в таких условиях можно было не только выжить, но и остаться людьми, не озлобиться, не опуститься.

Наталья Иваненко

ТЕБЯ Я В ЖИЗНИ НЕ ВИДАЛА

Научная работа челябинской школьницы Анастасии Кузнецовой помогла семье Шашкевич из Смоленска найти место захоронения отца и деда.

Ученица 11 «б» класса челябинской школы № 74 Анастасия Кузнецова два года занималась научной работой, посвященной трудармейцам, строившим Челябинский металлургический комбинат в 1941-1948 годах. Пару месяцев назад Настя вместе со своим научным руководителем, учителем истории и обществознания Еленой Захаровой, участвовала во Всероссийском конкурсе исследовательских работ учащихся издательского дома «Первое сентября». Работа «Бакаллаг на современной карте Металлургического района города Челябинска» получила диплом. По правилам конкурса все отмеченные исследования выставляются на сайте ИД «Первое сентября», доступ к ним имеет любой пользователь сети Интернет. После победы на конкурсе Настя Кузнецова и подумать не могла, что ее работа может кому-то найти следы родного человека. А вскоре в Челябинск позвонили из Смоленска.

Тыл и фронт

В 1932 году Андрея Рубанова призвали в Красную армию. Он обучался военному делу и получил звание лейтенанта. В середине 30-х годов познакомился с очаровательной Ефимией. Через некоторое время появилась новая счастливая семья. Рубановы жили душа в душу, вскоре родилась дочка Валенька. В 1940 году полк, где А. Рубанов служил связистом, перевели в Латвию, которая только была присоединена к СССР. 18 июня 1941 года пришел приказ выдвинуться на передовые позиции, а семьи офицеров отправить в тыловые районы страны. Ефимия, которой вскоре предстояло

родить второго ребенка, с маленькой дочерью поехала на родину, в Смоленск. А 22 июня началась война.

Поезд, в котором ехала жена офицера Рубанова, по дороге к Смоленску несколько раз бомбили. 12 июля Ефимия родила вторую девочку. Через два дня Смоленск был захвачен немцами, Рубанова бежала из города. По дороге старшая дочь погибла. Убитая горем мать в память о погибшем ребенке назвала свою месячную дочку Валентиной. В Смоленской области, куда бежала Ефимия Рубанова, она каждый день молилась, чтобы муж поскорее приехал и забрал их с Валенькой. Но годы шли, а он не возвращался...

Смерть от истощения

Андрей Рубанов смог вывести 43 человека из немецкого окружения, оборонял Великие Луки, Новгород. Когда советский офицер вышел в тыл, его направили на переформирование. На новом месте на него кто-то написал донос. Офицера обвинили в том, что перевозит силу и мощь немецкой армии. В ноябре 1941 года военный трибунал приговорил Андрея Рубанова к 10 годам лишения свободы по статье 58-10 ч. 2 УК. После приговора врага народа отправили в Челябинск, в Бакаллаг (Бакальский лагерь), на строительство легендарного металлургического комбината.

В 1941-1948 годах вся территория нынешнего Металлургического района была покрыта сетью лагерей Бакаллага, который был частью системы ГУЛАГа. Что происходило с Андреем Рубановым во время его заключения, неизвестно. Из архивных данных, взятых из личного дела, ясно, что 22 марта 1942 года он умер от сильнейшего истощения в Центральном лазарете Бакаллага.

После окончания войны на запрос о судьбе мужа Ефимия Акимовна получила документ, в котором сообщалось, что он пропал без вести. Некоторое время семья даже получала пенсию по потере кормильца. Но потом Рубанову вызвали в специальный отдел, где сообщили о решении суда, и лишили материальной помощи.

Искать Андрея Емельяновича Ефимия Акимовна осмелилась только после XX съезда. Но ответственные органы долго не давали точного ответа. В 1992 году пришел долгожданный документ о том, что муж был направлен в Бакаллаг, где умер. Жена долго искала его дело, познакомилась с протоколами допроса, видели в деле тексты четырех доносов, написанных как под копирку.

В 1992 году А. Рубанов был реабилитирован и признан участником Великой Отечественной войны. Спустя десятки лет государство наконец-то признало, что донос оказался ложным.

Уважение – с грудным молоком

Вдова Андрея Емельяновича Ефимия Акимовна и дочь Валентина долго пытались отыскать место захоронения главы семьи. Они неоднократно писали запросы в различные архивы Челябинска и области. В документе, который Рубановы получили в конце прошлого века, было написано, что Андрей Емельянович похоронен в братской могиле на Золотой горе. Но, как известно из архивных документов, захоронения там проходили в 1937-1938 годах, а Андрей Емельянович погиб на четыре года позже.

В начале нового тысячелетия Ефимия Рубанова умерла на 92-м году жизни. Она больше не выходила замуж, храня верность покойному мужу. Ее дочь Валентина Шашкевич (по мужу) с грудным молоком впитала любовь и уважение к

отцу, которого она ни разу не видела. Своего сына Валентина Андреевна назвала в его честь Андреем. После смерти мамы она продолжала искать хоть какую-нибудь информацию о настоящем месте захоронения отца. Желание помолиться на могиле папы не покидало ее ни на минуту.

Ответ в интернете

Пару месяцев назад Валентина Андреевна вместе с сыном Андреем в надежде, что появится что-нибудь новое, по привычке вбили в поисковую систему Интернета заветное слово «Бакаллаг». Радости семьи Шашкевич не было предела. По их запросу появился документ со ссылкой на материал челябинской школьницы Анастасии Кузнецовой. На одном дыхании была прочитана работа. Сомнений не оставалось - отец Валентины Андреевны, умерший в лазарете Бакаллага, захоронен в одной из братских могил в Челябинске, в районе шлакоотвалов за ЧМК.

Без каких-либо колебаний сын Валентины Андреевны набрал номер челябинской школы № 74 и сообщил, что благодаря научной работе Насти Кузнецовой семья Рубановых-Шашкевич наконец узнала, где похоронен их отец и дед. Вместе с руководством школы гости из Смоленска решили, что приедут в Челябинск в начале лета.

Гости из Смоленска

Долгие два месяца ожидания казались Валентине Андреевне настоящей мукой. Наконец билеты куплены, и она вместе с сыном Андреем мчится в Челябинск.

Для гостей из Смоленска была организована пешая экскурсия по территории бывшего Бакаллага. Они прошлись по тем местам, по которым ходил их родной человек. На следующий день гости из Смоленска вместе с автором работы про Бакаллаг Настей Кузнецовой, руководством и учащимися школы № 74 отправились на братские могилы. Им пришлось пройти пешком два с половиной километра. Валентина Андреевна даже не заметила этого расстояния. Она готовилась к встрече с покойным отцом.

Земля с могилки мамы

Место, где захоронены десятки тысяч узников Бакаллага, - простое поле с огромным количеством ямок и бугорков, оно находится за шлакоотвалами ЧМЗ. Незнающий человек никогда не подумает, что это кладбище времен войны. На всей территории растут красавицы-березки. Валентина Андреевна издали увидела могилы и сразу расплакалась.

В какой из братских могил похоронен Андрей Емельянович Рубанов - не расскажет ни один архивный документ. Но Валентина Андреевна как будто знала. Она подошла к одной из ямок и сказала, что ее папа покоится именно здесь.

Из Смоленска семья Шашкевич привезла

булку пшеничного хлеба, открытку, церковные свечи и землю с могилки ныне покойной вдовы Андрея Рубанова. Валентина Андреевна перемешала челябинскую и саратовскую землю. Теперь мама и папа навеки будут вместе, сказала она.

Специально для встречи с покойным отцом Валентина Андреевна написала стихотворение, которое вслух прочитала папе: «Тебя я в жизни не видала, но образ в сердце берегла.

Все время я твой след искала: искала долго и нашла». После этого она расплакалась.

70-летняя смоленчанка вместе с сыном еще долго стояли возле могилки - слишком многое им нужно была рассказать отцу и деду, которого они ни разу в жизни не видели. Валентина Андреевна призналась, что теперь ей и умирать не страшно, ведь главное дело своей жизни - найти отца - она сделала.

mediazavod.ru (22.06.2010)

ПАМЯТЬ НАРОДА. ПО ЛАБИРИНТАМ ИНТЕРНЕТА

Немцы-трудоармейцы «Челябметаллургстроя»

Mantyk: Я хотел бы узнать о тех людях и их судьбу в трудармии «Челябметаллургстроя», может есть ещё свидетели тех страшных дней. Мой дед Рихард и его брат Данил были там в годы Великой Отечественной войны, к сожалению мой дед умер там, если можно так сказать, ему было всего 28 лет. Это случилось 12 ноября 1942 года, когда он не смог дальше толкать вагонетку с породой, к нему подошел НКВДшник, и со словами «вставай немецкая сволочь», стал его пинать ногами, больной и обессиленный репрессиями, голодом и издевательствами он не смог подняться. После всего его подтащили к колючей проволоке соседнего барака, там находился его брат Данил, которому он успел передать перед смертью свою волю. Он попросил Данила, если тот останется жив, не бросить его сына и его молодую жену Зосю одних, и помочь вырастить и воспитать моего папу. Данил выжил, слава Богу, он был 1904 года рождения, и перед войной ему пришлось ещё послужить и в Царской армии, он и поведал нам эту историю. Моя прабабушка Матильда не дала жить вместе моей бабушке Зосе и Данилу, она сказала, что брат с женой брата не имеет права жить по религиозным убеждениям.

Я прошу, добавляйте сюда своих родственников, тех, кто был в Челябинском металлургстрое.

Svetlaia: <http://www.chelarhiv.ru/kniga.shtml> Книга Памяти трудармейцев треста «Челябметаллургстроя» <http://wolgadeutschen.borda.ru/?1-5-0-00000006-000-80-0>

Mantyk: Svetlaia спасибо вам за помощь, я уже был на этих страницах, и нашёл там брата моего деда. Мой дед Рихард 1914 года рождения и его брат Данил 1904 года рождения попали в трудармию в 1942 году. Я нашёл там информацию на Данила, а вот на Рихарда не нашёл. Я и звонил туда, они говорят, что работаю со старыми истлевшими документами, некоторые из них невозможно прочитать.

viki: Mantyk, мой отец и два дяди тоже были в трудармии в Челябинске. У одного дяди было так искажена фамилия, что, зная все данные о нём, смогла его определить. Другого дядю не нашла, хотя он с моим отцом в

одной бригаде был. Попробуйте сделать туда письменный запрос на вашего деда.

Mantyk: Я туда звонил и разговаривал с работниками, они сказали хорошо, но с того времени не добавилось не одной фамилии, я проверяю ту страницу каждый раз. Я документально могу подтвердить, я имею в виду ошибки в фамилиях моих предков. На прадеда одно написание фамилии, на деда другое. Писаки такие были, или проблема с переводом, да и предки не могли исправить написанное, они не понимали русскую рукопись. К примеру, записать мою фамилию на финском, и спросить, проверь правильность, ну что я смогу, так я сейчас свободно дышу и живу, а им бедным пришлось больше молчать, кто молчал, тот и выжил.

silvester: Mantyk пишет: Я документально могу подтвердить, я имею в виду ошибки в фамилии моих предков. Ну что Вы так переживаете! Как только не искажалась моя фамилия и имя в России. В трудовой книжке, военном билете, паспорте, свидетельстве о рождении - везде было разное написание фамилии и имени. Приписное свидетельство и военный билет, который выдаётся на основании приписного свидетельства, имели также разное написание. Мой диплом судоводителя с именем на «Александр» имел три вкладыша, которые удаляются за нарушение правил судоводения. Во всех этих вкладышах стояло имя «Сильвестр». Это были разные по сути документы. Я ничего не мог сделать с этим в России, т.к. получал уже готовый документ. А захав в Германию, в пересыльном лагере «Friedland» чиновники шли навстречу и правильно писали фамилию и имя. Это, конечно, касалось паспортных данных. Я то знал, как правильно пишется моя фамилия и имя, и чиновник ничего не имел против. Теперь у меня и фамилия, и имя пишутся правильно. Моей жене даже предложили вместо «Надежда» в новом документе написать «Надя», но мы по своему незнанию отказались, мотивируя тем, что так зовут детей. Теперь моя жена об этом жалеет. Все местные знакомые зовут её «Надя» и никто из них не говорит на неё «Надежда»,

т.к. для местных это труднее. Если у вас была ошибка в написании фамилии в России, то здесь во Фридрихе можно было сразу изменить на правильное написание, если это так важно для Вас. Искажение фамилий и имён в России очень частое явление. Мой предок по материнской линии, был здесь в Германии «Johann Jost Bender», а в колонии Бальцер среди первых колонистов в 1767г. уже «Just Bender». Важно, что я знаю его настоящее имя. Так что не переживайте по поводу таких разных написаний, самое важное знать, чей Вы потомок в действительности и выявить, когда началось неправильное написание фамилии.

resch: я точно знаю что брат моего деда, Феликс Реш, был в трудармии в Челябинске, но пока в списках его нет. Точно: Феликс Иванович Реш, 1909 года рождения. С 1933 по 1941 год жил в Сталинграде.

Mantyk: Спасибо вам Люди! За отзывчивость, пишите ещё, это важно, они не должны быть забыты.

Henriette: Наши говорили Коркино возле Челябинска, там было много строительных участков (=KZ). Свекра нашла, а деда (его отца) нет. Но дед нам всегда рассказывал, что из 72.000 человек в живых осталась половина. И первыми умерли большие крепкие мужчины. Буду дальше смотреть списки. Спасибо за ссылки.

Walerij: Из воспоминаний А. Ример. «Я был в трудармии недалеко от Челябинска. Одним из апрельских дней 1943г., после рабочей смены, начальник барака приказал выйти на работу. Мы должны были похоронить очередную партию умерших. Копали могилу в лесу, не успев закончить до темноты, земля была ещё промёрзшей, всех вернули в лагерь. Когда снимали тела умерших с повозок я узнал своего односельчанина - Александра Шекк...» Шекк Александр Иванович 1895 года рождения, место рождения - АССР НП, с.Моор, немец, проживал - Карагандинская обл., Кировский р-н, с.Самарканд, мобилизован - Кировским РВК, 16.04.1942, причина убытия - умер 13.04.1943. И сколько было таких воспоминаний, рассказов, анекдотов. Мой дед был ещё жив, когда я учился в институте, а вот записать все эти воспоминания я не смог и меня это сейчас сильно мучает. Не от того, сколько было бы материала, а от отсутствия уважения к непросто судьбе своих близких.

Mantyk: Да, Коркино я тоже слышал, у моей мамы, она русская папа. Мой дед прошёл 4 войны, был казак, Яганцев Григорий, Финская, Японская, Турецкая, и с Колчаком воевали, а в 1941 попал в трудармию. Он тоже маме много рассказывал о времени проведённом там. Говорил. Что кормили отвратительно, гнилую капусту повара варили. и хлеб был сырым, как тесто, один раз они поймали повара, и закатали ему этот хлеб в волосы. Если выбрасывал кто то окурки, то все на него набрасывались сверху, как в регби

на мяч. Моя бабушка, выращивала табак и посылала посылки деду, он часто вспоминал и говорил, если бы не ты я бы там сгинул, там была страшная цинга.

Svetlaja: Если у кого родные работали после войны на Челябинском металлургическом комбинате, то могут прислать личную карточку трудящегося. Адрес: 454047 г. Челябинск, ул. 2-я Павелецкая, д. 14 ОАО «Челябинский металлургический комбинат «Мечел». <http://wap.wolgadeutschen.borda.ru/?1-5-0-00000121-000-20-0>

Veceslaw Voy, 06.03.2010: Мой отец Рау Вольфганг после известного постановления был в трудармии в г. Копейске. Испытал все прелести лагерной жизни, пух от голода, однако остался жив. Репрессирована была вся его семья (мать и две сестры). Мама Рау (Шлейхер) Екатерина стояла на спец.учете со своей матерью Барбарой Шлейхер. Работала на Док-2 г. Копейска всю войну.

Вольдемар Дэтц, 18.04.2010: Мой отец Бетц Андрей, 1918 г. рождения. С 1942г. по 1946г. был в трудармии, рыл шахты в г.Копейске Челябинской обл.

Мать Шитц Берта, 1918 г. рождения. С 1942 г. по 1946г. в трудармии работала в женских лесоповальных бригадах в тайге Кировской обл.

Шнель, 20.05.2010: Мой дедушка Фольмер Фридрих умер в трудармии в Челябинске, на руках у моей свекрови, она в то время тоже была в трудармии работала мед. сестрой.

Bauer, 10.08.2010: Оба деда умерли в трудармии: Бауер Генрих Иоганнович в г. Котлас, Коми АССР, Бауер Фридрих Андреасович в Копейске, Челябинской обл.

SCHULDEIS, 19.08.2010: Оба деда были в трудармии в г.Копейске Челябинск.обл.: Шульдайс Карл Андреевич, Майснер Эмануил Яковлевич.

Мария Окст, 23.01.2011: Оба моих деда: Акст Иоханнес Адамович и Вебер Фридрих Генрихович погибли в Челябинске. Один в 1942 г., другой в 1943г.

Katharina, 29.01.2011: Мой дедушка Генрих Адам Соломонович был Казахстане на спец.посилении с 1941 года, в трудармии был в Челябинске.

Katherina Kvjy, 08.10.2011: Мой дед Вебер Андрей Андреевич был в г Челябинск с 1942 г. и пропал безвести, мы ничего о нем не знаем до сих пор

Андрей Мимм, 09.10.2011: Мой дед умер в 1949 в Челябинске от туберкулёза. Строили трудармейцы атомную станцию. (Челябинск-40).

Александр Гэки, 25.12.2009: Мой дед Альберт Геринг, выселенный в 1941 году, из с.Ойбур, Евпаторского р-на в Казахстан, г.Аральск, Кзыл-Ординской обл. Откуда был привлечен в трудармию, ориентировочно на Южный Урал, Челябинской обл., с.Коркино. Пропал без вести или там умер.

Вера, 27.08.2010: Дедушка Гартман Адольф был в трудармии в Челябинске, а отец Эмиль Адольфович в Гурьевской области.

Ja-kob, 27.08.2010: Гартман Герман Людвигович 1902 года рождения, место рождения - Киевская обл, Н-волинский р-н, Натальевка, немец, проживал - Северо-Казахстанская обл., Чкаловский р-н, с. Ясная Поляна, мобилизован - Чкаловским РВК, 09.04.1942, причина убытия - убыл в Кыштым 30.09.1946.

Попп, 18.01.2011: Ланге Арнольд Августович 1914 г. рож. был в трудармии в Челябинске.

Герта Вайс, 21.02.2011: Моего деда звали Курц Эрих Юлиусович, родился 19.4.1905 года в деревне Емельяновка Полесского района

Киевской области. В 1933 переехали в Днепропетровскую область, сначала в Ивановку (Ной-Анлаг), затем в 1938 построили дом в дер. Ворошиловка. В 1941 ему пришлось из-за бомбардировок перегонять колхозный скот через Днепр. Там его орестовали и отправили в трудармию в Челябинск (по словам односельчанина). Бабушка и мама были в Германии, а в 1945 их отправили на Урал. У нас о бабушке совершенно никаких вестей нет. В 1990 перед отъездом в Германию мы послали запрос в Челябинск, но пришёл ответ, что «данные отсутствуют». Я думаю, что тогда архивы ещё были закрыты. Я была бы бесконечно благодарна за помощь

СКОЛЬКО В ВАС НЕМЕЦКОЙ КРОВИ?

Вопрос Сергея Миронова В контакте

Сообщения.

Андрей Махлейдт: «100%». 13 окт. 2011.

Лиза Эрнст: «Ну если мои родители и их родители немцы, правда одна прабабушка полячка, тогда...блин не знаю». 13 окт 2011.

Ольга Никишина: «На 1/16 (пра-прабабушка была чистокровной немкой)». 15 окт. 2011.

Александр Сергеенко: «25% немецкой крови - бабушка чистокровная немка... итого - литр двести пятьдесят-полтора». 16 окт. 2011

Светлана Золотых: «На половину...!» 18 окт 2011

Александр Бригерт: «Дед был немцем. Четверть». 27 окт 2011.

Alexander Rausch: «На 30 процентов». 5 дек 2011.

Денис Холод: «50%» 1 апр. 2012.

Роман Владимировичь: «1/3 немецкой». 14 апр 2012.

Марина Калькопф-Шенкнехт: «50 процентов, отец чистый немец! Хочу мужа с немецкими корнями, но почему-то не встречаю на своём пути». 25 апр. 2012.

Денис Горностаев: «Дедушка немец... был». 19 авг. 2012.

Валерия Гердт: «Прабабушка, прадедушка, дедушка, бабушка, папа-немцы, со стороны мамы все русские, получатся 50%» 2 апр. 2013 в 21:59

Лена Штерцер. «50%» 12 апр 2013.

Анна Масеева. «Отец немец, мать на 12,5% немка итого 62,5%». 13 апр. 2013.

Виталий Шмидт: «Это не % крови изменится! Это этническое самоопределение!» 14 апр. 2013.

Asena Yalnizkurt: «Половина». 16 июл. 2013.

Валерон Кистер: «Гены через отцов передаются. Все мои предки мужского пола носят

фамилию Кестербек. И мой сын тоже её носит». 27 авг 2013.

Asena Yalnizkurt. «Валерон, а через матерей гены не передаются?» 31 авг. 2013.

Валерон Кистер. «Asena, я читал что нет, а там Бог один знает. Может просто так получается что мой сын на меня похож на отца, отец на деда и т. д.» 31 авг. 2013.

Валерон Кистер. «Asena, а так то я вырос в обычном московском дворе, вместе с парнями у которых фамилии и хохляцкие и армянские и татарские и все гордятся своей фамилией. По большому счету я родился и вырос в России и я такой же русский, как и все остальные. Немецкого во мне только фамилия, я не знаю не языка и всего того, что знают немцы, которые родились и живут на своей родине. Просто мне нравится моя фамилия вот и всё! А фамилия обычно от отца к сыну переходит. Кажется так, надеюсь, ты поймешь, о чем я». 31 авг. 2013.

Alexander Rausch. «Валерон, от матери вообще-то больше ген ребенок получает чем от отца». 1 сен. 2013.

Валерон Кистер. «Не буду спорить! Пусть так и будет!» 1 сен. 2013.

Radiation. «Дедуля немец (фольксдойч). Бабуля - украинка с немецкими родственниками». 6 сен. 2013.

Werk Werk. «100%». 18 сен 2013.

Eugen Krause. «Литров пять, или шесть». 17 дек. 2013.

Юлия Худяева. 50% (мать - 100% немка, отец - 100% мордвин - милое сочетание) 18 дек. 2013 в 2:00

Имануил Гильц. «100% Мама из Поволжских немцев, папа с кавказских гор, его родители где-то под Тбилиси до депортации жили». 26 янв. 2014.

http://vk.com/topic-242720_23091264?offset=100

Наталья Гусева-Шмидт

КАК Я ПЫТАЛАСЬ УВЕКОВЕЧИТЬ ПАМЯТЬ МОЕГО ОТЦА

Узнав из Интернета о том, что в МСНК собираются издать памятную книгу о немцах-трудармейцах, посвященную 70-и летию создания трудармии, позорнейшей страницы советского режима, решила послать материал о своём отце, который от звонка до звонка прошёл чрез эти круги адовы. Тем более, что путь его я изучила, наверное, так, как рюют-копают учёные, когда работают над темой. Просмотрены были и изучены все документы отца, хранящиеся дома. Скрупулёзно и долго я изучала каждую букровку, каждую циферку записи о его пути. Следующий был этап - изучение материала в Интернете.

Я вводила в поисковое окно Интернета каждое местечко, где побывал мой отец на пути трудармейца и спецпоселенца, ведь номера этих почтовых ящиков тоже могут рассказать о многом. Вырисовывалась картина перемещения отца и его товарищей в этом долгом пути подневолия в социалистической стране, называемой СССР. А далее был поиск воспоминаний очевидцев, таких же подневольных, как и он, о «жизни» в Волголаге, Широкаге, Челябинметаллургстрое, Днепродзержинске, в Абхазии, в Туркмении. Это был долгий путь в 11 лет, путь скитания моего отца, да только не по доброй воле.

На форуме «Немцы Поволжья» получила очень много помощи от людей знающих, занимающихся этим профессионально и на любительском уровне. За что им огромное-преогромное спасибо от меня и всех членов моей семьи, помнящих своего отца, деда и прадеда. А сколько прочитано на сайте! Не говоря уже о прочтении книг, стоящих на собственной книжной полке. В ведомственный архив г. Кизел Пермского края послала запрос. И, наконец, запрос Архивного дела моего отца из Оренбургского Информационного центра МВД России. Его прислали к нам в Калининград, меня пригласили туда, а я, вооружившись законным правом дочери, полученным от нотариуса, пошла не жива-не мертва в это заведение. Сидела перед Делом несколько минут, не могла открыть его, глаза затуманились и ком в горле мешал.

Наконец решилась и открыла. И понесло меня вместе с моим отцом по этим дорогам горя и печали. В голове мелькали разные справки и справочки, составленные энкэ-вэдэшными чиновниками, а меня «тащило» воображение в составы, громыхающие на запасных путях, в котлованы, где человечки тянули непреподъёмные тачки с землёй, в леса, где в трескучий мороз, по пояс в снегу в лёгкой одежонке они же рубили лес. А я «ищу» глазами отца своего, пытаюсь, как

могу и согреть, и помочь. Только на второй день я вышла из этого стопора и, приехав второй раз, начала лихорадочно читать и выписывать в свою тетрадь эту информацию. А вдруг копии не дадут.

А после было осмысление всего и то самое стихотворение «Сижу, читаю твоё дело...», которое я и послала творцам будущей книги в Москву.

Приняли и стихи, и кратко изложенный путь отца вместе с сохранившимися фотографиями. Через некоторое время выслали макет набранного материала. Я была довольна. Тем более что моё стихотворение «Отцу» было переведено на немецкий поэтический Розой Штейнмарк, за что ей мой низкий поклон и великое СПАСИБО. Стала ждать книгу.

И вот, наконец, книга пришла. Тяжела. Еле донесла до дома. Распечатала посылку. Открыла книгу, нашла нужные страницы, прочитала... По телу будто ток пропустили. Стихотворение моё и перевод на немецкий есть, и фото моего отца, но сопроводительная справка??? Что это??? О чём они??? Составители книги моего отца осудили, судом осудили, как осуждённого в Широкаг заслали (хотя он там и был, как трудармеец, без суда и следствия). А после отбывания наказания ещё и в ссылку отправили, а не на спецпоселение. Несколько суток я снова пребывала в каком-то смятении. Что это? Почему текст справки изменён, в корне изменён и со мной не согласован? Написала письмо с просьбой дать мне разъяснения. Получила ответ да с «прицепом». А прицеп был текстом «расследования» научного редактора этого издания А.А. Германа. Мне напомнили, что это «профессор, доктор исторических наук Аркадий Адольфович Герман. Он является автором единственного на сегодняшний день самого подробного в России исследования по трудовой армии». Я ужне буду копировать его справку-расследование, мне стыдно за профессора. Я - простая учительница (хотя и со званием «Заслуженный учитель России»), но и представить себе не могла, что у профессорско-докторов наук всё так убого и примитивно. Оказывается, путь моего отца никак не вписывался в познания профессора о трудовой армии, а потому он вынес ему САМ приговор. Он его вместо суда осудил (спросите за что? Стыдно даже написать. Если б ещё по политическому мотиву - куда не шло, а то ведь за воровство), определил наказание - Широкаг, а когда срок его наказания завершился, сослал сначала в Челябинск-40, а потом в Таджикистан. Там мой отец и на самом деле был, но только не как осуждённый за воровство. Разумеется, в книге про воровство ничего не написано, но

думающий читатель обязательно себе самому вопрос задаст: «...а за что же его осудили?»

Мне, его дочери, как пострадавшей за фиктивную провинность отца, пришлось отправлять сканы документов из Архивного дела, чтобы доказать сегодняшнему обвинителю, что мой отец был, как все, трудармеец, как все, спецпоселенец. Только вот доказывать научному редактору, что наша семья была 27 ноября 1941 года в холодном телячьем вагоне всё таки насильственно депортирована, а не всего лишь на всего «переселена», я не стала. Хай, будет «по научному» ПЕРЕСЕЛЕНА. К тому же и власть тогда считала, что она просто ПЕРЕСЕЛИЛА, наверное, спасая нас от врага.

Вот так, в XXI веке, спустя 15 лет после смерти отца, мне пришлось его защищать, но уже от «научного редактора, единственного обладателя самого подробного в России исследования по трудовой армии». А что же составитель? Разве она не могла мне выслать второй макет публикации? Она просто должна была, она была обязана это сделать. Но не сделала.

Когда мои сканы документов дошли до профессора, последовал ответ. Как быстро изменились убеждения после его «расследования»!

* * *

22.07.2013 г.

Приносим извинения за ошибочно указанную информацию

В недавно изданной книге «...В рабочие колонны на всё время войны»: Очевидцы и исследователи о немцах в трудовой армии» (М.: МСНК-пресс, 2012) на с. 337 в биографической справке на Николая Шмидта ошибочно указано, что он был осужден и как заключенный отправлен в Молотовскую область в Широлаг на строительство Широкой ГЭС. Так же ошибочно указано его пребывание в ссылке.

Как автор справки признаю свою ошибку и заявляю, что Николай Шмидт не был осужден и к нему не применялась ссылка. Приношу свои извинения дочери Н. Шмидта - Наталье Николаевне Гусевой (Шмидт).

Аркадий Герман

http://wolgadeutsche.net/gussewa_schmidt/24.htm

* * *

А книга-то «...В рабочие колонны на всё время войны» вещает всё о том же, там всё по-старому. Вот ведь в чём дело.

23 июля 2013

Ольга Соловьева

СВОИ – ЧУЖИЕ

Немецкие сибиряки из Пихтинска

(Школьный конкурс «Человек в истории. Россия - XX век» / 2004 / 2006 «Время местное, прошедшее...»)

**Иркутская обл., п. Залари, средняя школа, 11 класс
Научные руководители: Г.Н. Макогон, Л.А. Сидорова**

В 80 км от железнодорожной станции моего посёлка Залари в Иркутской области есть три небольшие деревни - Пихтинск, Средне-Пихтинск и Дагник, которые нередко упоминают под одним названием Пихтинск. Объединяет их не только общее наименование, но и вся история возникновения этих поселений, а также происхождение живущих здесь людей. Они по праву называют себя сибиряками, поскольку в большинстве своём родились и выросли в Пихтинске, однако их фамилии - Кунц, Людвиг, Гильдебрант, Зелент и другие - имеют явно не сибирские корни. Эти люди являются потомками очень своеобразной группы выходцев из Германии, которые на протяжении нескольких столетий жили у Западного Буга и на Волыни (территории, относящейся сегодня к Польше, Украине и Белоруссии) и называют себя бужскими и бужскими голендрами.

В 1910 году к крестьянскому начальнику Адаму Адамовичу Райнерту, жившему на

станции Тыреть, прибыли четверо ходоков с намерением осмотреть земельные участки для переселенцев. Их звали: Андрей Гиньборг, Иван Гильдебрант, Иван Бытов и Пётр Кунц. Каждый из них был доверенным лицом нескольких семей, желавших поселиться на свободных землях Сибири.

Это происходило во время осуществления аграрной столыпинской реформы, когда организация переселения на сибирские и туркестанские просторы показала правительству одним из решений земельного кризиса в центральных и западных районах Российской империи. Желая поехать в Сибирь предлагались различные льготы: бесплатный проезд по железной дороге до станции, ближайшей к выделенному участку; освобождение на несколько лет от налогов; отсрочка от призыва в армию; денежные ссуды для скорейшего обустройства на новом месте и т. д. Но, прежде всего, они должны были снарядить доверенного человека,

который бы уже на месте, с помощью чиновника переселенческого ведомства осмотрел имеющиеся в наличии земельные участки и записал бы за собой понравившиеся.

Ходоки, пришедшие в Тыретскую переселенческую контору, после долгих раздумий были определены на Пихтинский участок, который располагался в Саянских предгорьях в стороне от железнодорожной ветки и старожильческих деревень. Здесь за ними были записаны 24 земельных надела, по 15 десятин каждый, и в 1911 году стали прибывать первые семьи переселенцев.

Откуда они ехали, из каких мест и деревень - удалось установить по записям в метрических книгах Иркутской лютеранской церкви, по рассказам пихтинских старожилов, а также по хранящимся у них старым семейным документам.

Голендры когда-то пришли из Германии, или Голландии, как протестанты-лютеране. Это было в период религиозных войн. Ощущая гонения на родных им землях (немецких ли, голландских ли), они приехали в Польшу, которая, как известно, была страной высокой религиозной терпимости. По разрешению короля они получили участки на землях Польско-Литовского королевства, которые находились недалеко от реки Буг. Можно сказать, что они жили на территории Люблинской, Белостокской и Волынской областей, которые после раскола Польши вошли в состав Российской империи.

В процессе ассимиляции они практически потеряли связь со своей исторической родиной, а также потеряли и язык.

Жили они также среди украинцев и научились говорить «по-хохлацки», как они называют. В доме Рудольфа Андреевича Гильдебранта (ему сейчас 81 год) родители приучали детей говорить между собой по-польски. Хотя отец с матерью говорили друг с другом по-украински.

Самое интересное, что они всегда читали книги на польском языке, но написанные готическим шрифтом.

Это - «ксёнжки». Так по-польски называют религиозные книги - Библию, молитвенники, сборники проповедей известного польского лютеранского священника Самуила Домбровского. Они лежат в каждом доме на почётном месте. Бывший глава иркутской законодательной власти Иван Зелент держит ксёнжку, перешедшую к нему после смерти матери, всегда при себе. Польский текст в ксёнжках набран готическим шрифтом, а отпечатаны они в прошлом веке в Восточной Пруссии. У них до сих пор сохранились эти книги. Мне самой посчастливилось держать одну из них в руках: необыкновенное ощущение прикосновения к чему-то очень ценному и важному.

В Иркутске жил лютеранский пастор, который ещё после революции приехал к ним. Но потом, когда в 1932 году началась пятилетка атеизма, конечно, такая возможность исчезла.

Когда они приехали сюда, у них не было храма, но по домам они собирались. Совершали службу так, как помнили. Читали молитвы, проповеди, пели песни. А когда приезжал пастор, то он совершал службу по всем литургическим правилам.

Во время борьбы с религией методами террора люди боялись. Вновь они начали собираться и проводить службы по домам, когда пришла хрущёвская оттепель. Те, кто ещё помнили песни, порядок службы, передавали это молодым.

Нынешние пихтинцы называют себя лютеранами. Столетия, прожитые ими среди польских католиков, украинских и русских православных, всё перемешали в их обрядах и представлениях. Лютеранские псалмы и проповеди они читают по ксёнжкам, а Рождество и Пасху отмечают по православному календарю. У протестантов нет культа святых, а голендры празднуют Петра, Мартына, Ивана и Михаила. Пихтинцы - самые настоящие экуменисты. При этом в семьях было жесткое религиозное воспитание. Иван Зигмундович Зелент вспоминает, что детям нельзя было брать в руки ножи что в воскресенье до обеда ему не разрешали играть. Вступать в пионерскую организацию тоже было нельзя. Ещё до школы родители по польскому букварю научили его и десятерых его братьев и сестёр (что характерно, и сейчас в пихтинских семьях много детей) свободно читать ксёнжку по-польски.

Приехав в Сибирь, люди дали новым местам привычные старые названия тех мест, где они жили раньше. Так, на Пихтинском участке появились Новины, Замостече (сейчас это Средне-Пихтинск и Пихтинск) и Дагник.

На вопрос, как они решились на переселение, что заставило их бросить родные края и ехать за пять с лишним тысяч километров, все мои собеседники в Пихтинске отвечали одинаково: недостаток земли дома, невозможность прокормить семью и надежда прочно устроиться в Сибири. «Земли там было мало, - рассказывает Густав Михайлович Кунц, - ни земли, ни покосов, всё помещичье. Корову на верёвке пасли. А в Сибири землю свободно давали. Земля плодородная, всё растёт. Конечно, яблок - груш нет, но без этого жить можно, а хлеб и всё остальное есть. И свободна земля, сколько хочешь бери, где хочешь стройся».

К августу 1912 года на Пихтинском участке уже появилось около 200 человек. Всего же, по словам Альберта Мартыновича Людвига, с 1911 по 1915 год сюда приехало 36 переселенческих семей.

Люди ехали на новое необжитое место, до конца не представляя, что же их там ожидает. Поэтому они везли с собой всё, что могли взять из дома: плуги, телеги, прялки, ткацкие станки. Всё это грузилось в отдельные вагоны и везлось по железной дороге до Заларей. На станции переселенцы покупали лошадей, грузили подводы и уже самостоятельно добирались до места поселения.

Первыми постройками на участке стали

временки для жилья (шалаша, как они их называли), а уже года три-четыре спустя появились основательные крепкие дома, подобные тем, что были у них на прежней родине.

Дома у них особенные и, когда я была в Пихтинске, они меня очень заинтересовали своей необычной архитектурой.

По сути дела, передо мной предстал дом-двор, дом-комплекс. В одном вытянутом объёме собраны функционально различные части: жильё, сени, кладовые, хлев со стойками для различных животных и птиц, ток для обмолота зерна, сеновал и завозня. Всё необходимое для жизни крестьянина объединено в одной постройке. Этим и объясняется непривычный вид усадьбы, без отдельных построек, расположенных по её периметру.

Все пихтинские дома рублены без гвоздей. Почти все двери и ворота поставлены на «пяты» - тот поворотный приём без использования петель

«Такой лес густой был, - вспоминает Карл Григорьевич Людвиг, - что от одного дома не видать было другой». Земли, свободной от леса, было мало, поэтому первым делом надо было братья за его раскорчёвку. Государство поддерживало поселенцев, выплачивая помимо основной ссуды на обустройство ещё и дополнительные деньги за каждый раскорчёванный участок земли.

Так, потихоньку, люди начали осваиваться, обустриваться, создавать семьи, рожать детей, делая записи об этом в метрических книгах Иркутской Лютеранской церкви, которые удалось обнаружить в Иркутском областном архиве. Самая ранняя из таких записей относится к 1911 году.

Если рождались и умирали жители пихтинских деревень, в большинстве своём, у себя дома, то венчаться они предпочитали ездить в Иркутск. Первую пару молодожёнов из Пихтинска пастор Иркутской Лютеранской церкви обвенчал 24 января 1916 года.

Женились только на своих - на голендрах. Поэтому не удивительно, что сейчас чуть ли не все жители Пихтинска могут найти между собой близкое или дальней родство, а фамилии, повторяющиеся в метрических книгах лютеранской кирхи и сегодня преобладают в этих деревнях: Людвиги, Гильдебранты, Кунцы, Бытовы, Зеленты, Гиньборги (или Гимбургги), Бендики.

В настоящее время почти все эти люди записаны в паспортах украинцами. Однако первые поселенцы Пихтинска были оформлены в документах как немцы. Вероятно, главным аргументом в пользу такого определения национальности стали немецкие фамилии этих людей. Возможно также, что на тот момент ещё сохранялись какие-то воспоминания о давней германской родине, где жили их предки до того, как они обосновались на берегах Западного Буга. Сегодняшние жители Пихтинска ничего об этом не знают. Они рассказывают только, что никто из их семей - ни на прежней родине, ни в Сибири - не говорили по-немецки.

Дома в семье они разговаривали на смешанном украинско-белорусском языке. Читали же, писали и молились Богу по-польски. Ни к немцам, ни к полякам, ни к украинцам они себя не относили. Знали, что они «голендры», но о том, что это значит, как и откуда они появились на Волыни, - не задумывались.

Вопрос о национальной принадлежности встал остро только в 1939 г., когда началась вторая мировая война.

В воспоминаниях Зигмунда Андреевича Зелента, записанных в 1968 г., говорится, что начальник переселенческого пункта в Тырети Райнерт сделал запрос в Петербург об уточнении национальности пихтинских поселенцев. Ему «сообщили, что эти люди родом из Голландии, что их предки, двенадцать семей, при царствовании Екатерины II куплены как хорошие специалисты: плотники, столяры, ткачи, токари. Это было ещё 360 лет назад, настоящей нации так и не написали, тогда начальник предложил оформить национальность этим людям - немец, и они не отказались. Так эта национальность и осталась до сих пор».

Сразу бросается в глаза несоответствие указанного момента - «360 лет назад» - правления Екатерины II (1762-1796). Можно было бы считать это опиской и не принимать во внимание. Но доказательств того, что петербургские чиновники начала XX века, давая ответ Райнерту, обладали достоверной информацией, тоже нет. А самое главное, что по ходу исследования обнаружились факты, рисующие иную картину появления бужских голендров. Не всё ещё до конца в ней ясно, многие детали требуют уточнения, однако безусловно одно: к екатерининской эпохе рассматриваемые события отношения не имели, а происходили гораздо раньше - в начале XVII или даже во второй половине XVI века.

В старых метриках уроженцев бужских колоний стоит пасторская печать, на которой видна цифра 1564. Вполне вероятно, что это - год основания Нейбров-Нейфдорского прихода. Так же считал и немецкий исследователь Вальтер Кун, ещё в 1930-х годах писавший об истории немецких поселений на Буге и на Волыни. Позднее, однако, стало преобладать другое мнение, которое опиралось на обнаруженное в церковной хронике следующее сообщение: 3 июня 1617 года польский граф Рафаэль Лещинский пожаловал четырнадцати крестьянским семьям из Пруссии привилегию поселиться на его земле у реки Западный Буг в качестве вольных колонистов. Эти семьи и стали основателями двух первых деревень, которые находились в 30 км к югу от Бреста и назывались Нойбрау (Нейбров) и Нойдорф (Нейдорф).

Таким образом, переселенцы приехали из Пруссии. Но была ли она их родиной или только промежуточной остановкой на долгом пути? На этот счёт существует несколько версий, одна из которых до сих пор не имеет исчерпывающих доказательств. Согласно одной из версий, предки приглашённых колонистов

жили в низовьях Рейна, но из-за малоземелья и политических неурядиц покинули свою родину в 1540-х годах. По морскому пути они прибыли в устье реки Вайкзель (Висла) и поселились в районе Данцига (Гданьска). Часть этих людей и пригласил к себе на Западный Буг граф Лещинский.

По другой версии, бужские голендры являются потомками голландских лютеран, покинувших страну из-за религиозных притеснений. Некоторое время они жили в окрестностях Данцига, а затем переселились на Западный Буг.

И, наконец, третья версия - в качестве первоначального места проживания этих людей называют Пруссию. Этому мнения придерживается и современный немецкий учёный Хельмут Хольц. Он пишет, что «нет ничего, что могло бы связывать этих людей с Голландией - ни религии, ни языка, ни обычаев, ни национальных костюмов. Всё указывает, скорее, на то, что они пришли из Пруссии и по своему происхождению были пруссаками». Одним из доказательств он считает тот факт, что большинство молитвенных книг отпечатаны в Восточной Пруссии. Многие нейдорфские пасторы также приехали в колонию из Пруссии.

Сильным доводом в пользу голландского происхождения этой группы людей было их название: голендры или олендры - как произносят пихтинцы, holendry - как это звучит по-польски, Bughollander - по-немецки. В переводе с последнего это слово означает «бужские голландцы». Однако Х. Хольцу удалось найти указание на старую церковную хронику, в которой поселенцев называли не Bughollander, а Haulander. А это говорило уже не об этническом происхождении, а о характере поселения. «Hauland» - так называли немцы пахотные земли, полученные в результате вырубки и корчевания леса (от hauen - рубить). Жителей же этих земель звали соответственно Haulander. Приехав на Западный Буг, колонисты были вынуждены раскорчевывать свои земельные участки, точно так же, как три столетия спустя это делали их потомки, оказавшись на Пихтинском участке Иркутской губернии. Со временем устаревшее слово Haulander трансформировалось в Hollander. Не исключено, что этому способствовало и то, что среди первых колонистов, заселявших польские земли, были также и голландцы. Иногда, по словам профессора Дюссельдорфского университета Д. Брандта, слово «голландец» выступало синонимом слову «колонист» вообще.

Как бы там ни было, но обосновавшись на землях Лещинского, эти люди оказались в изоляции от своей прежней родины.

Приехавших в Сибирь и оставшихся на Волыни разделяло громадное расстояние, но связи между ними, тем не менее, не прерывались. Одни приезжали «в разведку» посмотреть, как обустроились переселенцы и оставались в Пихтинске, другие уезжали обратно. Они писали друг другу письма, поздравляли с праздниками. Вскоре ситуация изменилась.

Мировая война, революция, гражданская война - всё это разделило людей сильнее расстояния. А когда в 1921 года между Россией и Польшей был заключён Рижский мирный договор, по которому территория Западной Украины и Западной Белоруссии отошла к Польше, то обе группы бужских голендров - в Сибири и на Волыни - оказались гражданами разных государств. Они продолжали писать друг другу письма, но теперь это было гораздо сложнее делать.

К сожалению, от той переписки до сегодняшнего дня ничего не сохранилось. Однако, остались люди, которые живут сейчас в Германии, но родились на Волыни и ещё помнят кое-что о жизни голендр в это время. Ими оказались жители Дуйсбурга Ирэна и Эдвард Людвиг, а так же уроженцы Забужских Голендр Марьяна и Бронислава Людвиг из небольшого селения Тепхин под Берлином. На Волыни прошли детские и отроческие годы этих людей. Сёстры Марьяна и Бронислава родились соответственно в 1913 и 1924 годах, Эдвард Людвиг - в 1925 году в селе Нейбров, его сестра Ирэна - там же, в 1937 году. В январе 1940 года все они покинули родину и переехали в Германию. Естественно, что спустя столько лет многое стёрлось из их памяти; что-то они уже не в состоянии вспомнить, а о чём-то не могли рассказать и раньше. Как вспоминает Бронислава Людвиг:

«У нас говорили, что мы - голендры, в школе что-то рассказывали, что 400 лет назад наши сюда пришли, но кто там пришёл, как это всё там было, может с Голландии когда кто пришёл - не знает никто. Только вот у нас Бог свой, в церковь свою ходили, пастор был, как у немцев в Восточной Пруссии, а так больше ничего не знаю. Мама рассказывала также, что в 12-ом году наши в Сибирь уехали».

1939 год оборвал и эту ниточку. В сентябре Германия напала на Польшу, началась Вторая мировая война. Дойдя до Западного Буга, немцы остановились. А вскоре началось «добровольное вхождение Западной Белоруссии и Западной Украины в состав СССР», и советские войска встали по другую сторону Буга. Из рассказа Брониславы Людвиг:

«Когда война была в 1939-ом, то до нас, в Забужские Голендры, первыми пришли немцы. Потом с той стороны на Польшу пришли русские. Мы жили как раз у реки. Буг в то время не был польской границей, здесь была Волынь. Немцы пришли, и русские пришли, Буг сделали границей - здесь русские, там немцы. Сентябрь, октябрь, ноябрь - и война закончилась. В декабре говорят: «немцев забирают. Сказали, что 500 метров - все должны уезжать, только патруль здесь должен ходить».

Советско-германский пакт о ненападении 23 августа 1939 года предусматривал в числе прочего переселение волыньских немцев в Германию, если они того пожелают.

В связи с этим в Германии были отпечатаны различные брошюры, листовки, газеты, в которых говорилось об их исторических корнях

этих людей, об их принадлежности к великой Германии, немецкому народу, звучал: «Возвращайтесь домой, Родина вас помнит и ждёт!» Эта литература распространялась и среди бужских голендров. В январе 1940 года они были поставлены перед выбором: Россия или Германия. Но Россия для них уже не была страной, гражданами которой они выросли, ведь с 1921 года их села находились на польской территории. Польши, как казалось в тот момент, больше не существовало, а со стороны Германии им обещали всяческие блага, упирая на их национальные чувства. Большинство жителей колоний решило уехать в Германию. «До нас пришла немецкая и русская комиссия, - стали мы записываться. Нам сказали день - 25 января 1940 года. Отец взял лошадь, воз. Все покинули - дом, хозяйство - и уехали. Всей деревней, 150 семей, и уехали».

В целом с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в это время переселилось в Германию 67452 человека, в том числе 2280 бужских голендров. Приехав же в Германию, они обнаружили, что на них смотрят, как на людей второго сорта, не признавая «настоящими» немцами и презрительно называя «поляк». Прожив на Волыни более трёх столетий, они утратили немецкий язык, восприняли элементы культуры окружающих народов. Поэтому вполне естественно, что оказавшись в Германии, они попали в положение иностранцев на собственной исторической родине.

Некоторые семьи бужских голендров решили остаться и никуда не выезжать. Но это решение оказалось для них роковым. Как «лиц немецкой национальности» их депортировали на восток в лагерь. Таким образом, ещё одна группа голендров оказалось в Сибири, но уже не по своей воле.

Тем же, кто «вспомнил» о своём немецком происхождении, были выданы документы, удостоверяющие их принадлежность к новым гражданам III Рейха. Покинув Забужье, эти люди приехали сначала в Лодзь, потом в переселенческий лагерь в Эрлангене (недалеко от Нюрнберга в Баварии), где они пробыли с апреля по сентябрь 1940 года. Затем им было определено новое место жительства недалеко от Познани в Вартегау (административно-территориальный район, образованный немцами на территории оккупированной Польши). Всем дали дома, отобранные у прежних польских хозяев, скот, птицу и обязали снабжать немецкую армию сельхозпродуктами. Как вспоминает Бронислава Людвиг, «дали нам на Польше в Вартегау хозяйство, польский дом это был. Батьку, матку с дому они выгнали, сыны на немцев работали. А нам сказали - это ваша хата». Так они и жили до весны 1944 года, пока не началось наступление советской армии, и все немцы в срочном порядке стали покидать эти земли. Уехали и голендры. Часть из них осела под Берлином, часть поехала дальше на запад

Германии, где и живут до сих пор.

Во всей этой истории немало трагичного. Но, пожалуй, самое страшное - это то, когда родственники, те же Людвиги, Кунцы, Зеленты, писавшие друг другу письма, вдруг стали врагами и воевали по разные стороны линии фронта, одни - в фашистской, другие - в советской армии. Вполне вероятной могла быть встреча двух братьев или, допустим, дяди и племянника лицом к лицу с оружием в руках. И хотя большинство пихтинцев в 1942 году оказались в «Трудовой армии», все же некоторые добровольцы в 1941 году «прорвались» на фронт. Среди них был и Густав Григорьевич Зелент. В то же самое время где-то на восточном фронте находился солдат фашистской армии уроженец Забужских голендр Мартин Людвиг - муж Брониславы из Тепхина, которая приходилась жене Густава Григорьевича двоюродной сестрой. В 1944-ом он пропал без вести. Ян Людвиг - брат Ирэны Зирах из Дуйсбурга - также воевал на восточном фронте и был убит неподалеку от тех мест, где жили его родственники и предки - под Житомиром.

В Первую мировую войну, хотя и шла она с Германией, национальность пихтинских переселенцев никак не сказалась на их судьбе. Некоторые из них были призваны в русскую армию и несли все тяготы военной службы наравне с другими российскими подданными.

Революция и гражданская война прошли мимо далёких таёжных деревень. Пихтинцы продолжали жить, обрабатывать свою землю. Многие уже имели «крепкое» хозяйство, жили хорошо за счёт своего труда. После гражданской войны узнали пихтинцы и продразвёрстку, и раскулачивание. В середине 30-х гг. на Пихтинском участке были организованы колхозы. Летом люди занимались сельскохозяйственными работами, а зимой работали на заготовке и вывозке леса.

Наступило 22 июня 1941 года - трагический день для нашей страны и нашего народа. Началась война с фашистской Германией. К этому времени молодые пихтинцы проходили службу в Красной армии. Сложной оказалась судьба этих парней. Кунц Густав Михайлович родился в 1919 году на Пихтинском участке. 20 октября 1940 года Заларинским районным военкоматом был призван в Красную Армию и проходил военную службу телефонистом в 9-ом отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе на Дальнем Востоке. Потом он был направлен в командировку в Новосибирск, где его уволили из армии и направили на работу в народное хозяйство. Причина увольнения - национальность «немец». Да, Г.М. Кунц был уволен из Красной Армии на основании приказа № 35105 от 8 сентября 1941 года, в котором сказано: «Изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной Армии, как на фронте, так и в тылу военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа в строительные части». Вот и аукнулась пихтинцам их национальность - «немец».

В ноябре-декабре 1941 года стали создаваться трудовые армии, как указано в архивных справках - «трудовые колонны». Это был не тыл армии, не трудовой фронт, о котором писали в газетах. Это были лагеря для советских граждан - людей разных национальностей, живших на территории СССР. В трудовую армию направляли советских немцев, финнов, румын, венгров. Власть боялась доверить им оружие для защиты Родины. В основном они использовались на промышленном строительстве и лесоразработках. На основании постановлений ГКО, мобилизация в трудовую армию производилась через военкоматы. В соответствии с постановлением ГКО от 7 октября 1942 года туда же мобилизовались немцы Сибири и Казахстана, не подвергшиеся переселению в августе-сентябре 1941 года.

До настоящего времени сохранился в памяти жителей Пихтинска эпизод, как приезжали в деревню в 1942 году сотрудники НКВД с целью установить истинную национальность её жителей. Они ходили по улице, по домам, прислушивались к играющим детям, надеясь услышать от тех немецкую речь. Но ребяташки говорили «по-хохлацки», старики пели песни по-польски, и о принадлежности пихтинцев к немцам, казалось, ничего не свидетельствовало. Это и спасло деревни, которые могли бы полностью исчезнуть, а все жители оказаться в лагерях. Тем не менее, немецкие имена и фамилии сыграли свою роковую роль. 22 марта 1942 года более 80 человек, жителей Пихтинского участка, были вызваны в Заларинский районный военкомат и призваны в трудовую армию.

В своих воспоминаниях Зигмунд Андреевич Зелент написал: «В марте 1942 года нас всех в организованном порядке сняли с заготовки леса и по приказу военкома направили на защиту Родины. В один день с нашего маленького колхоза было отправлено 65 человек, в деревне остались лишь старенькие да маленькие и лично моя семья с женой девять человек».

И я ещё раз повторю слова Зигмунда Андреевича: «...сняли с заготовки леса и направили на защиту Родины». К сожалению, Зигмунд Андреевич забыл о своей национальности - «немец». И поэтому вместо фронта пихтинцы оказались на основании постановления ГКО в трудовой армии. Направили их на станцию Решёты Красноярского края, в Краслаг. И стали пихтинцы «воевать» в тайге с пилой и топором. Были они на положении заключённых в системе НКВД, ходили в сопровождении охраны. Труд был тяжёлый, а кормили плохо. При невыполнении нормы выработки снижали норму выдачи хлеба с 600 до 300 г. Они были дармовой силой для социалистического государства.

Я разговаривала об этом с очевидцами, и мне бы хотелось процитировать их воспоминания.

Рудольф Андреевич Гильдебрант: «Забрали меня в Трудовую армию, когда мне только исполнилось 18 лет, в самый день

рождения. Отправили на заготовку леса. Лес валили ручными пилами, потом грузили лес в вагоны, которые отправляли на фронт. Бывало работали по трое-четыре суток и без еды - не успевали поесть. Проводили железную дорогу: зимой прямо на снегу, так она весной вся искривлялась, а летом на песке. В ноябре 1946 года отправили двадцать человек, в том числе и меня, в Красноярск. Оказалось, что нужны были заключённые, а не мы, и нас повезли дальше, на запад. Оставили километрах в шестидесяти от Красноярска. Там я стал работать в колхозе. Убирал хлеб, картошку. Работа эта была мне знакома и близка. А 7 ноября отправили снова в Красноярск на лакокрасочный завод. Не хотелось ехать, а куда же денешься. Работал я в белильном цехе. Бывало день постоишь, всё дыхание забивало. Кормили нас там по карточкам, и что-то карточки на хлеб перестали выдавать. Мы терпели месяц, принимая вместо хлеба кашу, а на второй устроили забастовку. Так нас всех, кто бастовал, оттуда и выгнали. Остались мы на улице, а мороз - 56 градусов, идти некуда, думал замёрзнем. Помог комендант, устроил на кирпичный завод. Но и там не легче. Что делать, если сил нет, а норму надо выполнять. Снова забастовка, снова выгнали. Комендант опять помог. Устроился на стадион «Динамо». Чистил его, разметал, делал летом разметки извёсткой, зимой водой заливал. Выходных почти не было, и по воскресеньям работы много. Но всё легче было там. И директор был хороший - бывший фронтовик, ногу на войне потерял.

Работал на шпалозаводе, на лесозаводе, кем только не был. Однажды на заготовке леса, когда погрузили мы его на вагоны и, уставшие, сели отдохнуть, да поесть черемши, черемши мы тогда ели больше, чем коровы травы, что-то толкнуло меня сесть не там, где все, а повыше, подальше от железной дороги. И только я сел, как вдруг вижу - последний вагон отцепился и покатился вниз по наклонной, набирая скорость. Крики, все бегут! Я только привстал и ... «БАХ!» - бревно в спину, но успел отскочить. Много людей подавило, кругом кровь, стоны раздаются со всех сторон. Бригадир с теми, кто уцелел, бросился разгребать живых, а стрелок запретил спасать людей. Но никто не обратил тогда на него внимания. Страшно было.

Жили мы в землянках у железной дороги. Кормили плохо. И повара попадались злые. Бывало идёт бригадир получать ужин, каждый подходит, ему наливают. А нас, иркутских, повара знали в лицо и называли русскими немцами. Подойдёшь, а они вместо супа нальют воду, и ничего не поделаешь. Унижали нас, оскорбляли, словами убивали крепко. В Решётах жили хуже собаки.

Промучился я так 6 лет, а в 1948 году вернулся домой. Стал работать в Пихтинском колхозе, который назывался тогда «Каганович», трактористом. И там работал, и другим колхозам помогал. Трактора тогда были не

то, что сейчас, заводили вручную. Бывало и челюсти вышибало, и руки ломало. Потом работал в кузнице.

Тяжёлое было время, когда забирали в Трудармию, мать была парализована (Анна Григорьевна, 1897 г. р.), всё равно не пожалели. Я даже не видел, как её похоронили. Отец (Андрей Вильгельмович, 1905 г. р.) погиб с голоду в Трудовой армии. Я не сразу, но работал вместе с ним, сам хоронил его. По-первости людей не успевали хоронить, умирали по десять-пятнадцать человек в сутки. Всех голыми кидали в одну яму. Но я отца хоть в гробу...,...хоть...земля в глаза не сыпала...»

Колышенко Нина Мартиновна: «Когда забрали в Трудармию, я уже не молода была - девятнадцать лет. Дома остались сестрёнки, братья. Нас в семье было шестеро, я - старшая. Мать умерла, когда мне было 13 лет. Так отец всех один и тянул. Отправили меня на Урал. Там всю зиму котлованы рыли под овощи. А земля мёрзлая, рыть плохо. Весной навоз возили с фермы, отогревали, рассаду сеяли, воду носили, лес валили, хлеб убирали вручную. Кормили нас плохо. По-первости овощи всё мёрзлые. Недоедали. Потом свой урожай стали есть, хлеба давали по 500 г. Режим был строгий: украл 2 репы - 2 года в тюрьме. Я однажды взяла немного морковки, так меня на сутки в карцер посадили. Хорошо, что наш агроном, до сих пор помню, что его звали Виктор Алексеевич, хороший был человек, не дал лишить меня обеда и ужина. Я услышала, как он сказал надзирателю: «Ослабнет, косаря потеряю».

Немцев на Урале селили в общежития, а нас, как иркутских, на частные квартиры. Но как немец «наступит», всех сгоняли в общежития.

Была я там восемь лет. В июле 1950 года вернулась домой. Нам три раза присылали с Москвы разрешение, но нас не отпускали, пока мы сами этого не добились.

Когда приехала, отец умер, идти некуда, а на руках четырёхмесячный сын. Там, на Урале, я познакомилась с русским, но его мать сказала: «Нам не нужна немка!» Так я и осталась одна. Колхоз мне не помог, хотя я и считалась колхозницей, и пошла я на заработки. Жизнь начала с нуля. Страдания всю жизнь были».

Да, действительно, много горя принесла эта война. В Пихтинске каждую семью она затронула, практически в каждой семье унесла кого-то с собой навсегда.

Около десяти человек в период 1942-1943 годов были демобилизованы по болезни и направлены домой, в Иркутскую область. Гимбург Адольф Иванович был призван в трудовую армию 22 марта 1942 года, а 26 марта 1942 года был демобилизован по болезни. 23 февраля 1944 года он снова был призван Заларинским районным военкоматом и направлен в трудовую армию в Челябинскую область на работу в «Челябметаллургстрой» МВД, где работал до 2 ноября 1954 года возчиком гу-

жевого транспорта.

3 июля 1943 года около пятнадцати человек пихтинцев, работавших в Красноярском крае, были направлены на Урал, в Молотовскую (Пермскую) область, в Усольлаг. Здесь они строили лагерь, работали на лесозаготовках. Условия их трудовой жизни в Усольлаге не отличались от условий Краслага: непосильный труд, унижения, голод.

Людвиг Густав Михайлович, 1906 г. р., тоже бывший в трудовой армии, вспоминает: «Пошли вечером картошку копать. Есть-то надо. Дошли до поля. Тишина. Нет никого. Мы присели и копаем картошку руками. Было нас трое - я, Зигмунт в середине и Альберт с краю. Я потом говорю: «Пойдём». «Ещё немножко», - сказал Зигмунт. Потом мы пошли, а Альберт остался. Альберт не видел, что мы ушли. Мы с Зигмунтом дошли до леса. Ждали Альберта, но его не было. Решили вернуться на поле. Высыпали картошку и пошли. В это время на поле пришла охрана и стала стрелять в нас из винтовки. Пули попали в Зигмунта, и он упал. Я успел убежать. Давали хлеба 800 г. тому, кто выработывал норму. Утром съедим весь хлеб, а обед и ужин без хлеба. Супдавали только на обед и на ужин».

Анеля Михайловна Людвиг 1914 г. р., имела в Пихтинске двух детей четырех и шести лет. Её муж, Карл Григорьевич Людвиг, был призван в трудовую армию 22 марта 1942 года, а 11 ноября 1942 года призвали Анелю Михайловну и отправили на Урал.

Дети остались дома у родственников. Домой она вернулась в 1946 году. Четыре года дети не видели ни отца, ни матери.

В 1945 году пришёл долгожданный День Победы. А для пихтинцев «война» продолжалась. На основании постановления СНК СССР №35 от 8 января 1945 года, распоряжения НКВД СССР и Наркомучёта от 22 ноября 1945 года немцев-трудоармейцев отнесли к категории «спецпоселенцев». Им так же, как всем депортированным, вменялось регулярно отмечаться в спецкомендатурах и под угрозой уголовного наказания не отлучаться от места жительства без разрешения властей. И это - за самоотверженный труд в нечеловеческих условиях. Государство ещё раз показало своё отношение к части своего народа.

Домой пихтинцы стали возвращаться в 1950-х годах. Но еще до 1955 года многие из них стояли на учете спецпоселения и ходили в деревню Харагун Заларинского района отмечаться в спецкомендатуре.

Прошла война, прошли годы. Люди возвращались домой и начинали жить заново. Их детей и внуков уже не постигла та тяжёлая судьба, которая выпала на их долю. Но до сих пор в сердце каждого пихтинца, кто принадлежит к старшему поколению, болят незаживающие раны того времени.

Каждый год мы празднуем День Победы, поздравляем наших ветеранов, говорим им «спасибо». А почему бы не поблагодарить и этих людей? Неужели их жертвы и самоотвер-

женный труд уйдут в небытие? Неужели они недостойны того, чтобы просто, по-человечески им сказали «спасибо»? Я считаю, что это несправедливо. Они внесли свой вклад в общую победу, которая им также далась большой ценой. Даже сейчас, разговаривая с пожилыми пихтинцами, теми, кто прошёл через всю войну, я видела, как на их глазах блестели слёзы. Слишком свежа боль тех событий. Так почему бы не смягчить её, показав им, что их жертвы не напрасны, и мы благодарны им.

Их единственная вина оказалась в том, что их посчитали немцами, которыми они, по сути, никогда не были. Они хотели на фронте,

с оружием в руках защищать свою Родину, а она отнеслась к ним как к предателям. Разве такое можно забыть?

Их национальность уникальна, и они являются носителями уникальной культуры, которую неправильно растолковали тогда, а сейчас вообще забывают. О существовании такой нации, как голендры, в наше время знают немногие. А ведь это частичка нашей многонациональной страны и живая страничка её истории, и я надеюсь, что своим маленьким вкладом, я хоть чуть-чуть осветила её...

2/03/2011

ПОИСК РОДНЫХ

Наталья Альберг:

17.09.2013

Добрый день! Я ищу данные на моего деда Альберг Карла Христиановича, 1898 года рождения. Жил Павлодарская обл., Какакский р-н, Энбекли, Конанерка. 14.05.1942 года был мобилизован в трудармию в Челябинск. Не знаю в какой архив обратиться чтоб узнать о нем и его возможных родственниках. Возможно в селе есть архив о всех жителях. Буду благодарна за любую информацию.

С уважением Наталья.

Ответить Admin says:

17.09.2013

Если не ошибаюсь, архив находится в Бурасе (Большая Владимировка) Восточно_Казахстанской области (бывшая Семипалатинская, бывшая Павлодарская - до 1959 г.). В книге Памяти трудармейцев треста «Челябметаллургстроя» есть запись: Альберг Карл Христианович

Наталья Альберг:

23.10.2013

Здравствуйте! Большое спасибо за Ваш ответ!

Попытаюсь что-то выяснить в архиве, который Вы указали. Из архива Челябинска мне прислали фото-копию учетной карточки моего деда. Но в ней та же информация, что и на сайте архива. Ничего нового мне не сообщили. Я думала будет информация о составе семьи на момент мобилизации, но увы...

Еще раз благодарю за Ваше участие!

С уважением Наталья.

Андрей Шахнов

9 «А» класс МБОУ СОШ №52, г. Сатка

ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ

Руководитель:

Капанова Елена Геннадьевна
учитель истории, кандидат исторических наук.

Консультанты:

Шахнова Елена Вильгельмовна, мама.
Нейман Вильгельм Августович, дедушка

Семья Шахновых: 3 детей

Папа - Шахнов Владимир Викторович
Мама - Шахнова Елена Вильгельмовна
Сын - Шахнов Андрей Владимирович (15 лет)
Дочь - Шахнова Мария Владимировна (8 лет)
Сын - Шахнов Александр Владимирович (10 мес.)

**20-летию совместной жизни
моих родителей посвящается....**

Однажды, когда я был еще маленький, я вдруг задумался, почему у моей мамы Лены такое необычное отчество - Вильгельмовна, Елена Вильгельмовна... Ведь бабушка Римма, ее мама, всегда называла дедушку Валентин, Валя, да и родные и знакомые обращались к нему по-доброму «Августович!» Что-же получается: он вовсе не Валентин, а Вильгельм Августович! И от мамы я узнал, что Валентином дедушку на русский манер всегда называли потому, что для многих так легче произносить его имя.

Став взрослее я стал задумываться - значит, судя по отчеству, отец моего деда был Август, а прабабушку, я слышал, звали Фрида - это же настоящие немецкие имена!... Выходит, я - потомок немецкого рода... Это стало для меня первым открытием и отправной точкой в исследовании истории нашей семьи.

У мамы нашлись некоторые документы, свидетельства о рождении наших предков, датированные еще концом XIX века - очень ветхие, но сохранившие немного потускневший рукописный чернильный шрифт, и немного старых фотографий. Оказывается, мама давно заинтересовалась изучением родословной семьи, но заняться исследованием всерьез не получилось из-за нехватки времени - работа, рождение троих детей, семейные заботы. И тогда я решил помочь маме разобраться в нашей родословной, узнать свою предысторию, свои истоки и корни. И главными помощниками в этом стали мои бабушка с дедушкой, которые смогли рассказать много интересного из жизни нашей семьи.

Располагая, к сожалению, скудным семейным архивом документов и фотографий, опираясь в основном на переданные «из уст в уста» воспоминания моего деда и моих родителей, мы постарались восстановить историю семьи Нейман по линии маминого отца, начиная от прабабушки и прадедушки, и описать события жизни наших родных с использованием исторического материала, в контексте самых трагических и жестоких страниц российской истории - сталинских политических репрессий, описать картину сложной судьбы советских немцев, навсегда потерявших свою историческую родину.

Немецкая автономия на Волге

Мой прадед Нейман Август Иванович, по свидетельству о рождении August Johann Neumann (родовая фамилия по-немецки звучит Нойман), родился в Литве в селе Борки 28 марта 1895 года. О его родителях (Йохан и Каролина Нейман) известно немного, по словам моего деда они были из простых крестьян, которые работали на земле и вели свое хозяйство. В семье было трое детей. Уже с детства у маленького Августа проявился огромный интерес к чтению. Он много читал и впоследствии, будучи взрослым, много путешествовал, как говорил дед «кочевал с

места на место, зарабатывая подмастерьем, а был он мастер на все руки». Он был очень эрудированным человеком и знал шесть (!) иностранных языков. Так сложилась судьба, что всю жизнь он прожил в Советском Союзе, большую часть своей жизни на Южном Урале, о чем подробно будет рассказано в дальнейшем. По рассказам моей мамы дед Август дожил до 96 лет и умер в 1991 году, когда моей маме было 18 лет. Она хорошо помнит, как в детстве он прививал ей любовь к иностранным языкам, разговаривая за обедом то по-немецки, то по-польски, называя предметы на разных языках, и практически до конца своих дней прадед сохранил ясность памяти и способность читать газеты на немецком языке.

Прадед был три раза женат, имел четверых детей, но выжил из всех детей только один мой дедушка Вильгельм Августович Нейман, так как в результате начавшихся гонений на советских немцев и связанных с этим вынужденных депортаций семьи прадеда со своей женой Генриеттой Мюллер (Henrietta Muller) (матерью моего деда) остальные дети погибли от болезней и голода.

С начала 20-х годов мой прадед с его первой женой Амалией проживал на территории созданной в 1919 г. Автономной Советской Социалистической республики Немцев Поволжья (АССР НП) в селе Франк Франковского кантона Саратовской губернии.

Как известно из истории, в России немцы появились еще во времена Ивана Грозного. А при отце Петра I царе Алексее Михайловиче в Москве уже существовала так называемая немецкая слобода. Взойдя на престол, Петр I приглашал из Европы иностранных специалистов, среди которых было много немцев. В большинстве своем это были военные, специалисты в различных областях науки и хозяйства, промышленники и купцы. В годы правления Екатерины II были образованы первые немецкие колонии на берегах Волги, где немцы развивали сельское хозяйство.

Жители автономии вели религиозный уклад жизни. В основном они были лютеране, в том числе и мой прадед и прабабушка. А предки моей прабабушки были настолько верующие, что когда-то (ориентировочно в XVIII веке) переселились сюда из Германии по причине преследований за лютеранскую веру, как рассказывал деду его отец.

После революции 1917 года большинство немецких колонистов долго не воспринимали большевистскую идеологию и не желали адаптироваться к новому режиму.

Однако и не принимали массового участия в антисоветских акциях. Лишь в голодные 20-е годы доведенные до отчаяния экономической политикой большевиков, устраивали восстания (например в селе Мариенталь в марте 1921 года произошло крупное восстание немецких колонистов, в результате которого многие были расстреляны и отправлены в лагеря). С тех пор повышенное внимание к немецким колонистам, подозрение их в антисоветских

настроениях продолжилось в репрессиях против немцев.

С 1927 года началось радикальное увеличение налогового бремени на крестьянские хозяйства. Многие немцы пытались эмигрировать в Германию, но с 1928 года власти перешли к репрессиям по отношению к инициаторам выезда. О разрешении на выезд со своей женой и маленьким ребенком ходатайствовал и мой прадед, отправившись с другими желающими в Москву, но разрешение на выезд получила лишь одна треть заявителей. Остальных, в том числе и моего прадеда, насильно водворили на место жительства.

В дальнейшем, после прихода к власти Гитлера в Германии, советское правительство наложило запрет на всяческие связи с Германией, получение посылок и материальной помощи, угрожая суровыми приговорами вплоть до высшей меры наказания. Кроме того, оно уже в 1934 году приказало составить списки все немцев, проживающих на территории СССР. Последующие насильственные меры и депортационные акции, как считалось, осуществлялись на основе этих списков. Так велась «борьба с контрреволюционным фашистским элементом в немецких колониях» согласно Постановлению ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 года. Как рассказал мне дед со слов своего же отца «национальность служила уже достаточным основанием к преследованию».

В немецкой автономии на Волге семья прадеда прожила до 1933 года, когда смертность от голода в немецких селах достигла своего пика. Именно в этот период прадед похоронил свою первую жену Амалию и дочь Лору. Вскоре после второй женитьбы на матери моего деда Генриетте Конрадовне Мюллер он с женой покинул автономию и уехал в Грузию, где 14 апреля 1937 года в селе Касатиба Ахалцихского района родился мой дед Вильгельм Августович.

28 августа 1941 года после нападения Германии на Советский Союз Президиум Верховного Совета СССР издает указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Объяснялся этот указ тем, что «среди немецкого населения... имеются тысячи диверсантов и шпионов, готовых по сигналу из Германии произвести взрывы...» Автономная Республика немцев была ликвидирована и произведена тотальная депортация немцев из АССР. Немецкие жители республики были вывезены в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Депортация коснулась и семьи моего прадеда Августа Ивановича. Из Грузии осенью 1941 года семья была спешным порядком вывезена в Узбекистан в село Кавардан Ташкентской области.

Работа в трудармии

С января 1942 года начался призыв через военкоматы депортированных немцев-мужчин с 17 до 50 лет в так называемую «трудармию» - для лесозаготовок, строительства заводов и

железных дорог. Мобилизован был и мой прадед Август. В рабочие колонны, наряду с мужчинами, направлялись и женщины, имевшие детей старше 3-х лет. К счастью, прабабушке Генриетте удалось избежать мобилизации, так как на тот момент у нее на руках был полугодовалый младенец (родившийся в сентябре 1941 года) по имени Август, как и его отец, и маленький 5-летний Вильгельм.

Прадедушка, вынужденный оставить семью в Средней Азии, был направлен с колонной трудармейцев на Урал в Челябинскую область на строительство металлургического и коксохимического заводов (Бакалстрой НКВД). После прибытия по месту назначения (в поселок Рудничный) из трудармейцев сформировали рабочие отряды и поселили в бараках. Разочарование рабочих было еще больше, когда они, сопровождаемые конвоем солдат, увидели огороженный колючей проволокой лагерь и смотровые вышки, на которых стояли солдаты. Как на зоне.

Дедушка рассказал мне, в каких тяжелейших условиях работал тогда его отец. В бараках спали на двухъярусных деревянных нарах, по 40 см лежачего места на каждого человека. Еда была плохая. Одежда скудная, а ведь работать приходилось на лесозаготовках даже в суровые морозные зимы! Работавшие рядом с ними тюремные заключенные обеспечивались лучше, чем немецкие рабочие. Очень обидно, что эти обычные мирные люди, совершенно безосновательно обвиненные в измене, работали не жалея сил как преступники, под конвоем...

В 1944 - 1945 гг. условия труда и быта трудармейцев стали улучшаться, режим содержания стал смягчаться. В 1945 году из Узбекистана к месту работы прадедушки Августа были депортированы прабабушка с 8-летним Вильгельмом. Младшего ребенка к тому времени уже не стало.

«Процесс выселения происходил стремительно, за 24 часа», - рассказывал дедушка Валя, как мы всегда его называли, - мне тогда было 8 лет, и в моей детской памяти это отложилось прочно на долгие годы. Нам не дали возможности как следует собраться в дорогу и депортировали уже на следующий день после объявления распоряжения о депортации. С собой можно было взять лишь немного еды и одежду. Оставлено было все наше имущество. Дорога на место нового проживания нам показалась очень тяжелой и долгой. Нас перевозили на Урал в железнодорожных эшелонах, не приспособленных для перевозки людей. Люди спали прямо на полу, не было чистой питьевой воды...»

По прибытии жены с ребенком в Челябинскую область семья Нейман была переведена в поселок Единовер, где условия проживания были лучше, а дед имел возможность учиться в школе. Там прожили они меньше года - и снова переселение. На этот раз семью перебросили в г. Кыштым на строительство ядерного комбината «Маяк» (именно того завода,

где в 1957 году произошла первая крупная ядерная катастрофа), где также на правах трудармейца прадед работал на лесозаготовительных работах.

Освобождение от трудармии прадед получил только в 1947 году. Вернуться немцам разрешалось только в места выселения, то есть семья прадеда вынуждена была остаться на Урале.

Согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР №133/12 д. №111/45 от 26 ноября 1948 года все выселенные в годы Великой Отечественной войны были приговорены к ссылке навечно, с наказанием в виде 20-летней каторги за побег с мест обязательного поселения(!). Поэтому до 1954 года семья Нейман проживала на спецпоселении, и каждый член семьи вынужден был ежемесячно отмечаться в комендатуре.

Реабилитирован прадед был в 1954 году. А дед Вильгельм Августович получил статус реабилитированного только в 1993 г.

Жизнь после освобождения

После освобождения из трудармии в 1947 году семья вернулась из Кыштыма в Единовер Саткинского района. «Жить было негде», - вспоминал дедушка Валя, - мы поселились в бывшей маленькой избушке лесорубов, зарабатывали тем, что с отцом пасли скот в соседнем совхозе им. Тельмана. Я, 10-летний мальчишка, был пастушкой и в лаптях на босу ногу с ранней зорьки до вечера выгонял стадо коров. Как же я был рад, когда выпадал первый снег! Потому что договор выходить на пастбище был именно до первого снега».

Работа в поле не помешала деду учиться в школе. Он проявлял исключительные математические способности, а впоследствии физика и математика стали не только его любимыми предметами, но и определили его профессиональную деятельность.

Казалось бы жизнь налаживалась. Отец деда устроился работать в г. Сатку на комбинат «Магнезит», занимавшийся производством огнеупорного кирпича. Удалось получить нормальное жилье. Но в 1953 году умерла мать Генриетта, немного не дожив до реабилитации. Дед Вильгельм с отцом остались вдвоем.

У дедушки Вали был еще особый талант в рисовании, и была огромная мечта - стать художником. Для этого нужно было ехать поступать в Челябинск, но жизнь на спецпоселении и запрет на выезд с территории проживания навсегда перечеркнули дедушкину мечту. Он поступил в Саткинский горно-керамический техникум.

Впоследствии, немецкая национальность сыграет злую роль и с его старшей дочерью Лидией, когда в 1978 году она не поступит в Челябинский политехнический институт на специальность, считавшуюся закрытой, связанной с военным производством.

Прожив четыре года вдвоем с сыном, прадед встретил Фриду Фридриховну, которая стала неродной матерью моего деда. С ней

они прожили до самой старости более 20 лет. Моя мама часто мне рассказывала про ее бабушку Фриду, которая «была настоящей немкой из Германии, говорила по-русски с акцентом и очень вкусно готовила». И хотя она была не кровная по родству, но для всех сестер Нейман она была родной бабушкой, которую они очень любили.

Родилась Фрида Штофферс (Frieda Stoffers) в 1897 году в селении Нутцен (Nutzen) под Гамбургом. В 1922 году она вышла замуж за Василия Журовцова, выходца из семьи русских эмигрантов Игнатия Журовцова и Наталии Журовцовой (Сапоговой). Фрида и Василий проживали в г. Борнхёфед в земле Шлезвиг-Гольштейн, а в 1929 году они уехали в Ленинград в рамках привлечения иностранных специалистов в Советский Союз.

Дело в том, что в 1920-1930 годы XX века в связи с начавшимися процессами ускоренной индустриализации в Советском Союзе требовались многие тысячи квалифицированных рабочих и специалистов, умевших обращаться с закупленным за рубежом оборудованием. Вот и решили пригласить иностранцев, как при Петре I. Иностранные рабочие, специалисты, техники из ведущих западных стран принимались на советские предприятия крупной и мелкой промышленности в качестве экспертов, консультантов и даже учителей.

Муж Фриды, имевший русское происхождение и хорошо владевший русским языком, был приглашен в Советский Союз в качестве технического специалиста на Ленинградский электромеханический завод «Электросила». Незадолго до начала войны он в качестве специалиста по электрооборудованию отправился с семьей на Урал в Челябинскую область в Саткинский район на первый электрометаллургический завод по производству ферросплавов «Пороги».

Выбор Василия Журовцова места своей «командировки» был не случаен. Он родился в г. Златоусте Челябинской области в 1889 году, что в 60 км от г. Сатки. Здесь же ему и суждено было поселиться на постоянное место жительства с семьей. Позднее прабабушка Фрида похоронила здесь своего мужа и сына и так и не вернулась в Германию, а осталась на Урале, «рядом» со своими родными, которых очень любила. Работала в сельской школе учительницей немецкого и русского языков. А в 1956 году она встретилась там же в Саткинском районе с моим прадедушкой Нейманом Августом Ивановичем.

Дедушка Вильгельм Августович получил высшее техническое образование. И после окончания Челябинского политехнического института работал на заводе «Магнезит» в ЦМП-1 (цех магнезитовых порошков) помощником обжигальщика, далее обжигальщиком, начальником смены, механиком участка и механиком цеха. В 1968 г. он перешел на работу в Саткинский горно-керамический техникум на преподавательскую работу. В 1979 г. снова вернулся на завод «Магнезит» в ЦМП-2, а за-

тем в 1985 г ЦМП-1, механиком цеха. В 1986 г. по состоянию здоровья вернулся в техникум, где проработал преподавателем технических дисциплин до 2008 г.

Новая семья

С моей бабушкой, урожденной Осиповой Риммой Ивановной, дедушка познакомился в июне 1957 года в тот день, когда сдал последний выпускной экзамен в техникуме. 16 ноября 1960 года они зарегистрировали свой брак.

Бабушка Римма родилась 13 января 1939 года в Сатке в многодетной семье и была уже шестым и последним ребенком, имея одного старшего брата и четырех сестер.

Брат Риммы был призван на войну и с войны не вернулся. Его имя Осипов Михаил Иванович выгравировано на Мемориальной Доске погибших в годы Великой Отечественной войны саткинцев у Вечного огня в сквере Победы г. Сатки, а также занесено в Книгу Памяти Челябинской области.

Семьи всех ее четырех сестер тоже оказались многодетными. У каждой сестры родилось от 3 до 5 детей.

Очень рано, в 4 года, Римма осталась без матери. Отец ее Осипов Иван Васильевич всю жизнь проработал на железной дороге, сначала обходчиком на ж/д станции, а потом механиком. Получить хорошее образование бабушке не удалось, потому что жить было трудно, и ей пришлось идти работать сразу после окончания восьмилетки.

Римма Ивановна работала швеей в швейной мастерской «Артель Восход», а потом в КБО (комбинат бытового обслуживания). Позднее, чтобы три дочери получили высшее образование, она сменила работу швеи на нелегкий труд на заводе «Магнезит», сначала в литейном, а затем в прессовом цехе.

В настоящее время и дедушка и бабушка являются ветеранами комбината «Магнезит».

А начинать семейную жизнь молодой паре пришлось практически с нуля, как шутит дед, «с двух ложек и вилок», которые они имели, уезжая от родителей, «да с настольной лампой, подаренной друзьями на свадьбу». И тем не менее семья Нейман разрослась:

14 сентября 1961 г. родилась дочка Лида. 21 октября 1965 г. родилась вторая дочка Ольга. 5 июля 1973 г. родилась дочка Леночка (моя мама).

Дочери поочередно окончили высшие учебные заведения:

Лидия - Челябинский политехнический институт

Ольга - Московский Ордена Дружбы народов кооперативный институт

Елена - Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

У каждой из дочерей сложились благополучные семьи:

Семья Бедновых:

Лидия Вильгельмовна - муж Валерий Васильевич (из г. Коркино Челябинской обл.), живут

в Сатке. В июне 2010 года отметили 30-летие совместной жизни.

Имеют двух сыновей Алексея (21.06.1981) и Сергея (17.12.1985).

Оба сына закончили Южноуральский государственный университет.

Лидия Вильгельмовна работает бухгалтером на комбинате «Магнезит» в Сатке Челябинской обл. В июле 2013 г. сын Сергей подарил ей внука Мирона.

Семья Седовых:

Ольга Вильгельмовна - муж Сергей Юрьевич (из г. Зарайска Московской области), живут в Зарайске. Женаты 23 года.

Сын Дмитрий (02.12.1993).

Учится на 3-ем курсе Московского института связи и информации (МИСИ).

Ольга Вильгельмовна работает главным бухгалтером в сфере торговли.

Семья Шахновых:

Елена Вильгельмовна - муж Владимир Викторович (из г. Горького), живут в Нижнем Новгороде. В августе 2014 года отметят 20-летие совместной жизни. Имеют двух сыновей Андрея (01.09.1998) и Александра (15.05.2013) и дочь Марию (22.06.2005).

Андрей - ученик 9 «А» класса, Маша - ученица 2 «А» класса школы № 52.

Елена Вильгельмовна работает учителем английского языка в школе №52. В совершенстве владеет немецким языком.

Вместе бабушка и дедушка прожили уже более 50 лет. 16 ноября 2010 года они отметили Золотую свадьбу. Их судьбы очень похожи. Оба были лишены детства. Оба пережили голодные военные и послевоенные годы, когда приходилось есть лебеду, собирать мерзлую картошку и делать из нее лепешки. Оба рано остались без родных матерей, лишившись тепла и ласки самого близкого в мире человека. У обоих отцы оказались долгожителями, прожившими последние годы рядом со своими детьми.

Их тепла и любви хватает на всех. За полвека совместной жизни они сумели построить семейный очаг, вырастить и воспитать трех дочерей, имеют шестерых внуков и одного правнука. Все дочери окончили высшие учебные заведения, и эту традицию получения высшего образования продолжают и внуки. Есть у них уютный садовый домик, земля, где они с удовольствием трудятся и где приучали к труду на земле своих дочерей. Сохранились и совместные увлечения - походы в лес за грибами и рыбалка. Но самые главные традиции семьи они передали своим детям и внукам - это взаимное уважение и любовь, совместный труд на благо семьи, уважение старшего поколения.

Семья Шахновых

Наша история продолжается, и эта следующая страница посвящена моей любимой семье, в которой живем я, моя сестренка Маша, мой маленький братишка Саша, недавно появившийся на свет, и наши дорогие родители - Елена Вильгельмовна и Владимир

Викторович. Вобщем, мы - Шахновы.

Моя мама Шахнова Елена Вильгельмовна родилась 5 июля 1973 года в г. Сатка Челябинской области третьей дочкой в семье Нейман. Она всегда была отличницей в школе, и с ранних лет проявляла способности к иностранным языкам. Она мечтала стать переводчицей, и ее мечта осуществилась. Закончив школу с серебряной медалью в 1990 году она уехала с Урала в г. Горький, как он назывался в то время, и поступила в Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков. Времена изменились, и, в отличие от судьбы, постигшей ее старшую сестру, которой немецкая национальность не дала возможности учиться на специальности, которую она выбрала, немецкие фамилия и отчество мамы наоборот благоприятствовали поступлению в институт. Мамино красивое немецкое произношение сразу привлекло внимание преподавателей, принимавших вступительный экзамен по немецкому языку.

За время учебы в институте мама дважды была в Германии на языковой практике. А в 1994 году на пятом курсе института как лучшая студентка была направлена в Мюнхенский университет для написания дипломной работы.

Еще во время учебы в институте мама и папа познакомились. Папа учился на факультете английского языка, уже отслужив в армии. А 20 августа 1994 года они поженились, и вот уже 20 лет они вместе.

После окончания института в 1995 году (а закончили родители уже Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, так как были переименованы и город, и институт) мама несколько лет работала переводчицей и смогла довести знание немецкого языка до совершенства.

1 сентября 1998 года родился я. А после рождения сестры Маши 22 июня 2005 года мама сменила, казалось бы, престижную и хорошо оплачиваемую работу переводчика на работу в школе, учителем английского языка. Потому что переводческая работа требовала много времени, долгого отсутствия дома и командировки. Как сказала мама, она сменила работу, чтобы быть поближе к своим детям, чтобы уделять им (то есть нам) больше внимания. «Ведь нет ничего ценнее в жизни, чем общение с собственными детьми».

И мама не пожалела. Работа в школе оказалась той «стезей», которую она всегда искала - ей интересно работать с детьми, она реализует огромный творческий потенциал. Мама имеет отличный авторитет в школе как творческий, высокопрофессиональный педагог, стремящийся постоянно самосовершенствоваться и повышать свое профессиональное мастерство, осваивать новые современные технологии в образовании и всегда идти в ногу со временем. Этому она учит и нас, ее детей. Мы учимся в той же школе рядом с ней, видим ее успехи, гордимся ей и хотим быть на нее похожи. Мы всегда вместе.

Мама участвует в разных профессиональных

конкурсах. Вот лишь некоторые из них:

В 2012 году она - победитель районного и призер городского конкурса «Классный руководитель года». В 2011 г. - призер всероссийского конкурса интерактивных технологий «Лучший урок SMART» в г. Казани. А в 2007 г. мы семьей стали лауреатами районного конкурса «Крепка семья - крепка держава».

Мне раньше казалось, что мама слишком консервативна и требовательна - она требует от нас скрупулезного выполнения любой работы, будь то уроки, или наши с сестрой тренировки, или любую работу по дому. Но теперь-то я понимаю, что она предъявляет высокие требования к жизни, без которых она не добилась бы успеха. Наверное здесь проявляются и ее немецкие черты, унаследованные ей от своего отца, такие как пунктуальность, педантичность и высокое чувство ответственности.

Наш папа Шахнов Владимир Викторович родился 20 сентября 1967 года в г. Горьком старшим ребенком в семье. Все школьные годы вместе с младшим братом Валерием они занимались бальными танцами. Папа тоже мечтал стать переводчиком, но военным. Однако поступить в московский институт сразу после школы не получилось - был очень большой конкурс. После службы в армии, в войсках ПВО в Белоруссии, папа поступил в Горьковский институт иностранных языков, как и мама, где они и встретились. После окончания института папа работал на Нижегородской ярмарке в выставочной дирекции, организовывал российские и международные выставки. А позже перешел на работу в сфере логистики.

К сожалению, папе и его брату уже пришлось похоронить своих родителей - наших дедушку и бабушку. Дедушка Шахнов Виктор Петрович, почетный работник ОКБМ им. Африкантова умер 19.08.2003 г. в возрасте 66 лет, когда мне было 5 лет. А после смерти бабушки Шахновой Лидии Петровны 29.01.2012 брат Валерий, который к тому времени имел свое предприятие, предложил папе объединить свои усилия, и теперь они работают вместе, ведут совместную предпринимательскую деятельность в сфере систем водоочистки.

Папе приходится много работать, иногда даже по выходным. Но несмотря на постоянную занятость он всегда уделяет нам, детям, внимание, помогает маме готовить еду. Папа - гурман, как он сам себя называет. Он любит экспериментировать в еде, собирает новые интересные кулинарные рецепты, и первый раз всегда пробует приготовить новое блюдо сам. Даже мама говорит, что папа готовит мясные блюда лучше нее. Поэтому папа очень любит заниматься закупкой продуктов питания и умеет делать это «правильно», как говорит мама. А для мамы это особенно актуально сейчас, когда появился третий ребенок, требующий постоянного внимания к себе.

После рождения маленького Саши 15.05.2013 жизнь в нашей семье особенно преобразилась. Мы с сестрой даже не представляли себе, сколько радости может принести этот

маленький человечек, удовольствие от общения с которым трудно описать словами. Мне кажется, что даже наши родители помолодели и не чувствуют усталости.

Мы сохраняем и поддерживаем давнюю традицию нашей семьи - занятие физической культурой. В детстве, школьные и студенческие годы и мама, и папа занимались легкой атлетикой. Кстати, на легкоатлетической дорожке в институте они и познакомились. С тех пор мама продолжает заниматься бегом до сегодняшнего дня, и обязательно находит время даже сейчас, чтобы побегать в парке в любое время года. Папа играет в футбол один - два раза в неделю. Я занимаюсь брейк-дансом четыре года, и был уже победителем и призером нескольких городских соревнований в личном и командном первенстве. Танцы требуют постоянной силовой тренировки, поэтому я занимаюсь на турниках. Осенью 2013 года я стал победителем районной олимпиады по физической культуре. Сестренка Маша четвертый год занимается танцами в образцовом коллективе эстрадного танца «Арлекино» в ДК «Железнодорожник». А зимой наше любимое занятие - это катание на коньках.

А еще есть домашние увлечения - игра на гитаре. На гитаре играла бабушка Римма, мама, умеет играть моя мама, а сейчас учусь играть я. С сестрой Машей мама много занимается домашним творчеством - изготовлением поделок, самодельных игрушек из ткани, рисованием.

А еще мы выпекаем свой хлеб, он очень вкусный и хрустящий. И по выходным всегда есть воскресная выпечка - фруктовые булочки, пицца, слоеные пироги или просто блины.

В нашем доме тепло и уютно, пахнет хлебом. У нас никогда не бывает тишины, часто приходят друзья, гости со своими детьми. И от этого становится еще больше шума. Но от него никто не устает, потому что этот шум радостный и веселый, наполненный позитивной энергией. Взрослые общаются с детьми, дети со взрослыми, а часто находятся совместные настольные игры и развлечения вроде «Activity».

Нам тепло и уютно в нашей семье. Она - наша опора и наша безопасность. За это мы

благодарны нашим родителям. За то, что у нас с братом есть сестра, а у нее есть мы, братья, за радость общения друг с другом и желание принимать участие в судьбе семьи.

Мы благодарны нашим мужественным дедушкам и бабушкам, нашим прадедушкам и прабабушкам, на долю которых выпали невзгоды, несправедливость, потеря детей и родного крова, но которые, несмотря на это, смогли передать нам по наследству все самые свои лучшие качества, способность высоко держать голову, не бояться трудностей и любить друг друга.

Заключение

Для каждого человека семья - это самое ценное, что есть в жизни. Человек должен не только хорошо знать своих родственников, но и знать историю своего рода, свои истоки и корни.

В своей работе я исследовал историю жизни моих предков по линии маминого отца. Передо мной предстали картины суровых событий 20 - 40-х годов XX века - голодные послереволюционные годы. Передо мной предстали картины суровых событий 20 - 40-х годов XX века - голодные послереволюционные годы, политические репрессии и депортация советских немцев, Великая Отечественная война и тяжелые послевоенные годы. Все эти события заставили моих предков - немцев Поволжья - покинуть свое место жительства, претерпеть трудности переселений и лагерных работ, испытать голод и лишиться детства, потерять своих близких и утратить родственные нити. Мои предки прожили трудную жизнь, полную лишений и несправедливости. Они не вернулись на свою историческую родину, но сумели сохранить любовь к этой многострадальной стране и веру в добро.

Я увидел непосредственное влияние исторических событий России XX века на историю моей семьи и узнал причины, по которым мои родственники, имеющие немецкие корни, оказались на Южном Урале. А значит, история моей семьи и судьбы ее членов повторяют судьбы и истории большинства семей нашей страны - семей советских немцев.

<http://reallystory.com/post/269>

М. Завадская

ЧТО Я ПОМНЮ О СВОЕМ ДЕТСТВЕ?

Родилась я 9 апреля 1950 г. в Омской области, Иссyk-Кульский район, село Городище, Кирпичный завод. Сюда моя мама, Визнер Варвара Яковлевна (1911 г.р.), уроженка села Каменка Саратовской области, была выслана по национальному признаку, но до этого, в годы Великой Отечественной войны, она была трудармейкой.

Что я помню о своем детстве?

В памяти осталось поле, окаймленное мо-

рем ярко желтой сурепки, березовые перелески, ров вокруг территории кирпичного завода, колючая проволока. Недалеко от завода находилось три землянки. В одной из них жила наша семья - мама, мой брат Константин (1937 г.р.), который в это время учился в Омском сельхозинституте, сестра Мария (1938 г.р.), учившаяся в педучилище, и я.

Маму практически не помню - ни ее нежности, ни ласки, так как я была все время

одна. Она постоянно находилась на работе, на кирпичном заводе. Иногда брала меня с собой. Помню свое состояние страха от уведенного на маминой работе. Холод, глинистая грязь, сырость, пар, в полумраке согнутые силуэты женщин, которые таскали на своих животах тяжелые лотки с сырыми кирпичами к раскаленным печам.

Маму запомнила только в те моменты, когда она болела, когда ее приводили в землянку полумертвую с сердечным приступом (у нее был порок сердца, ревматизм), когда от подъема тяжестей у нее происходило выпадение внутренних органов. Иногда ее увозили в больницу. Тогда за мной присматривали то сосед по землянке, китаец, то немцы (запомнила фамилию Вольф) из соседнего поселка Солнцевка. Помню одинокие ночи. Летом мама, уходя, по-видимому, на долгое время на завод, сажала меня на стог сена, давала еду, а лестницу убирала.

Помню свой страх, когда приезжали какие-то люди в военной форме. Иногда маму забирали, куда-то увозили, и еще запомнила, что она, входя и выходя из землянки, обычно плевала на портрет Сталина, который висел у входа в наше жилище. За всю свою жизнь я никогда не слышала, чтобы мама и другие родственники осуждали советскую власть. Да и сейчас, когда спрашиваю свою тетю, мамину сестру, Марию Яковлевну Тауберт, о том, осуждает, проклинает ли она тех, кто погубил многих наших родных. Тетя отвечает: «Да, что ты такое говоришь? Война, всем было тяжело, время было такое...»

В 1960 г., когда мне было 10 лет, мама умерла. Брат Константин только что женился, сестра окончила училище, а в день смерти мамы она родила ребенка. Умирая, мама сказала: «Дети, Мину (так она звала меня) не отдавайте в детдом».

И начались мои тяжелые детские годы. Брат после окончания института получил распределение в город Любино Омской области и забрал меня и сестру с месячным ребенком к себе. В Любино я впервые увидела электрический свет, услышала радио.

С ужасом вспоминаю школу. Русскую речь я усваивала с трудом. Ведь мама со мной разговаривала на немецком языке. Сверстники, видя пугливого, беззащитного маленького «маугли», плохо говорящего на русском языке, со странным именем Вельгельмина, да еще с фамилией Визнер, в своих играх «в войну» часто делали меня отрицательным персонажем. Ловили, устраивали поиск меня, били как «фашистку». На руках моих до сих пор остались шрамы от выщипанной кожи. Это я тогда от ужаса держалась за ручку школьной двери, а дети пытались оторвать меня от нее и утащить «немца» в штаб к своим, русским. Будучи уже взрослой женщиной, я рыдала, когда смотрела фильм Роллана Быкова «Чучело». Передо мной на экране проходили эпизоды моей жизни. Только в фильме был у героини защитник - ее дедушка. У меня же - никого.

Брату и сестре было по 20-21 году, им самим тогда надо было как-то выживать. Я никогда им не жаловалась, но сама была буквально парализована страхом.

Затем брата направили работать в Чебаркуль Челябинской области. Там мы стали жить в ведомственной комнате. Через два года что-то случилось на молочном комбинате, где брат работал главным инженером, и его отправили в Удмуртию. Имея свои проблемы, он оставил нас с сестрой в Чебаркуле. Из служебной комнаты нас сразу же просто выгнали, и мы остались без дома, без крыши. Сестра пошла в отдел образования, и ей предложили работу в сельской местности. Так мы оказались в санатории Кисагач. Для меня нет в мире более красивого, тихого места. Здесь меня никто не обижал, не обзывал, я нашла чудо-остров на озере, куда перебиралась на лодке. В Ильменском заповеднике восхищенно смотрела на мир природы: сосны, скалы, небо, озера - чудо! Наблюдала за косулями, уходящими на водопой, лоссями, дерущимися за продолжение рода, видела глухаринные тока.

Но школа - это уже 8-й класс, представлялась для меня ужасом, я была троечница, так как боялась отвечать на уроках, боялась людей, детей, позора от того, что я человек другого мира - «немчура». Однажды собрали нас на общую линейку, директор школы поставил меня и еще пару двоечников и хулиганов перед всеми учениками и громовым голосом кричал: «Посмотрите на букет моей бабушки! Я таких на Курской дуге на танках...» Это был очень уважаемый человек в районе, ветеран Великой Отечественной войны. После этого меня еще сильнее охватил детский страх, что я хуже всех, немка, да еще не хочу отвечать из вредности на уроках немецкого языка... и вообще - не человек. Я полностью замкнулась. И только два человека в то время поняли мое состояние - мой детский невроз от постоянного страха. Это - учитель русского языка и литературы, Надежда Тимофеевна, и мой будущий муж, Валерий Петрович Понамарчук, с которым мы тогда были соседями. Низкий поклон им обоим, а также сестре Марии и брату Константину. Благодарна и тете (маминой сестре) Марии Яковлевне Тауберт, у которой я проводила летние каникулы в Волгоградской области. Они помогли мне выстоять, не сломаться. Но детство вспоминаю с содроганием.

Отношение одноклассников ко мне изменилось, когда однажды Надежда Тимофеевна задала нам задание - сочинение на свободную тему. Свое я назвала «Тишина», и в нем, как я сегодня его представляю, передала состояние своей души: сиротство, одиночество, страхи, отсутствие общения с другими людьми... На другой день учительница принесла в класс наши сочинения и сказала, что сейчас прочтет самое лучшее из них. И оказалось, что это мое. Прочитав его, она подошла ко мне, обняла и заплакала. С тех пор одноклассники стали звать меня «Нинуля».

С мужем я прожила счастливую жизнь. Мы воспитали двоих детей. Он был меня старше на шесть лет. В нашем поселке он всем меня говорил про меня: «Подрастет этот маленький гадкий утенок, будет прекрасная, красивая женщина. И она будет моей женой». Валерий не давал никому меня обижать. Я ему казалась смешной, забавной. Он учил меня уму-разуму. От него я много узнала о поэзии, искусстве. Он сам прекрасно рисовал, сочинял стихи и меня учил художественному творчеству. После окончания института он получил распределение в Пермь. И с 1970 г. я стала пермячкой. Благодаря мужу и своим огромным усилиям, желанию познавать, преодолевать, я совершенствовалась. После 9-го класса окончила вечернюю школу, затем Пермское педучилище, а после получила еще два высших образования, одно из них по детской психологии, другое - художественное. В педагогической работе для меня примером была моя детская жизнь. Мое глубокое убеждение - в ребенке надо видеть личность, к каждому стараться найти подход и уметь сказать ободряющее, доброе слово, тогда и проблем у всех - взрослых и детей - будет меньше.

Когда мои собственные дети начали спрашивать о бабушке и дедушке, я показала им наше генеалогическое древо. Они удивились, что немцы Поволжья имеют глубокие, давние корни. А их бабушка, Варвара Яковлевна Визнер, во время Великой Отечественной войны попала в государственную репрессивную волну по национальному признаку. Выстоять ей помогла огромная сила воли, полученное от ее родителей воспитание, трудолюбие.

По рассказам моей тети, Марии Яковлевны Тауберт, когда маму забирали в трудовую, ее детей Костю и Марусю не с кем было оста-

вить, и она взяла их на станцию. Но милиция буквально оторвала от нее детей, закрыли их в доме, как и детей других женщин, тогда дети разбили окна и побежали к матерям, их, конечно, к ним не пустили. Дети плакали, а матери кричали и многие падали без сознания. Затем женщин как скот погрузили в вагоны, которые закрыли на замок, и поезд уехал. А дети потом бродили как беспризорные, русские семьи брали их на воспитание.

Мама попала в Туймазинский лагерь в Башкирии. Занималась ремонтом в административном здании. Начальник лагеря, под воздействием своей жены, написал письмо Калинину с просьбой разрешить Варваре Визнер поехать в Красноярский край за своими детьми. Отпуская трудовую, он посоветовал ей не возвращаться, а сам оформил на нее документы как на погибшую. Когда в 1944 г. мама нашла детей, они ее не узнали. С ними она приехала в Омскую область к своим родителям. И там на нее завели новое следственное дело как на репрессированную. Другой исключительный факт из ее судьбы - она сумела, несмотря на государственные указы, выучить своих старших детей в высших учебных заведениях, добившись у правительства на это разрешение.

К сожалению, очень мало знаю о своем отце - Герберте Тауберге. Во время Великой Отечественной войны он тоже был трудовым, работал в системе Соликамского НКВД. По воспоминаниям родных, это был сильный человек. Один раз его завалило в шахте, но он выжил, выкарабкался, умирал, но выжил!

Со мной всегда светлая память о моих родителях.

<http://rudocs.exdat.com/docs/index-339013.html?page=29>

**Тамара Маняхина (Майер),
член Союза журналистов России**

ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО

...Мелким бисером рассыпаются предложения, написанные красивым готическим шрифтом.

Памяти моих предков, жертв политических репрессий, посвящается...

...Помню из далёкого, далёкого детства, как папа не раз называл меня в шутку «незапланированной». Когда стала старше, узнала: в послевоенные годы в целях улучшения демографической обстановки в Советском Союзе был издан указ о запрете абортов. К тому времени у моих родителей, сельских учителей Клары Фридриховны и Александра Карловича Майер, было уже двое детей - девочка и мальчик, и в их планы не входил третий. Национальная черта немцев - дисциплина и послушание, а если ещё учесть, что события происходили во времена ссылки немцев в Сибирь, то нетрудно догадаться, почему я всё-таки появилась на

свет...

Жаль, что очень многого из жизни родителей, а это значит и всего поколения волжских немцев, мы никогда не узнаем. Давно уже нет в этом мире моих дорогих мамы и папы, они могли бы о многом рассказать, но тогда... Тогда это было не принято: в домашней обстановке, среди детей они никогда не вспоминали свою родину, не обсуждали никаких политических событий. Всё это было НЕЛЬЗЯ!

Вот так мы и росли, особо не задумываясь о том, почему у нас нерусская фамилия, почему нас иногда ребяташки обзывали обидными словами, почему наша бабушка (папина мама) не умела говорить по-русски...

Давно уже на все эти «почему» есть ответы, давно уже реабилитировали наших родителей, а мы, дети, рождённые в ссылке (мы этого, честно, не чувствовали!), даже имеем кой-

какие льготы...

Мне запомнились всего несколько случаев, когда и меня коснулись отголоски «сталинского» недоверия к немцам.

... Вот я студентка Тюменского государственного педагогического института. Помню, на факультете иностранных языков, где я училась, очень поощрялась переписка с ровесниками из ГДР в целях лучшего усвоения немецкого языка. «Достался» и мне адрес парня из Лейпцига. Завязалась переписка, обмен фотографиями. Всё было замечательно до тех пор, пока Вернер не стал задавать мне «политические» вопросы, к примеру, «Кем ты чувствуешь себя в СССР, русской или немкой?» Не просто ответить на этот вопрос даже по-русски, не говоря уже о том, чтобы правильно выразить свои мысли на иностранном языке. Обратилась за помощью к куратору, под диктовку написала ответ, но после этого за перепиской стали «присматривать», и вскоре она прекратилась.

... А вот я жена офицера. Мужа перевели служить из приморского гарнизона в штаб округа города Хабаровска. Я в очередной раз ищу работу. Захожу в центральный проектный институт, там есть вакансия в библиотеке. Пригласили с документами. Но когда назавтра представитель отдела кадров стал при мне читать автобиографию, то почему-то споткнулся о мою девичью фамилию. Сказав, что сейчас придёт, исчез и через некоторое время с виноватой вежливой улыбкой развел руками и выразил сожаление о том, что вчера, оказывается, приходила женщина с библиотечным образованием, вот её и примут. Я, конечно, всё поняла: немка, да ещё и иностранный факультет окончила - готовая шпионка! Всю дорогу до дома плакала от обиды. К счастью, такие перестраховщики мне больше в жизни не попадались...

Каково же было нашим родителям, в одночасье изгнанным со своей родины и отправленным в неизвестность? Моей маме шёл 21-й год, когда началась война. В большой дружной семье Горст она была младшим, пятым, ребёнком. Сестра Эмма и братья Пауль, Лео и Отто уже имели образование и семьи, а мама ещё была студенткой Саратовского пединститута немецкого отделения, поэтому и переселяли её вместе с родителями. Судьба раскидала всех по разным уголкам страны, так что свидеться вновь не пришлось почти никому.

...23 сентября 1941 года. Баржа, полная ссыльных немцев из Поволжья, причаливает к берегу реки Тавды в районе деревни Черноярки Нижнетавдинского района. На высокий берег с баржи несут тело учителя Фридриха Фридриховича Горста. Der alte Lehrer - старый учитель, так звали его односельчане. Сердце его не выдержало ужаса происходящего. Это был мой родной дедушка, а было-то ему всего 63 года! Вот тебе и старый учитель! На дереве, рядом с которым его похоронили, ножом вырезали «Ф.Ф. Горст». Никто не знал, вернётся ли на это место, впереди была полная неизвестность.

Моя бабушка Мария Яковлевна (урождённая Вайберт), пережила своего горячо любимого мужа на шесть лет и похоронена в селе Антипино этого же района, где их расселили по дворам. Кроме своей младшей дочери Клары, моей мамы, она больше никогда не увидела своих детей.

Моя мама вышла замуж здесь, в Сибири, за учителя истории и немецкого языка, позже директора вечерней школы Александра Карловича Майера. Старшее поколение хорошо помнит моих родителей - учителей, это были добрые, порядочные люди, всегда готовые прийти на помощь. Все мы, трое детей, получили высшее образование, создали семьи, родили детей, у всех есть внуки. Надеюсь, приносили пользу родине: сестра - провизор одной из тюменских аптек, брат - инженер-строитель. Силами ПМК, которую он возглавлял многие годы, в районе было построено много школ, клубов, детских садов, жилых домов, ферм.

Все мы любим свою Нижнюю Тавду, и никогда ни у кого не возникало желания уехать на историческую родину, в Германию.

Я знаю своих бабушку и дедушку по маминной линии только по фотографии, хранится дома и портрет, с которого глядят на меня умные интеллигентные лица дорогих мне людей.

...А совсем недавно я получила письмо от своей двоюродной сестры Светланы Адлер - дочери маминной старшей сестры Эммы, которую в 1941 году выслали с семьёй в Казахстан. Она пишет, что после смерти своей мамы в папке с её документами нашла письмо, написанное на немецком языке. Светлана подумала, что это тоже какой-то документ и отправила его в Германию родственнице, чтобы она его перевела. Оказывается, это было письмо-завещание нашей бабушки Марии Яковлевны своим детям, которое тетя Эмма хранила 60 лет! Когда я его читала, то не могла сдержать слез. Читала, и передо мной вставали образы всех маминных братьев и сестры: Пауль - врач-хирург, был выслан в Казахстан, где и прожил с семьёй до самой смерти, всеми уважаемый человек среди своих односельчан; Лео - ветврач, высококвалифицированный специалист, обаятельный, жизнерадостный, отличный семьянин, умер в 35-летнем возрасте в трудармии, так и не узнав о рождении долгожданного сына; Отто - инженер, заслуженный рационализатор России, почётный житель города Озёрска Челябинской области, умер совсем недавно на 96-ом году жизни; Эмма, самая старшая из детей - учитель, позже - медицинский работник, прожила 97 лет.

Все они были честными, порядочными людьми, патриотами своей Родины.

... Мелким бисером рассыпаются предложения, написанные красивым готическим шрифтом. Письмо из вечности, оттуда, из далекого 1942 года.

«Дорогие дети!

Не знаю, сегодня, а может, завтра, я умру. Я хочу поделить между вами наше оставшееся

состояние. Я давно об этом думала и знаю, что не только деньги, но и ценные вещи получают в наследство, особенно если это дорогая, полная любви память от ваших родителей. Мое желание таково...»

И далее бабушка расписывает, кому завещает пальто, кому шубу дедушки, кому свои личные вещи. В военные годы они тоже имели ценность, но главное, они были для детей памятью о родителях.

«...Теперь остались серебряные часы. Это самая дорогая и любимая память, так как их носил папа на своей груди в нагрудном кармашке с 18 лет. Охотно я разделила бы их на пять частей. Если бы это были дамские часы, я передала бы их Кларе, но так как она не может их носить, то это будет кто-то из вас: Пауль, Лео или Отто, тот, кто в них особенно нуждается. Это вы решите сами...»

...И еще одно моё желание: крепко держитесь друг за друга, не ссорьтесь, не допускайте, чтобы кто-то из вас страдал и оставался

голодным. Делите последний кусок хлеба между собой и старайтесь жить, принося пользу людям. И у вас всегда всё будет хорошо.

И ещё одно полное любви пожелание - защиты вас Господь от страха, опасности и нужды! Я целую вас и в последний раз с любовью машу вам рукой.

Бесконечно ваша мама».

Я долго находилась под впечатлением прочитанного. Сколько материнской любви, сколько веры в лучшее будущее, сколько доброты и неозлобленности от всего происходящего! Может быть, поэтому и дети, воспитанные такими родителями, прожили достойную жизнь, оставив заметный след и дав обществу не менее достойную смену - своих детей и внуков. А нам, внукам и правнукам, остаётся только гордиться своими предками, преклоняться перед ними и стараться хоть чуточку быть на них похожими...

<http://tyumedia.ru/70403.html>
(01.12.2011)

Анна Шаф

ЕСЛИ ОГЛЯНУСЬ

(моя биография)

Я родилась в начале пятидесятых годов вторым ребенком в крепкой немецкой семье на Урале. В связи с незабытыми страхами, и поскольку мама говорила «фенштер» вместо «фенстер» на потеху всей многочисленной папиной родне, мои родители обходились русским. Отец построил землянку, засыпной маленький домик, где и прошло мое раннее детство.

От этих дошкольных лет у меня остались самые отрадные воспоминания, у мамы же - связанные с трудармией и со всем, что стоит за этим словом. Место моего рождения замечательно во многих отношениях. Челябинский металлургический завод - один из крупнейших промышленных гигантов в мире, насчитывал в то время немного более шестидесяти тысяч рабочих мест. Ритм жизни в районе ЧМЗ зависел от работы этого завода. В районе было еще несколько небольших предприятий - тысяч по пять-десять.

Жителями района были в основном пролетарии и техническая интеллигенция в первом поколении. В нескольких километрах от нас располагался всем известный в городе (и не только в городе) секретный центр под кодовым названием «Челябинск - 65» или «Снежинск» по разработке, развитию и выпуску атомного оружия. В 1957 году там произошла авария по мощности в четыре раза превышающая Чернобыльскую катастрофу, а значит, и ее последствия. Но эту подробность можно опустить, так как в те далекие времена о гласности и не слыхали, да и сейчас далеко не все представляют глобальность Челябинской

катастрофы.

Итак, обо мне. С детства я любила природу. За забором завода, где выпускался чугун и металл различных плавок, освобожденные от трудармии под надзор русские немцы заложили сады. На нашем участке в четыре сотки, добираться к которому приходилось больше часа, копая и поливая, мы с сестренками проводили свое счастливое детство. Успешно работая, я, заодно, развивала в себе чувство прекрасного. Например, любовалась металлическими блесками на земле, на листьях, на яблоках и помидорах уральских сортов. Особенно красивыми в блестящих крапинках были ягоды виктории сорта «Победа». О пользе их для здоровья и речи не было, считалось нормальным употреблять их в пищу.

Я люблю свой город, в котором родилась и выросла, горжусь его индустриальной мощью. Меня все с ним кровно связывает. Например, поля, что вокруг нашего завода. Раньше на этом месте стояли бараки трудармейцев, а теперь за гористыми просторными шлакоотвалами - поля, поля... Поля засажены картошкой и капустой, а под ним - траншеи. В этих траншеях вповалку лежат убитые, замученные, погибшие от холода и голода трудармейцы. Теперь мы знаем, что, по статистике, в годы сталинских репрессий был уничтожен каждый второй русский немец. Во время перестройки русско-немецкое общество «Возрождение» установило там в виде памятника большой валун с надписью и крестом... Зарастает сейчас тропинка к нему...

Но, дорогой читатель, мы еще в самом начале.

Мне исполнилось девять лет. Мой отец, умелец на все руки, добрейшая душа, трагически погиб. У мамы нас осталось трое сопливых девчонок. В городском многодетном дворе у нас было все общее, жизнь была открытой. Пионеры объединялись в тимуровские команды, помогали больным и старым людям. Общественная жизнь кипела, у нас был даже свой дворовый драматический театр. За мной на многие годы закрепилось прозвище «Тимуровка». Я с энтузиазмом участвовала во всех массовых и не массовых мероприятиях и мечтала стать учительницей, как моя бабушка. В это время я узнала и полюбила музыку и русскую народную песню с ее открытостью, сердечностью и широтой. Хорошо помню, как стояла в хрущевских очередях за хлебом, как голодно было всем нам. Еще помню радость и гордость людей за первый космический полет спутника на борту с милым и мужественным парнем Юрием Гагариным. Помню еще не формальную обязаловку, а искреннюю радость простого народа во время первомайских и октябрьских демонстраций. Со временем все это видоизменилось, так как суть жизни стала иной.

В семнадцать прекрасных лет я заболела туберкулезом по вине участкового врача-терапевта: толстой бестолковой тетки Шашковой, которая наделала много разных бед в нашем дворе. Полтора года пролежала я в больнице и только после операции на легкое выздоровела. Практически самостоятельно освоив программу десятого класса, я поступила в Челябинский педагогический институт на филологический факультет. К этому времени у меня уже был опыт начинающего поэта. Я носила свою тетрадку стихов в районное заводское литературное объединение. Ужэти мне измочаленные талмуды начинающих поэтов! Экспансивные графоманы носятся с ними, как с писаной торбой! Вот и я, впервые, замирая, читала свои стихи перед маститыми поэтами рабочего класса. Какие умные глаза у тогдашнего председателя литобщества Вячелова Богданова! Пухом ему земля... Приняли меня хорошо, стихи похвалили. А вот поэзия металлургов, с ее флаговостью и относительной простотой, не пришлась мне по душе. Походила я туда, послушала... Да и бросила писать. Правда, иногда что-то печаталось, кое-что крапала... Но мечта, без которой нет поэта, мечта о своей собственной, своей выстраданной дорогой милой книжке, мечта эта пропала.

Я закончила институт, пошла работать. Общение с детьми приносила много радости и переживаний. Ставя двойку в журнал здоровому остолопу, я страдала: «Не научила!» Во мне всегда присутствовало чувство вины перед людьми и жизнью. Видимо, поэтому я, словно магнит, притягивала к себе всякого рода прохвостов. В жизни меня очень много обманывали, у меня воровали, мною пользовались, меня не ценили и даже порядочные люди со мною вдруг могли проявить такие качества, которые они и сами в себе не подозревали. Наверное, подсознательное

оправдывание мною любого человеческого проступка, понимание его как естественно-го явления, толкало людей на это. Не стану углубляться, все это и печально и страшно, просто приведу самый невинный пример. Одна интеллигентная и «во всех отношениях приятная дама» была как-то в гостях со своим мужем-профессором экономических наук. В то застойное время при закрытых границах, он почти не бывал в Союзе, читая лекции в дальних университетах. Когда ученая пара отбыла, я обнаружила отсутствие первого тома Шукшина. Впрочем, пример, кажется, вовсе не убедительный: ведь тащить книги из личных и публичных библиотек - просто как бы традицией некоторой части нашей любознательной, но нищей интеллигенции.

* * *

Бодрая юность ходила в походы. В семидесятых годах очень популярны были туристические тусовки, говоря сегодняшним языком. Невыразимо прекрасная уральская природа открывала мне свои тайны. С друзьями и старшеклассниками я оглядывала просторы с вершин уральских гор, вдыхала густые запахи лесов, лазила по скалам, надрывалась под рюкзаком, спала в палатках, слушала бардовские песни на фестивалях, купалась в чистейших озерах, любовалась белыми водяными лилиями, пела песни у костров. Природа дарила чувство новизны и свежести жизни, ее романтику и поэтичность.

Я ждала любви, а пока с усердием скребла и мыла, нянчилась и всю старалась в доме старшей сестры, где жили дружно и счастливо, домашнюю работу однако же не любили. Я находила глубокий смысл быть полезной другим, но каким-то удивительным образом не осознавала собственной важности для себя. Люди чувствовали это, особенно же - дети. Я работала учителем, воспитателем, и дома часто бывали чужие дети. У меня пропадали деньги и вещи, хотя я жила очень скромно. Все дети чувствовали себя в квартире свободно, многие были из «трудных» семей, и представляло сложность определить, кто же стащил в конкретном случае. Как-то раз я все же поймала десятилетнего Сережу за руку. И за руку привела его к матери. Мать, не дослушав толком, в чем дело, наотмашь ударила сына по лицу. Из носа и губ брызнула алая кровь... Когда мы с ним скатывались по лестницам вниз, нам вдогонку еще долго неслись маты и угрозы заняться и разобраться, не допустить, чтоб ее честное имя... Но Сережа не перестал воровать. Мои душещипательные беседы о нравственности не помогали. Если я не приглашала его домой, он воровал у меня на работе. Тогда я вложила в кошелек записку: «Сереженька, половину денег оставь на суп в столовой!» Обычно половина оставалась. Голодный обморок был только однажды. Сережа был добрым мальчиком, но жилось ему плохо. Он не воровал у других людей, только у меня. Воровство вошло в мою повседневную жизнь, и я принимала его, как позорную, но

неотъемлемую часть жизни. «Винovat тот, у кого воруют», - верность этой поговорки я чувствовала даже кожей.

Я жалела бедных, несчастных, замученных обстоятельствами людей. Горячо верила, что в жизни всегда есть место подвигам, что подвиг милосердия - наивысший. Стремясь всеми силами показать преимущества нравственной позиции и свято веря в возможность воспитания и перевоспитания личности, я вышла замуж за вора. Поле для педагогической деятельности было обширным, что вдохновляло. К тому же, как это бывает в старинных романах и в непредсказуемых уродливых изгибах современной действительности, пришла Большая Любовь. На ее алтарь было принесено все: здоровье, силы, годы. Перевоспитываться в замужестве пришлось самой. Муж пьянствовал, не работал, таскался и таскал из дома. Я все понимала и прощала, как и положено исстари всякой русской бабе. Одного сыночка взяли из детского дома, где вела эстетику, одного, родненького, родила сама. И любила бы я своего пропащего мужа до сих пор, но однажды, вместе с его вечной пьянкой, студеным январским вечером в дом пришла беда. Не дай Бог тебе, дорогой читатель, испытать потерю своей кровинки, своей деточки!.. И тут уж мне бы не устоять, да в одночасье пришла я к Вере. Глаза мои после несчастья не открывались от слез... Много дней текли они сами, и сердца не было у меня, и не было памяти. И тогда я пришла к Богу, и он обещал мне, что родится у меня другой ребенок, и я буду счастлива с ним. Я смирилась и осталась...

* * *

Я решительно не знала, куда употребить себя. Мысль о новом замужестве была мне нестерпима. Пока мои ровесницы наслаждались льготами профсоюзных комитетов под солнышком болгарских пляжей, я мотала сопли. Когда же я очнулась от того кашмара, что зовется браком по любви, в стране гремели другие песни - разворачивалась перестройка. Она требовала энергичных, напористых, деловых людей. Я по гороскопу - рыба, а рыбам рекомендуют, в основном, мечтать в закрытом помещении, слушать камерную музыку и, ни в коем случае, не заниматься практической деятельностью. Но я решила заняться именно этим. Я решила разбогатеть! Мое полуничье существование должно было прекратиться. Хватит выкручиваться, шить, вязать, чтобы выглядеть на работе не хуже других! С нуля я начинала свои миллионы. Тут главное - найти свою золотую жилу!.. Кажется, здесь я ухватила птицу за хвост! Успех, неудачи, риск, труд без выходных в любую погоду, редкое, но отчаянное веселье! В жизнь вошли преуспевающие дельцы и веселые торговки. Мои милые, скромные учительницы-подруги остались за бортом. Я копила и приумножала капитал, отказывая себе во всем. Приемный сынок подросток, он превратился в симпатичного и смышленного подростка. Пахать ему приходилось вовсю. Российские торговые миллионы вертелись в

руках, в наличности, в товаре - банкам никто не доверял. И я уже хотела порадоваться и загордиться, но тут случилось то, что непременно должно было со мной случиться, и чего я так боялась. Ну да, правильная догадка: квартиру «почистили».

Общение с милицией по поводу кражи напомунало об экстравагантном поступке унтер-офицерской вдовы. К тому же приходилось править ошибки в отчетах районных следователей, ибо в словесности у них были только определенные навыки. Тому, кто хоть раз коснулся деятельности правоохранительных органов, знакома эта волокита. Впрочем, после того, что я уже перенесла, я не очень сокрушалась: значит, не судьба! Теперь я не хочу быть богатой.

Замужне хочу, денег не хочу, а жизнь все продолжается. Что делать? Обычные вопросы на Руси: кто виноват и что делать? Стихи приходили и, невостребованные, сворачивались, как желтые листья у ног. Бездомные кошки и собаки любили меня по-прежнему, они все так же находили у меня пристанище и еду. Дворовые ребятишки считали своей.

Однажды в трамвае, когда я отрешенно смотрела в окно на раскисшие от дождей, грязные челябинские улицы, кто-то тронул меня за плечо. Передо мной стоял приятель институтских времен. Не здороваясь, он удивленно вскинул брови: «Ты что такая страшная стала? Ты жбыла на курсе самая красивая девчонка. И самая смешливая. У тебя случилось что-нибудь?» И забылись медленные струйки дождя на трамвайном стекле. «Послушай, - обрадовалась я, - сегодня седьмое ноября. Все же мы всю сознательную жизнь праздновали в этот день. Не почтить ли нам сейчас великую революцию?»

Он оказался прекрасным отцом нашей славной дочурки. Старательно кипятил воду и шоркал пеленки, поскольку горячую воду отключали весной и летом. Союз Советских Социалистических республик окончательно распался, в ходу были демократические лозунги. Впереди давно уже не маячил флюоресцирующий призрак коммунизма, а для меня совершенно определенно обрисовывались контуры сытой Германии. Папашкин отец, ветеран войны и коммунист, слег в больницу узнав, что я по национальности немка. Волна эмиграции на Урале вздымалась все выше, и мне пришлось постоять у могил, чьи родственники, бросая вещи, квартиры и родных людей, зашпешили «за бугор». Значит, еду одна?

Под мышкой словарь, на руках двухгодичная дочка, в кулаке зажат лекарственный цветочек «от всего» - так я переступила трап самолета в аэропорту Челябинска. Самолет принадлежал частной фирме, которые расплодились, как грибы под теплым дождем. Итак, в Германию.

* * *

В Дюссельдорфе, в великолепном допозарном аэропорту, меня встречали родные и знакомые, они обнимали меня, целовали дочку.

Уже стоя в лагере для переселенцев в раз-

личных очередях с бумажками в руках, я уяснила, что наряду с обязанностями Германия предоставляет много прав, которые нужно брать самому, никто в рот кашу не положит! Так и в России никто не догонял, чтобы это сделать! Напротив, еще смотреть приходилось, чтобы и ложку-то не отняли!

В общежитии для «русаков» все было как у русских: вставали поздно, потягивались, переругивались. Соседи пили, иногда дрались, дети плакали. Мне советовали жаловаться на соседей в социаламт, но не хотелось с этого начинать новую жизнь, да и не ясно было, как объяснить немецкому чиновнику крепкий русский мат. Самой же приходилось ходить по всяким амтам, невнятно бормотать и, помогая себе мимикой и жестами, доказывать им свою родственность. Вот бумажки, в них указано, что до десятого колена я - чистых кровей немка, а вот мои глаза и я сама - и не похоже. Правда. Правда, немка... Да только эту правду докажут мои внуки. Может быть.

В разгар благодарности за бесплатную пищу и за то, что никто ничего у меня не ворует, а, к неопишуемому удивлению, все что-то дают, опрятный и приветливый врач спокойно сказал: «Ну, что ж, милая, у вас, похоже, крэпс...» И здесь, мой друг читатель, зависла глубокая пауза. Лишь надоедливо вертелась в мозгу послевоенная тоскливая песня: «Каким ты был, таким ты и остался...»

Опухоль разрасталась, я худела, чернела, уже не могла поворачивать голову. Больная, в грязном общежитии, без знания языка,

практически одна (моя мама ухаживала за умирающим от рака печени мужем - хорошим, но чужим для меня человеком), с двухлетним ребенком на руках - таким было начало моей германской жизни. Зато вокруг встали братья и сестры христиане. И наши, и местные. Они помогли и поддержали меня, давали силы жить и надеяться. После операции я сталаправляться. Опасения, что опухоль была смертоносной, не подтвердились, зато еще раз подтвердилась вера в Божие провидение.

Наконец, пришло время спокойному досугу и уютному дому. Застоявшаяся поэзия охватила душу. Как будто последняя улыбка хмурого лета, заторопилась жизнь

дать мне счастье позднего материнства, тепло новых друзей и подруг, понимание и любовь своей матери, духовную близость христиан. Остатки прежних стихотворений и недавно найденные строчки оформились в тоненькую книжку. В журналах и газетах стало встречаться мое новое имя - литературный псевдоним - Анна Шаф. Русский композитор Николай Мюллер написал музыку на мои стихи, и она зазвучала по всей Германии. Хозяйка дюссельдорфского объединения «Радуга», артистка Нелли Кунина, придумала нежные мелодии. Меня приглашают на литературные встречи и вечера.

Мой дорогой читатель, не будем гадать, что впереди. Не знаю, во что тебе обходится радость, а мне уж очень накладно. Давай же не вспугнем ее...

(2011)

КРИК ДУШИ

**Wall Street Warrior Город: Челябинск
Отправлено 23 Апрель 2009.**

Я все понимаю, что шла война (1942 год), но писать такое про немцев, в принципе!!! Они евреев истребляли, а мы немцев, блин. Причем даже тех, кто не имел к фашизму ничего общего. Например, моего деда в лагерь засадили. Типа немчура - фамилия Отто, дальше можно не объяснять, полагаю. Правда, ему повезло - приехал с войны другой мой дед - летчик-истребитель с кучей орденов и медалей (рассказывают с чертом мог договориться) - и вытащил все ждеда с этого «курорта». А дед мой после освобождения продолжил работать геологом как и раньше - открыл несколько месторождений золота, меди и прочего дела. Для ЭТОЙ страны, для России, - не для Германии. Там где он прошел со своей партией теперь стоят города и поселки... Ну и просто хорошим человеком он был (мир его праху).

И вот после всего читать ТАКИЕ стихи Симонова, а особенно СЛУШАЯ его, мне так и хочется плюнуть ему в рожу. Первый раз в жизни. Раньше хорошо относился к его творчеству. Текст и аудиофайл прилагаются. К.М.Симонов -

Убей его!

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты в люльке, качаясь, плыл...
Если дороги в доме том Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы...
Если мил тебе бедный сад,
С майским цветом,
С жужжанием пчел,
И под липой сто лет назад

Дедом вкопанный в землю стол...
Если мать тебе дорога,
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть.
Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что поцеловать ты не смел -
Так ее любил,
Чтобы немцы ее втроем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее живьем
Обнаженную на полу,
Чтоб досталось трем этим псам
В муках, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...
Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвом стоял.
Так хотел он - его вина.
Пусть исплечется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его жена
Понапрасну пусть будет ждать.
Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед, -
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Так убей же немца ты сам,
Так убей же его скорей.
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

1942

Марта Моисеева

ДОРОГАМИ ПАМЯТИ

На страничке диаспоры ростовских немцев (точнее российских немцев из Ростова - А.Н.) «ВКонтакте» нашла необычное объявление. Привожу его дословно: «Дорогие друзья! Если вы интересуетесь историей своей семьи или хотите помочь другим в восстановлении семейной истории, добро пожаловать на сайт «Путешествия во времени». Мы помогаем всем желающим найти дом, в котором некогда жили предки, и предоставляем информацию об этих местах...»

Автор объявления - Егор ЛЫКОВ, молодой, симпатичный парень из Саратова. Судя по активности пользователей «ВКонтакте», предложение Егора заинтересовало многих ростовчан. Я тоже не осталась равнодушной.

Пока интернет загружал ссылку на сайт о «Путешествиях во времени», мне вспомнился маленький домик в Подмосковье, где жила бабушка. Рядом лес, пруд и поляна с «кукушкиными слёзками» и иван-чаем. Наверное, сегодня я бы многое отдала, чтобы переместиться на ту лесную поляну...

«И это возможно! - убеждала загрузившаяся страница сайта. - Если не реально, то вирту-

ально: расскажите нам всё, что знаете о доме ваших предков, и если мы разыщем его, то вышлем вам фотографию...»

Правда, предложение касалось только российских немцев. Но даже если и так, то какова идея! Я долго листала фотографии старых домиков, читала путевые заметки и отчёты Егора, а потом решила позвонить ему по скайпу...

Егор оказался приятным молодым человеком. Ему 19 лет, он русский немец. Живёт в Саратове.

- Егор, гуляя по вашему сайту, вспомнила строки Пушкина: «Два чувства давно близки нам, В них обретает сердце пищу: Любовь к

родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам...» Как родилась эта идея поисков родных пепелищ?

- Это было случайно. Три года назад мы с мамой отправились в глухую деревеньку Саратовской области, чтобы отыскать дом прабабушки. Это оказалось далеко не лёгкой задачей. Но нам помог случай. Один из последних старожилов деревни, 80-летний старик, помнил нашу семью, прабабушку Анну, пятерых её дочерей, а с моей бабушкой они в детстве часто играли. Он указал нам на дом.

К счастью, многое там сохранилось: лавки, печь, конюшня и даже баня...

Когда мы вернулись домой, казалось, будто бы совершили путешествие во времени... А через два года я участвовал в одном из культурных проектов русских немцев. И там познакомился с женщиной. Она мне рассказала о своей подруге, старой немке, которая раньше жила в Саратове и мечтала увидеть дом, где провела своё детство. Я нашёл этот дом. А под рождественский сочельник отправил ей фото...

Сайт же родился 31 декабря 2012 года. Я разместил объявления о его открытии на сайтах немецкой культуры... и пошли заявки.

- Много?

- Очень. Причём не только из России. Я начал контактировать с США, Канадой, Аргентиной, так как именно в эти государства в начале прошлого века эмигри-

ровало большинство русских немцев.

- А ростовчане среди них были?

- Конечно. Но с работой в Ростовской области у нас возникли сложности. Дело в том, что в годы войны государственный архив вашей области сильно пострадал. И множество документов просто исчезло. Ко мне как-то обращался русский немец из Челябинской области. Его предки жили в донских степях. Мужчина предоставил мне всю необходимую информацию. Но, к сожалению, я выяснил, что сегодня такого села уже не существует...

- Как проходят ваши поиски?

- Интернет - наше всё! Я нашёл список общественных организаций немцев по всему миру. Мне повезло найти среди них общины, которые активно участвуют в жизни своих немцев в других странах и городах. Вот они-то и приходят ко мне на помощь. Выезжают, ищут, фотографируют. Иногда находят не только дома, но и родственники. Так было у одной семьи из Аргентины. Если же дело касается моего региона или мест, куда могу добраться, то я участвую в поисках сам.

- Да. Я видела отчёты на сайте. Многие из них просто поражают воображение: глухие деревни, чудом уцелевшие католические церкви... Наверное, часто поиски с приключениями?

- Не без этого. Недавно по просьбе жительницы Германии я ездил в одну глухую деревеньку. Там я познакомился с удивительной русской женщиной, заведующей музеем. Она сохранила предметы старины, духовные книги и сборники песнопений, которые нашла на чердаках старых немецких домов.

- Егор, вы делаете это бесплатно?

- Абсолютно. Ведь главная моя цель - это сохранение нашей культуры. Русских немцев становится всё меньше. Согласно последней переписи населения, нас осталось всего 400 тысяч. Ушли в прошлое традиции, многие не знают языка. И потом, обращаясь к семейной истории, мы начинаем осознавать, кто мы такие на самом деле. Открывать в себе что-то новое, важное не только для нас, но и для наших потомков. Вклад, который я могу сделать, - это капля в море. Но раз мой проект не

требует больших материальных затрат и если нужен людям, я думаю, он должен жить...

Мы ещё долго разговаривали о «Путешествиях во времени», я всё пыталась найти какую-то подоплёку - и не нашла. Действительно, пока его сверстники отжигают в клубах и принимают запрещённые препараты, 19-летний парень Егор Лыков ищет дома немецких бабушек и дедушек. Почему-то мне захотелось, чтобы и среди ростовчан появился такой вот «сумасшедший» энтузиаст. Немец, армянин, поляк или кореец - без разницы. Нас-то на Дону миллионы, а значит, где-то существуют миллионы маленьких семейных историй, из которых рождается история одной большой страны. Нужно беречь её. И страну, и историю...

В Ростове варили баварское пиво...

О жизни немцев на Дону исторические источники говорят мало. Но мы всё-таки нашли исследование, которое приоткрывает завесу времени. Это книга Василия Вареника «Ростовь и ростовцы. Путешествие в 1913 год». Вот что он рассказывает о наших немцах.

«В Ростове и вокруг него до революции немцев проживало не меньше, чем сейчас армян, и ощущалось это немецкое влияние весьма сильно. Достаточно сказать, что южнее Ростова располагалось четыре больших немецких посёлка (Шрейдер, Остгейм, Кронваль, Новопетровск). А севернее и северо-западнее - 75 населённых пунктов, носящих немецкие названия!

В самом Ростове тоже чувствовалось немецкое присутствие - в виде вывесок на немецком языке, немецкой школы, двух немецких церквей, а также немецкого завода, где развернули производство настоящего баварского пива: завод так и назывался - «Новая Бавария». Немцы первыми в Ростове завезли граммофон. Первый на Дону автомобиль тоже был немецкого происхождения.

Но заметнее всего ощущалось присутствие немцев в сельском хозяйстве. Они были самыми непревзойдёнными и самыми зажиточными сельскими хозяевами. Среди немцев был самый высокий процент грамотности (если брать сельское население России) и самый низкий в стране показатель преступности. Куда ни посмотри - одни положительные стороны.

В самом Ростове немцы-лютеране построили себе церковь-кирху. Она стояла исключи-

тельно живописно - на самом обрыве Дона в конце Среднего проспекта (ныне Соколова). Большевики её, конечно же, уничтожили без следа. Они терпеть не могли ничего, что было связано с религией. Немцы-католики, в отличие от немцев-лютеран, тоже имели свою церковь в городе. Этот храм, именуемый чаще костёлом, посещали также и католики-поляки, и итальянцы, которых было немало в Ростове. Этот костёл был на углу нынешней улицы Горького и Соборного переулка. В нём звучал единственный на Дону орган.

Зажиточность немцев основывалась на их чрезвычайной положительности в быту и трудолюбии. Они были образцовыми работягами, любившими простой честный труд и ненавидевшими сутяжничество и торговлю. В сельском хозяйстве на земле был занят 81% донских немцев, в ремесле - 7, в промышленности - 10 и в торговле - только 2%.

Большинство из них были «русскими немцами», принявшими российское подданство ещё при Екатерине II или Александре I. Но в Ростове проживали и германские подданные. Было и консульство Германии. Немецких подданных выселили в 1914 году после начала войны с кайзеровской Германией. Вообще в ту войну немцев поприжали, хотя до репрессий сталинского типа дело не доходило.

В 1914 году по распоряжению казачьей администрации и по предписанию из Петербурга все немецкие посёлки на Дону были переименованы на русский лад. Кстати, и сам Петербург стал Петроградом. Немецкие товары в городе бойкотировали (в том числе и прекрасное баварское пиво), а в октябре 1915 года за разговор по-немецки в ростовских трамваях или на улице могли оштрафовать на 3000 рублей! В случае повтора - сажали в тюрьму на 3 месяца! Вот какими патриотами были ростовские власти!

Но добила общину донских немцев Вторая мировая война. Донские немцы в 1941 году в количестве 38 тысяч человек были насильно отправлены в самые гиблые места Казахстана и Сибири. И нет больше на донской земле процветающих «Александровельдов и Клаузенлеопольдсдорфов». Нету...»

На снимке: родовые гнёзда ростовских немцев найти непросто...

**«Ростов официальный»,
№ 13 (1008) от 26.03.2014
<http://www.rostof.ru/article.php?chapter=4&id=20141304>**

Галина Ульянова

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ЗЕРКАЛО ЭТНИЧЕСКОГО ИДЕНТИТЕТА

Опубликовано: Ульянова Г.Н. Российские немцы: историческая память как зеркало этнического идентитета // Россия и Германия в XX веке. Т.3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года. М., 2010. С.954-973.

1. Проблема и методы исследования

Как известно, судьбы российских немцев в XX веке складывались трагически. В 1930-х гг. множество людей было подвержено преследованиям по разным причинам (например, принадлежность до 1917 г. к дворянству или другим социально привилегированным слоям, владение «значительной», на взгляд коммунистов, частной собственностью, религиозность и др.). Во время Второй мировой войны по указу 28 августа 1941 г., депортации подверглись более 1,5 млн. чел. И потому в судьбе каждой немецкой семьи и общины в целом очень сильна постоянная коммуникация с прошлым. Историческая память - один из важнейших элементов этнической самоидентификации, в зеркале исторической памяти отразились радость и горе, успехи и катастрофы. Одновременно, «память является важнейшим средством познания и социализации личности»[1].

Проблема динамики самоидентификации немцев на протяжении советского и постсоветского периода в нашем исследовании изучается в контексте бытования национальной социокультурной традиции в период 1920-х - 1990-х гг. с использованием историко-социологических методов (а именно, интервью с представителями немецких династий в качестве основного источника)[2]. При этом, национальная социокультурная традиция рассматривается как историко-культурный феномен[3] и один из определяющих факторов сохранения российских немцев как целостного этноса. Биографическая реконструкция отдельных судеб позволила выявить некоторые характеристики макросоциальной общности, какой являются «российские немцы» [4].

Полученная информация дала возможность восстановить структуру исторической памяти представителей немецкого населения России (и бывшего СССР), а также ряд деталей повседневной жизни, которые не могли быть артикулированы ранее, по причине страха, который был, на наш взгляд преодолен только в процессе десятилетней эпохи перестройки (1985-1995). В результате, с середины 1990-х гг. наряду с массовой эмиграцией немцев из России в ФРГ, наблюдается и другая тенденция - стремление отстоять свою самобытность, свою культуру.

Надо отметить, что сама структура анкеты, по которой производился опрос российских

немцев[5], сформировалась в ходе встреч с собеседниками, и в результате были определены точки интереса, своеобразные «точки притяжения памяти» наших респондентов. Этими точками стали:

1. Поиск своих исторических корней: реконструкция генеалогии и истории семей

2. Репрессии и преследования. Воспоминания о многочисленных переездах с места на место - вынужденных и самостоятельных - как попытке ухода от репрессий. 1930-е -1970-е гг.

3. Трудармия и спецпоселения. Жизнь российских немцев в военный и послевоенный периоды. 1941-1955 гг.

4. Повседневная жизнь: осмысление бинарной оппозиции «мы-они» в семейной, профессиональной, аутокультурной среде; изменения во времени параметров - этнических стереотипов, этноцентризма, отношений к межгрупповым границам, уровня конфликтности

5. Бытовые детали этнического самоопределения: черты «немецкого характера», язык, еда, национальная одежда, праздники и т.д.

В соответствии с выявленной структурой и иерархией исторической памяти стало возможным описание исследуемого явления в виде отдельных блоков.

Исходя из материала, полученного в результате опросов четко определились и хронологические границы описываемого периода - с 1920-х гг. до нашего времени.

Естественно, что наибольший интерес для нас представляли респонденты пожилого возраста - 60 лет и старше (то есть, родившиеся главным образом между I и II мировыми войнами), однако, для контраста и проверки некоторых рабочих гипотез (связанных главным образом с датировкой сдвигов в этнической самоидентификации) нами были привлечены и лица более молодого возраста (43, 42 и 34 года).

Следует отметить, что родоначальники династий, к которым принадлежат большинство наших респондентов, поселились в России, как правило, в XVIII-начале XIX вв., то есть к настоящему времени мы имеем дело с представителями седьмого-восьмого поколений российских немцев.

2. Поиск своих исторических корней: реконструкция генеалогии и истории семей

Беседы с респондентами выявили любопытную черту самоидентификации российских немцев, а именно, повышенный (по сравнению с другими этническими и социальными группами) интерес к генеалогии. Только менее трети интервьюируемых (30%) затруднились ответить на вопрос о времени появления предков в России. (Вот типичный ответ: «Кроме дедушек и бабушек, не знаю никого из предков (Альвина

Г., 82 года). Удалось установить, что наиболее достоверной информацией располагают потомки колонистов, прибывших в Россию в 1764-1770 гг. в рамках колонизационных мероприятий, проводимых императрицей Екатериной Великой[6].

При этом обнаружилось, что (в отличие от ситуации до 1917 г.) в советский период и вплоть до конца 1980-х годов информация очень

редко передавалась из поколения в поколение. Практически все респонденты фиксируют внимание на указанном разрыве в эстафете исторической памяти. «Отец мало рассказывал. Все немцы мало распространялись о своём прошлом» (Татьяна Р., 42 года). «У нас была фотография семьи - она исчезла, наверно мама спрятала ее или сожгла. Мой дядя исчез в 1920-х годах. Мама никогда не называла ни имён, ни фамилий. Две фотографии своих братьев мама сожгла, когда боялась обысков» (Эльза С., 69 лет).

Этот вынужденный разрыв стал специфическим адаптационным механизмом для выживания отдельных людей и народа в целом в период экспансии тоталитаризма.

О массовом уничтожении документов и семейных реликвий в 1920-х - 1930-х годах свидетельствовали многие из наших собеседников. «Отца не принимали в институт, потому что он был из дворянской семьи - немец, и знаю, что дед был уездным предводителем дворянства в Пензенской губернии. В семье была печатка с дворянским гербом, в 1922 г. выбросили печатку, боялись. А дед имел два европейских диплома о высшем образовании, учился во Франции агрономии. Когда его выслали в 1942 г., то он в своём имении пас коров. Вещи, семейные реликвии - ничего не осталось. Изымали при обысках, да и мы сами выбрасывали подчистую, ведь в семье было столько арестов и репрессий» (Марина Г., 58 лет). «Аттестат моего отца об окончании им в 1907 г. немецкого вуза (Королевской прусской лесной академии в Эберсвальде - Г.У.) сожгла тётя в 1938 г., когда папу арестовали. Был целый альбом фотографий - в войну всё пропало» (Ирина К., 76 лет).

В редких случаях документы всё-таки чудом сохранялись: «Бабушка ничего не хотела рассказывать о судьбе семьи. Всё отметала. И только старшему брату отца мы обязаны тем, что сохранились документы. Дядя был в этом смысле настоящий немец - педантичный, аккуратный» (Татьяна Л., 65 лет).

Кроме самоличного уничтожения семейных реликвий, совершенно была потеряна связь с прошлым у тех, кого выселяли с насиженных мест в течение нескольких часов. «Когда раскулачивали в 1929 г., осталось только то, что было на нас надето. Поехали к отцу в Саратов, куда он, спасаясь, уехал раньше. Заночевали по пути в одной деревне, там активисты (как правило, комсомольцы или другие коммунистически настроенные лица, проводившие раскулачивание - Г.У.) нас нагнали и всё немногое, что мы взяли с собой, отобрали» (Константин К., 80 лет).

Та же картина была в других семьях. «При высылке в 1941 г. из-под Одессы, где мы жили, в Сибирь, а потом дальше, в Казахстан, нам дали 3 часа на сборы. Фактически увели нас из дома, в чём мы были. У нас не осталось семейных предметов, кроме отцовского бритвенного прибора» (Владимир М., 53 года). «Отца - он работал лесничим

в Овруче на Волыни - арестовали, когда он пришёл домой обедать. В 1937 г. его расстреляли как «агента польской разведки», Мы в течение 48 часов убежали через Киев в Калужскую область. Почти без вещей. Жили затаившись. Меня удочерила русская семья. Когда я повзрослела, то чтобы взяли на работу, меня записали в паспорте русской, а сестру-близнеца - украинкой. Только брат наш записан в паспорте немцем» (Светлана Г., 70 лет). «Когда вышел закон о депортации, надо было собраться в 24 часа. Скот весь пришлось оставить. Забрали только одну свинью и ту всю дорогу из Запорожья в Семипалатинск прятали от охранников. Вещи конфисковали. Всех поместили в грузовой вагон и отвезли в Казахстан» (Элеонора Я., 63 года).

Ещё безнадежнее была ситуация у выселенных и попавших в места строгого заключения. «От родителей не осталось никаких фотографий. Из детства только одна моя фотография из детдома. Я помню колючую проволоку в лагере, потом установила, переписываясь с архивами, что мне тогда был 1 год и 1 месяц, когда меня с матерью забрали в лагерь» (Татьяна Ш., 58 лет).

Еще одной причиной утраты семейных вещей был очень низкий уровень жизни в советской России - фактически до 1970-х годов весьма скудное, бедное существование. «Осталось мало вещей - мы ездили по голодной России, и мама обменивала вещи - помню вышитые «ришелье» полотенца - на еду. Осталась швейная машинка «Зингер», фотографии и лютеранская Библия» (Эмилия К., 69 лет).

В очень редких случаях, и чаще всего благодаря житейской приспособленности представителей старших поколений какие-то вещи всё же удавалось сохранить. Хранителями вещей, как правило, в воспоминаниях респондентов выступали бабушки, понимавшие, что времена могут настать ещё тяжелее и надо припасти что-то на чёрный день, чтобы не умереть с голоду. «Бабушке было в войну 94 года. Она была главная. Мы её звали не по имени, а Grossmutter. Она по-русски не говорила, до войны жила в Саратове. Бабушка была красивая, высокого роста. Она была статная. Носила старинную юбку - шерстяной муар, широкую, и кофточку в обтяжку со стоячим воротником и манжетами с рюшками. Так она одевалась по воскресеньям. В 1933 году, когда был голод, мы с родителями уехали из Саратова жить на Кавказ в Хасавюрт и в Кисловодск. На Кавказе папа работал снабженцем, директором спортивного магазина, а мама шила и вязала. Мы, дети, мотали нитки. У бабушки был целый сундук с бобинами ниток. Она была богатая бабушка. Среди этих ниток были замотаны золотые и другие ценные вещи. Мы сдавали их в Торгсин, чтобы пропитаться. Один раз пришли с обыском. Бабушку раздели - искали у неё в волосах и на теле золото. Ничего не нашли» (Лидия Ц., 72 г.).

«Я видела уже в 60-х гг. у бабушки кованные сундуки, с которыми бабушкина семья ездила

в Сибирь в ссылку. У бабушки были в сундуках особенные нарядные блузки и старинные сафяны, которые мы с сестрой любили разглядывать» (Татьяна Р., 42 года). По свидетельству этнологов, у каждой взрослой немецкой женщины в доме был свой сундук, причём, «многие из которых при открывании и закрытии издавали музыкальные звуки»[7].

Республика немцев Поволжья, где компактно проживало более 20% немецкого населения СССР, созданная в 1918 г., была ликвидирована в конце августа 1941 г. [8], а ее жители депортированы и распылены в районах Сибири, Казахстана и Средней Азии. После 1956 г., несмотря на запрет поселиться в местах довоенного проживания, прежние жители Республики немцев Поволжья, выселенные с родных мест, предпринимали горькие попытки если не вернуться, то хотя бы навестить места, где жили в течение более полутора веков их предки. «До революции у отца была мельница в селе Брабандер на берегу Волги, в 40 км от Саратова. Мельница перешла к нему от бездетного мельника, у которого он был работником. Другая мельница была у деда. Мы с братом посетили эти места в 1964 г. и сфотографировали мельницы и наш дом. В другой раз ездили в Поволжье, на нашу Родину в 1997 г. Уже ничего не было из старых построек» (Константин К., 80 лет). «Мои дедушка и бабушка жили в Саратовской области, в селе Шталь Энгельсского кантона. Я ездил на Родину в 1997 году, но ничего не нашёл. После войны село было затоплено волжской плотинной» (Александр Л., 65 лет). «Бабушка, которая умерла в 1983 г., после Сибири вернулась в Саратов. Рассказывала нам, как они ходили на место села Ротгаммель, которое сначала переименовали в Памятное, а потом разрушили - бабушка ходила по холмикам, по разрушенным местам и плакала, хотя была очень волевая» (Татьяна Р., 42 года).

Так, на протяжении 40 лет после окончания войны скрываемая внутри горечь составляла одну из основополагающих черт национального самосознания советских немцев. Синдром незаслуженно понесенного наказания, негативная маркировка по национальному признаку, порождали чувство социального изгойства и ощущение запретности обращения к немецким аутокультурным ценностям.

Только с середины 1980-х гг. начали создаваться национальные клубы и общества в ранге общественных некоммерческих организаций, где «люди говорят по-немецки, вспоминают, как было при дедушках и бабушках». Люди постепенно осознали, что прошлое немецкого этноса в России для них «было интересно с детства, но только в конце 1980-х годов появилась возможность что-то узнать, хотя ребенком я знал предков до дедушки» (Гуго В., 56 лет). В 1990-х годах национально-культурное движение продолжало набирать силу. «Я жил в Орле, и в 1994 г. мы собрали немецкое культурное общество, которое посещали 100 человек. Собирались мы 2-3 раза в неделю,

читали Библию и стихи по-немецки, пели немецкие и русские песни. Создали католическо-лютеранский молебный дом. Сейчас силами общины в Орле строится кирха» (Александр Л., 65 лет).

До указанного хронологического рубежа (конец 1980-х - начало 1990-х гг.) интерес к родословию и истории семей носил фрагментарный характер. Только 4 из 27 респондентов делали попытки собрать сведения о своих династиях ранее, ещё в советский период истории. «Интересоваться своими предками начал после войны, когда появилась возможность искать высланных «в отдалённые районы Сибири и Средней Азии» родственников. Случайно среди переселенцев я встретил родственников. Из-за того, что после 1941 г. всех немцев срывали с мест и переселяли, после войны вся переписка в нашей семье шла через старшего брата Виктора, который жил в Томске. Он и начал собирать родословную. Мои предки приехали баварского села Нидерцель (Niederzell) в 1764 г. Об этом я узнал от дяди Георга, который уехал в 1921 г. во время голода в Германию. Георг разыскал нас в 1975 г., приехав как турист в СССР, и дав объявление через барнаульскую немецкую газету. В 1976 г. он был у нас в Москве в гостях, а потом прислал фотографию села Нидерцель, из которого наши предки выехали в Россию» (Константин К., 80 лет).

Так же, как и Константин К., от родственников, проживающих в Германии, узнала о своих корнях Элеонора Я.: «Мои предки-протестанты прибыли в Россию при Екатерине II. Генеалогию составлял мой дядя, брат отца, уехавший в 1956 г. в Германию. Дядя приезжал в Казахстан в 1970-х гг. в гости к родственникам, депортированным из Запорожья в 1941 г. В перестройку мы стали переписываться с дядей. Я знаю пять поколений предков, включая прадеда Иоганна Янсена (в России фамилия писалась Янцен) и прабабку Лену Янсен, урожденную Дирксен. Оба они родились в 1850-х годах» (Элеонора Я., 63 года). Кстати, как нам удалось установить по другим источникам, предки Элеоноры Я. были весьма известными промышленниками на Юге России. Прапрадеду Ивану Ивановичу Янцену (так в российских документах обозначен Иоганн - Г.У.) принадлежала крупная паровая мельница в Бердянском уезде, его родственникам - заводы по производству сельскохозяйственных машин (жаток, сеялок, плугов). Янцен Яков Вильгельмович владел заводом в Никополе Таврической губернии (основан в 1893 г., число рабочих - 110), а купец Янцен Яков Мартинович владел заводом в Екатеринославской губернии (основан в 1868 г., число рабочих - 91)[9].

Николай К., родившийся в 1923 г., выяснял свою родословную через родственников-эмигрантов, эмигрировавших в Канаду. Дочь его в своих комментариях к ответам отца на нашу анкету написала, что «на протяжении многих лет папа в письмах расспрашивал всех

«канадских» родственников о наших предках». В результате удалось узнать, что предки по линии деда (Classen) были из северо-западных немцев, живших на границе с Голландией, а предки по линии бабушки (Unger) происходили из Западной Пруссии». Жажда узнать что-либо о своих корнях (и следовательно, осознанный немецкий этнический идентитет) была столь сильной, что еще при Советской власти Николай К. «с 1980 г. официально обращался во многие архивы и организации, такие как «Международный Красный Крест», «Свободный университет меннонитов» в Ванкувере (Канада) и другие», чтобы по крупицам реконструировать своё родословие.

Восстановление генеалогии в контексте «поиска корней» стало весьма важным пунктом этнической самоидентификации российских немцев. Как следует из интервью, на рубеже 1980-1990-х гг. в среде российских немцев наблюдается массовый всплеск интереса к своей генеалогии. Примерно 80% респондентов ответили, что составили свои родословные древа (а некоторые даже смогли использовать генеалогические справочники, изданные в ФРГ).

Как это происходило?

Один из респондентов, выйдя на пенсию, стал с увлечением искать материалы о своих предках, в результате чего несколько лет были посвящены составлению генеалогии семьи. Эта родословная включает около 300 лиц, принадлежащих к десяти поколениям семьи Кнорре и, охватывая трехсотлетний период истории, доходит до сегодняшнего времени. Изучение династии Кнорре, выявило любопытный исторический парадокс. Оказалось, что все российские Кнорре являются потомками николаевского астронома Карла Христофоровича Кнорре[10].

Первым обосновался в России отец Карла Христофоровича - Эрнст Христоф Фридрих Кнорре, внук Матиаса Георга Кнорре (1695-1733), печатника из Хальденслебена. Эрнст Христоф Фридрих родился в 1759 г. близ Магдебурга. Затем он изучал теологию в Галле и по окончании курса служил домашним учителем. Когда ему исполнилось тридцать лет, он был приглашен в Дерпт, чтобы занять место директора и преподавателя женской школы. Так он оказался в пределах Российской империи[11] и жил в Дерпте - тихом и уютном прибалтийском городке, где проживало много немцев. Когда в 1802 г. в Дерпте открылся университет, то Кнорре назначили экстраординарным профессором математики и наблюдателем при астрономической обсерватории. Здесь он и работал до своей смерти в 1810 г.

Карл, родившийся в 1801 г., унаследовал пристрастие отца к астрономическим наблюдениям. Пост директора Николаевской обсерватории Карл Христофорович (как стали называть его в Николаеве) занимал пятьдесят лет, в 1839 г. стал членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Одновременно он преподавал астрономию в штурманском

училище и руководил гидрографическими работами в Черном и Азовском морях.

В случае Кнорре генеалогия удалось восстановить досконально. Однако, чаще всего самостоятельные поиски позволяют респондентам восстановить имена и годы жизни предков до 4-5 колена. Как правило, степень реконструкции родословия в значительной степени зависит от того к каким социальным слоям принадлежали предки респондентов. Если предки были образованными людьми, то вероятность сохранения сведений о них всегда больше, чем о простых людях.

К примеру, генеалогия своей династии Михаилу Либерману, инженеру-строителю, удалось восстановить до 1803 г. Материалы по истории семьи он стал искать, когда пошёл на пенсию. Он провел много часов в крупнейших библиотеках Москвы (Ленинской и Исторической), собирая по крупицам сведения по своим предкам. Удалось установить, что в начале XIX в. семья жила в Лефортове (районе Москвы, где традиционно селились немцы), и глава семьи Liebermann преподавал философию в немецкой школе при церкви Святого Михаила.

По словам племянницы М. Либермана, нашей респондентки, она начала интересоваться родословной с 1985-1988 гг. Однако ее родственники и вплоть до начала 1990-х гг. «были запуганы до предела, и даже малейшее напоминание о немецком и дворянском происхождении их пугало. Только мой дядя Миша, осуждённый на 25 лет как «немецкий шпион», отсидевший семь лет, в Сибири и реабилитированный при Хрущёве, ничего не боялся. В 1989-1990 гг. на протяжении двух лет дядя Миша приезжал ко мне и диктовал мне свои воспоминания. Я сидела и записывала его рассказы по несколько часов» (Татьяна Л., 65 лет).

Удивительную историю своей трагической судьбы рассказала одна из наших героинь. Она осталась сиротой в годовалом возрасте и не знала ничего, кроме своего имени и фамилии. Имя своей матери она узнала случайно в 17 лет. Ей много помогали люди, один из милиционеров сказал: «Молчи обо всём, что знаешь». «Я молчала до 1995 г., когда стало возможно говорить об этом» (Татьяна Ш., 58 лет). Путем пятилетних поисков - переписки с архивами, судебными органами ей удалось к сегодняшнему дню установить свою родословную до деда (крещенного в католической церкви г. Николаева), узнать годы жизни отца, расстрелянного в 1938 г. Сейчас наша респондентка восстанавливает своё настоящее отчество после того, как узнала подлинное имя своего отца. В 2000 г. она получила свидетельство о реабилитации, «потому что с 1996 по 1999 гг. я собирала документы, доказывающие мое родство с матерью и отцом». Всё свободное время она посвящает поискам сведений о матери, с которой ее разлучили в 1942 г. Пока что известно только то, что после 10 лет тюремного заключения мать с 1954 г. жила в

Перми. Во время нашего последнего разговора Татьяна Ш. сказала, что «собирается во время отпуски ехать в Пермскую область и искать следы своей мамы». В процессе разысканий интерес Татьяны к немецкой культуре становился всё более устойчивым, она стала посещать католический приход в Москве и изучать немецкий язык в Немецком доме. Здесь она встретила людей схожих интересов, а чувство «возвращения к традициям своего народа» в последнее пятилетие постепенно стало доминантой её нынешнего самосознания.

Следует добавить, что благодаря новейшим исследованиям ученых, постепенно публикуемых найденные ими в архивах списки поволжских колонистов, в последние годы вероятность установить своих предков возросла у всех потомков немецких переселенцев. В ходе проведения нашего исследования, по редкой фамилии одной из респонденток, нам удалось помочь ей в восстановлении родословной. Оказалось, что ее предком являлся «Ротгаммель Адам, 40 [лет], католик, портной из Эльзаса, Мюльсхайм», прибывший 21 августа 1767 г. в Поволжье с женой Катариной 36 лет и сыном Матиасом 3 лет, и получивший в Саратове от конторы опекуна 25 рублей, 2 лошади и 1 корову. А. Ротгаммель был форштегером (Vorsteher), то есть начальником, колонии и по его фамилии и была названа колония, основанная 21 августа 1767 г., где поселилось 29 первых поселенцев с семьями[12]. По словам респондентки, ее бабушка Мария (от которой респондентка узнала семейные предания) была урождённой Аппельганц. Сопоставление этих данных с документальными источниками

показало высокую достоверность семейных преданий. Действительно в списках первых поселенцев колонии Ротгаммель удалось найти Катарину Аппельганц, 45 лет, жену бейзитцера (Beisitzer), то есть «заседателя» колонии, кузнеца Иоганна Генриха Креса, католика 40 лет. Как и семья Ротгаммель, семья Крес-Аппельганц прибыла в Саратовскую губернию 21 августа 1767 г. из Курпфальца, Диркгейм. От двух сыновей Катарины от первого брака и пошла российская линия Аппельганц[13].

До того, как были найдены вышеприведенные сведения, в беседе со мной эта респондентка сказала (ещё не зная, что сохранились материалы о семьях Ротгаммель и Аппельганц): «Я очень хочу раскопать свою родословную. Память о бабушке и отце влечет меня к семейным истокам. Мы воспитывались в советском духе, а сейчас пришло сознание, как ценны семейные и национальные ценности» (Татьяна Р., 42 года).

Стремление к этим ценностям стимулирует процесс преодоления этнической разобщённости. Переехав с мест вынужденного компактного проживания в большие города, где существуют более широкие возможности для интеграции в сферу профессионального образования и квалифицированного труда, и где этническая пестрота сглаживает остроту ксенофобии, российские немцы реализуют потребность своего общения друг с другом в национальных общественно-культурных и церковных ассоциациях. И в этом смысле общее «горькое» прошлое стало одним из факторов реанимации немецкого этнического идентитета.

3. Репрессии и преследования. Воспоминания о многочисленных переездах с места на место - вынужденных и самостоятельных - как попытке ухода от преследований. 1930 - 1970-е гг.

Первые массовые репрессии, коснувшиеся российских немцев, происходили в конце 1920-х - начале 1930-х гг. в связи с раскулачиванием и принудительной коллективизацией. Именно тогда в Поволжье с лица земли исчезли целые деревни. При этом «среди раскулаченных было множество крестьян, которые практически не использовали наёмный труд, но, будучи рачительными хозяевами, добивались успехов в земледелии, за что и были наказаны изгнанием с земли и лишением всего имущества»[14]. Сотни крестьян были осуждены без состава преступления[15].

Постоянные переезды (до следующего обыска или ареста) постепенно сформировали синдром гонимости у большей части немецкого населения. Этот синдром гонимости в сталинское время был в разной степени присущ большинству населения СССР. Можно утверждать, что у немцев этот синдром развился в повышенной степени, поскольку наряду с типовыми пунктами 54 и 58 статей (по которым значительная часть подвергшихся

репрессиям осуждалась «за вредительство», «за измену Родине», «за контрреволюционные действия»), активно применялось обвинение в шпионстве. По этой статье привлекались люди с нерусскими фамилиями, которые подвергались наказанию по обвинению как «немецкие», «английские», «польские» шпионы. Сотрудники НКВД «обычно старались подвести человека под шпионаж». При этом было «неважно какой разведки, лишь бы был шпион, иначе руководство не подписывало протоколы допросов»[16].

«При раскулачивании нас должны были выселить в Сибирь. Отец был знаком с председателем сельсовета - тот дал справку, и отец смог уехать до ареста. С 1926 до 1941 гг. мы жили в 13 местах, потому что было постановление: «Арестовать и выслать с семьёй». Мы замечали следы, для чего отец в 1935 г. развёлся с матерью. В 1938 г. отца арестовали, и мы его больше никогда не видели» (Константин К., 80 лет).

82-летняя Альвина К. сообщила: «Мои де-

душки и бабушки жили в Поволжье, родители родились там же. Я родилась в селе Боаро. Затем жили в Казахстане (Темиртау), на Кавказе (в Армавире), оттуда были депортированы в Кустанайскую область. Объявив о депортации, в первый раз нас вывезли в поле осенью, еще снега не было, но потом вернули в свои дома. Потом уже зимой, на санях вывезли, загрузили в вагоны, и везли 3 месяца в Кустанай, куда мы прибыли в марте. В трудармии я была в Нижнем Тагиле ровно три года на лесоповале. В 1966 г. выехали в Киргизию, в 1985 г. переехали на постоянное жительство в Пензенскую область».

«Мой отец был русским интеллигентом, из духовенства, в 20-х годах сбежал от преследований. Они с мамой-немкой в 1931 г. уехали из Нижнего Новгорода, где мама кончила университет, в Мариуполь. Отец устроился работать на завод «Азовсталь». Скрылись. Родители там сравнялись с людьми. Там никогда никто не выяснял, кто откуда и кто ты по происхождению» (Эльза С., 69 лет).

Показывая фотографии своей матери (1946 г.), эта респондентка отметила: «Видите, какие напряжённые у мамы глаза - после войны она каждый день ожидала ареста. Я слышала тайные разговоры родителей - мама говорила отцу, как воспитывать детей, если ее заберут. Мы жили в Мариуполе под оккупацией. Мама преподавала в школе немецкий язык. Ей нацисты предлагали работать переводчицей в гестапо, но она отказалась. Её не посадили, но гадости делали. СС боялись все, а простых немцев, расквартированных в Мариуполе, никто не боялся. Понимали, что не по своей воле эти солдаты попали на фронт. Ненависти не было. После освобождения города мама узнала, что все местные немцы сосланы, и боялась. У неё за шкафом стоял чемодан с привязанными валенками» (Эльза С., 69 лет).

«Моего отца арестовывали в 1919, 1930 и 1939 годах. По паспорту он был немец. В 1930-1932 гг. он сидел в Вишерских исправительно-трудовых лагерях «за связь с духовенством», потому что позвали пастора меня крестить, и кто-то донёс на папу, через три дня его арестовали. ... Сначала папе запретили жить в Москве на улице Горького - он прописался на Сретенке (улица в центре Москвы - Г.У.), запретили в Москве - поселился в Малаховке

(посёлок в 30 км. от Москвы - Г.У.), запретили в Малаховке - уехал в Конаково (город на Волге - Г.У.), а потом в Курган в Сибирь, где работал до 1957 г.» (Ирина К., 76 лет).

Многочисленные переселения - самоличные, когда люди пытались скрыться от сталинского террора, и принудительные, когда машина репрессий настигала свои беззащитные жертвы - повлияли на судьбу каждой немецкой семьи. По мнению одного из исследователей, очевидные антинемецкие акции начались в СССР, «с приходом к власти в Германии Гитлера», когда «немцев в Советском Союзе рассматривали в качестве потенциальных сторонников нацистов». При этом, «широкомасштабный террор ... развернулся в 1937-1938 годах. ... Репрессии осуществлялись, как правило, без всяких оснований, практиковались массовые карательные акции по национальному признаку» [17].

Реабилитация необоснованно репрессированных лиц началась только с 1987 г. 14 ноября 1989 г. Верховным Советом СССР была принята декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», а 13 августа 1990 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов».

Но бесконечная полоса страданий и унижений в годы сталинского правления и долгий период изживания страха уже намертво впечатались в историческую память российских немцев. В иерархии исторической памяти старшего поколения немецкого народа (лиц в возрасте от 50 лет и старше) воспоминания о преследованиях и репрессиях являются высоковлиятельным ментальным параметром.

Данный параметр на несколько десятилетий детерминировал формирование коммуникационных способов представителей немецкого этноса в России: приверженность к «своим» - немцам и к «своим» - жертвам сталинских репрессий. Этот же параметр уточнил социальные границы, существование внутри которых латентно сплотило отдельных представителей этноса даже при отсутствии непосредственного контакта. Вызревание индивидуального идентитета с прочной опорой на национальные традиции было в известной мере «спровоцировано» жестокой политической ситуацией.

Трудармия и спецпоселения. Жизнь российских немцев в период II мировой войны и в послевоенный период. 1945-1955 гг.

Как известно, нападение фашистской Германии на СССР принесло советским немцам множество страданий, они были лишены всех гражданских и человеческих прав. Уже в годы перестройки это явление получило название «наказанный народ».

Вспомним вкратце политические вехи этого процесса. Численность этнических немцев по переписи 1939 г. (с соответствующей записью в паспорте) составляла 1.427.232 чел.[18], но

на деле была больше, потому что в целях спасения от репрессий, развернувшихся в 1930-х годах, русскими и украинцами в паспортах записывались десятки тысяч лиц из смешанных и даже чисто немецких семей.

Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» депортации подлежало 480 тыс. чел., переселение которых следовало провести в

сроки с 3 до 20 сентября 1941 г.[19] Осенью 1941 г. была принята серия постановлений о депортации немцев, проживающих в Москве и центральных областях России, в южных областях и на Кавказе - в результате НКВД СССР «в кратчайший срок - 5 дней перебазировал сотни тысяч людей в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию»[20]. Но на этом государственная машина репрессий не остановилась.

По постановлениям Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» и от 7 октября 1942 г. «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» в систему ГУЛАГа было отправлено еще около 0,5 млн. мужчин от 15 до 55 лет и 0,25 млн. женщин от 16 до 45 лет. От мобилизации на принудительные работы освобождались только беременные и имеющие детей в возрасте до 3-х лет.

8 января 1945 г. вышло постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О правовом положении спецпереселенцев». Оно на долгие годы определило бесправное положение немцев - спецпереселенцы не могли без разрешения спецкомендатуры НКВД куда-либо отлучаться с места своего поселения. Выезд за пределы района рассматривался как побег и карался в уголовном порядке. Так была создана система спецпоселений с жёсткой регистрацией. Уже после окончания войны Президиум Верховного Совета СССР принял 26 ноября 1948 г. секретный указ, запрещавший возвращение немцев к местам прежних поселений и фактически вводивший запрет на свободное перемещение. За самовольный выезд устанавливалась уголовная ответственность - 20 лет каторжных работ[21].

Только после смерти Сталина правовые ограничения немецкого населения в послевоенный период стали весьма постепенно устраняться. Но даже указ от 13 декабря 1955 г., отменивший систему спецпоселений, не устранил запрет на возвращение немцев в места, откуда они были выселены: «снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и ... они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены»[22].

Ситуация гражданского бесправия в военные и послевоенные годы осталась чёрным пятном в воспоминаниях людей, переживших этот тяжелый исторический период. Писатель Герхард Вольтер, чьи молодые годы прошли в трудармии, пессимистически написал в повести «Зона полного покоя»: «15 лет бесправия и издевательств безвозвратно поглотили веками хранившиеся ценности материальной и духовной культуры, наследованные от предыдущих поколений европейские традиции, народные традиции и обряды»[23]. Да, безусловно, целостная культура российских немцев была разрушена (так же, впрочем, как и целостная традиционная культура российского крестьян-

ства, так же сильно пострадавшего во времена сталинского террора), и восстановление ее целостности в новых геополитических условиях сейчас является не менее трудным и длительным процессом.

Одним из существенных параметров этого процесса стало обращение к прошлому - формальная и психологическая реабилитация жертв террора. Преодоление внутреннего страха происходило и происходит через культуру воспоминаний, так же, как обретение социального статуса бывшими репрессированными - через сбор документов, доказывающих полную невиновность «незаконно осуждённых». Для представителей старшего поколения эти два вектора совпали. Они начали говорить о том, о чем молчали почти полвека.

«В трудармии находился с февраля 1942 года по 1946 год. С 1946 года, находясь в Новосибирске, переведен на положение спецпоселенца и в этом качестве находился до 4 января 1956 года. До войны с 1938 года я учился в горьковском институте инженеров водного транспорта. Еще будучи студентом в Горьком, летом 1941 года несколько раз подавал заявление добровольцем на фронт для борьбы с фашистами, был патриотом своей Родины. 17 октября 1941 года был выслан в Омскую область... В январе 1942 года мне удалось переехать в Томск, где в это время уже находились высланные туда мать и два моих брата. В феврале 1942 года меня и брата Владимира мобилизовали через военкомат в трудовую армию и увезли в Хакасию строить железную дорогу Абакан-Тайшет (потом говорили, что ее построили комсомольцы). Летом 1942 г. нас перевели в Новосибирск, а осенью того же года в Прокопьевск для работы в шахте. Осенью 1943 г. мы снова оказались в Новосибирске, где я прожил до конца 1967 г.» (Константин К., 80 лет).

«Мама, сестра и тётя сбежали с трудового фронта без документов. Они шли пешком несколько сот километров из Куйбышева в Пензенскую область (куда к бабушке переселили нас, малолетних детей). Их таскали по милициям, говорили: «будем сажать». Своих людей уничтожали, как только могли. Люди ничего не значили тогда» (Лидия Ц., 72 года).

«Мою бабушку и её семью выслали в Новосибирскую область, в село Бобровка. У бабушки был грудной ребенок, поэтому она формально не была в трудармии. Но надо было кормиться, поэтому вначале бабушка работала на золотодобывающей шахте, там получила травму головы и ушла оттуда. После работала по пояс в воде на лесоповале. Всех родственников по мужской линии забрали в трудармию. Прадед и другие родственники по его линии умерли в трудармии. Деда и брата бабушки забрали в НКВД, дали 58 статью - «немецкие шпионы» и 10 лет. Они умерли в ссылке» (Герман Р., 34 года).

«В 1941 г. отца взяли в трудармию на шахту в Казахстан добывать уголь. В Джамбуле он был, как в концлагере, под конвоем до

1947 г. А всю семью - мать и шестеро детей - нас выселили вначале в Кемерово, потом в поселок Нарым Томской области. ... Когда выслали, то начальник сказал: в тайге будет легче, там грибы-ягоды, проживёте легче, не умрёте с голоду, и нас поселили в тайгу за 30 км от посёлка на заготовку дёгтя и смолы. Там стоял один барак, в нём жили 2 немецких семьи. Мы прожили в тайге с 1942 по 1947 г., работая на маленьком примитивном заводике, изготавливавшем смолу и дёготь. Дома разговаривали по-немецки. Начали говорить по-русски только с 1947 г., когда вернулись в Нарым, куда к нам в 1947 г. приехал отец, ставший инвалидом (перелом ног и позвоночника) после работы на шахтах. Два года он пролежал в постели. В Нарыме немцев было 30% - всего 150 семей из разных мест, в основном из Саратова. В Нарыме я впервые в 12 лет пошёл в школу в первый класс уже переростком» (Александр Л., 65 лет).

«Нас выслали в Сибирь как детей немецкого происхождения в 24 часа из Саратова вместе с немцами Поволжья в сентябре 1941 г. - двух детей вместе с нашей русской мамой. Маму исключили из партии в 1942 г., хотя она была старый большевик с 1919 г. (потом восстановили, мама говорила, что секретарь Новосибирского обкома был лоялен к нам). До 1948 г. (то есть до 15 лет) я не училась в школе (до войны кончила два класса) - не было одежды, чтоб ходить в школу, которая находилась в 5 км от дома. Не ходили мы с братом и из-за того, что сибиряки всегда кричали: «Вы - дети врагов народа» и очень плохо к нам относились. Мы жили в землянках, вода замерзала в корытах - жили жутко. Мама смотрела, чтоб мы не умерли с голоду. Целенаправленной политикой было - не давать немцам работу (мама-русская её получила). Немцы просто умирали от того, что нечего было есть. Не разрешали заводить огороды. Мы в основном питались продуктами леса - ягоды, грибы из тайги, вода из прозрачных речек» (Эмилия М., 67 лет).

По статистике в трудармии погибла треть всех мобилизованных - почти 500 тыс. чел. [24] При осмыслении этого явления немцы часто употребляют термин «геноцид» и с этим нельзя спорить. Выживали те, кто был моложе и закалённее, у кого были крепче нервы: «Морально поддерживало убеждение, что этот геноцид не может продолжаться долго и надо это тяжелое время пережить, так как вины мы за собой никакой не чувствовали» (Константин К., 80 лет). «Выжить в условиях трудового лагеря помогали - «надежда «на лучшее» после войны (с частыми сомнениями), трудолюбие, надежда на соединение с семьёй, с земляками» (Николай К., 77 лет).

Повседневная жизнь: осмысление бирнарной оппозиции «мы-они» в семейной, профессиональной, аутокультурной среде; изменения во времени параметров этнических стереотипов, этноцентризма,

отношений к межгрупповым границам, уровня конфликтности

По высказываниям респондентов, в 1920-х годах не было почвы для этнических конфликтов на бытовом уровне. Фактически, до начала репрессий 1937-1938 гг. ксенофобия не была значительно распространена в обществе, а провоцировалась исключительно государством. Респондентка, которая жила в одном из южных городов, где традиционно было полиэтничное население, говорила: «Жили дружно, компанией. В компании были и греки, и евреи, и украинцы, и немцы» (Эльза С., 69 лет).

Однако, постепенно, начиная с конца 1930-х гг. межэтнические границы в обществе становятся всё более и более жёсткими. Это принуждает людей менять свое поведение. «Не стеснялась никогда, что я немка, а бояться научили, когда уже стала взрослой (то есть во время и после войны - Г.У.)» (Альвина Г., 82 года).

«До войны я никогда не чувствовал себя униженным по национальному признаку. Во время войны был причислен к так называемым «неблагонадёжным» народам и интернирован. После войны, даже уже в 1959 году, будучи в Москве в командировке на два дня, я столкнулся с фактом, что меня не приняли и не прописали в гостиницу на одну ночь, так как я немец по паспорту. В 1970 году я защитил диссертацию, и мне была присуждена ученая степень кандидата технических наук. Поскольку у меня всегда была тяга к преподавательской работе, я попытался устроиться в учебные институты. Несмотря на то, что у меня были рекомендации со стороны уважаемых в ученом мире людей, меня нигде не приняли» (Константин К., 80 лет).

«После войны и заикаться было нельзя, что ты немец. В свидетельстве о рождении в 1933 г. меня записали как немку, а в паспорте я уже русская. Мой прадед в 1880-х гг. переселился в Москву из-под Касселя и завёл зоомагазин на Арбате. Бабушка была шведка. Моего отца арестовали в Баку 22 ноября 1941 г. и расстреляли как «немецкого шпиона» (Инна Б., 76 лет).

Оппозиция «мы-они», казавшаяся временной в годы войны, неожиданно для представителей немецкой национальности в послевоенный период приобрела зловещую стабильность, которая держалась еще более трех десятилетий. «Мы надеялись, что перестанем быть изгоями на своей Родине с окончанием войны. Но в 1948 году нас известили о том, что издан новый указ за подписью В.Молотова о высылке (хотя мы давно уже находились в ссылке) нас, немцев, в Среднюю Азию и отдаленные районы Сибири навечно. На мой вопрос, что значит «навечно» майор НКВД объяснила мне (это была женщина) - это значит, что не только мы, но все наши потомки будут жить в ссылке вечно» (Константин К., 80 лет).

Совершенно категорична одна из респонденток, родители которой при отступлении

гитлеровской армии переселились в Германию. Семья жила в Брауншвейге до 1950 г., когда поддавшись на уговоры советской пропаганды, вернулась назад в СССР, где сразу же подверглась репрессиям. Воспоминания Элеоноры Я. свидетельствуют о том, что в детское и юношеское сознание чётко впечаталось отражение очень высокого уровня конфликтогенности, существовавшего в обществе: «Просвета никогда не было, ко мне всегда относились с предубеждением, потому что я была немка по национальности. До 18 лет я носила свою немецкую фамилию. Но первый паспорт, наперекор моей честности и правдолюбию, был выписан на фамилию моих русских родственников - Степанченко, и было записано, что я русская. Мама объяснила мне, что иначе я, как совершеннолетняя, могу попасть в ссылку или в тюрьму. Я возмутилась, что мама так сделала. Эта перемена меня надломилась, вызвала чувство отторжения от мамы. Наступило полное душевное непонимание. Примирились мы уже в старости. Я же любила всё немецкое - когда жили в Германии (мне было от 5 до 13 лет) было множество радостей: я занималась музыкой, балетом, каталась на коньках, ходила в лютеранскую церковь» (Элеонора Я., 63 года).

Наиболее жестоко отчуждение немецкого элемента от прочих этнических групп фиксировалось в детской среде, где не существовало полутонов на уровне межличностных отношений, а было только «свое» и «чужое». Агрессия по отношению к детям-немцам была неограниченной и совершенно безнаказанной.

«В Новосибирской области отец ходил в школу. Был голодный, опухал от голода. Ему было 10-11 лет (1951-1952 гг. - Г.У.), и его дети поймали, повесили на ремне, и он чудом не задохнулся. Дети кричали: «Фашист!» Все относились к немцам очень плохо, местные жители, по рассказам бабушки, не сочувствовали переселенцам. Бабушка знала русский язык и договаривалась с местными, защищая немцев от нападок» (Герман Р., 34 года).

«В детдоме были хорошая воспитательница и директор, они заботились обо мне. Преподаватель музыки на каникулы брал к себе домой, и я играла с его дочерью. Но с детьми в детдоме я не общалась - они были очень жестокие. Ударили меня ножом в копчик, ставили к стенке - «пытали», выбили ножом передние зубы. Дети называли «фашисткой», а когда я замкнулась, стали дразнить «монашкой». Все били, обижали. Я пять раз сбегала и пряталась. Я так озлоблена была на детдом, что не хочется вспоминать» (Татьяна Ш., 58 лет).

«Мы жили в Нарыме Томской области с 1942 г. Там жили также русские, украинцы, латыши. С ними были конфликты, только некоторые нас жалели. После войны было просто злобное отношение к нам, поэтому все немцы держались вместе и общались в основном со своими. Меня в школе дразнили: «Немец! Немец!» Я обижался, очень переживал. Находились и такие, которые оскорбляли года

до 60-го. В 1958 г., когда мне было 23 года, я поступил в Новокузнецке в строительную школу. Был старостой. Директор не говорил никому, что я немец, все думали - латыш. Я помалкивал, потому что раньше натерпелся» (Александр Л., 65 лет).

В тяжелых условиях ксенофобии усиливалась религиозность людей, их вера. На вопрос, «Что помогло Вам выжить в жестоких условиях трудового лагеря, какие черты характера?», одна из респонденток лаконично ответила: «Я думаю, что мне помог Бог. Мама дала мне с собой небольшой молитвенник, он не сохранился до сих пор, он и тогда был довольно старым, отпечатан готическим шрифтом. Я всё время молилась. И трудолюбие» (Альвина Г., 82 года). Другой респондент вспоминал, что на поселении в Сибири немцы (в селе, где жил респондент, их было примерно 1,5-2 тыс. чел. из 5 тыс. чел. всего населения. - Г.У.) примерно около 1946 г. построили самодельную лютеранскую церковь - специальный домик для молитвенных собраний. «Там пели, молились, читали Библию. Отмечали немецкие праздники, Рождество, Пасху и Новый год. Ходили туда втихаря, потому что за это преследовали. Комендант приходил, иногда разгонял, штрафовал за нарушение порядка» (Александр Л., 65 лет).

Во второй половине 1950-х гг., в условиях хрущёвской оттепели, отношение к немцам начало понемногу смягчаться. Один из респондентов отмечает: «Только в 1960-х годах я вернулся к нормальной жизни» (Александр Л., 65 лет).

Другая респондентка на примере своей семьи проследила многолетнюю динамику отношения властей к лицам некоренных национальностей. «Моя мать-русская говорила в 1937 г., что у нас немецкая фамилия и это плохо - тогда лучше было быть евреем, а не немцем. По паспорту я была русская. Мне фамилия мешала всю жизнь, это был ужасный крест. Я работала в министерстве, и когда в 1960-х гг. на парткоме утверждали характеристику, то меня спросили, почему нерусская фамилия. Я ответила, что мой дед из обрусевших немцев. Все были удовлетворены, потому что в 1960-х гг. уже было хуже быть евреем» (Марина Г., 58 лет).

Интересно высказывание 80-летнего Константина К.: «Я никогда не стеснялся своей национальностью, не считая национальность недостатком. До войны было даже уважительное отношение к немцам, как к хорошим работникам. С 1941 года принадлежность к немецкой национальности влекла за собой негативное отношение некоторой части населения, а особенно чиновников».

Отношение к немцам, как к преследуемой группе в 1940-х - 1950-х годах, порождало в них ответное чувство внутренней, психологической оппозиции прежде всего по отношению к советской власти, официальным бюрократическим структурам. В послевоенное пятнадцатилетие аспект отчуждения стал до-

минантой этнического идентитета советских немцев. Ощущение инородности и инокультурности достигло высшей точки и привело к противостоянию индивидуального сознания потенциально агрессивной внешней среде. В повседневной жизни внутреннее сопротивление чаще было скрытым, но иногда выплескивалось открыто.

«Когда я ехала в Горький поступать в консерваторию, в начале 1950-х годов, то один мужчина в поезде сказал: «Надо всех немцев перестрелять». Я слезла с верхней полки и говорю ему: «На, стреляй». Всем стало стыдно. Я никогда не стеснялась, что я немка. Мою немецкую маму всегда уважали в обществе, она была аристократкой духа. Я ею гордилась, и гордилась, что мама - немка» (Эльза С., 69 лет).

Одна из респонденток, активная комсомолка (по паспорту она была русская, но носила немецкую фамилию отца) с наступлением войны ходила в военкомат и просилась на фронт для борьбы с фашистами. Потом уехала в эвакуацию к отцу-немцу, работавшему на Урале главным инженером на лесокombинате (когда после нескольких арестов и отсидок, ему запретили жить в Москве), и там вновь обратилась в военкомат. Когда ее вызвали туда, то оказалось, что для того, чтобы отправить в трудармию. Помогло сочувствие людей - в военкомате в Челябинске чиновник сказал: «Беги быстрее ветра, эшелон уходит». Девушка доехала до города, где работал отец, и тут её опять задержали, отправили в военкомат. Она плакала: «Я - русская, я даже немецкого языка не знаю». Военком ответил: «Не отпущу. У меня много таких русских». Но чудом удалось уйти, и девушка вернулась к отцу после месяца митарств и сидения в изоляторе.

Этот случай стал переломным для мировосприятия. «Внутри образовалось сознание, что я неполноценный житель этой страны, что я ущербная, несвободная. Это чувство осталось на всю жизнь. Я никогда не была членом коммунистической партии, хотя заведовала отделом на заводе и работала помощником режиссера на киностудии «Мосфильм». Мне говорили: «Почему ты не вступаешь в партию?». Я лукаво отвечала, что не созрела. И меня возмущало, почему партия, в которой я не состою, даёт мне указания. Меня как сломали. Я уже не верила ни в какую советскую власть, я понимала, что у этой картинке есть изнанка - совсем нехорошая и очень горькая» (Ирина К., 76 лет).

«Только в 1972 г. (когда с немцев были сняты ограничения в выборе места жительства - Г.У.) мы смогли вернуться к нормальной жизни» (Альвина Г., 82 г.). На 1972 г., как водораздел в преодолении чуждости по отношению к окружающему общественному организму, указал и другой наш собеседник старшего возраста (Николай К., 77 лет). Его дочь, представительница среднего поколения, оценила ситуацию по другим критериям, более жестко критикуя систему этнической иерархизации,

которая существовала в советском обществе и была значимым механизмом идеологической регуляции: «То, что поколенье моих родителей называет «нормальной» жизнью времена 60-х и 70-х годов, происходит, по-моему, отчасти от того, что по сравнению со сталинским прошлым, конечно же, было лучше. Но отчасти они убеждали себя, что жизнь «нормальная» из страха, как бы не стало снова хуже. Мне лично вовсе жизнь не казалась нормальной, особенно когда в Европейской части СССР у меня из-за пятого пункта (пятый пункт в анкетах советского делопроизводства, заполняемых при приеме на учёбу и работу, содержал сведения о национальности. - Г.У.) не приняли документы, и я была вынуждена вернуться в Казахстан и поступать там в вуз» (Мария К., 43 года).

Судя по ответам респондентов, только в период перестройки представители нерусских национальностей получили условия для преодоления своего комплекса этнической неполноценности. Процесс спада антинемецких настроений происходил очень медленно и постепенно. «Я не испытала на себе притеснений на бытовом уровне. В 60-х и 70-х годах все жили тяжело. Единственно было неприятно получить отказ на обмен квартиры в Ригу или Ленинград в 1984 г., когда я хотела уехать из Киргизии. Тогда я узнала, что действовало негласное правило - немцев, евреев и цыган не прописывать в столицах и больших городах» (Татьяна Р., 42 года). «В детстве, в 70-х годах меня дразнили по фамилии, что фамилия нерусская, нестандартная. Она происходит от слова Ruebe - свёкла. Я стеснялся, особенно, когда переспрашивали фамилию по буквам. Когда я учился в военном училище в начале 1980-х годов, то мне сказали, что не надо писать в военном билете, что я немец, а то не будет карьеры. И мне написали, что я русский (хотя мой отец немец, а мама - татарка). Моё имя - Герман, и курсанты в училище едко дразнили меня Германом Герингом или Борманом (для молодого поколения высшие гитлеровские чины стали известны благодаря популярному в 1970-е годы телевизионному сериалу про советского разведчика, действовавшего под псевдонимом Штирлиц. - Г.У.). Но дразнили не подло, и я смеялся вместе с ними, не воспринимал шутки с обидой, потому что пользовался уважением товарищей. С проявлением национализма я более столкнулся в Московском государственном университете в конце 1980-х годов, учась на юридическом факультете. Там говорили, что только со славянской фамилией можно сделать карьеру. Жизнь показала, что это не так. Сейчас модно говорить - меня унижали, оскорбляли. Но в принципе, у людей моего поколения этих проблем в политическом смысле, не было» (Герман Р., 34 года).

Подводя итоги, можно заключить, что в годы перестройки ксенофобия в обществе по отношению к немцам была быстро практически преодолена не только политически, но и

психологически. Одним из очевидных достижений перестройки стало то, что метафора «открытого общества» достаточно высокими темпами стала актуализироваться в социальной реальности. Свобода обмена информацией и человеческих контактов с внешним миром произвела настоящую революцию в системе бытовых и идеологических стереотипов.

В преломлении на положение немецкого этноса в контексте общественного организма это означало изменение вектора ксенофобии на противоположный. Причинами этого, прежде всего, стали: артикулирование резко критического отношения к советской дей-

ствительности, ставшее лейтмотивом для либерально-демократической публицистики рубежа 1980-1990-х гг., пересмотр догматических схем советской истории («переосмысление прошлого»), «взрыв» интереса к происходящему в России со стороны западных стран, - в Европе, прежде, всего, со стороны Германии, что привело к тому, что российское общественное мнение стало воспринимать германскую сторону как профессионально сильного и желанного партнера, а немцев вообще, как представителей цивилизации высокого уровня.

4. Бытовые детали этнического самоопределения (черты «немецкого характера», язык, еда, национальная одежда, праздники и т.д.)

При общении с респондентами, нас очень интересовали вопросы о том, насколько групповая солидарность регулировалась сохранением или утратой этнических стереотипов на бытовом уровне. Были заданы вопросы: «Говорите ли по-немецки, говорили ли в вашей семье? Знаете ли немецкие песни и стихи (с детства или учили во взрослом возрасте)? Какие блюда немецкой национальной кухни умеете готовить? Что запомнилось из детства - что готовили мама, бабушка? Какие знаете немецкие праздники? Какие обычаи на праздники соблюдались в доме Ваших родителей? В Вашей семье носили на торжества или в быту национальную одежду?» Параллельно всегда шёл разговор о чертах немецкого характера в представлениях респондентов.

Если в 1939 г. в СССР немецкий язык в качестве родного назвали 95% немецкого населения, то в 1959 г., вскоре после снятия режима спецпоселения - 75%. В 1979 г. только 58% немцев назвали немецкий язык родным, притом, что и численность немцев в послевоенные годы уменьшилась[25].

Полученная информация показала, что около половины респондентов понимают немецкий язык. Почти все они говорили на нем в детстве в своих семьях, а некоторые даже учились в немецких школах. Переход на русский язык как язык повседневного общения произошёл в трагическое пятнадцатилетие 1941-1955 гг. Другая половина, не владеющая немецким языком, как правило, имела корни в больших городах, где нивелировка национальных черт в контексте космополитизма больших городов достигала высокого уровня.

Беседы с респондентами констатировали практическую утрату языка почти всеми респондентами (за исключением одной деревенской женщины из Пензенской области). «По-немецки нельзя было говорить. Но мы говорили по-немецки. До 13 лет я говорила по-немецки. После высылки каждую неделю ходили отмечаться в комендатуру. Не то, что говорить по-немецки - забудешь, как тебя зовут» (Тамара Ш., 74 года, о жизни в трудар-

мии в 1941-1944 гг. на шахте близ Караганды). «В 20-е, 30-е, 40-е годы дед, бабушка и мой отец с братом не могли дома в Москве говорить по-немецки. Время было такое, соседи бы донесли и их отправили в Сибирь» (Татьяна Л., 65 лет). «Во время войны, когда жили в Пензенской области, мама с братом говорили по-немецки между собой. В нашем селе, где жили репрессированные немцы, также и русские, и украинцы выучивались бытовому немецкому языку. Но у нас никто не пел немецкие песни, пели только «Катюшу». Тогда была такая обстановка - одни слёзы бесконечные» (Лидия Ц., 72 года). Сама респондентка еще в детском возрасте перешла на русский язык.

Однако, немецкий язык сохранялся в местах компактного проживания немцев, и главным образом, в Поволжье. Респонденты с поволжскими корнями, как правило, обучались русскому языку уже в подростковом возрасте, попав в ссылку в Сибирь. Однако лица из простых семей быстро теряли активное владение родным языком, оторвавшись от аутокультурной лингвистической среды. К тому же, как мы уже отмечали выше, целое поколение рождения 1930-х годов осталось без начального образования и только благодаря огромной силе воле уже в постсталинскую эпоху во взрослом возрасте смогло получить среднее образование и навыки профессии. «Я понимаю немецкий язык на 50%, но не говорю» (Александр Л., 65 лет). И, напротив, в более образованных семьях, язык и национальные традиции сохранялись, даже если семья была смешанной. «Когда мы были маленькими (речь идет о второй половине 1930-х гг.), мама сделала нам немецкую национальную одежду, такую, как она сама носила в детстве. С детства я помню множество немецких стихов и песен. Сейчас я не смогу сразу говорить, мой немецкий язык уже плохой. Надо побыть неделю в немецкой среде, чтобы заговорить» (Эльза С., 69 лет).

Анализ генеалогических данных показал, что преимущественно немецкие имена давались

детям до начала 1940-х гг. Были популярны имена: Иоганн, Якоб, Ирма, Оскар, Паулина, Оттилия, Альвина. На уровне послевоенных поколений у российских немцев немецкие имена вытесняются русскими (Сергей, Игорь, Наталья, Валерий, Ольга, Людмила) даже при сохранении немецкой фамилии.

Весьма значимым показателем национальной социокультурной традиции является еда. Общие характеристики немецкой кухни одинаковы у многих респондентов: «Немецкая еда - сытная, простая. Я очень люблю мясо с жареной картошкой» (Герман Р., 34 года). «Еда сытная, сохраняется вкус натуральных продуктов» (Эльза С., 69 лет). Многие респонденты назвали: Kreppele, Streuselkuchen, Krimmelkuchen, другие кондитерские изделия, полюбившиеся с детства.

«Из времен детства помню такие блюда: Kreppele (типа хвороста, из теста, испеченного в постном масле), Kraut mit Brei und Schweine Fleisch dabei (картофельное пюре с тушёной капустой и свиной), Geschwaemde Gaenz («плавающие гуси» - клёцки из манки в сладком яичном соусе)» (Константин К., 80 лет). Kuchen (пирог), бублики, всё печёное, Krehl, Strudel, Flinze (блинчики). Бабушка и мама всегда пекли пироги (из паслёна, из тыквы), варили сиропы из проросшей пшеницы, моркови» (Альвина Г., 82 года).

«Папа был немец, родом из Прибалтики, профессор в Саратовском университете, а мама-русская была политраблотником. До войны наша домработница готовила немецкие блюда: Kuchen, делала индейку. Папа любил пиво, и дома мы справляли праздник пива. Во время него прославляется пиво, поются песни о пиве. Продукты мы всегда покупали на немецком рынке в Саратове. Папа брал нас с собой и сам выбирал провизию, разговаривая с продавцами по-немецки. Помню до сих пор огромные круги топленого масла» (Эмилия М., 67 лет).

«Бабушка заваривала кофе чисто по-немецки. Каждое утро молола зерна на ручной мельнице, клала размолотый кофе в полотняный мешочек, который опускала в кофейник с кипящей водой. Потом кофе разливали и пили с молоком. Мешок этот ежедневно мылся и сушился» (Эмилия К., 69 лет).

В последние годы наблюдается возрождение интереса к национальной кухне. Некоторые из респондентов изучают немецкую книгу по кулинарным справочникам, другие вспоминают еду из своего детства, третьи учатся готовить у родственников. «В 1994 г. у нас была в гостях моя двоюродная сестра Ирма, которой 78 лет. Она умела готовить немецкие блюда

и научила этому нас с моей русской женой» (Константин К., 80 лет).

Из праздников почти все респонденты назвали Пасху и Рождество, то есть самые запоминающиеся для ребенка события года. «В Weihnachten приходил Дед-Мороз, а когда мы жили на Кавказе, даже медведь на цепи (кто-то переодевался в медведя). Мы сначала испугались, но нам сказали: медведь - хороший, учёный. Но самый лучший праздник - Пасха (Ostern). Мы раскрашивали яйца. В субботу шла генеральная уборка дома, а в воскресенье дедушки и бабушки собирались и пели по-немецки по церковным книгам. Высеивали траву (овёс) в коробке, и на Пасху среди травинки клали разноцветные яйца. Взрослые говорили: «Зайчик принес вам подарки» и мы находили в ботинках тетрадошки, карандаши, конфетки» (Лидия Ц., 72 года). «Из детства вспоминается Рождество и Пасха. Рождественская ёлка, Дед-Мороз, подарки, разные рождественские печенья. На Пасху - крашеные яички (иногда в миске с побегими ячменя), разноцветные пасхи. Декламрование рождественских стихов (часто из разукрашенных тетрадей времён юности моих родителей)» (Николай К., 77 лет).

Что касается национальной одежды, то ее применение носило, как правило, праздничный характер и более было распространено в деревне в районах компактного проживания немцев. Регулярное ношение национальной одежды по представлениям респондентов, было прекращено уже в конце 1920-х гг. Национальная одежда бережно сохранялась в семьях и часто передавалась от поколения к поколению. Однако, во время гонений сталинского периода национальные костюмы во многих семьях были утрачены вместе со всем остальным имуществом. В общем, представление о немецком национальном костюме имеют примерно 80% респондентов.

По нашему мнению, длительное функционирование немецкой культуры праздника фактически прервалось в период репрессий и гонений.

Из черт национального характера почти все респонденты назвали аккуратность и чистоплотность, трудолюбие, жизнелюбие. «Я всегда пунктуален» (Герман Р., 34 года). «Я всегда чувствовал в себе стремление к чистоплотности и культуре» (Александр Л., 65 лет). «Мои предки были очень трудолюбивые. У них были лари с пшеничной и ржаной мукой, с крупами. Они сами пекли хлеб. Я сама и в старости не могу сидеть на месте - всё умею делать» (Лидия Ц., 72 года).

Выводы

В исследовании были поставлены и решены две задачи.

Во-первых, используя широко применяемые в последние годы в социальных науках методы «устной истории» («oral history») собрать интервью с российскими немцами, ориентируясь,

главным образом, на опрос лиц пожилого возраста, переживших сталинскую эпоху. Эти интервью составляют фактографически ценный источниковый комплекс и содержат не только исторические сведения, но также оценки участников событий, что позволило

зафиксировать параметры национальной социокультурной традиции на протяжении нескольких десятилетий.

Во-вторых, эти материалы были систематизированы и проанализированы. Это позволило получить представление о содержании и структуре исторической памяти, выявить динамику самоидентификации российских немцев как этнической группы, позиция и маркировка которой в контексте истории советской системы несколько раз существенно изменялись на протяжении 70 лет, отражая внутри- и внешнеполитические катаклизмы эпохи.

Подводя итоги работы, необходимо обратить внимание ещё на ряд деталей.

Во-первых. Повышенный интерес к собственной генеалогии в среде российских немцев мы характеризовали бы как одно из условий кристаллизации этнического идентитета. Кстати, эта черта немецкого самосознания проявилась достаточно рано - среди колонистов Поволжья сбор воспоминаний о том, как они выезжали из Германии и устраивались на новом месте впервые массово был проведен еще в 1830 г. (по прошествии 70 лет жизни в России) по почину одного из колонистов[26].

Во-вторых. Жизнь немецких династий в предвоенный период, во время и после войны регламентировалась законодательными актами советского правительства в отношении немцев. (Правовые ограничения немецкого населения в послевоенный период устранялись весьма постепенно - указом от 13 декабря 1955 г., отменившим систему спецпоселений, и указом от 29 августа 1964 г. о реабилитации народов, незаконно осужденных в сталинский период. Но окончательно только в 1972 г. с немцев были сняты ограничения в выборе места жительства). Синхронизация материалов интервью с динамикой законодательства позволила уточнить картину политического, а также и общественного, контекста процесса этнической самоидентификации.

В-третьих. В ходе опроса и анализа полученных сведений респонденты явственно сформировались в две группы.

Первая группа - лица, сохранившие в 1940-х гг. свой прежний «устойчивый» социальный статус (и, прежде всего московскую прописку), путём изменения немецкой национальности в паспорте на русскую. Для этой группы характерно значительное культурное «обрусение» - в семьях уже говорили по-русски, а в быту и образе жизни (чаще всего из-за многочисленных переездов в голодные годы гражданской войны и в 20-е годы) не оставалось никаких материальных признаков принадлежности к немцам - не было оставшейся от предков мебели и других вещей, не было принято употребление специфических блюд немецкой кухни, и главное, в семьях не говорили по-русски, хотя еще родители, чья большая часть жизни прошла до Октябрьской революции имели в домашних библиотеках и читали немецкие книги. Лица первой группы если и подвергались репрессиям, то только

как представители «бывших» (то есть, лиц, принадлежавших к дворянству, купечеству или дореволюционной интеллигенции - Г.У.).

Вторая группа - лица из немецких территориальных автономий, не менявшие национальности и впоследствии подвергнувшиеся репрессиям (как правило, во время войны сосланные на трудовой фронт). Как известно, и как явствует из интервью с респондентами, именно в районах компактного проживания, немецкий образ жизни консервировался как лингвистически, так и в бытовом смысле. В годы сталинских репрессий судьба лиц второй группы сложилась трагически, они пострадали почти поголовно. В результате одна из респонденток характеризует представителей немецкой национальности как людей «на 90% забитых», которые «боялись преследований по этническому признаку, стеснялись своих немецких имен» (Ида Ш., 71 год). Но это, на наш взгляд не совсем верно. Даже несмотря на значительную утрату языка и культурных традиций, чувство «немецкости» было развито у лиц этой группы в наивысшей степени, что проявлялось в постоянной тяге к корням. «Отец всегда мечтал когда-нибудь вернуться в Германию. В годы репрессий он никогда не говорил об этом, но когда в 1971 г. перед его смертью я был у него в Казахстане, где он жил недалеко от Алма-Аты, он сказал мне: «Хотелось бы вернуться в Германию, где жили мои предки» (Александр Л., 65 лет). Идентификация себя в качестве немцев в годы сталинского террора ушла внутрь, духовно приняла затаённые формы, одновременно чётко проявляясь на поведенческом уровне в виде оппозиции «мы (немцы) - они (все остальные)».

В период 2-й мировой войны лица из первой группы хотели бороться с фашизмом в рядах Красной Армии. Но даже если им удавалось попасть на фронт, то впоследствии, в конце войны и после войны оставшихся в живых членов их семей всё равно ссылали в Сибирь, идентифицировав их либо как немцев, либо как «бывших».

Интересна проблема взаимоотношения обеих вышеназванных групп.

В отзывах второй группы о представителях первой «обрусевшей» очевиден компонент сильной неприязни. Судьбы развела их на разные этажи социальной иерархии. В результате даже сформировалось устойчивое представление о том, что уцелевшие в ходе репрессий немцы чуть ли не поголовно «работали на органы» - их советское «я» подавляло их немецкий идентитет. Это подтверждается и интервью с наиболее консервативными представителями первой группы, которые, привыкнув держать язык за зубами по любым конфликтным вопросам советского строя и не упоминать о своих этнических корнях, говорят «мы - русские» (Владимир, 83 года). На вопрос «А кто по национальности был Ваш отец?», шёл ответ: «Немец». «А мать?». Ответ: «Немка». «А Вы?». Ответ: «А я русский». Глава другой немецкой семьи, профессор А.В. даже дочерям не говорил о своем происхождении.

Только за 3 года до смерти (это было в начале 1990-х гг.) он рассказал, как тяжело было ему с нерусским именем и фамилией делать свою карьеру. Уже в середине 1990-х гг. после поездки в ФРГ дочери узнали, что принадлежат к старому и именитому немецкому роду.

Представители второй группы, напротив твердо держались своих национальных традиций. «Я родилась немкой и хочу остаться немкой. Я не меняла ни национальности, ни фамилии. Я выросла при советском строе. Мы верны этому строю» (Ида Ш., 71 год). «По паспорту я всегда была немкой. Отец-русский погиб на фронте. Мы всю войну скрывались у немецкой бабушки в Уфе. Вернулись в Москву с матерью-немкой в 1945 г. Мы не скрывали, что мы немцы» (Эльвира В., 64 года).

В-четвертых. Весьма продуктивными стали интервью, полученные от лиц, родившихся после отмены режима спецпоселений (то есть моложе 45 лет). Более раскованные и менее скрытные эти респонденты проявили повышенное стремление к самоанализу. Именно сопоставление ответов пожилой и молодой групп позволило прийти к выводу о том, что во второй половине 1990-х гг. среди всех российских немцев происходит преодоление самоощущения «изгойства». И по сей день наблюдается позитивный процесс высвобождения национального самосознания из оков жёсткой этнонациональной иерархии советского периода, когда представители нетитульной нации предпочитали молчать о своей этнической принадлежности.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СПИСОК РЕСПОНДЕНТОВ:

1. Владимир К., возраст 83 года (предки в России с 1789 г., вначале в Дерпте, затем в Николаеве, в Москве с 1860-х гг.),
2. Альвина Г., 82 года (предки из Поволжья, после высылки жили в Казахстане, Киргизии, с 1985 г. в Пензенской обл.),
3. Константин К., 80 лет (родом из Поволжья, где предки жили с 1764 г., с 1941 г. в Сибири - в Омской и Новосибирской обл., с 1967 г. в Москве, с 1997 г. в Германии),
4. Николай К., возраст 77 лет (родом из меннонитского поселения с Украины, где предки жили, по крайней мере, с середины XIX в., в ссылке в Якутии, после 1954 г. в Казахстане, с 1976 г. в Германии),
5. Ирина К., 76 лет (предки в России с 1789 г., вначале в Дерпте, затем в Николаеве, в Поволжье, в Москве с 1930-х гг.),
6. Тамара Ш., 74 года (предки жили в Самаре с XIX в., в Москве с 1960-х гг.),
7. Лидия Ц., 72 года (предки из Поволжья, из Саратовской обл., с 1930-х жили на Кавказе, потом в Казахстане, в Пензенской обл., с конца 1940-х гг. в Москве),
8. Ида Ш., 71 год (предки в России с 1767 г., в Поволжье, с начала 20 в. представители семьи служили в Москве, но большинство оставалось жить в Марксштадте, с 1957 г. в Москве),
9. Елена Б., 71 год (предки из Поволжья, с 1941 г. в ссылке в Красноярском крае, с 1976 г. в Подмосковье),
- 10-11. Светлана и Людмила Г., 70 лет (предки, видимо с Юга России, в 1920-х гг. до 1937 г. - в Овруче на Волыни, после в Калужской обл., в Москве с 1970-х гг.),
12. Эльза С., 69 лет (предки из Поволжья, с 1930-х в Мариуполе, с 1980-х в Подмосковье, с 1990-х - в Москве),
13. Эмилия К., 69 лет (предки из Поволжья, с 1930-х в Москве),
14. Эмилия М., 67 лет (из прибалтийских немцев, в 1920-30-х гг. в Поволжье, в Москве с 1946 г.),
15. Инна Б., 67 лет (прадед в Москве с 1880-х гг.),
16. Александр Л., 65 лет (предки из Поволжья, с 1941 г. в ссылке в Сибири, с 1966 в Бердянске, с 1973 в Орле, с 1998 г. в Москве),
17. Татьяна Л., 65 лет (предки в России с 1803 г., с самого начала жили в Москве, в немецкой колонии в Лефортове),
18. Эльвира В., 64 года (предки в России со 2-й пол. XVIII в., жили в Поволжье, в Москве с 1920-х гг.),
19. Элеонора Я., 63 года (предки из Екатерининских переселенцев, жили в Запорожье, в 1942 г. уехали в Германию, где жили до 1950 г., потом вернулись в СССР, были репрессированы, с 1954 г. в Туле, с начала 1960-х в Москве, с 1996 г. гражданка ФРГ, но постоянно живет в Москве),
20. Марина Г., 58 лет (предполагает, что предки из екатерининских колонистов, сама знает историю до прадеда, в Москве с 1900-х гг.),
21. Татьяна Ш., 58 лет (предки жили в Одесской обл., в Москве с 1960-х гг.),
22. Гуго В., 56 лет (предки в России с 1764 г., в Поволжье, в ссылке в Томске, с 1970-х в Москве),
23. Владимир М., 53 года (предки в России со 2-й пол. XVIII в., жили в Бессарабии, потом в Одессе, откуда высланы в Сибирь, после войны в Казахстане, с 1960 г. в Москве),
24. Наталья В., 48 лет (предки из остзейских немцев, с 1950-х гг. в Москве),
25. Мария К., 43 года, дочь № 4 (предки - меннониты с Украины, где жили, по крайней мере, с середины XIX в., после 1954 г. родители жили в Казахстане, с 1976 г. в Германии),

26. Татьяна Р., 42 года (предки из екатерининских колонистов, жили в Поволжье, в 1950-х гг. - в Киргизии, с 1988 г. в Москве),

27. Герман Р., 34 года (предки в России с конца XVIII в., жили в Поволжье, в ссылке в Новосибирской обл., с 1956 г. в Бийске на Алтае, с конца 1980-х гг., после окончания университета, - в Москве).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ОПРОСНИК АНКЕТЫ.

1. Фамилия, имя, отчество, год рождения
2. Профессия
3. Кто из Ваших предков был немецкого происхождения?
4. С какого времени Ваши предки живут в России?
5. Где в Германии, а потом в России жили Ваши предки, дедушки и бабушки, родители?
6. Откуда Вы знаете о предках?
7. Интересуетесь ли Вы своей родословной? Составляли Вы генеалогическое древо?
8. Когда (в каком году) Вы начали интересоваться историей Вашей династии?
9. Какова Ваша (и Ваших родителей) национальность по паспорту?
10. Когда-нибудь Вы стеснялись, что не принадлежите к основной, русской нации? В каких ситуациях это проявлялось? Более в детском возрасте или также во взрослом?
11. Когда (в каком году) перестали стесняться, что Вы немецкой национальности?
12. До войны Вы учились в русской или немецкой школе?
13. Говорите ли Вы по-немецки? Родители? Бабушка и дедушка?
14. Сейчас Вы учите немецкий язык?
15. А песни немецкие Вы знаете? Какие?
16. Вы учили песни (и стихи) сами или их слышали в семье, будучи ребенком?
17. Стихи? Какие?
18. Какие блюда немецкой национальной кухни Вы знаете и умеете готовить? Что запомнилось из детства - что готовили мама, бабушка?
19. В детстве Вы посещали церковь? Лютеранин, католик или православный (атеист)? Сейчас посещаете? Что привлекает в богослужении - проповедь, песнопения, поведение людей во время службы, их согласие?
20. Какие Вы знаете немецкие праздники? Какие обычаи на праздники соблюдались в доме Ваших родителей?
21. Кто-нибудь носил на торжества или в быту национальную одежду?
22. Где Вы жили (были) во время Великой Отечественной войны? Кто уцелел из Вашей семьи?
23. Ваша семья подверглась депортации после 28 августа 1941 г.?
24. Вы были в трудармии? Сколько времени? Где территориально?
25. Что помогло Вам выжить в жестоких условиях трудового лагеря? Какие черты характера?
26. Когда, по Вашему мнению, Вы смогли вернуться к нормальной жизни - после указа от 13 декабря 1955 г. (отменившего систему спецпоселений) или после 1972 г., когда с немцев были сняты ограничения в выборе места жительства?
27. Пожалуйста, припомните 2-3 каких-нибудь интересных случая из Вашей жизни.

[1] Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства о попытках преобразования деревни в XX веке // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). С.238. См.: Её же. Социальная память русского крестьянства в XX веке // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С.386-404.

[2] В ходе опросов в 1997-1999 гг. было интервьюировано 27 человек (список респондентов приведен в конце статьи). Большинство из респондентов сейчас постоянно проживает в Москве. Единичные интервью получены также от лиц, живущих в провинции, а также эмигрировавших в 1990-х гг. в ФРГ.

[3] Уже в процессе подготовки статьи к публикации вышла интересная монография, где затронуты близкие проблемы, и где авторский подход - «идти к пониманию прошлого через детализированную, углублённую реконструкцию разных «отрезков» (или «срезов»?) истории и конкретных ситуаций», то есть, используя метод биографической реконструкции, - во многом совпадает с нашим. См.: Журавлёв С. «Маленькие люди» и «Большая история». Иностранцы московского Электроставского завода в советском обществе 1920-х - 1930-х гг. М., 2000. С.9.

[4] По мнению исследователей термин «русские немцы» (ранее «советские немцы»), который мы будем использовать в данной статье, появился в политической практике и стал применяться в литературе во второй половине 1980-х гг., когда, по словам И.Р. Плева, «активизировалось движение за национальное возрождение, полную политическую реабилитацию и воссоздание ликвидированной автономии на Волге» (См.: Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. М., 2000. С.8).

[5] Опросник анкеты приведен в конце статьи.

[6] В 1764-1770 гг. было создано 117 немецких колоний, главным, образом в Поволжье. Поселенцы прибывали преимущественно из Пруссии, наиболее экономически разорённой в результате Семилетней войны. В 1800-1850 гг. было основано еще 218 поселений. К 1870 г. в России насчитывалось 508 иностранных колоний, в основном, немецких, а число граждан немецкой национальности к 1908 г. составило 2 млн. 70 тыс. чел., из которых 387 тыс. чел. проживали в Саратовской и Самарской губерниях. Царское правительство щедро субсидировало колонистов. См.: История российских немцев в документах (1763-1992). Составители: Ауман В.А., Чеботарева В.Г. М., 1993. С.7.

[7] См.: Горобцова Е.А. Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX-XX вв.). Каталог [коллекции Саратовского областного музея краеведения]. М., 1998. С.6.

[8] См.: История российских немцев в документах (1763-1992). С.75-76, 163.

[9] Список фабрик и заводов Российской Империи. СПб., 1910. С.784, 1013.

[10] Подробно историю династии Кнорре см. в моей статье: Ульянова Г.Н. Немцы-инженеры в Москве // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М., 1997. С.177-197.

[11] См.: Русский биографический словарь. Т.9. СПб., 1903. С.2-3.

[12] Установлено нами по изд.: Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. С.378-382.

[13] Там же. С.378.

[14] Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918-1941 гг. М., 1999. С.236.

[15] См.: Там же. С.254-255, 261.

[16] Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е - 1930-е годы. М., 1998. С.119.

[17] Там же. С.151-152.

[18] История российских немцев в документах (1763-1992). С.156.

[19] «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ... И. Сталин». Сборник документов (1940-е годы). Составитель: Бугай Н.Ф. М., 1998. С.19, 21.

[20] История российских немцев в документах (1763-1992). С.9.

[21] Там же. С.175-176.

[22] Там же. С.177.

[23] Вольтер Г.А. Зона полного покоя. М., 1991. С.150-151.

[24] Цифра приведена по изд.: Вольтер Г.А. Зона полного покоя. С.150.

[25] Там же. С.151.

[26] См.: Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. С.25.

Miller. Ответить

Готлибович: Привет всем! Хотелось бы узнать о своих предках и о родственниках со стороны отца. К сожалению, у меня очень мало информации, постараюсь выдать всё что мне известно: дед, Миллер Гейнрих Андреевич, род. в 1896, умер 1926 с.Розенфельд Саратовская обл.; бабушка Миллер Мария (дев. не знаю).Отец Миллер Готлиб Гейнрихович род. 7.5.1917 года, село Розовое (Розенфельд) Советского района, Саратовской обл.призван в ряды РККА 1939 году.

С 1942 года по 1945 труд. армия в Челябинской обл. и т.д., работал в Копейскуголь, мама Миллер(дев.Вульферт) Берта Эдуардовна. Дети Володя, Лида, Ира родились в Копейске. После 1956 уехали в Северо- Каз.обл.жили в совх. Пресновском.Пресновского района, Северо-Каз.обл., там я и родился, Миллер Виктор,1августа 1957.

По словам старшего брата там жил брат отца Миллер Андрей,у них была большая семья. Он помнит только Андрея и Веру. У наших родителей были друзья по фам. Кульман. Потом мы уехали в Омскую область. Папа был весёлым играл на баяне, это всё я помню больше со слов мамы ,брата и сестёр. Да, позже нашли мы сестру моего отца Савельеву (Миллер) Эмму.

Даниил Пашов

СУДЬБЫ МОИХ ПРЕДКОВ

Пашов Даниил Александрович, МБОУ «Акбулакская средняя общеобразовательная школа № 1 Акбулакского района Оренбургской области», 7 «А» класс, п. Акбулак Оренбургской области

Игнатьева Ольга Константиновна, учитель истории и обществознания МБОУ «Акбулакская средняя общеобразовательная школа № 1 Акбулакского района Оренбургской области»

Введение

Сегодня много говорят о патриотизме, т.е. о любви к Родине. На мой взгляд, любовь к Родине не зависит от того, красивы ли реки, поля и луга, богата ли она или бедна. Людям свойственно относиться к Родине как к родной матери. Не случайно можно увидеть, как схожи слова Родина, родня, родители, родить... Мне кажется, эта любовь будет проявляться ярче, если мы будем знать о Родине, как о своей семье.

Так уж повелось в нашей семье, что мы очень часто говорим о наших родных: кем они были, где жили, чем занимались. Когда я услышал, что мои родители не коренные жители нашего поселка, а бабушка и дедушка мамы были репрессированы, я стал интересоваться: что такое «репрессия» и почему это произошло с моими родными. Так появилась тема моей работы «Судьбы моих предков».

Исследование истории нашей семьи было начато моими братом и сестрой Мостовыми Глебом и Анной. Они акцентировали внимание на истории семей Глебовых и Поволоцких. Мы в своём исследовании будем рассматривать судьбы предков по линии Шенбергер, Плетцер и Грауле.

Судьбы Плетцер и Грауле

Немцы Санкт-Петербурга - особая и яркая страница российской истории. Первые выходцы из Германии появились на берегах Невы уже в самом начале XVIII в. - одновременно с основанием города. Постепенно в Петербурге сложилась многочисленная и разноликая немецкая колония - этнокультурная общность людей, объединенных языком и традициями. К началу XX в. Петербургская немецкая община насчитывает более 50 000 человек. Среди них и мои предки - семья Плетцер и Грауле. Нам не известно когда они прибыли в Петербург, но в Адресной и справочной книге «Весь Петербург» за 1926 и 1927 года указан точный адрес Кондрата Кондратьевича и Дарьи Плетцер (Приложение 1): село Смоленское, улица Карловская, дом 6. Село Смоленское - это историческое название местности на территории Невской заставы, а улица Карловская, это ныне улица Пинегина. [11]

Осваиваясь в России, немецкая семья сохраняет свой особый жизненный уклад. Для большинства русских немцы олицетворяют собой надежность, прочность, уют. В разговорку входят такие отличительные качества немцев, как аккуратность и трудолюбие. Живые образы немцев в русской литературе запечатлели А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь. И.А. Гончаров и др. Н. С. Лесков в повести «Островитяне» характеризует петербургского немца следующими словами: «Пунктуально верный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный». [10]

В семье Кондрата и Дарьи Плетцер было трое девочек: Екатерина, Роза и Елизавета (1909 г.р). (приложение 2)

Елизавета Кондратьевна вышла замуж за Фридриха Грауле (приложение 3). Фридрих Грауле был большевиком, участником парадов на Красной площади, работал в Ленинграде на оборонном заводе «Большевик». 7 ноября 1935 года он получил благодарность за участие в параде на Красной площади.

Годы правления в СССР И.В.Сталина известны как годы массовых репрессий и террора. Репрессии не обошли и нашу семью. В марте 1936 года Фридриха арестовали в ходе операции по «ликвидации немецких контингентов, работающих на оборонных предприятиях». [9] Семью вместе с маленькими детьми: Валентиной (1931) и Юрием выслали из Ленинграда в 24 часа. После долгого пути, семья Грауле вышла на станции Акбулак.

Во время Великой Отечественной войны бабушке Вале пришлось девчонкой - подростком работать на тяжелых работах, пасти скот. Во время Великой Отечественной войны Елизавете Кондратьевне пришла весть от мужа, он был еще жив. Брата Юрия перед войной бабушка Дарья забрала к себе в Ленинград, его под бомбежками эвакуировали вместе с детским домом, успели вывезти до блокады. Екатерина Кондратьевна (сестра Елизаветы) привезла его в Акбулак. [2]

Кондрата и Дарью в 1942 году по «дороге жизни» вывезли на Большую землю, они приехали в с. Казанку в поезде с эвакуированными детьми блокадного Ленинграда, они выхаживали их по дороге. После войны Елизавету Кондратьевну с детьми отправили еще дальше, в Казалинск.

Таким образом, мои предки - представители петербургской немецкой общины были выселены из города на Неве и оказались вынуждены обживать в наших приилекских степях.

Судьба Шенбергер

Годы Великой Отечественной войны для СССР ознаменовались не только беспримерным напряжением сил в смертельной, но победной схватке с агрессором, но и целой серией актов несправедливости, дискриминации и репрессий по отношению к части собственного населения. Классический пример - так называемые наказанные народы. Официальной версией применения к ним тотальных депортаций являлось или возмездие за совершенное ими «предательство», или избавление их от соблазна его совершения. Приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является серьезным и бесспорным преступлением против человечности. [6]

28 августа 2011 года исполнилось 70 лет со дня издания Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Но немцы Поволжья оказались далеко не единственными, подвергшимися депортации. К концу 1941 года подобная участь постигла практически всех

немцев, проживавших в Европейской части СССР (приложение 4). [4]

Семья Александра и Пелагеи Шенбергер проживала в селе Озерки Товарково-Угольного района Московской области. В сентябре 1941 года в соответствии с постановлением ГКО №636 все были депортированы в город Казалинск в Казахстан.

Механизм депортации был следующий. Предварительно органы НКВД проводили учёт всего немецкого населения, проживающего в зоне предстоящего выселения, полученные результаты докладывались в Наркомат. Далее, на имя И. Сталина направлялась докладная записка за подписью Наркома внутренних дел Л. Берии, в которой указывалось общее количе-

ство немцев, проживающих в зоне выселения, численность «антисоветского элемента» и предложение об его аресте, порядок переселения немцев на новые места. К записке прилагался проект постановления Государственного Комитета Обороны с конкретными указаниями по проведению переселения. После подписания И. Сталиным постановление приобретало силу закона и подлежало немедленному исполнению, которое возлагалось на органы НКВД. Следом за постановлением Л. Берия издавал приказ по своему ведомству, где определялись конкретные мероприятия, обеспечивавшие претворение в жизнь решения ГКО (см. таблицу 1). [3]

Таблица 1

Депортация немцев из европейской части Советского Союза, осуществлявшаяся на основе постановлений ГКО СССР

Республики, края и области, откуда выселялись немцы	Номера постановлений ГКО СССР и даты их принятия
Москва, Московская и Ростовская области	№ 636 от 6 сентября 1941 г.
Тульская обл., Краснодарский и Орджоникидзевский края, Северо-Осетинская и Кабардино-Балкарская АССР	№ 698 от 21 сентября 1941 г.
Запорожская, Ворошиловградская и Сталинская области Украинской ССР	№ 702 от 22 сентября 1941 г.
Воронежская область	№ 743 от 8 октября 1941 г.
Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР	№ 744 от 8 октября 1941 г.
Дагестанская и Чечено-Ингушская	АССР № 827 от 22 октября 1941 г.

Расселение депортированных немцев проводилось посемейно. В каждый район направлялось определенное число семей, которое, в свою очередь, далее дробилось ещё по селам и колхозам. [5] Таким образом, вся большая семья Шенбергер - родители Александр и Пелагея и дети Александр, Эмма, Полина, Анна, Фридрих, Лидия, Ирина и Николай (1924 г. р.) - была размещена в Казалинске. Отдельное жилье немецким семьям в местах вселения, за редким исключением, не предоставлялось; «уплотняли» семьи местных жителей за счет вселения к ним под крышу.

Прадедушка Коля вспоминал как их и других немцев погрузили в грузовичок и привезли к огромному составу. Составы не были предназначены для перевозки людей - поэтому путь оказался очень тяжёлым. Везли их очень медленно, на каждом полустанке останавливались. С собой брать разрешили только личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь и продовольствие на один месяц. [1]

Отдельным вопросом для властей в связи с депортацией советских немцев стало использование их трудовых ресурсов. «Ответом» на него стала трудовая мобилизация немцев и формирование из них на время войны рабочих колонн, или Трудовой армии. Ее «бойцы» призывались (мобилизовывались) через военкоматы и направлялись в районы, как правило, весьма удаленные от мест учета их семей на

спецпоселении.[6]

Трудармия коснулась и семьи Шенбергер. Дети Александра и Пелагеи - Александр и Эмма были мобилизованы в 1942 году. В двух первых наборах в Трудармию (январском и февральском 1942 года) речь шла исключительно о мужчинах призывного возраста - от 17 до 50 лет (в первом случае - о депортированных, а во втором - о местных), а в третьем (октябрьском) - и о женщинах от 16 до 45 лет, кроме беременных или имеющих малолетних (до трех лет) детей. За неявку по мобилизации, отказ от работы или саботаж карали сурово, вплоть до расстрела. Александр был отправлен в Челябинск, а Эмма трудилась в спецпоселениях Казахстана.

Режим содержания мало чем отличался от гулаговского (колючая проволока, вышки, поверки, горячая еда дважды в день, один выходной за 10 дней), правда, на работу и с работы выводили без конвоя. Трудармеец обязывался отрабатывать себестоимость своего содержания, остальное (если, конечно, было что) копилось на его личном счету.[4]

Николай Шенбергер, приехав в Казалинск, сразу устроился на работу. Прадед стал работать на обувной фабрике, где его обучили шить обувь. Впоследствии в Акбулаке его тапочки славились своей прочностью и качеством.

На швейной фабрике он познакомился с Валентиной Грауле. (приложение 4) У них образовалась крепкая и дружная семья, в кото-

рой родились трое сыновей: Юрий (1951 г.р.), Анатолий и Геннадий. (приложение 5) [2]

В 1956 г. были сделаны первые шаги к реабилитации целого народа. Семья Шенбергер приехала в Акбулак, построили дом, оба работали в детском доме: Валентина - нянечкой, а Николай - завхозом. Вырастили сыновей, помогали растить внуков и правнуков. Они учили нас верить в добро и справедливость, хотя жизнь не всегда к ним была справедлива. Валентина и Николай помнили только добро и были благодарны жизни за то, что она им давала. Часто беседовали с внуками, рассказывали о своей нелегкой жизни.

Таким образом, проведя своё исследование, я выяснил:

- предки по линии Плетцер и Грауле являются выходцами из петербургской немецкой общины, а семья Шенбергер - уроженцы Московской области;

- предки немецкого происхождения Плетцер, Грауле и Шенбергер подверглись репрессиям и насильственной депортации в страшные для нашей страны годы.

Заключение

В результате исследования, мы проанализировали воспоминания родственников, архивные документы и литературу по данному вопросу. Особую помощь нам оказали фото и документы, хранящиеся в семейном архиве Ю.Н.Шенбергер. Нам удалось проследить судьбу предков по линии мамы, а именно семей Плетцер, Грауле и Шенбергер и сопоставить её с историей нашей страны.

Это лишь небольшая часть истории моей семьи, много еще неизвестного, есть над чем поработать, хочется узнать больше. Считаю, что стыдно не знать историю своей семьи, своего народа, своей страны, в которой ты живёшь.

Я думаю, говорить о любви к Родине можно много, но положение изменится только тогда,

когда люди будут чувствовать реальную связь с историей страны, знать прошлое своей семьи, отношение своих предков к жизни, к Родине. Порой, изучая историю в школе, возникает ощущение, будто речь идёт о чём-то далёком и чужом, а хочется увидеть в ней и судьбы своих предков.

Тогда ниточка, соединяющая поколения, не оборвётся, а любовь к Родине не нужно будет воспитывать - она будет «впитываться с молоком матери».

Подтверждение своим мыслям нахожу в словах русского поэта А.С.Пушкина: «Знать историю своего народа не только можно, но и должно. Не уважать оное есть постыдное малодушие...»

Список литературы и источников.

Воспоминания. Шенбергер Н.А. 1924 г.р. посёлок Акбулак Оренбургской области.

Воспоминания. Шенбергер Ю.Н. 1961 г.р. посёлок Акбулак Оренбургской области.

ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 83, л. 205. Подлинник

Полян П. «Выселить с треском» - газета «Московские новости» от 03.08.2011

Чернышова В.Г. Депортация немцев Поволжья в годы Великой Отечественной войны. - Материалы научно-практической конференции «Ссылка на юге Енисейской губернии», 1997.

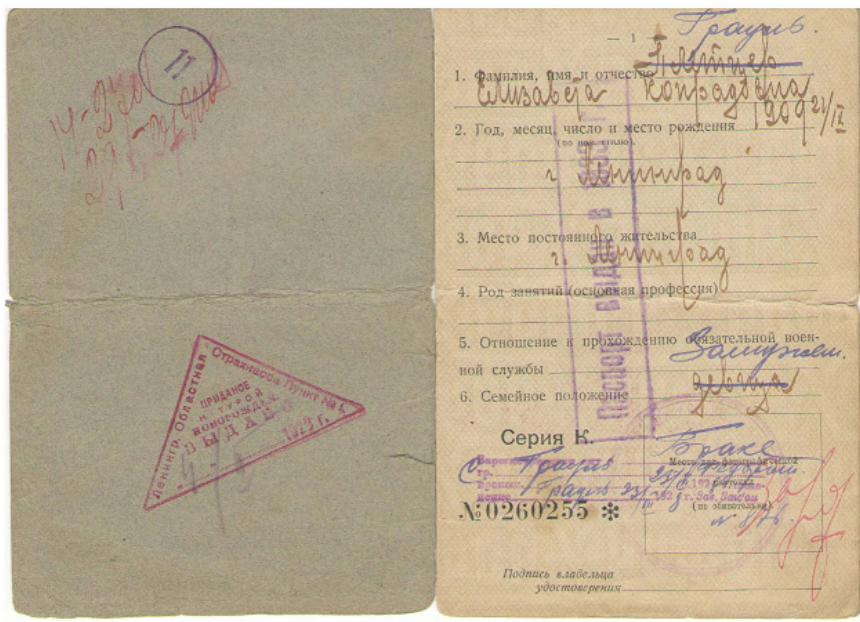
Герман А.А. Депортация советских немцев из Европейской части СССР осенью 941 года. - Саратов. Материалы международной научно-практической конференции «Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет», 2011.

<http://www.mn.ru/>
<http://www.allaces.ru>
<http://www.lists.memo.ru>
<http://ru.wikipedia.org>
<http://www.forum.vgd.ru>

Приложение 1

Фото Кондрата и Дарьи Плетцер. Фото сделано в начале XX века в Петербурге. Фото хранится в архиве Ю.Н.Шенбергера

Приложение 2

Удостоверение личности Елизаветы Кондратьевны Грауле (Плетцер), выданное в 1927 году. Храниться в семейном архиве Шенбергер Ю.Н.

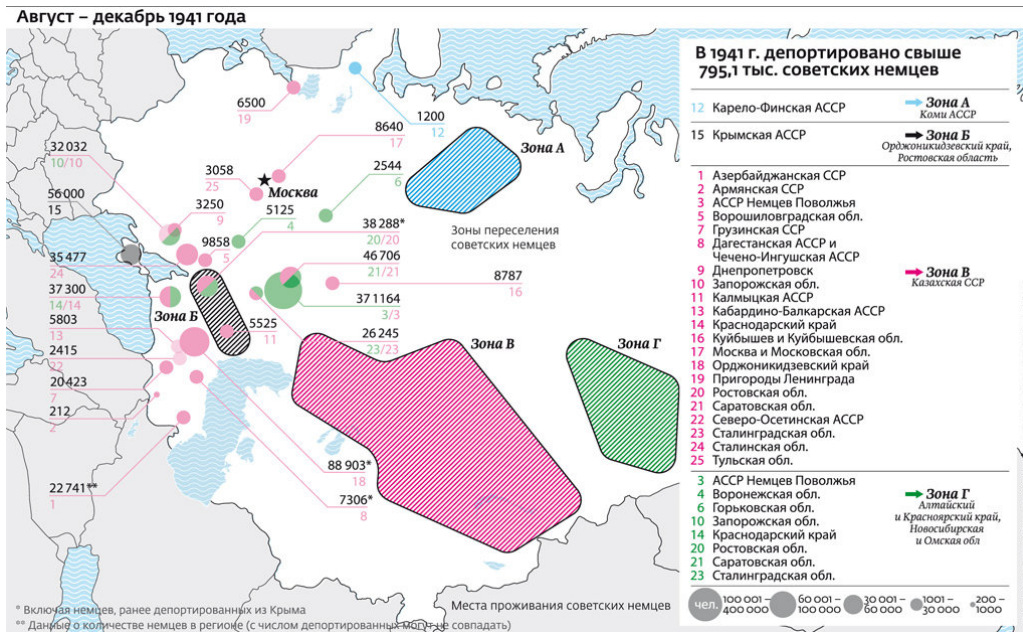
Приложение 3

Фотография Фридриха Грауле. Фото хранится в архиве Ю.Н.Шенбергера

Приложение 4

Карта переселения немцев из центральных регионов. Розовым цветом изображены районы Сибири и Казахстана, куда переселяли немцев из Москвы и других регионов СССР.

Приложение 5

Фото Николая Шенбергер и Валентины (Грауле) Шенбергер.
Фото хранится в архиве Ю.Н.Шенбергера.

Приложение 6

**Фото Николая Шенбергер и Валентины (Грауле) Шенбергер.
Внизу Елизавета Кондратьевна Грауле с внуками: Юрием и Анатолием.
Фото хранится в архиве Ю.Н.Шенбергера.**

Глоссарий

Репрессии - (лат. repressio- подавление, угнетение) - наказание, карательная мера, применяемая государственными органами с целью защиты и сохранения существующего строя. Любые репрессии являются проявлением политического насилия.

Петербургская немецкая община - этнокультурная общность людей, объединенных языком и традициями.

Террор - (лат. terror - страх, ужас) - устрашение своих политических противников или населения, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения. Террором также называется угроза физической расправы по политическим или каким-либо иным мотивам, либо запугивание с угрозой расправы или убийства. Проявлением террора являются репрессии.

Эвакуация - комплекс мероприятий по организованному вывозу (выводу) из городов предприятий и организаций, прекративших свою работу в условиях чрезвычайной ситуации, а также населения.

Дискриминация - нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, взглядов и т.д.

Депортация - насильственное переселение

НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) - центральный орган государственного управления СССР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка в 1934-1946 годах.

Трудармия (Трудовая армия) - неофициальное подразделение, куда в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. призывалось для выполнения принудительной трудовой повинности немецкое население.

Спеспоселение - места для проживания депортированного населения либо людей, репрессированных без судебного разбирательства.

Саботаж - сознательное неисполнение или небрежное исполнение определённых обязанностей.

ГУЛАг (Генеральное управление лагерей и мест заключения) - подразделение НКВД СССР, МВД СССР, Министерства юстиции СССР, осуществлявшее руководство мест массового принудительного заключения и содержания в 1934-1960 годах

ПРОСТОРЫ ИНТЕРНЕТА

Olga Star

ст. Тбилисская Краснодарского края
Доброй ночи, форумчане! Получила ответ из ИЦ МВД Челябинской обл. с копиями из дела на спецпоселенцев (репрессированы по нац. признаку). Возник ряд вопросов.

Прабабушка: В автобиографии есть данные «В 1941 году нас эвакуировали на Кавказ (прим. - жили в с.Темеш Сакского р-на) в Орджоникидзевский край (прим. - сейчас это Ставропольский край), а оттуда в Кустанайскую обл.» А в архивной справке об эвакуации на Кавказ нет и слова. Вопрос - может ли быть что-то из документов там в Ставрополе?

Если в местах спецпоселения она работала в колхозах и совхозах - может ли что-либо о ней отложиться в архивах предприятий? И тогда это запрос в обл. и край. архивы или районные?

Прадед: Работал на строительстве № 247 МВД СССР, на учете до 20.09. 1951 г. А в автобиографии бабушки написано что на стройке Челябметаллургстроя работал до 1946 г, потом переселен в Кыштым. Путаница?

Из архива Челябинска (ОГАЧО) мне прислали копию карточки спецпоселенца где четко виден совершенно другой год рождения не 1908 как у него, а 1921, и другое место рождения! Хотя в сопроводительной справке год рождения указан верно-1908. Остальные данные с копии карточки о переселениях его совпадают с известными мне. На повторный запрос ответили, что человека другого с таким ФИО в картотеке нет. В книгах памяти ЧМС он не значится вообще.

В анкете дочери указан на спецпоселении

Челябинск -40 (анкета от 15 марта 1954 г), хотя в это время он уже д.б.в г. Ленинабаде Таджикской ССР (на основании распоряжения МГБ СССР № 838 от 02.08.1951- согласно архивной справке на него, которая составлена на основании архивной карточки спецпоселенца). В то время как архивные справки на других членов семьи составлены на основании архивных дел. А в анкете сына- вообще не указан!

Отсюда вопросы: архивное дело на него должно быть в Таджикистане? Что это за распоряжение № 838?

Брат бабушки: есть его запрос на разрешение на выезд в г.Челябинск чтобы устроиться на тракторный завод. Названия завода нет. Какой это м.б. завод?

Просила описать дела, максимально полную копию и условия ознакомления по месту жительства. Прислали только автобиографии и анкеты. Пару заявлений, разрешений на выезд, 1 копию фото. И все! Видно по копиям что странички закрыты. На одной из копий просматривается слово «секретно». Могут ли выслать само дело для ознакомления, если повторно запросить? Или только по месту?

В Казахстан написала - ответа пока нет.

Есть ли смысл написать еще в Ставропольский край, и в Крым (по месту жительства до выселения)?

Простите за нагромождение.

**Нелли Третьякова,
зам. руководителя ЦНК имени братьев Лангерфельд,
г. Волгоград**

1. ПАМЯТЬ ЖИВА

Трагическая история российских немцев долгие годы была засекречена. И лишь в 90-х годах прошлого столетия стала понемногу открываться завеса тайных деяний политического режима. Мы очень рады, что о Сарепте несколько книг по теме депортации российских немцев выпущены под редакцией профессора Н.Э.Вашкау: «Сарепта. Страницы истории российских немцев», «Сарепта: территория памяти», «Возвращённые имена. Списки депортированных граждан немецкой национальности-жителей Волгограда» и др. Многие сарептяне, жители города Волгограда, благодаря рассекреченным документам, смогли узнать много нового о своих родителях. Дети репрессированных хотели узнать правду и каждому из них приходилось собирать эту информацию «через колючий терновник»

Ида Георгиевна Стец (урождённая Швердт) - не исключение! Она хотела знать всё о годах изгнания своего отца Швердт Георгия Семёновича 1909 года рождения. Она написала письма в органы внутренних дел с целью реабилитации отца. Война прошла «танком» по судьбам членов всей семьи Швердт. Её отца депортировали дважды. В 1941 году как лицо немецкой национальности Георгия Семёновича выслали из Сталинграда. Он был направлен на спецпоселение в Восточно-Казахстанскую область. В 1942 году был направлен в трудовую бригаду в Челябинскую область. Теперь известны исторические события, истинная правда о каторжной жизни трудармейцев, о чём отец не рассказывал детям. Ида Георгиевна только в декабре 2013 г. в сборнике «Возвращённые имена...» в списке №11 на странице 201 прикоснулась к живой памяти своего отца.

В семье Швердт до войны было трое детей: сестры Лиля и Ида, а также брат Виктор. Отец работал на метизном заводе контролёром по качеству. Со дня депортации отца все трудности сразу легли на плечи матери Ефросиньи Алексеевны. Она, как русская жена, принимает решение остаться дома в Сталинграде с малолетними детьми. Тогда это было возможно. Георгий Семёнович оказался один в трудовой бригаде. Более пяти лет он находился, как и все трудармейцы, в жесточайших жизненных условиях унижения и постоянного страха за жизнь близких, оставшихся без кормильца. Георгий Семёнович в 1947 году получает разрешение выехать на постоянное место жительства в г.Уральск. Все годы разлуки он неудержимо стремился увидеть и обнять своих детей и любимую жену вопреки всему. И вот он выезжает в Сталинград к семье. Радость была недолгой. Георгий Семёнович поступает работать на железную дорогу, затем его переводят на каменоломни Белокалитвинского щебёночного завода Ростовской области. На каторжных работах в карьере «Бугурай» отец подорвал своё здоровье.

В 1948 году его арестовывают 2-ой раз прямо на работе и на «черном воронке» опять

увозят от семьи. Отец лишь успел крикнуть: «В Белую Калитву!». Мать Ефросинья Алексеевна опять остаётся в трудной ситуации, на руках у неё уже четверо малолетних детей. Как жить дальше? Ведь война уже кончилась. В чём вина моего любимого мужа? Он всегда добросовестно работал, был законопослушным гражданином России. Значит, только в национальности его вина? Это невозможно понять, когда даже только что родившийся ребёнок признаётся лицом социально опасным по национальному признаку. Ида вспоминает, как они были на свидании с отцом. Им приказали: «Руки за спину!». Тюрьма есть тюрьма! Как можно объяснить поступок органов НКВД, когда они заставляют на допросах жену Ефросинью подписать бумагу о том, что её муж сбежал. Ефросинья отказалась подтвердить такую клевету. Тогда работники НКВД пустили в ход изощрённые методы принуждения: «В детдом всех твоих сдадим немедленно, если не подпишешь!» Ефросинья теряла сознание, но её обливали водой и продолжали допрос-шантаж. Думая о детях в первую очередь, о их безопасности, Ефросинья подписала эти клеветнические бланки. И тут же Швердт Георгий был осуждён ещё на 20 лет каторжных работ. Так он попал в Воркуту на шахты, где находился до 1953 года.

Ох, как страдала Ефросинья! Сберегая детей, она потеряла расположение любимого мужа. Же-лая как то смягчить пребывание Георгия в тюрьме, семья в 1952 году собирает в дорогу в Воркуту старшую сестру, 14-летнюю Лилю с чемоданом, полным вкусных степных помидоров. Я думаю, что это очень смелый поступок юной Лилии. В те годы проехать от Сталинграда до Воркуты и собрать для этого необходимую сумму было не так просто. Решиться и осуществить такую поездку помогла огромная сила любви к отцу. Уважение к родителям в семьях было трепетное, безукоризненное. Это пример для современной молодёжи. Отец увиделся с дочкой, узнал все новости из дома о родных и близких. Заключённые все вместе сидели у чемодана с такими прекрасными

овощами и угощались, вспоминая каждый свой дом, свою семью. Отца не отпустили проводить дочку на вокзал, но он договорился с одним из заключённых, чтобы тот проводил Лилю до поезда.

Эта короткая встреча осталась в памяти семьи. В 1953 году после смерти Сталина отца освободили и направили на проживание в г. Уральск. На следующий год он сумел вызвать туда семью. Семья жила в бараке в одной комнате - родители и четверо детей. Преодолевать все житейские трудности, невзгоды и душевные травмы помогала мудрость родителей, сила любви к мужу и детям! Отец работал на малооплачиваемой работе слесарем - модельщиком. Труд был тяжёлый, связанный с раскроем металла, что окончательно подорвало здоровье отца. У него от такой работы перебитые ноги часто отзывались сильной болью.

Постепенно наступила в жизни советских людей оттепель. Ида Георгиевна, несмотря на все трудности, окончила пединститут и большую часть времени проработала преподавателем

русского языка и литературы. Вышла замуж, воспитала двоих детей, и, наконец, 13 ноября 1996 года получила справку о реабилитации своего отца Швердта Георгия Семёновича на основании пункта «в» ст.3 Закона России от 18.10.1991. Теперь она на заслуженном отдыхе, по воскресеньям по возможности приезжает на службу в Сарепту в Евангелическо-лютеранскую церковь и мы встречаемся потом в нашем Центре немецкой культуры. Надо сказать, что живёт Ида Георгиевна в другом конце города. Дорога неблизкая, но при встрече её глаза теплеют, на лице появляется улыбка. Именно здесь, в музее, благодаря изданным книгам Н.Э.Вашкау, она утвердилась в том, что память засекретить нельзя. После пребывания на вечере романса, проведённом недавно в ЦНК, Ида Георгиевна в гостевой книге сделала такую запись: «На вечере романса почувствовала душевность, была взволнована до слёз. Спасибо! Все красиво и впечатляюще!»

**Фото: Вадим Третьяков.
Декабрь 2013.**

2. ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ АЛЬБРАНДТ

Тема пятых семейных встреч «Моё Рождество» оправдывала наши ожидания. Гостевые дома «Золотой гусь» и «Ромео и Джульетта» встретили нас с любовью, а Кисловодск - солнечными и пасмурными днями. Программа была очень насыщена, поэтому мы не успевали огорчаться из-за погоды. В Кисловодске для нас любая погода как подарок! А многие из нас, участников семейных встреч, на подобном мероприятии впервые и как приятный подарок для них - это возможность увидеться и пообщаться с новыми людьми, целыми семьями, прибывшими из различных мест нашей страны. Нам было интересно среди других семей познакомиться и с семьёй Альбрандт.

Глава семьи Альберт Фридрихович был со своей женой Ириной Владимировной и сестрой Эльзой Фридриховной Руденко (в девичестве - Альбрандт). Во время нашей беседы мой муж Вадим Афанасьевич Третьяков делал снимки, которые сейчас выставлены на блог. Альберт Фридрихович из семьи потомственных военных. Его дед по матери Гирш Готтфрид, родившийся в Дагестане, был очень колоритной фигурой, до 1-ой Мировой войны - кадровый офицер царской армии. Уже в те времена, особенно во время гражданской войны, он попал в немилость из-за своей национальности, но, написав лично С.М. Будённому письмо, отвратил незаслуженное наказание. Перед Великой Отечественной войной дед был директором кондитерской фабрики в Саратове. Замечательно, что семья бережно хранит старинные фотографии предков и гордится их

беззаветной преданностью России. Мне было очень интересно узнавать историю семьи этих российских немцев. Сколько много испытаний выпало на долю мамы Альберта Альвины Гирш и его отца Фридриха Альбрандта. Отец Альберта Фридрих в 1939 году воевал с финнами, однако это обстоятельство не спасло семью от депортации. Во время Великой Отечественной войны в 1941 году родители Альберта были депортированы под Челябинск («Бакалстрой») в трудовую армию, которая никого не щадила. Оба попали на лесоповал. Условия жизни на лесоповале были очень трудными. Мать от голода еле передвигалась на своих опухших ногах. Но после всех переживаний, голода, болезни и унижений у них не осталось в сердце ни злобы, ни ненависти к своей России. И детям они сумели передать огромную любовь к своей малой Родине. Мать Альвина умерла в 1991 году, а отец Фридрих - в 1993 году. История семьи Альбрандтов перекликается с историей Советского государства. Так, на призыв осваивать целинные и залежные земли в Казахстане, Альберт вместе с тысячами других добровольцев-комсомольцев уезжает строить светлое будущее страны. Тогда люди умели мечтать и претворять эти мечты в жизнь!

Альберт с женой Ириной и Эльза приехали на семинар из Республики Северная Осетия (Моздок) от Центра немецкой культуры «Возрождение». Сколько в их рассказах оптимизма, любви к своему Краю! У них в глазах струится такой свет, что хочется слушать и слушать!

Жена Альберта Ирина Владимировна-

осетинка, а сам Альберт-российский немец. Они вместе воспитали хороших детей и трогательно, с большой любовью Альберт рассказал о своей непростой свадьбе. Были преграды и непонимание со стороны родственников невесты по причине национальности жениха. Однако все преграды были преодолены и отношения с родственникам постепенно наладились. Согласно местным обычаям свадьбу гуляли у жениха и у невесты.

Жизнь Альбрандтов показала, что любовь преодолевает все трудности. Как правильно, что в семье соблюдаются немецкие и осетинские обычаи, обогащая семейную жизнь.

Этот проект уникален тем, что помимо изучения немецкого языка, разучивания немецких рождественских песен и традиций, участники «Семейных встреч» смог-ли рассказать о деятельности своих культурных Центров, как, например, семья Эвальда и Марины Кузнецовых из Черкесска, продемонстрировавших свой интересный видеофильм о «Празднике Вишни» с участием молодых членов Центра немецкой культуры.

**Фото: Вадим Третьяков.
Декабрь 2012.**

<http://blog.rusdeutsch.ru/sareptjane>

Tashpoisk-Tatyana янв 06, 2010 0:20 00
Зарегистрирован: Сб сен 19, 2009 22:16 22
Откуда: Ташкент, Узбекистан

Мила писал(а): Я хотела бы узнать судьбу своего деда-Фриц Якова Ивановича - 1905г. р. немца по национальности.

18 августа 1941г. его с семьей выслали из д. Джоргунь-Мирновка Джанкойского р-на Крымской АССР. Семью отправили в Казахстан Северо-Казахстанскую область, а дедушку забрали в трудармию. О не больше я ничего не знаю, только говорили, что вроде бы его отправили на Челябинском тракторном заводе.

Куда мне обращаться?

Фриц Яков Иванович 1905 года рождения, место рождения - Крымская АССР, Джанкойский р-н, с. Мирновка, немец, проживал - Северо-Казахстанская обл., Полудинский р-н, к-з «Путь Ильича», мобилизован - Полудинским РВК, 08.03.1942, причина убытия - умер 28.07.1943.

Источник информации:

Книга Памяти трудармейцев треста «Челябметаллургстроя».

<http://www.chelarhiv.ru/knpamstr/>

ФОРУМ «ПАМЯТЬ СЕРДЦА» «ПОМНИ ИМЯ СВОЕ»

admin: Уважаемые участники форума, его друзья и гости! Я открываю новую тему «Помни имя свое», приглашаю в ней рассказывать о судьбах дорогих вам людей, ваших предков и их семей. Пусть ваши воспоминания о них будут вашим вкладом в память о них.

«Именно, ушедшие от нас в другой мир предки выполняют роль наших ангелов-хранителей. Они продолжают быть сопричастны к земным делам и сохраняют свою земную эмпирическую сущность, пока помнят их добрые дела и поступки. Их силы по защите нас, их возможности предостерегают нас от ошибок во многом определяются тем, насколько хороша наша связь с ними, связь через ПАМЯТЬ!

Вспоминая все лучшее о наших предках, мы как бы достраиваем ту часть моста, по которому может прийти их помощь. Чем о большем количестве предков мы помним. Чем более конкретна эта память, тем больше потенциал сил, хранящих нас. Подобно тому, как наша любовь к Богу нужна прежде всего не ему, а нам, точно также и наша любовь к ушедшим от нас предкам, является путем нашего взаимодействия с ними». В.И.Комиссаров.

* * *

«Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его».

А.С.Пушкин.

admin: Немного из истории семьи Шмидт. Шмидт Эдуард, 1887г.р. рано лишился отца, в год смерти отца ему было всего 5 лет, 7 лет - его старшему брату. А еще более младшие: сестренка и два брата (Эмилия, Давид, Иоган Христиан) умерли через два года после смерти отца, в один год и месяц (9, 12,13 апреля 1894 года). В чем причина - неизвестно.

Мать Эдуарда - Сусанна отдает двух своих сыновей на воспитание одному из братьев покойного мужа, выходит замуж за Эдуарда Ган из Гларуса и переезжает в колонию Гларус, в свою новую семью. Эдуард Шмидт начал работать с малолетства, а в раннем

юношеском возрасте едет в Самару, где у него начинается новая жизнь. Осваивает у одного из самарских купцов колбасное дело, «становится на ноги» и переезжает в г. Бузулук Оренбургской губернии. У него было все: семья, хорошие дома, свое производство, магазин. Он - хозяин, но НЭП заканчивается, и он во спасение своей семьи все продает, покупает скромное жилище и все добровольно отдает государству. Он упредил горькие последствия раскулачивания.

Но вот и ...1941год, война. Зимой, в лютый мороз, в неотапливаемом товарном вагоне семья Шмидт с годовалой внучкой, больной, с высокой температурой следует..., но куда? Их ссылают на восток Оренбургской области, в Кваркенский район, деревню Уртазым. Позже сына Николая - в трудовую армию. Их личный дом в Бузулуке заселяется другими жильцами. И только в 1944 году им разрешается вернуться в Бузулук, но не в свой дом, семья скитается по чужим углам. А сын Николай прошел все тяготы трудармейца, но вернулся домой только в 1953 году. Дорога домой была длинной. Она шла через Абхазию (строительство дачи Сталина на озере Рица), через поселение Тюбукского лесного района (Челябметеллургстрой), через Таджикскую ССР, город Ленинабад (строительство Лени-набадского горно-химического комбината, почтовый ящик 325/23 МВД СССР). У каждого колониста Поволжья дороги были разные, но суть - одна и судьба одна. Горькая. **Наталья Гусева (урожденная Шмидт)**

Никола: Соломон Эдуардович Ган (Hann) - немец Поволжья (мой прадед). Родился 24 ноября 1901 года в Саратовской области Подлесновском районе селения Гларус. Закончил 4 класса. До замужества с Эдуардом, мать Соломона Сюзанна была замужем за Христианом Шмидт. В документах ОГУ ГИАИП (Областное государственное учреждение «Государственный Исторический Архив Немцев Поволжья в г. Энгельсе») значится следующее: Иоган Христиан (Johann Christian) род. 14 апреля 1859 г. в Сусанентале, умер 4 августа 1892 г. Его жена Сюзанна Опер(маен) (Susanna Oppper(maen) род. 8 сентября 1864 г. в Брокгаузен. Венчалась в 1885 г. в с. Брокгаузен.

Их дети: 1. Иоганнес (Johannes) род. 29 октября 1885 г. в с.Сусаненталь. 2. Эдуард (Eduard) род. 25 августа 1887 г. в с.Сусаненталь. 3. Эмилия (Emilie) род. 10 июня 1889 г. в с.Сусаненталь. Умерла 12 апреля 1894 г. 4. Давид (Dawid) род. 17 марта 1891г. в с.Сусаненталь. Умер 13 апреля 1894 г. 5. Иоган Христиан род. 27 февраля 1893 г. в с.Сусанентал . Умер 9 апреля 1894 г.

После смерти мужа Христиана(умер 4 августа 1892 г.) Сюзанна вышла замуж за Эдуарда Ган. Соломон Эдуардович был католического вероисповедания. 28 августа 1941 года Немецкая республика была ликвидирована Указом Президиума Верховного Совета СССР и 338 тысяч немцев Поволжья депортированы

в районы Сибири и Казахстана. В Бузулук Соломон приехал с матерью в начале 20-х годов. Здесь у него жил брат Эдуард Христиан Шмидт (Eduard Christian Schmidt) . Соломон Эдуардович занял у брата деньги, купил корову. Сделал из мяса колбасу, оптом сдал её спекулянтам. Заработал ещё на 3 коровы, рассчитался с братом.

Вскоре Соломону Эдуардовичу дали патент. Устроился в колбасный цех, стал мастером. Евдокия (супруга Соломона Ган) и Соломон жили в своём доме, у них поселилась и мать Соломона Эдуардовича, которая по-русски не говорила совсем. Да и сам Соломон тогда, очень плохо владел русским языком. Евдокия Ксенофоновне пришлось учиться немецкий язык, так как в доме говорили только на немецком. Кросмодер (Gross mutter - бабушка) называли маму Соломона Эдуардовича Сюзанну. Кросмодер многому научила молодую Евдокию: плести корзины, тщательно взбивать перины, вышивать фартучки, готовить горчицу и многие немецкие блюда. Одним из блюд было приготовление немецких вареников, которое стало традиционным на столах многих поколений нашего большого рода, мы и сегодня с удовольствием едим их.

Рецепт: 1. Творог (массой) 2. Зелёный лук (мелко порезанный) 3. Соль (по вкусу) 4. Перец чёрный молотый 5. Ржаной хлеб (мякиши) 6. Сливочное масло. **Способ приготовления:** Перемешать творог с зелёным луком, посолить, поперчить Раскатать тесто тонким блином, нарезать из теста квадратики. Положить начинку, свернуть. Варить 3 - 5 мин. С момента закипания воды. Растворить сливочное масло на сковородке (до розоватого оттенка), мелко покрошить мякиши ржаного хлеба. Смесь поджарить. Выложить вареники в глубокую чашку, залить сливочным маслом с мякишами. Немецкие вареники готовы.

Семья стала пополняться. 2 июня 1930 года родился Александр, 8 декабря 1931 года родился Вячеслав, 8 декабря 1935 года родилась Ольга (моя бабушка). Казалось бы, что жизнь налаживается, но мясорубка сталинских репрессий коснулась и этой семьи. В 1936 году кто-то шепнул Соломону Эдуардовичу, что его арестуют. Собрав ночью два чемодана, он с супругой Евдокией уехал под Оренбург в село. В 1937 году Сюзанну с сыном Эдуардом Христиан Шмидт сослали в Сибирь - Алтайский край. В селе под Оренбургом Соломон устроился на маслозавод. Евдокия тоже работала. Снимали однокомнатный домик. Пол в этой комнатухе был земляным. Под праздники вешали на стены цветы, травы, на пол бросали полынь. 25 августа 1939 года родилась дочка - Тамара, а 5 августа 1940 года родилась Людмила. Соломона Эдуардовича Ган забрали в лагерь в первый день войны 22 июня 1941 года. Ночью семья проснулась от страшного грохота, чекисты стучали в дверь оружейными прикладами. Соломон Эдуардович открыл дверь. Вломившиеся люди из НКВД без разговоров схватили его и повели. Ему даже не дали

одеться, забрали в нижнем белье.

Евдокия Ксенофонтовна успела только накинуть на него телогрейку. Соломон Эдуардович оказался в Челябинске в трудовом лагере, строил ЧТЗ и ЧМЗ. Утром 23 июня семью выгнали из дома. Евдокия с детьми нашла землянку на окраине села, там и поселились. Спали на земляном полу застеленным досками, Евдокия спала на сооруженных детьми Сашей и Славой нарах. Вскоре Евдокия Ксенофонтовна заболела, возле нар стояла большая палка, которой она стучала, этим самым звала к себе. Она не вставала с постели. Сначала болела бруцеллезом, а потом туберкулезом и воспалением лёгких. Голодали. По рассказам моей бабушки Ольги Соломоновны (в 1941 году ей было 6 лет), они лазили по помойкам, собирали кажурки, ботву, огрызки отваривали и ели.

Ходили побирались, добрые люди помогали, но были и те, которые унижали и оскорбляли маленьких детей. Швыряли камнями и обзывали гитлеровскими выродками. Не давало покое наше немецкое происхождение. В селе жила еврейская семья, которая особенно ненавидела Ган. «Когда они видели нас - вспоминала моя бабушка (Ольга Соломоновна), то кричали: «Фрицы идут, фашисты проклятые, гитлеры!».

Так и жили. Александр Соломонович работал на тракторе. Прибегал с поля, приносил горсточку зерна, выживали, как могли. В конце 1944 года старший сын Александр написал письмо главе государства И. В. Сталину. В письме говорилось о том, что семью притесняют из-за немецкой крови, о том, что голодают, мать тяжело больна. В конце письма Александр подписал «Ваш внучёк». Иосиф Виссарионович Сталин ответил великодушно. Дали рабочее место Александру, стали выдавать пайки. Больше они не чувствовали притеснений. Из Москвы приезжала комиссия, Евдокию Ксенофонтовну хотели забрать в больницу, а детей в детдом. Евдокия Ксенофонтовна сказала: «Пока я не умру, детей не отдам». Тогда им выдали одежду и уехали. Дети остались с больной матерью. От отца не было вестей.

Наступил победный 1945 год, а от Соломона Эдуардовича не было вестей. Холодной осенью 1945 года продав домашний скот семья переехала в г.Бузулук. На вокзале Евдокию с детьми встречала Юлия Ксенофонтовна Соколова. Так как у Юлии Ксенофонтовны жильё было маленьким, то детей пожить взяли сёстры - Соколовы. Евдокия Ксенофонтовна осталась жить у Юлии. Александровна Ксенофонтовна взяла к себе Вячеслава и Ольгу, а Надежда Ксенофонтовна - Людмилу. Сын Александр ушёл в армию. В 1946 году Вячеслав решил второй раз написать письмо Сталину, в котором просил, чтобы вернули отца. И вскоре он действительно вернулся домой, но только инвалидом, были переломаны обе ноги и одна рука, он ещё долго ходил с бадиком.

Как только Соломон Эдуардович окреп, стал разыскивать свою мать и брата, сосланных в

Сибирь. Делал запросы в органы Внутренних Дел, но безуспешно. Они на всегда сгинули в сталинских лагерях. Долгое время Соломон Ган не мог устроиться на работу, зарабатывал у частных. Стал заниматься колбасными изделиями, открыл свою колбасную лавку на ул. Чапаева, потом переехал на ул. Комсомольскую. Освоившись в городе, стали снимать квартиру, чтобы не обременять родственников. Жили на ул. Заводской, потом на ул. Пионерской. «Я никогда не забуду первую, послевоенную, в своей жизни новогоднюю ёлку. На ней весела свёкла, морковь, картошечка и палка отцовской колбасы. Я с сёстрами делала бумажные гирлянды (колечками). На Новый Год тарелка супа и пара кусочков колбасы. Вот и весь праздничный стол» - вспоминала моя бабушка Ольга Соломоновна. Евдокия Ксенофонтовна сильно болела бруцеллезом, не могла ходить. Лежала «пластом». Ее переворачивали, когда она стучала о пол палочкой. Чтобы вылечиться, ей посоветовали каждый день (по дозам) пить денатурат. И действительно, она пошла на поправку. Стала ходить. Потихоньку жизнь налаживалась, пока не пришла новая беда: Евдокия Ксенофонтовна заболела туберкулезом в открытой форме.

Она пыталась покончить с собой, прадед успел выбить у нее из рук флакон с ядом. Мученья были страшными, она долго не могла поправиться. Соломон Эдуардович стал заведовать колбасным цехом - проработал до 70 лет. Однажды спас 2 тонны фарша, который начал портиться, добавив туда специй, чеснок и свежее мясо. 2 мая 1947 года родилась ещё одна дочка - Эмма (Эмилия). Как многодетной семье выдали комнатку в доме на ул. Галактионова (сегодня на этом месте стадион школы №8). Через несколько лет выкупили весь дом. Прадед успел поддержать на руках мою сестру Татьяну, которая родилась 10 августа 1985 г. К этому времени он совсем ослеп и плохо слышал, но несмотря на это каждый день сам брился, летом в саду самостоятельно собирал самую спелую вишню.

По рассказам бабушки (Ольги Соломоновны) её отец не ел вторично разогретую пищу. Евдокия Ксенофонтовна всегда по этикету сервировала стол, кушали всегда в одно время, опоздавший к трапезе не имел права сесть за стол - оставался ненакормленным до следующего приёма пищи. Конечно, это касалось только членов семьи. Соломон и Евдокия в строгости воспитывали своих детей. Соломон Эдуардович Ган скончался 28 декабря 1985 г. в возрасте 84 лет.

admin: Бауман Фердинанд фердинандович. Биография. Бауман (Baumann) Фердинанд Фердинандович (1897-1968), участник установления Советской власти в Екатериненштадте, боец и командир Красной Армии, участник боев против Деникина в период гражданской войны, кавалер ордена Красной Звезды. Родился 23 февраля 1897 г. в Екатериненштадте Самарской губернии (ныне - г. Маркс, Саратовской об-

ласти) в семье рабочего. В 1905-1910 гг. обучался в 2-х классном министерском училище. Трудовую деятельность начал в 15-ти летнем возрасте. С октября 1912 г. работал на заводе Шефера Ф. Ф. подносчиком, грузчиком, столяром в деревообделочном цехе.

В апреле 1916 г. был призван на службу в царскую армию. Армейскую службу начал в г. Царицыне (ныне - Волгоград). Через два месяца был отправлен с маршевым батальоном на Турецкий фронт в г. Трапезунт (сейчас - г. Трабзон, Турция). Служил рядовым в 3-ей Кавказской строительной дружине до 20 марта 1917 г. По болезни получил отпуск домой, но обратно в часть уже не вернулся. В Екатериненштадте снова поступил на завод Шефера Ф. Ф. столяром деревообделочного цеха. На заводе вступил в отряд Красной гвардии, которым руководил большевик Дотц А. И. В составе этого отряда Бауман Ф. Ф. участвовал в установлении Советской власти в Екатериненштадте. На службе в РККА Бауман Ф. Ф. находился с первых дней её создания. В мае 1918 г. в составе 3-го Интернационального легиона (командир - Шейнфельд, комиссар - Ляйзер) Бауман Ф. Ф. направляется в Москву на борьбу с контрреволюцией. Находясь в Москве, отряд нес караульную службу при Совете Народных Комиссаров. Бауман Ф. Ф. неоднократно бывал на рабочих собраниях, которые в большом количестве проходили в это время в Москве.

Дважды ему довелось присутствовать на собраниях, где выступал В. И. Ленин. В августе 1918 г. Бауман Ф. Ф. направляется в составе продотряда в с. Неткачево Царицынской губернии на заготовку хлеба. С октября 1918 г. по май 1919 г. Бауман Ф. Ф. числится помощником командира взвода 1-го Екатериненштадтского коммунистического немецкого полка (командир полка - Фукс). В начале декабря 1918 г. полк был переброшен на Южный фронт на борьбу с Деникиным. Бауман Ф. Ф. участвовал в боях под Харьковом и в Донбассе, в Бахмутском, Горловском и Никитовском направлениях. В мае 1919 г. был ранен и отправлен в госпиталь в г. Харьков. После госпиталя некоторое время Бауман Ф. Ф. проходит службу помощником командира взвода 4-го запасного стрелкового полка Уральского военного округа. Приказом № 258 от 29 сентября 1919 г. Бауман Ф. Ф. зачислен курсантом 1-х Саратовских пехотных командирских курсов, которые окончил 13 июня 1920 г. По окончании курсов был направлен в г. Ульяновск командиром взвода 2-го Ульяновского стрелкового полка. В 1924 г. Бауман Ф. Ф. был переведен в Саратов, где служил старшиной роты 96-го стрелкового полка. Член ВКП(б) с мая 1929 г. В октябре 1929 г., после 12 лет службы в РККА, Бауман Ф. Ф. оставляет военную службу и переходит на гражданскую работу.

С октября 1929 г. по февраль 1930 г. Бауман Ф. Ф. - председатель колхоза «Волна Революции» в с. Эрленбах АССР немцев Поволжья. В феврале-июле 1930 г. - курсант колхозных

курсов в г. Саратове. С июля 1930 г. по май 1933 г. - военрук рабфака в г. Бальцер АССР НП. В это время Бауман Ф. Ф. проходит курсы партийного строительства при Немецком Коммунистическом Университете в Покровске (ныне-г.Энгельс). С мая 1933 г. по март 1934 г. Бауман Ф. Ф. - заведующий школы крестьянской молодежи в с. Норка АССР НП. В марте - июне 1934 г. - массовик политотдела Гуккской МТС Бальцерского кантона АССР НП. С июня 1934 г. по март 1935 г. - комендант «Заготзерно» Р.П.У. в с. Шиллинг АССР НП. В марте - октябре 1935 г. - начальник паспортного стола г. Бальцер. С октября 1936 г. по май 1937 г. - инструктор орготдела «Немпромтекстильсоюза» в г. Бальцер. С 1 января 1937 г. по 5 октября 1939 г. - заведующий отдела социального обеспечения при Бальцерском кантисполкоме АССР НП.

Во время проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г. Бауман Ф. Ф. исполняет обязанности помощника кантинспектора, за что получает благодарность с публикацией в газете «Известия» № 126 (6896) от 2 июля 1939 г. С 1 ноября 1939 г. Бауман Ф. Ф. переведен заведующим стахановской школы ткацко-аппретурной фабрики им. Карла Либкнехта Наркомлегпрома АССР НП в г. Бальцер, а с 16 февраля 1940 г. по 4 августа 1940 г. - заведующий отдела кадров той же фабрики. С 3 сентября 1940 г. по 15 марта 1941 г. Бауман Ф. Ф. - директор ресторана Иловатского сельпо, а с 16 марта 1941 г. - заведующий торгового отдела Потребсоюза Иловатского кантона АССР НП. 4 сентября 1941 г. Бауман Ф. Ф. депортирован в соответствии с Указом ПВС СССР от 28 августа 1941 г. в Кокчетавскую область Казахской ССР. До мобилизации в трудовую армию - колхозник колхоза «Социализм» Кзыл-Тусского района Кокчетавской области Казахской ССР.

С 7 марта 1942 г. по 7 октября 1946 г. Бауман Ф. Ф. находился в трудовой армии в Челябинметаллургстрой МВД СССР. До ухода на пенсию, в период с 10 октября 1946 г. по 18 марта 1957 г., Бауман Ф. Ф. работал в разное время пожарником, заведующим тепловым складом, конновозчиком, начальником караула, вахтером Челябинского рудоуправления в п. Увельский Челябинской области. В апреле 1957 г., уже после ухода на пенсию, Бауман Ф. Ф. уезжает в с. Багиш, Октябрьского района, Джалал-Абадской области Киргизской ССР, где работает с апреля по сентябрь 1957 г. птичником в колхозе им. Маленкова. Затем переезжает в г. Караганду, откуда в апреле 1958 г. возвращается в п. Увельский, Увельского района Челябинской области.

Будучи на пенсии Бауман Ф. Ф. вел активный образ жизни: работал в народной дружине, руководил советом пенсионеров, распространял книги и газеты, был членом комитета народного контроля, внештатным сотрудником милиции и общественным автоинспектором Увельского РОМ МВД. На основании постановления комиссии Исполкома Челябинского

областного Совета депутатов трудящихся № 690 от 23 декабря 1958 г. Бауман Фердинанд Фердинандович являлся персональным пенсионером местного значения. Последнее время Бауман Ф. Ф. жил в п. Увельский, Увельского района Челябинской области. Умер Бауман Ф.

Ф. 1 июля 1968 г., похоронен на кладбище п. Увельский, Челябинской области. Награды: орден Красной Звезды (28.10.1967).

<http://wap.genealwolgadeutsch.forum24.ru/?1-18-0-00000004-000-0-0-1326751579>

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вот и закончилась летопись, которая была написана десятками журналистов, ученых, героев и потомков участников исторических событий, которые коснулись российских немцев. В сборнике рассказано о многих страницах истории народа. Причем часто не самых радостных, которыми изобилуют истории многих народов России. Некоторые считают, что восстановление истины разделяет народы и разрушает страну. Категорически с этим не согласен.

Наоборот, знание о них очищает нас и показывает, что в самые трагические страницы истории мы поддерживали друг друга, помогали выжить. Ничто не могло и не может разрушить нашу дружбу. Сохранить ее нам завещали наши предки и наш долг выполнить этот наказ.

Свою цель - показать жизнь моего народа во всем многообразии - считаю выполненной. И за это благодарю всех авторов, чьи работы оказались в сборнике. По моему, коллективный труд позволяет дать ответ каждому на главный вопрос - кто же такие российские немцы.

История народа продолжается, и точку ставить не будем. Российские немцы, помня о прошлом, и думая о будущем, продолжают трудиться для благополучия своей Родины - России.

Александр Нахтигаль

БЛАГОДАРНОСТЬ

Особо хочу поблагодарить своих коллег и единомышленников, без помощи которых не смог бы появиться сборник:

Гринимайера Виктора Александровича
Гроо Владимира Яковлевича
Вейс Ирину Анатольевну
Вайцель Ларису Генриховну
Понкратову Татьяну Вировну
Пономареву Людмилу Ивановну
Розе Геннадия Викторовича
Чигинцева Виктора Михайловича

ПРИЛОЖЕНИЕ

Исторические документы

Р С Ф С Р

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
РЕШЕНИЕ

от « 15 » 02 1990г. № 42-1
г. Челябинск

О передаче бывшего помещения
оберкасси /ул.Дегтярева-89/
культурному немецкому центру.

С целью организации работы среди немецкого населения
исполком районного Совета народных депутатов
РЕШАЕТ:
-Передать помещение обсеркасси по ул.Дегтярева - 89 для работы
немецкого культурного центра.

Председатель райисполкома **В.Д.ШОПОВ**
Секретарь райисполкома **С.П.ЯДЖАК**

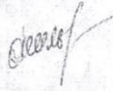

СПИСОК

членов областного оргкомитета по проведению
выборов делегатов на первый Всесоюзный Съезд
немцев СССР, ответственных за работу на
избирательных участках Челябинской области.

г. Челябинск	
Металлургический район	- Гийт Юрий Михайлович 29-92-34 - раб Шабб Александр Иосифович <i>Шейтлер Эдвард Робертович</i>
Курчатовский район	- Мильке Лидия Александровна 41-63-68
Калининский район	- Нахтигаль Александр Яковлевич 73-02-76
Ленинский район	- Зисерт Александр Вячеславович 39-90-24
Тракторный, Советский, Центральный район	- Герман Анатолий Адольфович 75-66-30-раб, ШИ-ШИ- 72-96-77
г. Копейск	-
г. Коркино	- Цицер Юрий Васильевич 26-39-47 дом- 2-27-59
г. Бажовский и еткульский районы	- Эльсер Александр Оттович
Красноармейский и Соболевский районы	- Байгант Александр Пантелеевич 73-71-17, раб 73-66-45
Кунашакский и Октябрьский районы	- Овинов Петр Акимович 36-22-66 Зеедь Владимир Иванович
г. Магнитогорок	Метелкин Владимир Михайлович 33-73-25
г. Троицк и "Ясная поляна"	- Байгант Александр Пантелеевич
Брединский район	-
г. Миасс	- Нахтигаль Александр Яковлевич

Выписка из протокола № I и №3
заседания областного оргкомитета по
выборам делегатов на Всесоюзный
Съезд немцев СССР от 25.11.90г. и от 16.12.90г.

секретарь Л.А. Мильке

Гимназия № 96

Вручением сертификатов международного образца

Программа «Германия глазами российских школьников»:
учащиеся 8-9 классов были приглашены в гимназию города Ниски (Саксония).

Митинг у памятника жертв политических репрессий в Миассе

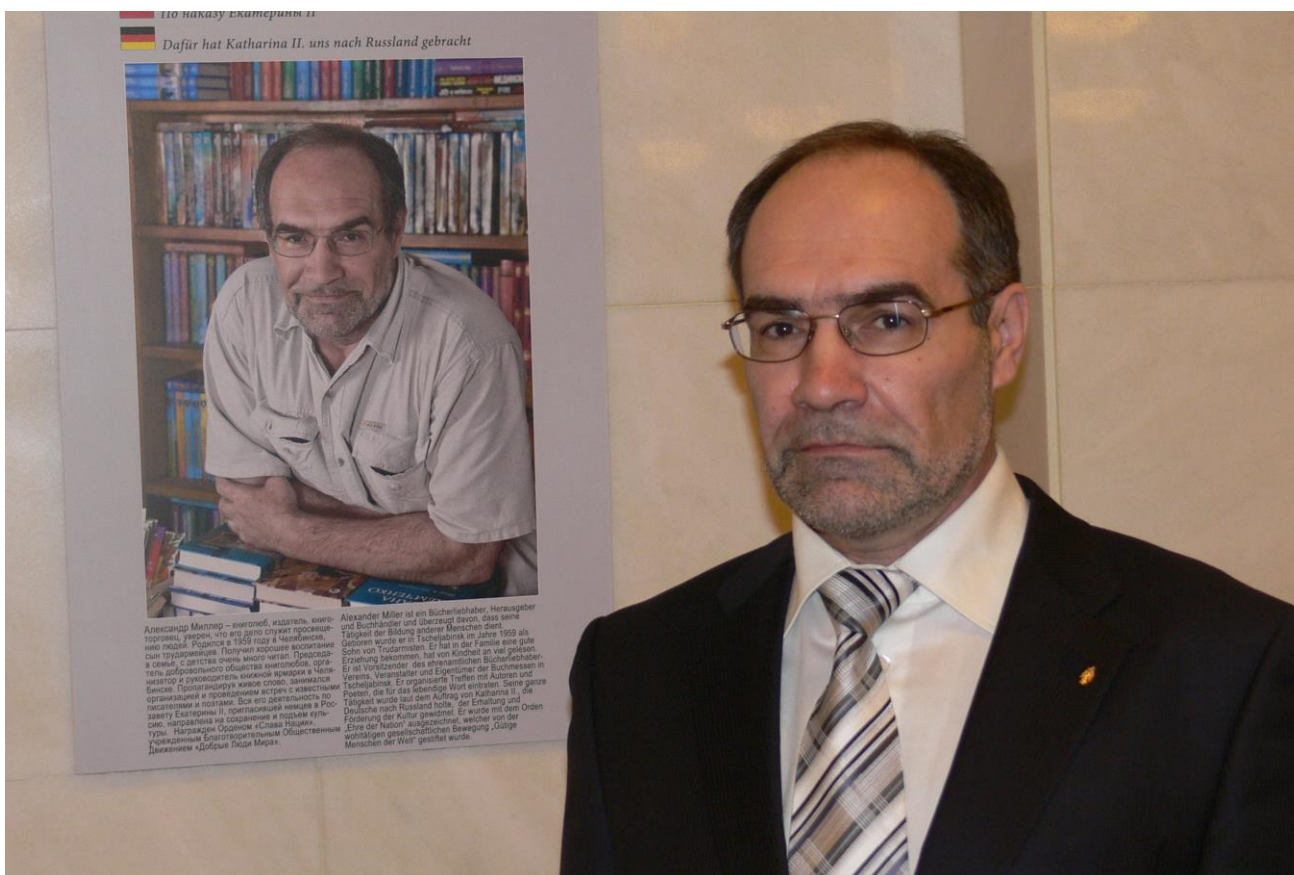
На снимке организатор митинга О. И. Гришина

Презентация выставки «На том берегу» в резиденции губернатора Свердловской области

Нина Владимировна Лохтачева

Владимир Петрович Миллер

Презентация первого тома книги – памяти строителей Бакаллага

Презентация первого тома книги – памяти строителей Бакаллага

Субботник членов немецких общественных организаций на мемориале трудармейцев

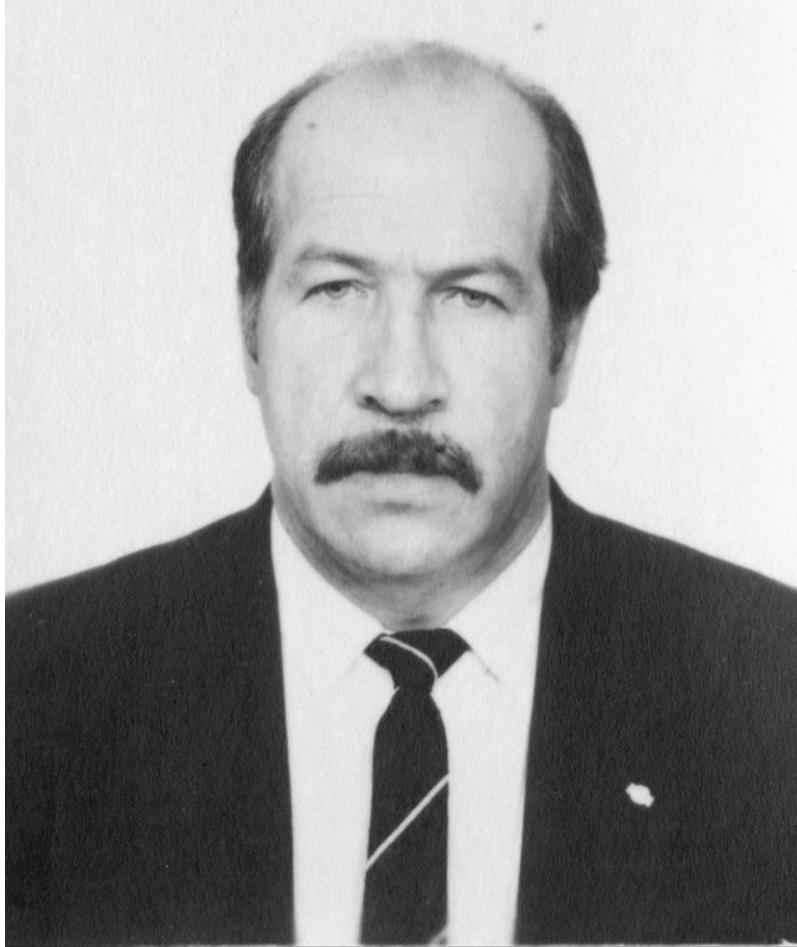
На снимке: Ольга Керас, один из основателей немецкого национального движения в Челябинской области, Александр Нахтигаль и Давид Фельк, трудармеец.

Надпись на мемориальном камне

**Александр Александрович Леонгардт, сын трудармейцев,
один из основателей и руководителей Немецкого культурного центра**

Семья (1966 год)

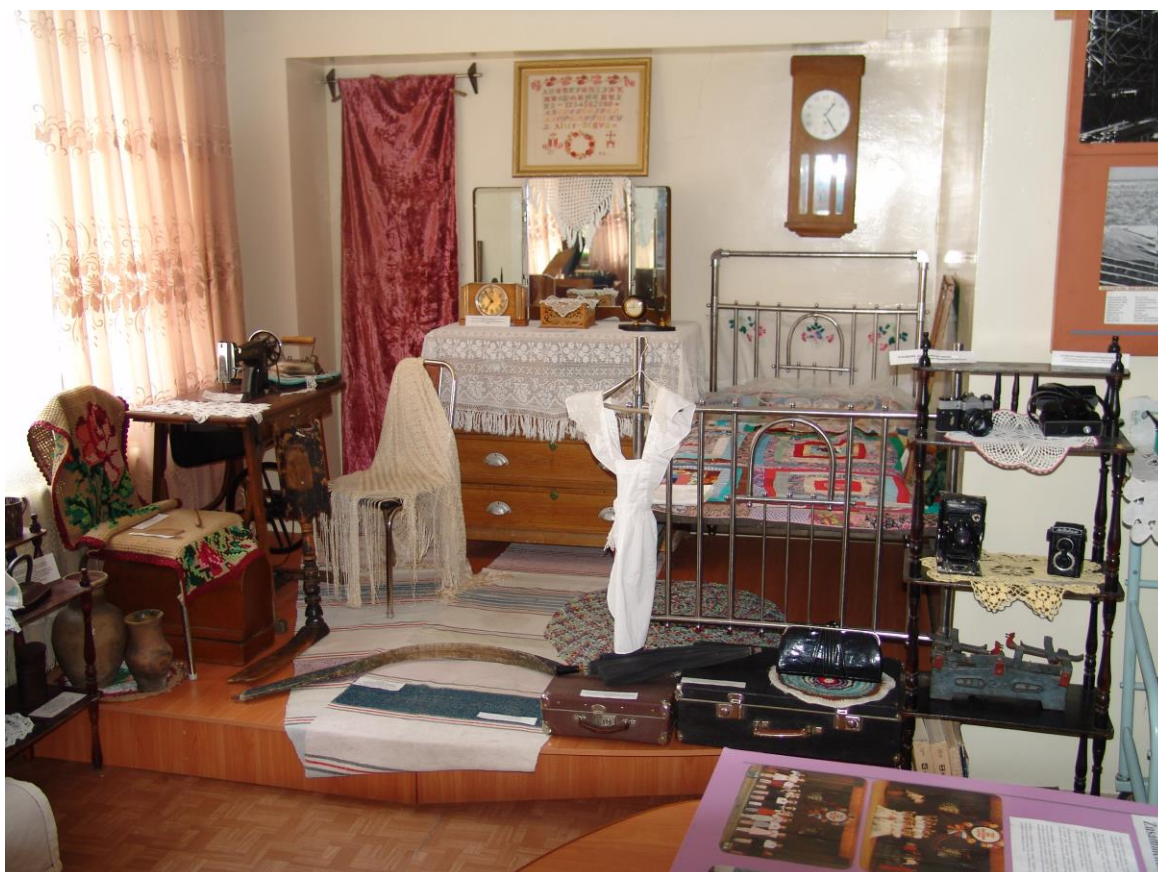
Гимназия № 96 (Челябинск)
Вручением сертификатов международного образца

**Программа «Германия глазами российских школьников»:
учащиеся 8-9 классов были приглашены в гимназию города Ниски (Саксония).**

**Музей в гимназии № 96,
посвященный трудармейцам**

Ансамблю немецкой музыки «Эдельвейсу» – 20 лет

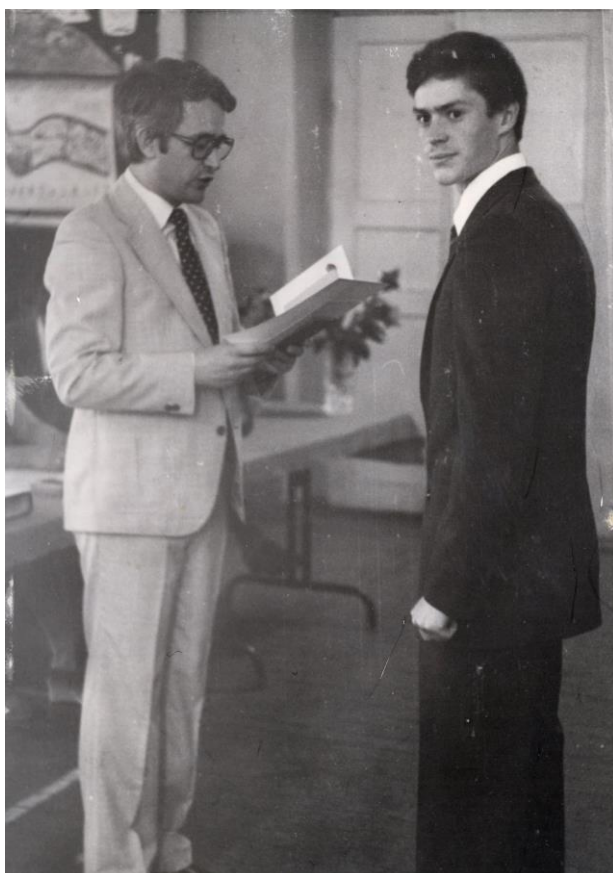
Отец пятерых детей

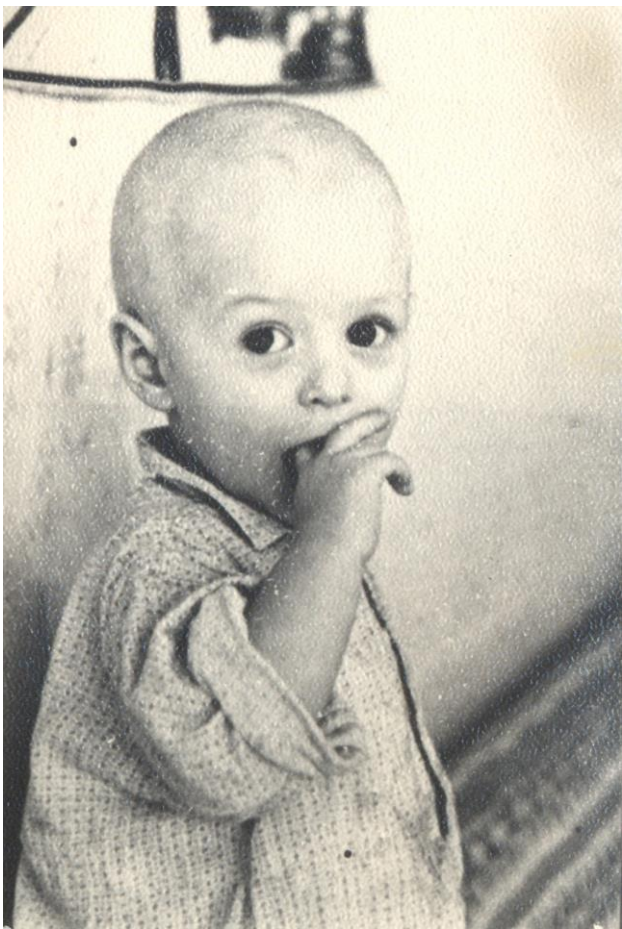
**Герман Эдуардович Гизбрехт,
умер. 31 мая 2014 (48 лет)**

Выступают дети Германа

Аттестат вручает директор школы №96 Ю. Пиннерер

Герман был и таким

Прабабушка Лизавета Гизбрехт слева Герман и Станислав

Дед Герман Гизбрехт

Гизбрехт Эдуард, папа, с сестрами и братом

Свадьба Гезбрехтов, отца и мамы

Селор Боровское (Казахстан), родня Гизбрехты и Янцены. Герман - второй справа в 1 ряду

Братья Гизбрехты и Миллер

Дети коммуналок

Братья Гизбрехты и Янцены, (в центре) Герман

Герман на площади Революции (Челябинск)

